

Подписной индекс
в Объединенном каталоге
«Пресса России» -
38960
www.pressa-rf.ru

2024

октябрь-ноябрь-декабрь

ISSN: 2500-0837 (Print)
eISSN: 2687-0363 (Online)

ТЕОРИЯ государства и права

№4 (41)

Москва Россия

ISSN 2500-0837 (Print)
eISSN 2687-0363 (Online)

2024 / № 4 (41)

**ТЕОРИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Научный журнал основан в 2016 г. и является официальным изданием Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

2024 / № 4 (41)

**THEORY
OF STATE AND LAW**

The academic journal is established in 2016 and is the official publication of the Interregional Public Organization "Interregional Association of Theorists of State and Law"

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (квартиль 1)

The journal is included by the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia in the List of Peer-Reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of Doctor of Science (quartile 1)

Индексация журнала

МАТЕРИАЛЫ

**XI Международной научно-теоретической конференции
«Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство
в условиях информатизации и цифровизации российского общества
в интересах устойчивого развития»**

ДЕНИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

MATERIALS

**XI International Scientific and Theoretical Conference
“Man-nature, individual-society, citizen-state
in the conditions of informatization and digitalization of Russian society
in the interests of sustainable development”**

DENISOV READINGS

Информационные партнеры

Компания
«Консультант-Плюс»

Журнал
«Миграционное
право»

Компания «Гарант»

Журнал
«Теория
государства
и права»

Журнал
«Юридическая
наука»

Журнал
«Современное
российское право»

Журнал
«Юридическая
мысль»

Журнал «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика)

Теория государства и права

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

		Стр.
<i>Абдуллазаде Н.Р.</i>	Демократический конфедерализм – как идеологическая основа правовой системы Курдской автономии в Сирии	14
<i>Галиев Ф.Х., Галикеева И.Г.</i>	Конституционализм в свете теории правового государства	24
<i>Горбуль Ю.А., Юрьева Л.А.</i>	Кодексы профессиональной этики: правовая природа и значение в правовом регулировании	41
<i>Дроздова А.М.</i>	Правовое образование в процессе формирования условий для повышения эффективности и уровня правовой культуры	50
<i>Зорина Н.В.</i>	Идея свободы и принцип трансцендентализма в праве (к 300-летию Иммануила Канта)	59
<i>Ивлиев П.В.</i>	Цифровой нигилизм и цифровая дискриминация: проблемы и пути решения	67
<i>Игнатьева С.В.</i>	Концептуальные основы взаимодействия государства и предпринимательства: тенденции и перспективы развития в условиях информатизации российского общества	76
<i>Квитчук А.С.</i>	Ретроспектива взаимодействия городского самоуправления с полицией по противодействию преступности в Российской империи в начале XX века	85
<i>Квитчук А.С., Комаров В.С.</i>	Правоотношения и современная концепция толкования права: проблемы и перспективы	93
<i>Кийко А.Ю., Прокофьев К.Г., Шеншин В.М.</i>	Роль русской православной церкви в духовно-нравственном воспитании личного состава войск национальной гвардии	102
<i>Луговой А.А., Прокофьев К.Г., Федоров С.В.</i>	Платон об основании взаимосвязи моральных и правовых регуляторов в государстве	114
<i>Малинин В.В.</i>	Информационная цивилизация и цифровые правовые средства: история становления.....	128
<i>Масленников Д.В., Сальников В.П., Меликов А.Ш.</i>	Правовые идеи М.М. Сперанского в традиции русской философии права	138

Theory of State and Law

<i>Оль П.А.</i>	Суверенитет государства и суверенность правовой системы Российской Федерации: векторы неизбежных изменений	150
<i>Сергеева Т.Н.</i>	Правовые идеи как мировоззренческая основа развития общества	171
<i>Соколовский Н.Г.</i>	Оптимизация судебного контроля на примере третейских судов	179
<i>Солодовникова А.В.</i>	Моральные и правовые аспекты использования искусственного интеллекта в интересах устойчивого развития	193
<i>Трухан Р.П.</i> <i>Цуканова Е.Ю.</i>	Историко-правовой подход к исследованию акцессорных обязательств	201

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Карев Е.А.</i>	О некоторых аспектах поступления и пребывания на государственной службе в уголовно-исполнительной системе	211
<i>Корякин И.И.</i>	Проблемы в обеспечении деятельности институтов государственного управления.....	221
<i>Михеев С.С.</i> <i>Щукин В.В.</i>	Регламентация административно-правового статуса частных военных компаний в России	228
<i>Шафигуллин К.В.</i>	Проблемы законодательного регулирования оказания платной медицинской помощи	239

РЕЦЕНЗИИ

<i>Исмагилов Р.Ф.</i> <i>Комаров С.А.</i> <i>Масленников Д.В.</i> <i>Сальников М.В.</i> <i>Числов А.И.</i>	Актуальные вопросы становления патриотического сознания у будущих защитников отечества. Рецензия на коллективную монографию «Патриотическое воспитание обучающихся в кадетских корпусах, суворовских училищах и военных институтах Российской Федерации как предмет комплексного анализа» / Под ред. А.Ю. Кийко. СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова института войск национальной гвардии РФ, 2023. 368 с.	253
<i>Захарцев С.И.</i> <i>Комаров С.А.</i> <i>Сальников В.П.</i>	Возвращаясь к дискуссии о методологических проблемах понимания права. Рецензия на сборник научных трудов А.И. Экимова	266

Теория государства и права

<i>Александров А.И.</i> <i>Исмагилов Р.Ф.</i> <i>Комаров С.А.</i> <i>Хабибулин А.Г.</i> <i>Экимов А.И.</i>	Право в XXII веке – грандиозная монография о будущем права.....	281
<i>Игнатъева С.В.</i> <i>Комаров С.А.</i> <i>Сальников М.В.</i> <i>Сальников С.П.</i> <i>Советов Д.И.</i>	Пределы допустимого использования искусственного интеллекта в юридической деятельности. Размышления в связи с публикацией монографии Анищенко В.Н., Выборный А.Г., Хабибулин А.Г. Искусственный интеллект в противодействии криминальным угрозам финансовой безопасности России (теория, методология, практика): Монография. М.: ВШГА МГУ, 2024. 376 с.	293

CONTENT

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

		Pages
<i>Abdullazade N.R.</i>	Democratic Confederalism as an Ideological Basis for the Legal System of the Kurdish Autonomy in Syria	19
<i>Galiev F.Kh.</i> <i>Galikeeva I.G.</i>	Constitutionalism in the light of the theory of the rule of law.....	33
<i>Gorbul Yu.A.</i> <i>Yuryeva L.A.</i>	Codes of professional ethics: legal nature and significance in legal regulation	45
<i>Drozdova A.M.</i>	Legal education in the process of forming conditions for increasing the efficiency and level of legal culture	54
<i>Zorina N.V.</i>	The idea of freedom and the principle of transcendentalism in law (on the 300th anniversary of Immanuel Kant)	63
<i>Ivliev P.V.</i>	Digital nihilism and digital discrimination: problems and solutions	71
<i>Ignatyeva S.V.</i>	Conceptual foundations of interaction between the state and entrepreneurship: trends and development prospects in the context of informatization of Russian society	80
<i>Kvitchuk A.S.</i>	Retrospective of interaction between city government and the police in combating crime in the Russian Empire at the beginning of the 20th century	89

Theory of State and Law

<i>Kvitichuk A.S.</i> <i>Komarov V.S.</i>	Legal relations and the modern concept of interpretation of law: problems and prospects	97
<i>Kiiko A.Yu.</i> <i>Prokofiev K.G.</i> <i>Shenshin V.M.</i>	The role of the Russian Orthodox Church in the spiritual and moral education of the personnel of the National Guard troops	108
<i>Lugovoy A.A.</i> <i>Prokofiev K.G.</i> <i>Fedorov S.V.</i>	Plato on the basis of the relationship between moral and legal regulators in the state	121
<i>Malinin V.V.</i>	Information Civilization and Digital Legal Means: the history of formation	133
<i>Maslennikov D.V.</i> <i>Salnikov V.P.</i> <i>Melikov A.Sh.</i>	Legal ideas of M.M. Speransky in the tradition of Russian philosophy of law	144
<i>OI P.A.</i>	Sovereignty of the state and sovereignty of the legal system of the Russian Federation: vectors of inevitable changes	161
<i>Sergeeva T.N.</i>	Legal ideas as the ideological basis for the development of society	175
<i>Sokolovsky N.G.</i>	Optimization of judicial review on the example of arbitration courts	186
<i>Solodovnikova A.V.</i>	Moral and legal aspects of using artificial intelligence in the interests of sustainable development	197
<i>Trukhan R.P.</i> , <i>Tsukanova E.Yu.</i>	Historical and legal approach to the study of accessory obligations.....	206

5.1.2. PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Karev E.A.</i>	On some aspects of admission to and tenure in the civil service in the penal system	216
<i>Koryakin I.I.</i>	Problems in ensuring the activities of public administration Institutions	224
<i>Mikheev S.S.</i> , <i>Shchukin V.V.</i>	Regulation of the administrative and legal status of private military companies in Russia	234
<i>Shafigullin K.V.</i>	Problems of legislative regulation of the provision of paid medical care	246

Теория государства и права

REVIEW

<i>Ismagilov R.F., Komarov S.A., Maslennikov D.V., Salnikov M.V., Chislov A.I.</i>	Actual issues of formation of patriotic consciousness of future defenders of the fatherland. Review of the collective monograph "Patriotic education of students in cadet corps, Suvorov schools and military institutes of the Russian Federation as a subject of comprehensive analysis" / Ed. A.Yu. Kiiko. St. Petersburg: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2023. 368 p.	260
<i>Zakhartsev S.I., Komarov S.A., Salnikov V.P.</i>	Returning to the discussion of methodological problems of understanding law. Review of the collection of scientific works by A.I. Ekimov	273
<i>Aleksandrov A.I., Ismagilov R.F., Komarov S.A., Khabibulin A.G., Ekimov A.I.</i>	Law in the 22nd century – a grandiose monograph on the future of law	287
<i>Ignatyeva S.V., Komarov S.A., Salnikov M.V., Salnikov S.P., Sovetov D.I.</i>	Limits of Acceptable Use of Artificial Intelligence in Legal Activity. Reflections on the Publication of the Monograph by Anishchenko V.N., Vyborny A.G., Khabibulin A.G. Artificial Intelligence in Counteracting Criminal Threats to Russia's Financial Security (Theory, Methodology, Practice): Monograph. Moscow: HSGA MSU, 2024. 376 p.	300

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (учредитель, председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия) (член совета)

Арзамасов Юрий Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия) (член совета)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия) (член совета)

Бастрыкин Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия) (член совета)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия) (член совета)

Ивлиев Павел Валентинович, кандидат юридических наук, доцент (г. Рязань, Россия) (член совета)

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия) (член совета)

Матвеев Антон Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент (г. Пермь, Россия) (член совета)

Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия) (член совета)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан) (член совета)

Оробец Вячеслав Михайлович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва) (член совета)

Певцова Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва) (член совета)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Пузиков Руслан Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия) (член совета)

Пуиг Эспиноса Хосе Серхио, доктор политических наук (г. Мехико, Мексика) (член совета)

Ревна Мария Борисовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (член совета)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия) (член совета)

Сарабариа Кориг Маура де ла Каридад, доктор педагогических наук, профессор (г. Мехико, Мексика) (член совета)

Теория государства и права

Середа Елена Васильевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Спирин Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Тирских Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия) (член совета)

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия) (член совета)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия) (член совета)

Чепус Алексей Викторович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Эбзеев Борис Сафарович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия) (член совета)

Юдин Валерий Иванович, доктор политических наук, доцент, помощник сенатора Российской Федерации (г. Москва, Россия) (член совета)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Комаров Владимир Сергеевич, главный редактор, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воробьев Сергей Михайлович, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Саматов Андрей Валерьевич, ответственный секретарь редакции (г. Москва, Россия)

Альбиков Равиль Фатхулович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Джалилов Эльвис Алимович, кандидат юридических наук (г. Тольятти, Россия)

Зелепукин Роман Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, г. Москва, Россия)

Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

Малиненко Эльвира Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Скачкова Галина Семёновна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

Theory of State and Law

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г.

Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (квартиль 1).

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.
Учредитель: Комаров Сергей Александрович.
ISSN: 2500-0837 (Print); e-ISSN: 2687-0363 (Online)

© Теория государства и права, 2024.
© Авторы, 2024.

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (<http://matgip.ru/journal>).

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 38960
Подписку на журнал можно оформить также и на сайте **www.matgip.ru**

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU и на сайте: www.matgip.ru

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей и результаты проверки текста на антиплагиат несут авторы.

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Doctor of legal sciences, Associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia) (Council Member)

Arzamasov Yuri Gennadievich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Kolomna, Russia) (Council Member)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia) (Council Member)

Bastrykin Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, Professor (Stavropol, Russia) (Council Member)

Теория государства и права

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Doctor of legal sciences, Associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Ivliev Pavel Valentinovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Ryazan, Russia) (Council Member)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, Professor (Tolyatti, Russia) (Council Member)

Matveev Anton Gennadievich, Doctor of Law, Associate professor (Permian, Russia) (Council Member)

Mikhailova Irina Alexandrovna, Doctor of Law, Professor (Ryazan, Russia) (Council Member)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, Professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan) (Council Member)

Orobets Vyacheslav Mikhailovich, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Pevtsova Elena Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Puig Espinosa José Sergio, Doctor of Political Sciences (Mexico City, Mexico) (Council Member)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Puzikov Ruslan Vladimirovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Tambov, Russia) (Council Member)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, Associate professor (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

Salabarría Roig Maura de la Caridad, Doctor of Pedagogical Sciences (Mexico City, Mexico) (Council Member)

Sereda Elena Vasilievna, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

Spirin Mikhail Yuryevich, PhD in Law, Associate Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Khachaturov Rudolf Levonovich, Doctor of Law, Professor (Tolyatti, Russia) (Council Member)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, Professor (Saratov, Russia) (Council Member)

Chepus Alexey Viktorovich, Doctor of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Ebzeev Boris Safarovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

Yudin Valery Ivanovich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Assistant to the Senator of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

Editorial board:

Komarov Vladimir Sergeyeovich, Editor in chief, PhD in Law, Associate professor (St. Petersburg, Russia)

Vorobiev Sergey Mikhaylovich, Deputy editor, Doctor of legal sciences, Professor (Ryazan, Russia)

Theory of State and Law

Samatov Andrey Valeryevich, Executive secretary of the editorial board (Moscow, Russia)
Albikov Ravil Fatkhulovich, PhD in Law, Associate Professor (Moscow, Russia)
Belyanskaya Olga Viktorovna, PhD in Law, Associate professor (Tambov, Russia)
Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, Professor (Ufa, Russia)
Jalilov Elvis Alimovich, PhD in Law (Tolyatti, Russia)
Zelepukin Roman Valerievich, PhD in Law, Associate Professor (Tambov, Russia)
Iroshnikov Denis Vladimirovich, PhD in Law, Associate professor (Moscow, Russia)
Komarova Tatyana Lvovna, PhD in Law, Associate professor (St. Petersburg, Moscow, Russia)
Kuzmin Igor Aleksandrovich, PhD in Law, Associate Professor (Irkutsk, Russia)
Malinenko Elvira Vladimirovna, PhD in Law, Associate Professor (Rostov-on-Don)
Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)
Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, Professor (Ryazan, Russia)
Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)
Skachkova Galina Semyonovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)
Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016. The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published.

ISSN 2500-0837 (Print); eISSN 2687-0363 (Online)

«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2024; © Authors, 2024.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

***The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue
"Russian Press" (index 38960)***

You can subscribe to the magazine also on the website www.matgip.ru

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_14

Н.Р. Абдуллазаде*

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КОНФЕДЕРАЛИЗМ – КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ КУРДСКОЙ АВТОНОМИИ В СИРИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные политические, социальные, идеологические тезисы идеологии демократического конфедерализма, автором которой является лидер курдского революционного движения Абдулла Оджалан. Демократический конфедерализм принят в качестве идеологической основы формирования самопровозглашенной курдской автономии в Сирии. Идеи и тезисы, рассмотренные в этой статье, легли в основу конституции данной автономии.*

***Ключевые слова:** демократический конфедерализм, Сирийский Курдистан, Абдулла Оджалан, курдская автономия, критика капитализма, эмансипация женщин, критика национального государства.*

Гражданская война в Сирии – многосторонний и очень сложный конфликт, который унес жизни и сломал судьбы сотням тысяч человек. Одной из сторон в этой войне являются сирийские курды. Курды составляют от 15 до 17 процентов населения страны, что делает их самым крупным неарабским национальным меньшинством Сирии [9]. Основными районами проживания сирийских курдов являются северные и восточные районы арабской республики. Таким образом, курдское революционное движение является третьей силой в этом конфликте.

Актуальность проблемы, рассматриваемой в этом исследовании, связана со сложной обстановкой в Сирии и ставит целью понять, какие идеологические концепции лежат в основе курдского революционного движения в этой стране. К тому же, актуальность данной статьи высока, так как в отечественной науке на данный момент крайне мало исследований и работ, посвященных курдской автономии в Сирии. Большая часть источников по этой проблеме в основном это зарубежные исследования, часть из которых написана не учеными, а активистами левых политических движений и сочувствующими им исследователями. Задачей данного исследования является анализ основных тезисов демократического конфедерализма, изложенных в одноименной книге Абдуллы Оджалана, идеи которого легли в основу конституции самопровозглашенной автономии и стали фундаментом построения ее правовой системы.

В начале гражданской войны в 2011 году курды сохраняли лояльность центральному правительству в Дамаске, однако в ходе вооруженного конфликта и в ходе противостояния радикальным исламистским движениям курдские политические силы, приняли решение о создании автономии в составе Сирии. Еще одним фактором, послужившим для их активизации в деле построения своей автономии, стал вывод сирийских правительственных войск из

* **Абдуллазаде Наиль Руфат оглы**, ассистент кафедры теории права и гражданско-правового образования юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), магистр международных отношений. E-mail: nailabdulla@rambler.ru; nailabdulla84@yandex.ru

восточных районов Сирии для обороны основных стратегических направлений на западе (Дамаск, Латакия и т.д.). В условиях анархии и вакуума власти ведущую роль в регионах компактного проживания сирийских курдов стала играть партия «Демократический Союз» (Partiya Yekitiya Demokrat, PYD) [2]. PYD входила в состав так называемого Высшего Курдского Совета (Desteya Bilind a Kurd, DBK).

В первые годы формирования автономии на северо-востоке Сирии DBK выполняла функции временного правительства на данной территории в условиях гражданской войны. Следует упомянуть, что PYD очень тесно связана с Курдской Рабочей Партией (PKK, Partiya Karkeren Kurdistan), признанной террористической организацией в Турции и в ЕС [6]. Сегодня PYD является частью большой коалиции политических партий Рожавы. Эта коалиция носит название «Движение за демократическое общество» или TEV-DEM (курд. Tevgera Civaka Demokratik) [1]. Курдское слово «Rojava» (в русской транскрипции Рожава) означает Запад и применяется самими курдами для обозначения Сирийского Курдистана, в отличие от Иракского Курдистана.

Де-факто курдская автономия в Сирии сформировалась уже к 2012 году, когда правительственные войска в ходе вооруженных столкновений потеряли контроль над многими территориями на востоке страны, а частью сами ушли из этих районов чтобы усилить оборону на западе Сирии. Однако формально автономия была сформирована в 2014 году, когда были провозглашены три автономных кантона: Африн, Джизре и Кобани. В том же году, 29 января 2014 года была принята так называемая Конституция Кантонов Рожавы [10], которая официально именуется Общественный Договор Кантонов Рожавы в Сирии (иногда кратко Хартия Рожавы).

Идеологической базой Конституции Рожавы является идеология демократического конфедерализма. Основателем и теоретиком этой идеологии является лидер Рабочей Партии Курдистана, отбывающий пожизненное заключение в Турции Абдулла Оджалан. Демократический конфедерализм иногда называют апоизм, по уменьшительному прозвищу Абдуллы Оджалана – Апо. На концепцию демократического конфедерализма повлияли идеи американского мыслителя и активиста левого движения – Мюррея Букчина и его идеология либертарного муниципализма [11]. Однако, в отличие от утопических идей Мюррея Букчина, идеи Абдуллы Оджалана и его принципы демократического конфедерализма более сконцентрированы на решении актуальных проблем, таких как: равенство этнических и религиозных групп, эмансипация женщин и ориентированная на экологию экономика.

Политическая идея демократического конфедерализма включает в себя принципы автономии, прямой демократии, мультикультурализма, корпоративной экономики, экологического движения и эмансипации женщин [3, с. 30]. Мы сознательно избегаем термина «феминизм», потому что, учитывая специфику Ближнего Востока, речь идет о другом понимании освобождения женщин, чем принято считать в Европе. Эти идеи воплощены в учении – *жинеология* «jineology» Абдуллы Оджалана [4, с. 55]. Как описывает свою идею сам А. Оджалан, жинеология – это новая наука о роли и истинном освобождении женщин.

По его мнению, только свободная женщина формирует свободное общество, а свободное общество, в свою очередь, формирует свободную нацию [4, с. 57]. По мнению Абдуллы Оджалана, социальное неравенство и появление социальных классов берет свое начало в сложившейся иерархичности общества. Иерархия неравенства же сформировалась тогда, когда были поработаны женщины и на смену матриархату пришел патриархат [11].

Основные тезисы демократического конфедерализма критически относятся к понятию «государства», что роднит эту идеологию с анархизмом. В своем манифесте «Демократический конфедерализм» Абдулла Оджалан резко критикует «национальное государство», в основе которого лежит классовое, национальное и гендерное угнетение [3, с. 11]. По его мнению, идеологической основой национального государства является: национализм, сексизм, позитивизм и религиозность [3, с. 16].

Таким образом, мы видим, что провозглашенная им идея демократического конфедерализма представляет собой противоположное явление, в основе которого лежит:

интернационализм, эмансипация женщин, запрет любой дискриминации по религиозному, национальному, половому признаку. В качестве экономической модели революционеры Рожавы внедрили коллективистскую экономику [5]. При этом экономическая система автономии не имеет ничего общего с командно-административной системой. Хотя экономическая модель Рожавы заметно отличается от привычного для нас капитализма.

Следует особо подчеркнуть, что политические силы Рожавы декларируют принцип территориальной целостности Сирии и никак не стремятся к отделению от арабской республики. То есть, это революционное движение провозглашает отказ от сепаратизма, но взамен предлагает модель уникального демократического проекта для всей Сирии [7] и Ближнего Востока.

Основные свои революционные идеи Абдулла Оджалан изложил в своей книге «Демократический Конфедерализм».

В начале своей работы Абдулла Оджалан вкратце раскрывает историю становления курдского революционного движения, его основные тезисы и предлагает проанализировать причины создавшегося положения на Ближнем Востоке.

Абдулла Оджалан начинает с критики понятия «национальное государство». По его мнению, корень всех проблем с эксплуатацией, гнетом и порабощением лежит в формировании национальных государств как идеологического конструкта. Национальное государство нужно крупному капиталу и правящим классам, чтобы удерживать власть и поработать женщин, трудовые классы и национальные меньшинства. С появлением национального государства, капитал получил возможность политического участия и таким образом добавил свою власть к существующим государственным структурам.

Абдулла Оджалан определяет национальное государство как максимальную форму власти. Национальное государство само по себе самая развитая и полная форма монополии [3, с. 12]. Также он обращает внимание на идеологическую монополию, как на неотъемлемую часть власти. По мнению А. Оджалана, многие современные политические концепции и теории имеют религиозное или теологическое происхождение. Фактически, более пристальный взгляд подтверждает, что религия и мифология сформировали первые в истории социальные идентичности. Они сформировали идеологический цемент многих племен и протогосударственных сообществ и определили их существование. Религиозные идеи и практики впоследствии трансформировались во властные структуры монархов и диктаторов. Государство обосновывало свою власть божественным законом.

Национальное государство также обладает многими атрибутами, которые должны заменить старые религиозные. Такими атрибутами национального государства, по мнению А. Оджалана, являются: понятие политической нации, родины, национальный флаг, национальный гимн и многие другие. В частности, такое понятие как единство нации и государства служит материальной власти и напоминает протогосударственное единство с Богом. Так государственное заменило собой божественное [3, с. 13].

Определение, данное Абдуллой Оджаланом: «национальное государство – это централизованное государство с квазирелигиозными атрибутами, которое полностью разоружило общество и монополизировало применение насилия» [3, с. 14].

Для господства над обществом национальному государству требуется прочная идеологическая основа. Такой основой являются – национализм, позитивизм, сексизм и религиозность. Если предположить, что национальное государство – это живой бог, то национализм – это его религия.

Особое место в критике современной капиталистической системы и национального государства Абдулла Оджалан уделяет угнетению женщин. Основой национального государства – является сексизм, который проникает во все слои общества. Многие цивилизованные системы использовали сексизм, чтобы удержать свою собственную власть. Они установили эксплуатацию женщин и использовали их как ценный источник дешевого труда. Женщины также рассматриваются как ценный ресурс в той мере, в какой они производят потомство и позволяют воспроизводить мужчин. Таким образом, женщина – это и сексуальный объект и

товар. Она инструмент сохранения мужской власти и, в лучшем случае, может стать символом власти мужчин [3, с. 17].

С одной стороны, сексизм общества национального государства укрепляет власть мужчин, с другой стороны, национальное государство превращает свое же общество во внутреннюю колонию, посредством угнетения женщин. В этом смысле Абдулла Оджалан рассматривает женщин как угнетенную нацию [3, с. 18]. Женское рабство – это наиболее глубокая и замаскированная социальная сфера, где реализуются все виды рабства, угнетения и колонизации.

Несмотря на то, что Абдулла Оджалан общепризнанный лидер курдского революционного движения, он отрицает необходимость создания курдского национального государства.

В последние десятилетия курды боролись не только против угнетения со стороны доминирующих держав и за свое признание, но и за освобождение своего общества из тисков феодализма. Следовательно, не имеет смысла менять старые оковы на новые. Именно поэтому создание национального государства будет следовать в контексте современного капитализма. Без противостояния капиталистической современности не будет подлинного освобождения народа. Это и есть причина того, что в создание курдского национального государства нет необходимости [3, с. 19].

Как альтернативу национальному государству Абдулла Оджалан предлагает совершенно новую революционную идеологию демократического конфедерализма.

Этой формой правления может быть названа негосударственная политическая администрация или демократия без государства. Принятие демократических решений не обязательно должно быть связано с процессами известными как публичное администрирование. Государства основаны на силе, когда демократии основаны на коллективном консенсусе.

Демократический конфедерализм открыт другим политическим группам и фракциям. Он гибок, мультикультурен, антимонополистичен и ориентирован на консенсус. Экология и феминизм его основные столпы. В рамках такого типа самоуправления альтернативная экономика становится необходимостью, которая увеличивает ресурсы общества, вместо того, чтобы эксплуатировать их и это способствует удовлетворению нужд общества.

В отличие от централизованного, прямолинейного и бюрократизированного понимания управления и власти в национальном государстве, демократический конфедерализм представляет собой тип политического образования, при котором общество управляет само собой и где все социальные группы, и культурные идентичности могут выражать себя на местных собраниях, общих съездах и советах. Таким образом, точно так же, как национальное государство угнетает, гомогенизирует и отдаляет общество от демократии, модель демократического конфедерализма освобождает, диверсифицирует и демократизирует.

Демократический конфедерализм можно охарактеризовать как разновидность самоуправления в отличие от управления со стороны национального государства.

Абдулла Оджалан провозглашает пять принципов демократического конфедерализма.

1. Право народа на самоопределение включает в себя право на создание собственного государства. Однако создание государства не увеличивает свободу народа. Демократический конфедерализм – это противоположная парадигма угнетенных народов.

2. Демократический конфедерализм – это не этатистская социальная парадигма. Он не подконтролен государству. В то же время демократический конфедерализм это организация демократии и культуры.

3. Демократический конфедерализм основан на участии широких масс. Процесс принятия решений находится в ведении общин. Высокие уровни организации служат только для координации и претворения в жизнь решений общин, которые направляют своих делегатов на Генеральные Ассамблеи.

4. На Ближнем Востоке демократия не может быть установлена из-за капиталистической системы и ее империалистических сил, которые наносят вред демократии. Распространение низовой демократии намного проще. Это единственный подход, который может справиться с многообразием этнических и религиозных групп и классовых различий.

5. Демократический конфедерализм в Курдистане это также антинационалистическое движение. Его целью является реализация права народа на самооборону во всех частях Курдистана, не ставя под сомнение существующие политические границы. Его цель не строительство курдского национального государства. Движение стремится установить федеральную форму устройства в Иране, Турции, Сирии и Ираке, которая будет открыта всем курдам и в то же время будет зонтичной конфедерацией для всех четырех частей Курдистана [3, с. 30].

Исходя из вышесказанного, можно сделать определенные выводы по сформированной Абдуллою Оджаланом идеологии демократического конфедерализма и идеи женской революции.

Демократический конфедерализм представляет собой попытку синтеза левых социалистических и демократических идей с анархистскими и антиэтатистскими теориями. Сама по себе концепция демократического конфедерализма очень близка идее либертарного муниципализма Мюррея Букчина – американского левого активиста, анархиста и мыслителя, выдвинувшего идею формирования демократического общества путем создания свободных муниципалитетов, прямой демократии на местах и общества с горизонтальными связями. Он резко критиковал современное общество потребления, жадность транснациональных корпораций и искусственно-созданное разделение труда между развитыми странами и странами «третьего мира», предсказывая постепенное исчезновение национальных государств и их трансформацию в новый социальный институт – демократический конфедерализм [8].

Изучение трудов Абдуллы Оджалана актуально с точки зрения понимания тех процессов, которые сейчас происходят в Сирийском Курдистане. В Рожаве действительно происходит уникальный политический и социальный эксперимент – создание автономии, основанной на принципах, изложенных Абдуллою Оджаланом. Несмотря на весь антиэтатизм его концепций, демократический конфедерализм нельзя назвать еще одной версией анархизма. Рожава – это не «Вольная территория» Нестора Махно, а не имеющая аналогов в мире конфедерация кантонов, которые сами решают, как им жить.

Однозначно можно сделать вывод, о том, что труды Абдуллы Оджалана такие как «Демократический конфедерализм» являются важной политической литературой для изучения и последующего анализа.

Библиографический список

1. Движение за демократическое общество: официальный сайт // URL: <https://tev-dem.com/>
2. Партия «Демократический Союз»: официальный сайт // URL: <http://pydrojava.org/english/>
3. Abdulla Ocalan. Democratic Confederalism. 2017. London, Transmedia Publishing Ltd. Cologne International Initiative Edition. 48 p.
4. Abdulla Ocalan. Liberating Life: Woman's Revolution. 2013. Cologne, Germany. International Initiative Edition. 66 p.
5. Bruno Lima Rocha. Democratic confederalism and collectivist economics. 2015. // URL: <https://armsforrojava.wordpress.com/2015/04/02/democratic-confederalism-and-collectivist-economics/>
6. Council Decision (CFSP) 2024/332 of 16 January 2024 updating the list of persons, groups and entities covered by Common Position 2001/931/CFSP on the application of specific measures to combat terrorism, and repealing Decision (CFSP) 2023/1514 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024D0332>
7. Matin, Kamran (2019). Democratic confederalism and societal multiplicity: a sympathetic critique of Abdullah Öcalan's State theory. Geopolitics. Pp. 1–20.
8. Murray Bookchin. The Meaning of Confederalism. 1990 [электронный ресурс] // <https://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-the-meaning-of-confederalism>
9. Radpey Loqman. Kurdish Regional Self-rule Administration in Syria: A new Model of Statehood and its Status in International Law Compared to the Kurdistan Regional Government (KRG) in Iraq // URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/japanese-journal-of-political-science/article/kurdish-regional-selfrule-administration-in-syria-a-new-model-of-statehood-and-its-status-in-international-law-compared-to-the-kurdistan-regional-government-krq-in-iraq/E27336DA905763412D42038E476BBE61>

10. The Constitution of Rojava Cantons // URL: <https://civiroglu.net/the-constitution-of-the-rojava-cantons/>
11. Zaher Baher "Confederalism, Democratic Confederalism and Rojava". 2018 // URL ; <https://libcom.org/article/confederalism-democratic-confederalism-and-rojava>

Для цитирования: *Абдуллазде Н.Р.* Демократический конфедерализм – как идеологическая основа правовой системы Курдской автономии в Сирии: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 14–19.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_14

DEMOCRATIC CONFEDERALISM AS AN IDEOLOGICAL BASIS FOR THE LEGAL SYSTEM OF THE KURDISH AUTONOMY IN SYRIA

Nail Rufat oglu Abdullazade*

Annotation. *The article examines the main political, social, ideological theses of the ideology of democratic confederalism, the author of which is the leader of the Kurdish revolutionary movement Abdullah Ocalan. Democratic confederalism is accepted as the ideological basis for the formation of the self-proclaimed Kurdish autonomy in Syria. The ideas and theses considered in this article formed the basis of the constitution of this autonomy.*

Keywords: *Democratic confederalism, Syrian Kurdistan, Abdullah Ocalan, Kurdish autonomy, criticism of capitalism, emancipation of women, criticism of the national state.*

The civil war in Syria is a multifaceted and very complex conflict that has taken the lives and broken the fates of hundreds of thousands of people. One of the parties in this war are the Syrian Kurds. Kurds make up 15 to 17 percent of the country's population, making them the largest non-Arab national minority in Syria [9]. The main areas of residence of the Syrian Kurds are the northern and eastern regions of the Arab Republic. Thus, the Kurdish revolutionary movement is the third force in this conflict. The relevance of the problem considered in this study is associated with the complex situation in Syria and aims to understand what ideological concepts underlie the Kurdish revolutionary movement in this country. In addition, the relevance of this article is high, since in domestic science at the moment there are very few studies and works devoted to Kurdish autonomy in Syria. Most of the sources on this problem are mainly foreign studies, some of which were written not by scientists, but by activists of left-wing political movements and researchers sympathetic to them. The objective of this study is to analyze the main theses of democratic confederalism, set out in the book of the same name by Abdullah Ocalan, whose ideas formed the basis of the constitution of the self-proclaimed autonomy and became the foundation for the construction of its legal system. At the beginning of the civil war in 2011, the Kurds remained loyal to the central government in Damascus, but during the armed conflict and in the course of the confrontation with radical Islamist movements, Kurdish political forces decided to create an autonomy within Syria. Another factor that served to activate them in the matter of building their autonomy was the withdrawal of Syrian government troops from the eastern regions of Syria to defend the main strategic directions in the west (Damascus, Latakia, etc.). In the conditions of anarchy and a power vacuum, the Democratic Union Party (Partiya Yekitiya Demokrat, PYD) began to play a leading role in the regions of compact residence of Syrian Kurds [2]. The PYD was part of the so-called Supreme Kurdish Council (Desteya Bilind a Kurd, DBK).

In the early years of the formation of autonomy in northeastern Syria, the DBK served as a provisional government in this territory during the civil war. It should be mentioned that the PYD is very closely associated with the Kurdistan Workers' Party (PKK, Partiya Karkeren Kurdistane),

* Abdullazade Nail Rufat oglu, assistant of the Department of Theory of Law and Civil-Legal Education of the Faculty of Law of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg), master of international relations. E-mail: nailabdulla@rambler.ru; nailabdulla84@yandex.ru

recognized as a terrorist organization in Turkey and the EU [6]. Today, the PYD is part of a large coalition of political parties in Rojava. This coalition is called the Movement for a Democratic Society or TEV-DEM (Kurdish: Tevgera Civaka Demokratik) [1]. The Kurdish word "Rojava" means West and is used by the Kurds themselves to refer to Syrian Kurdistan, as opposed to Iraqi Kurdistan. De facto, Kurdish autonomy in Syria had already been formed by 2012, when government troops lost control over many territories in the east of the country during armed clashes, and some of them left these areas to strengthen their defense in the west of Syria. However, autonomy was formally formed in 2014, when three autonomous cantons were proclaimed: Afrin, Cizre and Kobani. In the same year, on January 29, 2014, the so-called Constitution of the Rojava Cantons [10] was adopted, which is officially called the Social Contract of the Rojava Cantons in Syria (sometimes briefly the Rojava Charter).

The ideological basis of the Rojava Constitution is the ideology of democratic confederalism. The founder and theoretician of this ideology is the leader of the Kurdistan Workers' Party, Abdullah Öcalan, who is serving a life sentence in Turkey. Democratic confederalism is sometimes called apoism, after Abdullah Öcalan's diminutive nickname, Apo. The concept of democratic confederalism was influenced by the ideas of the American thinker and left-wing activist Murray Bookchin and his ideology of libertarian municipalism [11]. However, unlike the utopian ideas of Murray Bookchin, the ideas of Abdullah Öcalan and his principles of democratic confederalism are more focused on solving current problems. Such as equality of ethnic and religious groups, the emancipation of women and an environmentally oriented economy.

The political idea of democratic confederalism includes the principles of autonomy, direct democracy, multiculturalism, corporate economy, environmental movement and women's emancipation [3, p. 30]. We deliberately avoid the term "feminism" because, given the specifics of the Middle East, we are talking about a different understanding of women's liberation than is commonly believed in Europe. These ideas are embodied in the teachings of Abdullah Öcalan's jineology [4, p. 55]. As A. Öcalan himself describes his idea, jineology is a new science about the role and true liberation of women. In his opinion, only a free woman forms a free society, and a free society in turn forms a free nation [4, p. 57]. According to Abdullah Öcalan, social inequality and the emergence of social classes originate in the existing hierarchy of society. The hierarchy of inequality was formed when women were enslaved and matriarchy was replaced by patriarchy [11].

The main theses of democratic confederalism are critical of the concept of the "state", which makes this ideology similar to anarchism. In his manifesto "Democratic Confederalism" Abdullah Öcalan sharply criticizes the "national state", which is based on class, national and gender oppression [3, p. 11]. In his opinion, the ideological basis of the national state is: nationalism, sexism, positivism and religiosity [3, p. 16].

Thus, we see that the idea of democratic confederalism proclaimed by him is the opposite phenomenon, which is based on: internationalism, the emancipation of women, the prohibition of any discrimination on religious, national, sexual grounds. As an economic model, the Rojava revolutionaries introduced a collectivist economy [5]. At the same time, the economic system of the autonomy has nothing in common with the command-administrative system. Although the economic model of Rojava is noticeably different from the capitalism we are accustomed to.

It should be especially emphasized that the political forces of Rojava declare the principle of the territorial integrity of Syria and do not seek separation from the Arab Republic. That is, this revolutionary movement proclaims the rejection of separatism, but in return offers a model of a unique democratic project for all of Syria [7] and the Middle East.

Abdullah Öcalan outlined his main revolutionary ideas in his book "Democratic Confederalism".

At the beginning of his work, Abdullah Öcalan briefly reveals the history of the formation of the Kurdish revolutionary movement, its main theses and proposes to analyze the reasons for the current situation in the Middle East.

Abdullah Öcalan begins with a critique of the concept of "national state". In his opinion, the root of all problems with exploitation, oppression and enslavement lies in the formation of nation states as an ideological construct. The nation state is needed by big capital and the ruling classes to

Theory of State and Law

maintain power and enslave women, the working classes and national minorities. With the emergence of the nation state, capital gained the opportunity for political participation and thus added its power to the existing state structures. Abdullah Öcalan defines the nation state as the maximum form of power. The nation state itself is the most developed and complete form of monopoly [3, p. 12]. He also draws attention to the ideological monopoly as an integral part of power. According to A. Öcalan, many modern political concepts and theories have religious or theological origins. In fact, a closer look confirms that religion and mythology formed the first social identities in history. They formed the ideological cement of many tribes and proto-state communities and determined their existence. Religious ideas and practices subsequently transformed into the power structures of monarchs and dictators. The state justified its power by divine law.

The national state also has many attributes that should replace the old religious ones. According to A. Öcalan, such attributes of the national state are: the concept of a political nation, homeland, national flag, national anthem and many others. In particular, such a concept as the unity of the nation and the state serves material power and resembles the proto-state unity with God. Thus, the state replaced the divine [3, p. 13].

Definition given by Abdullah Öcalan: "a nation state is a centralized state with quasi-religious attributes that has completely disarmed society and monopolized the use of violence" [3, p. 14].

In order to dominate society, a nation state needs a solid ideological foundation. Such a foundation is nationalism, positivism, sexism and religiosity. If we assume that the nation state is a living god, then nationalism is its religion.

Abdullah Öcalan pays special attention to the oppression of women in his criticism of the modern capitalist system and the nation state. The basis of the nation state is sexism, which permeates all layers of society. Many civilized systems have used sexism to maintain their own power. They have established the exploitation of women and used them as a valuable source of cheap labor. Women are also considered a valuable resource to the extent that they produce offspring and allow men to reproduce. Thus, a woman is both a sexual object and a commodity. She is an instrument for maintaining male power and, at best, can become a symbol of male power [3, p. 17].

On the one hand, the sexism of the nation-state society strengthens male power, on the other hand, the nation-state turns its own society into an internal colony through the oppression of women. In this sense, Abdullah Öcalan considers women as an oppressed nation [3, p. 18]. Female slavery is the deepest and most disguised social sphere where all types of slavery, oppression and colonization are realized.

Despite the fact that Abdullah Öcalan is a recognized leader of the Kurdish revolutionary movement, he denies the need to create a Kurdish national state.

In recent decades, the Kurds have fought not only against oppression by the dominant powers and for their recognition, but also for the liberation of their society from the clutches of feudalism. Therefore, it makes no sense to exchange old shackles for new ones. This is why the creation of a national state will follow in the context of modern capitalism. Without confronting capitalist modernity there will be no genuine liberation of the people. This is the reason why there is no need to establish a Kurdish national state [3, p. 19].

As an alternative to the national state, Abdullah Öcalan proposes a completely new revolutionary ideology of democratic confederalism.

This form of government can be called a non-state political administration or a democracy without a state. Democratic decision-making does not necessarily have to be linked to processes known as public administration. States are based on force, while democracies are based on collective consensus. Democratic confederalism is open to other political groups and factions. It is flexible, multicultural, anti-monopoly and consensus-oriented. Ecology and feminism are its main pillars. Within this type of self-government, an alternative economy becomes a necessity that increases the resources of society instead of exploiting them and this contributes to the satisfaction of the needs of society.

In contrast to the centralized, linear, and bureaucratic understanding of governance and power in the nation-state, democratic confederalism is a type of political entity in which society governs

itself and where all social groups and cultural identities can express themselves in local assemblies, general conventions, and councils. Thus, just as the nation-state oppresses, homogenizes, and distances society from democracy, the model of democratic confederalism liberates, diversifies, and democratizes.

Democratic confederalism can be characterized as a form of self-government as opposed to governance by the nation-state.

Abdullah Ocalan proclaims five principles of democratic confederalism.

1. The right of the people to self-determination includes the right to establish their own state. However, the establishment of a state does not increase the freedom of the people. Democratic confederalism is the opposite paradigm of oppressed peoples.

2. Democratic confederalism is not a statist social paradigm. It is not controlled by the state. At the same time, democratic confederalism is the organization of democracy and culture.

3. Democratic confederalism is based on the participation of the masses. The decision-making process is in the hands of the communities. Higher levels of organization serve only to coordinate and implement the decisions of the communities, which send their delegates to the General Assemblies.

4. Democracy cannot be established in the Middle East because of the capitalist system and its imperialist forces, which harm democracy. Spreading grassroots democracy is much easier. This is the only approach that can cope with the diversity of ethnic and religious groups and class differences.

5. Democratic Confederalism in Kurdistan is also an anti-nationalist movement. Its goal is to realize the people's right to self-defense in all parts of Kurdistan without questioning the existing political borders. Its goal is not to build a Kurdish national state. The movement seeks to establish a federal form of government in Iran, Turkey, Syria and Iraq that will be open to all Kurds and at the same time will be an umbrella confederation for all four parts of Kurdistan [3, p. 30].

Based on the above, certain conclusions can be drawn about the ideology of democratic confederalism formed by Abdullah Ocalan and the idea of a women's revolution.

Democratic Confederalism is an attempt to synthesize left-wing socialist and democratic ideas with anarchist and anti-statist theories. The concept of democratic confederalism itself is very close to the idea of libertarian municipalism of Murray Bookchin, an American left-wing activist, anarchist and thinker who put forward the idea of forming a democratic society by creating free municipalities, direct democracy at the local level and a society with horizontal connections. He sharply criticized the modern consumer society, the greed of transnational corporations and the artificially created division of labor between developed countries and the countries of the "third world", predicting the gradual disappearance of nation states and their transformation into a new social institution – democratic confederalism [8].

Studying the works of Abdullah Ocalan is relevant from the point of view of understanding the processes that are currently taking place in Syrian Kurdistan. In Rojava, a unique political and social experiment is really taking place – the creation of autonomy based on the principles outlined by Abdullah Ocalan. Despite all the anti-statism of his concepts, democratic confederalism cannot be called another version of anarchism. Rojava is not Nestor Makhno's "Free Territory", but a unique confederation of cantons that decide for themselves how to live.

It can be clearly concluded that Abdullah Ocalan's works such as "Democratic Confederalism" are important political literature for study and subsequent analysis.

Bibliographic list

1. Movement for a Democratic Society: official website // URL: <https://tev-dem.com/>
2. Party "Democratic Union": official website // URL: [http://pydrojava.org/english/Abdulla Ocalan](http://pydrojava.org/english/Abdulla_Ocalan).
3. Democratic Confederalism. 2017. London, Transmedia Publishing Ltd. Cologne International Initiative Edition. 48 p.
4. Abdulla Ocalan. Liberating Life: Woman's Revolution. 2013. Cologne, Germany. International Initiative Edition. 66 p.

Theory of State and Law

5. Bruno Lima Rocha. Democratic confederalism and collectivist economics. 2015. // URL: <https://armsforrojava.wordpress.com/2015/04/02/democratic-confederalism-and-collectivist-economics/>
6. Council Decision (CFSP) 2024/332 of 16 January 2024 updating the list of persons, groups and entities covered by Common Position 2001/931/CFSP on the application of specific measures to combat terrorism, and repealing Decision (CFSP) 2023/1514 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024D0332>
7. Matin, Kamran (2019). Democratic confederalism and societal multiplicity: a sympathetic critique of Abdullah Öcalan's State theory. *Geopolitics*. Pp. 1–20.
8. Murrey Bookchin. *The Meaning of Confederalism*. 1990 [электронный ресурс] // <https://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-the-meaning-of-confederalism>
9. Radpey Loqman. Kurdish Regional Self-rule Administration in Syria: A new Model of Statehood and its Status in International Law Compared to the Kurdistan Regional Government (KRG) in Iraq // URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/japanese-journal-of-political-science/article/kurdish-regional-selfrule-administration-in-syria-a-new-model-of-statehood-and-its-status-in-international-law-compared-to-the-kurdistan-regional-government-kr-g-in-iraq/E27336DA905763412D42038E476BBE61>
10. *The Constitution of Rojava Cantons* // URL: <https://civiroglu.net/the-constitution-of-the-rojava-cantons/>
11. Zaher Baher "Confederalism, Democratic Confederalism and Rojava". 2018 // URL ; <https://libcom.org/article/confederalism-democratic-confederalism-and-rojava>

For citation: Abdullazade N.R. Democratic Confederalism as an Ideological Basis for the Legal System of the Kurdish Autonomy in Syria: Article // *Theory of State and Law*. 2024. No. 4 (41). P. 19–23.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_14

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_24

Ф.Х. Галиев*

И.Г. Галикеева**

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА***

Аннотация. «Конституция» и «конституционализм» так же, как и «демократия» и «демократизм», имеют непосредственное отношение к одному и тому же информационно-правовому пространству государства, и их понятийное соседство совершенно закономерно. Это обусловлено тем, что они изначально связаны с такими другими понятиями, функционирующими в мире людей, как «право», «государство», «общество», «власть», что и обуславливает специфику понимания их смыслового содержания и взаимообусловленность этих политико-правовых явлений в современном обществе.

Цель: учитывая то, что конституционализм – это научная категория, которая в современных условиях обладает огромным общественно-политическим и государственно-правовым значением, обосновать невозможность становления гражданского общества и формирования правового государства вне правового пространства, которое создается на основе требований действующей конституции.

Методы: в процессе работы над данным исследованием были использованы эмпирические методы описания, сравнения, интерпретации, толкования, а также формальной и диалектической логики.

Результаты: понятие «конституционализм» имеет прямое и непосредственное отношение именно к проблеме организации общественно-политической и социально-экономической жизни в государстве и государственного управления страной в соответствии с действующей Конституцией. Поэтому конституционализм должен пониматься и восприниматься как основополагающий принцип, который способствует определению основных векторов политико-правовой динамики общества в современном государстве, которое становление гражданского общества и формирование правового государства выбрало в качестве основного направления своего дальнейшего развития в соответствии с Конституцией страны.

Ключевые слова: конституция, конституционность, конституционализм, государство, право, гражданское общество, правовое государство.

В истории человечества появление конституции, несомненно, означало резкий скачок человечества к очередным высотам цивилизации. В современных условиях наличие конституции как Основного закона является одним из ведущих признаков правового государства и главным условием для формирования демократического политико-правового режима

* Галиев Фарит Хатипович, профессор кафедры теории государства и права Института права ГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», доктор юридических наук, доцент. E-mail: galievfarkhat@mail.ru

** Галикеева Ирина Гаязовна, доцент кафедры гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», кандидат юридических наук, доцент. E-mail: galikeeva_notary@mail.ru

*** Статья посвящена памяти доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки РБ, члена-корреспондента Академии наук РБ, Почетного работника высшей школы РФ, профессора Раянова Фаниса Мансуровича.

осуществления государственной власти в стране, поэтому большинство государств сегодняшнего мира имеют свои конституции. В такой ситуации оперирование понятием «конституционализм» воспринимается как само собой разумеющееся явление в практике современных научных политико-правовых исследований. В целом, конституционализм понимается и воспринимается как основа организации общественно-политической жизни в государстве, которое выбрало становление и совершенствование гражданского общества и правового государства в качестве основного вектора своего дальнейшего развития.

В современной научной литературе понятие «конституционализм» трактуется с различных точек зрения, что является, на наш взгляд, совершенно естественным явлением, учитывая достаточно сложное смысловое содержание данного понятия. Каждый исследователь обращает свое внимание именно на ту специфическую характеристику конституционализма, которая интересует именно его. Например, С.М. Шахрай, рассматривая конституцию в качестве инструмента правовых и социально-политических преобразований, перечисляет основные составляющие элементы, без которых, по его мнению, конституционализма не может быть. Он пишет, что основу конституционализма «составляют идеалы конституционной демократии, наличие определенных институтов власти, соответствующего конституции политического режима и системы защиты ценностей демократии, прав и свобод человека и гражданина, конституционного строя в целом» [26, с. 23]. Безусловно, все эти моменты имеют прямое отношение к конституционализму. Поэтому, по мнению С.М. Шахрая, конституционализм представляет собой научную категорию, которая имеет сложный общественно-политический и государственно-правовой характер. Таким образом он подчеркивает взаимообусловленность и взаимозависимость конституционализма и конституционного строя, необходимость складывания соответствующих условий для установления конституционализма.

Большое внимание вопросам, связанным с понятиями «конституция» и «конституционализм», в своих работах уделял Ф.М. Раянов, известный в нашей стране и за его пределами крупнейший ученый, занимавшийся проблемами теории и практики становления гражданского общества и формирования правового государства в России [16]. Анализируя различные подходы к пониманию конституционализма, он отметил, что в отечественной науке понятие «конституционализм» воспринимается и объясняется в качестве теории и практики организации государственной и общественной жизни, что должно соответствовать конституционным установкам и требованиям [18, с. 19].

Рассматривая вопрос о фундаментальных государственно-правовых основах современного общества, Ф.М. Раянов всегда выражал свою уверенность в том, что понятия «конституционализм» и «государственная власть» взаимосвязаны, он подчеркивал, что «именно конституционализм и есть учение об ограничении государственной власти в интересах государства образующего (гражданского) общества» [18, с. 19; 24, с. 14–15, 19].

В своей известной монографии «Гражданское общество и правовое государство», обращая внимание на истоки конституционализма, Ф.М. Раянов писал, что «подлинный конституционализм берет свое начало с теории общественного договора» [19, с. 262]. Придавая большое значение идее общественного договора и отмечая ее роль в истории общественно-политической мысли, Ф.М. Раянов подчеркивал, что «общественный договор, объективно появившись на определенном этапе развития человечества, в последующем постепенно трансформировался в конституционализм» [20, с. 262]. Его беспокоило то, что «проблема трансформации общественного договора в конституционализм также является не только новой, но и, по существу, до сих пор неизвестной для отечественной теоретической правовой науки» [19, с. 262]. Поэтому он неоднократно выражал свое огорчение тем, что «отечественная юридическая наука ничего не сообщает об органической связи общественного договора с конституционализмом. Да и о самом понятии «конституционализм» сведения в отечественном обществоведении очень скудны и своеобразны [20, с. 132; 21, с. 262; 22, с. 212].

В своей монографии «Правовое обществоведение», рассматривая особенности правовой организации общественной жизни в государстве, Ф.М. Раянов отмечает, что «под конституционализмом в цивилизованном мире (принявшем к осуществлению ценности Нового

времени) стали понимать учение об ограничении государственной власти общественным договором, а под конституцией – тот документ, где положения общественного договора закрепляются в письменном виде [23, с. 224]. Поэтому, он делает вывод, что «сегодня в развитых странах получило распространение именно такое понимание конституционализма и конституции» [23, с. 224].

«Общественный же договор в современном мире, – пишет Ф.М. Раянов в этой самой монографии, – это и есть конституция общества, ее сущностная сторона» [24, с. 16]. В другой своей работе он утверждал, что институт общественного договора необходимо понимать в соответствии с его смыслом и назначением, потому что «там, где институт общественного договора понимается правильно, там и конституционализм рассматривается как учение об ограничении и пределах деятельности государства» [24, с. 16].

По нашему мнению, в данном случае необходимо обратить внимание на соотношение вопроса о государственной власти и вопроса о пределах деятельности государства, о которой писал Ф.М. Раянов. Необходимо отметить то, что научной литературе проблема пределов государства уже давно привлекала внимание исследователей. Например, французский правовед Эдуард Лабулэ проблеме пределов деятельности государства уделял внимание еще в середине XIX века. В своем большом труде под названием «Государство и его пределы в связи с современными вопросами администрации, законодательства и политики», он пишет о том, чем должно заниматься государство.

Эдуард Лабулэ отмечает, что одна из задач, которые стоят перед государством, это установление упорядоченности общественных отношений. Поэтому он пишет, что «...порядок есть первая потребность страны... Известно также, что интересы вообще, и самый священный для нас труд в особенности, должны быть удовлетворены; необходимо, чтобы народ работал, чтобы чувство безопасности господствовало в умах, а порядок на улице. Но если даже и все это существует, то оно составляет только половину необходимого» [14, с. IV–V].

По мнению Э. Лабулэ, «несправедливо, чтобы человек питался только хлебом; несправедливо также, чтобы существовала полная безопасность и труд был бы обеспечен при неудовлетворении известных идей. Для того, чтобы крестьянин, рабочий не тревожились о завтрашнем дне, необходимы часто очень сложные условия» [14, с. IV–V]. И эти условия, по мнению Э. Лабулэ, должно обеспечивать государство.

Таким образом, установление пределов государства Э. Лабулэ связывает с решением проблемы создания оптимальных условий жизнедеятельности людей, и удовлетворением их интересов, что зависит от особенностей осуществления государственной власти. Поэтому, по мнению Э. Лабулэ, самой необходимой формой правления для трудящегося народа является «представительное правление» [14, с. XXIV], т. е. такое правление, которое предполагает участие представителей общества. Здесь же он и задается вопросом о том, что представляет собой государство и имеет ли оно пределы своей власти [14, с. XXV]. Формулируя вопрос о том, «где же найти, однако, действительные гарантии, которые охраняли бы человека против администрации и политического большинства?», Э. Лабулэ сам же и отвечает: «есть только одно средство, это ограничить государство, определить ту среду, где оно может пользоваться своей абсолютной властью, но из которой оно не должно выходить» [14, с. 93].

«Другими словами, – пишет Э. Лабулэ, – централизации, благотворительной и законной, когда она защищает независимость страны, деспотической и революционной, когда она выходит из своей области, этой централизации нужно противопоставить свободное самоуправление человека, *self overnment*» [14, с. 93]. При этом, как пишет Э. Лабулэ, «задача состоит не в том, чтобы ослабить государство, а в том, чтоб укрепить человеческую личность» [14, с. 98]. В нашем понимании, централизации, о которой пишет Э. Лабулэ, не надо противопоставлять свободное самоуправление человека, нужно сделать так, чтобы эти два момента взаимно дополняли друг друга, что и предполагает конституционализм.

Видимо для того, чтобы установить сущностную основу понятия «конституционализм», необходимо пристально присмотреться к тому, что же представляет собой собственно конституция. Конституция, как написано в Толковом словаре русского языка, это «Основной

закон государства, определяющий основы общественного и государственного строя, система государственных органов, права и обязанности граждан» [15, с. 291].

В вузовском учебнике «Конституционное право России» отмечается, что конституция, во-первых, это единый нормативный правовой акт, который обладает особыми юридическими свойствами, во-вторых, народ основные принципы устройства общества и государства учреждает с помощью конституции, в-третьих, народ определяет субъекта государственной власти, в-четвертых, народ утверждает механизм осуществления государственной власти и, в-пятых, народ закрепляет в Конституции охраняемые государством права, свободы и обязанности человека и гражданина [12, с. 70–71]. Таким образом, авторы учебника Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин в качестве ключевого момента подчеркивают то, что именно народ учреждает основные принципы устройства общества и государства.

Это отражено и в преамбуле Конституции РФ [1]. Поэтому о Конституции можно говорить, что она, действительно, представляет собой тот договор, который принят всем обществом [4, с. 97]. По нашему мнению, в общем и целом, «если на этот вопрос посмотреть с точки зрения организации государства как организации политической власти, то и государство в целом можно воспринимать именно как результат процесса становления общественного порядка путем нахождения общего языка между людьми» [6, с. 118].

Все это созвучно с тем, как писал Д.А. Керимов о государстве. По его мнению, современная государственно-правовая наука рассматривает государство несколько односторонне несмотря на то, что в то же время государство представляет собой не только юридически оформленное образование. «Его социальная ценность и действенность не только в том, что оно непосредственно создает и действует в соответствии с созданными юридическими законами; эффективность выполняемых им функций измеряется не только специально юридическими критериями» [10, с. 511], писал Д.А. Керимов, обращая внимание на основные характеристики государства. Исходя из этого он и подчеркивал, что «за пределами юридических свойств государство характеризуется и как политическая сущность, и как социально-экономический регулятор, и как духовно-нравственная, культурная сила» [10, с. 511]. При этом Д.А. Керимов писал о необходимости обратить внимание на организацию общественно-политической жизни в других странах. Однако он подчеркивал, что «безусловно, использование мирового цивилизационного опыта нам полезно и необходимо – но только как признание всего лучшего, прогрессивного с точки зрения национальной самобытности страны [10, с. 520].

Действительно, проблема национальной самобытности, о которой писал Д.А. Керимов, непосредственно связано с конституционализмом, если иметь в виду конституцию как общественный договор. Поэтому он обращает внимание на то, что «только тогда мы достигнем того единства цивилизации и культуры, которое выведет страну из кризиса и позволит ей идти по пути прогресса. И лишь в этом случае может быть заложен фундамент, который станет основой постоянно растущего правосознания народа, развития правового законодательства, укрепления законности, установления стабильного правопорядка» [10, с. 520].

Несомненно, все эти моменты, которые выделяет Д.А. Керимов, связаны с тем, что государство – это всеохватывающая организация общественно-политической жизни в стране, поэтому все то, что происходит в стране, связано с государством, а взаимоотношения государства и государствообразующего народа опосредованы с понятием «власть». На это обращает внимание и Ф.М. Раянов. «Конституционализм, – подчеркивал он, – это теоретическая категория, обозначающая необходимость в стране государственной власти, подчиненной воли государствообразующего народа и функционирующий полностью в интересах народа» [23, с. 227].

Эти же моменты привлекают внимание и Диего Валадеса, доктора права от Универсидада Комплутенсе де Мадрид. Рассматривая специфику соотношения понятий «государственная власть» и «воля государствообразующего народа», анализируя особенности теории политического контроля над властью, он также не оставляет данную ситуацию помимо своего внимания, подчеркивая взаимосвязь между конституцией и властью, отмечает, что власть,

как политический феномен, представляет собой «единое целое без различий; однако, как правовой феномен власть есть то, что регулируется конституцией» [3, с. 44].

По нашему мнению, при исследовании проблем, связанных с понятиями «конституция» и «конституционализм», необходимо отметить, что в мировой общественно-политической мысли понятие «конституция» и понятие «конституционализм» появляются практически одновременно. Безусловно, это можно объяснить стремлением регулировать на основе конституционных установок «все то, что происходит во взаимоотношениях между личностью, обществом и государством, в том числе и в сфере властных отношений» [4, с. 97], исходя из того, что конституционализм без наличия конституции невозможен. В то же время только наличие конституции не является главным условием для реализации конституционализма.

Представляется, что «такое понимание необходимости приведения к оптимальному решению политико-правовых проблем, возникающих во взаимоотношениях личности, общества и государства, позволяет воспринимать конституцию как декларацию, общественный договор, принятый государствообразующим народом, и как основной закон страны, а стремление к такому способу решения проблем понимать, как конституционализм» [4, с. 97].

Тем не менее, Ф.М. Раянов отмечал, что «к сожалению, само понятие «конституционализм», так же, как и правовое государство, остается неразработанным на таком же уровне... В тех же отечественных источниках, где встречаются сведения о конституционализме, там умышленно или по ошибке дается неправильное его толкование. ... Между тем в развитых странах именно конституционализм понимается как учение об ограничении государственной власти в интересах государствообразующего (гражданского) общества» [17, с. 106]. Современные ученые-юристы тоже обращают свое внимание на данную ситуацию. Например, Т.С. Касимов, исследуя проблемы, связанные с вопросом о сущности государства будущего, отмечает, что в отношении конкретизации понятия «конституционализм» в современной правовой науке пока нет единого мнения, точно так же, как и «нет общего подхода к сущности государства, что порождает их разнообразные интерпретации», если даже этими понятиями уже давно пользуется в науке [9, с. 47].

Необходимо отметить, что все это, «обусловлено сложностью и многогранностью данного явления и говорит о необходимости при исследовании сущности и содержания конституционализма обращать внимание на исторические, идеологические, научные, нормативно-правовые и организационные аспекты данного явления» [4, с. 98].

По нашему мнению, немаловажным, к тому же, является и то, что «в современных условиях, когда роль человеческого фактора в государственно-правовом развитии общества доходит до своего максимального значения» [4, с. 98] и роль личности в решении проблем, связанных с государственно-правовым развитием общества, неизмеримо усиливается, «конституционализм» означает и необходимость воспитания у граждан уважительного отношения к Конституции собственной страны [5, с. 87–88].

Таким образом, учитывая все вышеперечисленные моменты, понятие «конституционализм» можно воспринимать как учение о руководстве и управлении государством в соответствии с требованиями и установками конституции страны, одновременно с этим, и как соблюдение установок общественного договора в качестве основного закона и декларации намерений.

На наш взгляд, такое понимание конституционализма и оперирование понятием «конституционализм» предполагает необходимость введения в научный оборот и другого понятия, а именно понятия «конституциональность», что означает соответствие конституционным принципам и установкам, во-первых, нормативных правовых актов, принимаемых правотворческим органом государства, во-вторых, соответствие деятельности специально на то уполномоченных органов государственной власти и поведения и поступков должностных лиц и, в-третьих, законных интересов и запросов граждан. По нашему глубокому убеждению, только тогда, когда соблюдается принцип конституциональности, можно вести речь о конституционализме.

Поэтому, по нашему мнению, конституционализм означает, прежде всего, определенный принцип организации деятельности государства, и вбирает в себя множество ситуаций и явлений, без учета которых невозможно прийти до полного понимания конституционализма. Например, требует соответствующей трактовки словосочетание «ограничение государственной власти». Государственная власть на то и является государственной властью, потому что государство с помощью властных полномочий устанавливает общественный и правовой порядок внутри страны и обеспечивает ее национальную безопасность во всех направлениях, включая и взаимоотношения с другими государствами.

Может быть, это можно объяснять, как ограничение возможности отдельных органов государства и определенных должностных лиц государства включаться в рассмотрение и решение тех или иных вопросов частного характера и, в то же время, обеспечение возможности участия государства в более полной реализации прав и свобод граждан в пределах, установленных законом?! [13].

По этому поводу интересна работа О.Г. Румянцева, ответственного секретаря Конституционной комиссии, участника Конституционного совещания (1993 год). В книге «Конституция Десятого третьего года» он пишет, что «в современном мире резко возросла потребность в предсказуемой, стабильной, эффективной и надежной работе государственных институтов» [25, с. 337]. О.Г. Румянцев тоже обращает внимание на человеческий фактор в осуществлении государственной власти, он отмечает, что «общественный запрос на эффективность и подотчетность действий официального представителя общества – государства, гораздо явственнее, чем на морально устаревающее и далеко не всегда удачное ручное управление, ставшее фирменным отличием российской конституционно-правовой практики. Но ведь оно вытекает из особенностей формы правления, закрепленной в Конституции» [25, с. 337].

Поэтому, по мнению О.Г. Румянцева, «Конституция и основанная на ней правоприменительная практика не должны давать повода для нигилизма носителей новой реальности. Напротив, она призвана обеспечивать механизмы решения возникающих задач. И тем самым обеспечить преемственность и солидарность между поколениями на базе общих ценностей и задач» [25, с. 338]. По нашему мнению, высказанная О.Г. Румянцевым мысль о том, конституция призвана обеспечить механизм решения возникающих задач, представляет большой интерес. Более того, в данном случае необходимо подчеркнуть, что «Конституция должна и может стать критерием социальной адекватности государства и представлений людей о своем государстве, о нормальном государстве, о таком государстве, где все делается так, как нужно делать в интересах всего населения» [5, с. 88].

Об этом же пишут и А.М. Дроздова и С.А. Комаров. Они отмечают, что «современное российское общество заинтересовано в стабилизации политической жизни, в укреплении законности, в нормальной человеческой жизни всех индивидов. ... Вполне естественно возникает вопрос: как построить такое государство, как должен быть организован и на каких принципах должен функционировать государственный механизм? ... Один из способов решения вековой проблемы состоит в таком построении механизма государственной власти, который сам по себе препятствовал бы ее узурпации и использованию во вред человека» [8, с. 7].

На наш взгляд, в этом плане совершенно права Н.А. Боброва. Она пишет, что «интересы личности являются высшей ценностью в государстве, для государства, но не помимо государства» [2, с. 81]. Рассматривая вопросы, связанные в том числе и со спецификой современного государства, она отмечает, что «только сильное государство способно защитить и гарантировать интересы личности» [2, с. 81]. «Все иное – ложь и демагогия безответственных политиков, для которых интересы личности действительно выше интересов народа, – подчеркивает Н.А. Боброва, – а интересы граждан, точнее, отдельных граждан выше интересов собственного государства» [2, с. 81]. Исходя из всего этого, Н.А. Боброва обращает внимание на то, что «не может быть безопасности личности, если не обеспечена государственная безопасность» [2, с. 81]. Н.А. Боброва выражает свою уверенность в том, что «честные и конструктивные политики и конституционалисты должны стремиться не к ослаблению государства и

обосновывать не его минимизацию, а наоборот, способствовать полнокровию тех функций государства, в которых выражена его патерналистская роль, в частности» [2, с. 81].

Примечательно, что еще авторы одного из самых авторитетных энциклопедических словарей И.Ф. Брокгауз и И.А. Ефрон, писали о том, что «необходимость в личной и имущественной безопасности вызывает к жизни государство, в этой необходимости государство находит главнейшее разъяснение своего существования, она же указывает государству основную его цель и назначение» [27, с. 304]. Как утверждают составители данного издания, принудительная власть необходима государству именно для достижения этой цели, «на основании которой оно проводит границу между дозволенным и недозволенным, требует от частных лиц воздержания от известных действий и соблюдения известных правил; свои требования оно выражает в форме законов, а заслушивание этим требованиям налагает наказание» [27, с. 304]. Таким очень простым образом И.Ф. Брокгауз и И.А. Ефрон излагают основные функции государства, выполнение которых должно устроить всех граждан.

В этом плане привлекает внимание монография В.И. Добренькова «Глобализация и Россия: социологический анализ». В ней он пишет о том, что «исторические традиции, потребности экономики и общественной жизни, в целом, реалии глобализирующегося мира властно взывают к необходимости сильного государства, которое было бы активным субъектом хозяйственной жизни, регулировало бы социальные отношения, боролось бы с преступностью и коррупцией, защищало бы внутреннюю и внешнюю безопасность нашей страны» [7, с. 340]. Называя таким образом самые основные проблемы, которые призвано решать государство, В.И. Добреньков подчеркивает, что «только сильное государство может защитить своих граждан от всех невзгод и создать условия для развития и процветания страны» [7, с. 340].

В свою очередь, признавая определяющим фактором общественного прогресса идею о сильном государстве, А.Д. Керимов и И.Н. Куксин в своей монографии отмечают, что «сильное государство характеризуется тем, что помимо власти политической и экономической оно располагает и значительной долей власти духовной [10, с. 78]. В то же время они подчеркивают, что «власть политическая и экономическая всегда обречена оставаться неполной, как бы незавершенной, в связи с этим ущербной и, следовательно, непрочной, неустойчивой, недолговечной до тех пор, пока она не сумеет укрепить свои позиции путем достижения гегемонии в сфере духовной» [10, с. 78]. Проблема достижения гегемонии в духовной сфере во все времена является особо сложной и, как правило, она успешно решается в экстремальных для государства и общества ситуациях и предполагает объединение усилий и государства и общества для достижения успеха.

Поэтому в своей работе «Кризис понимания права в отечественной правовой науке» Ф.М. Раянов пишет о том, что «общественный договор – это и есть основной правовой источник формирования и, одновременно, ограничения пределов деятельности избранных, для исполнения законов, управленцев» [19, с. 147]. Здесь же он и излагает свое понимание взаимоотношенности конституции и правового государства: «получается, что в отличие от всевозможных других способов возникновения государств, органы власти, избранные свободными гражданами на основании общественного договора, и есть правовое государство» [19, с. 147].

Ф.М. Раянов был уверен в том, что «если государство формируется (учреждается) государством образующим (гражданским) обществом, то есть выборным путем, контролируется институтами гражданского общества, нарушители конституционных положений из числа государственных служащих, даже самых высоких уровней, привлекаются к соответствующей ответственности, то мы имеем правовое государство» [20, с. 138]. Рассматривая особенности реализации теории современного конституционализма, он отмечает, что «Конституцию в нашей стране многие ее граждане до сих пор не считают основным законом жизнедеятельности всего общества» [21, с. 265]. По его мнению, проблема пределов государства может быть решена только с помощью конституционализма, поэтому он пишет, что «У нас при решении

вопросов жизнедеятельности общества, так же, как и в советские времена, опираются не на Конституцию, а, в лучшем случае, на мнение наших руководителей государства» [21, с. 265].

Поэтому Ф.М. Раянов настаивал на том, что «конституционализм – это власть народа и для народа. Сознательный гражданин должен иметь все основания сказать, что он является соучредителем Конституции» [21, с. 266]. Считая создание такой ситуации одним из основных условий осуществления конституционализма, он подчеркивает, что «только тогда Конституция, действительно, станет основным и единственным источником права на основании которой учреждается государственная власть. Ведь только при подлинном конституционализме народ учреждает государственную власть и эффективно контролирует ее деятельность» [21, с. 266].

На этой основе Ф.М. Раянов утверждает, что, если «нет конституционализма – государственная власть отрывается от народа, заботится больше о своем благополучии, расцветает коррупция, допускаются другие нарушения. Отсюда, если мы хотим подотчетную народу государственную власть, хотим устранить питательную среду коррупции, то мы должны начинать с вопросов правильного понимания конституционализма, конституции и их строгой реализации на практике» [20, с. 129–139; 21, с. 266]. Исходя всего этого, по мнению Ф.М. Раянова, «сущность конституционализма и правового государства прежде всего сводится к реальному функционированию выработанных многолетней историей человечества демократических институтов» [20, с. 138].

«В целом, большое практическое значение теории конституционализма состоит в том, что именно эта теория освещает ту дорожку, идя лишь по которой можно добраться до освоения на практике реальной власти народа – писал Ф.М. Раянов. – Причем, именно теория конституционализма является единственной современной теорией, ведущей практику к подлинной государственности. В настоящее время без освоения и строгого следования теории современного конституционализма не может быть построено ни одно государство, обеспечивающее успешное развитие общества» [21, с. 266].

Таким образом, в общем и целом, понятие «конституционализм» имеет прямое и непосредственное отношение именно к проблеме организации общественно-политической и социально-экономической жизни в государстве и государственного управления страной в соответствии с Конституцией. В такой ситуации конституционализм должен пониматься и восприниматься как основополагающий принцип определения современных направлений дальнейшего политико-правового совершенствования общества в государстве, которое в качестве основного вектора своего дальнейшего развития выбрало становление гражданского общества и формирование правового государства [24, с. 13–19]. Дальнейшая динамика современной России обусловлена основными задачами государственно-правового развития общества, включая совершенствование гражданского общества и правового государства, и эти задачи не могут быть решены без реализации принципа конституционализма.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комаров С.А. и др. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 411 с. (Серия: Профессиональный комментарий).
2. Боброва Н.А. О патернализме, сильном государстве, «западных ценностях» и других особенностях реализации прав личности // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Безверхов; зам. отв. ред. А.В. Юдин. – Вып. 3. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. – С. 79–84.
3. Валадес Диего. Контроль над властью. – М.: Идея-Пресс, 2006. – 248 с.
4. Галиев Ф.Х. Конституция и конституционализм // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 96–101.

5. *Галиев Ф.Х.* Правовая культура и вопросы воспитания уважительного отношения к Конституции страны // Реализация положений Конституции Российской Федерации в законодательстве. – Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию Конституции Российской Федерации. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. – Ч. 1. – 280 с.
6. *Галиев Ф.Х.* Конституция и общественное сознание // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20–22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 114–122.
7. *Добренев В.И.* Глобализация и Россия: социологический анализ. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 447 с.
8. *Дроздова А.М., Комаров С.А.* Легитимация и ответственность власти во взаимоотношениях государства и личности (социально-философские и правовые аспекты): монография / А. М. Дроздова, С. А. Комаров. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2011. – 227 с.
9. *Касимов Т.С.* Концепции сущности государства // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4 (42). – С. 44–48.
10. *Керимов Д.А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. – 4-е изд. – М.: Изд-во СГУ, 2008. – 521 с.
11. *Керимов А.Д., Куксин И.Н.* Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса: монография / А. Д. Керимов, И. Н. Куксин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 96 с.
12. *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право России: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 608 с.
13. Конституция Российской Федерации от образа будущего к реальности, к 20-летию Основного Закона России: монография / [Л. В. Андриченко д.ю.н., проф., С.А. Боголюбов д.ю.н., проф., В.И. Васильев д.ю.н., проф. и др.]; под ред. акад. Т. Я. Хабриевой, Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Юриспруденция, 2014. – 585 с.
14. *Лабулэ Э.* Государство и его пределы в связи с современными вопросами администрации, законодательства и политики / Издание Н.Н. Ламанского. – Петербург, 1868. – 203 с.
15. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и выражений / Российской академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2010. – 874 с.
16. *Раянов Ф.М.* Проблемы теории и практики правового государства / Ф.М. Раянов. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2013. – 300 с.
17. *Раянов Ф.М.* Теория правового государства: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 272 с.
18. *Раянов Ф.М.* Теория правового государства в России: состояние, пути переосмысления // Lex Russica. – 2015. – № 8. – С. 14–25.
19. *Раянов Ф.М.* Кризис понимания права в отечественной юридической науке и пути его преодоления // Методологические проблемы освоения правовой действительности: материалы III Международного научно-практического семинара (14–16 мая 2015 года). – Челябинск: ЮУрГУ, 2015. – С. 145–150.
20. *Раянов Ф.М.* Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 320 с.
21. *Раянов Ф.М.* Теория современного конституционализма и отечественная юридическая наука // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20–22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 259–266.
22. *Раянов Ф.М.* Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы: монография / Ф. М. Раянов. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 262 с.
23. *Раянов Ф.М.* Правовое обществоведение: монография. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 264 с.
24. *Раянов Ф.М.* Фундаментальные основы государственно-правовых институтов современного общества: понятие, состояние и проблемы // Государственно-правовые институты современного общества: сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф.М. Раянов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 13–19.

25. Румянцев О.Г. Конституция Девяносто третьего. История явления (Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990–1993 годов). Издание третье, исправленное и дополненное. – М.: Издательство РГ, 2018. – 400 с.

26. Шахрай С.М. О конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. – М.: Наука, 2013. – 919 с.

27. Энциклопедический словарь И.Ф. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. III (5). – СПб.: Семеновская Типо-литография (И.А. Ефрона), 1891. – 481 с.

Для цитирования: Галиев Ф.Х., Галикеева И.Г. Конституционализм в свете теории правового государства: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 24–33.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_24

CONSTITUTIONALISM IN THE LIGHT OF THE THEORY OF THE RULE OF LAW *

Farit Kh. Galiev**

Irina G. Galikeeva***

Annotation. "Constitution" and "constitutionalism", as well as "democracy" and "democratism", are directly related to the same information and legal space of the state, and their conceptual proximity is completely natural. This is due to the fact that they are initially associated with such other concepts functioning in the world of people as "law", "state", "society", "power", which determines the specificity of understanding their semantic content and the interdependence of these political and legal phenomena in modern society.

Objective: given the fact that constitutionalism is a scientific category that in modern conditions has enormous socio-political and state-legal significance, to substantiate the impossibility of the formation of civil society and the formation of a legal state outside the legal space, which is created on the basis of the requirements of the current constitution. Methods: in the process of working on this study, empirical methods of description, comparison, interpretation, exposition, as well as formal and dialectical logic were used.

Results: the concept of "constitutionalism" has a direct and immediate relation to the problem of organizing socio-political and socio-economic life in the state and public administration of the country in accordance with the current Constitution. Therefore, constitutionalism should be understood and perceived as a fundamental principle that helps to determine the main vectors of the political and legal dynamics of society in a modern state, which has chosen the formation of civil society and the formation of a legal state as the main direction of its further development in accordance with the Constitution of the country.

Key words: constitution, constitutionality, constitutionalism, state, law, civil society, legal state.

In the history of mankind, the emergence of a constitution undoubtedly meant a sharp leap for mankind to the next heights of civilization. In modern conditions, the presence of a constitution as a Basic Law is one of the leading features of a constitutional state and the main condition for the formation of a democratic political and legal regime for the implementation of state power in the country, therefore, most states in the world today have their own constitutions. In such a situation,

* The article is dedicated to the memory of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Republic of Belarus, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Belarus, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Professor Fanis Mansurovich Rayanov.

** Galiev Farit Khatipovich, professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa University of Science and Technology", Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: galievfarkhat@mail.ru

*** Galikeeva Irina Gayazovna, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa University of Science and Technology", Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: galikeeva_notary@mail.ru

operating with the concept of "constitutionalism" is perceived as a self-evident phenomenon in the practice of modern scientific political and legal research. In general, constitutionalism is understood and perceived as the basis for organizing socio-political life in a state that has chosen the formation and improvement of civil society and the rule of law as the main vector of its further development. In modern scientific literature, the concept of "constitutionalism" is interpreted from various points of view, which is, in our opinion, a completely natural phenomenon, given the rather complex semantic content of this concept. Each researcher pays attention to that specific characteristic of constitutionalism that interests him. For example, S.M. Shakhrai, considering the constitution as an instrument of legal and socio-political transformations, lists the main constituent elements, without which, in his opinion, constitutionalism cannot exist. He writes that the basis of constitutionalism "is made up of the ideals of constitutional democracy, the existence of certain institutions of power, a political regime corresponding to the constitution and a system for protecting the values of democracy, the rights and freedoms of man and citizen, the constitutional system as a whole" [26, p. 23]. Of course, all these points are directly related to constitutionalism. Therefore, according to S.M. Shakhrai, constitutionalism is a scientific category that has a complex socio-political and state-legal nature. Thus, he emphasizes the interdependence and interdependence of constitutionalism and the constitutional system, the need to create appropriate conditions for the establishment of constitutionalism.

In his works, F.M. paid much attention to issues related to the concepts of "constitution" and "constitutionalism". Rayanov, a leading scholar known in our country and abroad, who studied the problems of the theory and practice of the formation of civil society and the formation of the rule of law in Russia [16]. Analyzing various approaches to understanding constitutionalism, he noted that in domestic science the concept of "constitutionalism" is perceived and explained as a theory and practice of organizing state and public life, which must correspond to constitutional principles and requirements [18, p. 19].

Considering the issue of the fundamental state and legal foundations of modern society, F.M. Rayanov always expressed his confidence that the concepts of "constitutionalism" and "state power" are interconnected, he emphasized that "it is constitutionalism that is the doctrine of limiting state power in the interests of the state-forming (civil) society" [18, p. 19; 24, pp. 14–15, 19]. In his well-known monograph "Civil Society and the Rule of Law", drawing attention to the origins of constitutionalism, F. M. Rayanov wrote that "genuine constitutionalism originates from the theory of the social contract" [19, p. 262]. Attaching great importance to the idea of the social contract and noting its role in the history of socio-political thought, F. M. Rayanov emphasized that "the social contract, having objectively appeared at a certain stage of human development, subsequently gradually transformed into constitutionalism" [20, p. 262]. He was concerned that "the problem of transforming the social contract into constitutionalism is also not only new, but also, in essence, still unknown to domestic theoretical legal science" [19, p. 262]. Therefore, he repeatedly expressed his disappointment that "domestic legal science does not report anything about the organic connection between the social contract and constitutionalism. And even about the very concept of "constitutionalism" information in domestic social science is very scanty and peculiar [20, p. 132; 21, p. 262; 22, p. 212].

In his monograph "Legal Social Science", examining the features of the legal organization of public life in the state, F.M. Rayanov notes that "in the civilized world (which adopted the values of the New Time) constitutionalism has come to be understood as the doctrine of limiting state power by a social contract, and a constitution as a document in which the provisions of the social contract are enshrined in writing [23, p. 224]. Therefore, he concludes that "today in developed countries this understanding of constitutionalism and the constitution has become widespread" [23, p. 224]. "The social contract in the modern world," writes F.M. Rayanov in this very monograph, "is the constitution of society, its essential side" [24, p. 16]. In another work, he argued that the institution of the social contract must be understood in accordance with its meaning and purpose, because "where the institution of the social contract is understood correctly, constitutionalism is considered as a doctrine of the limitation and boundaries of state activity" [24, p. 16].

Theory of State and Law

In our opinion, in this case it is necessary to pay attention to the relationship between the issue of state power and the issue of the boundaries of state activity, which F.M. Rayanov wrote about. It should be noted that the problem of the boundaries of the state has long attracted the attention of researchers in scientific literature. For example, the French legal scholar Edouard Laboulaye paid attention to the problem of the boundaries of state activity back in the middle of the 19th century. In his large work entitled "The State and Its Limits in Connection with Modern Issues of Administration, Legislation and Politics," he writes about what the state should do.

Edouard Laboulaye notes that one of the tasks facing the state is to establish order in social relations. Therefore, he writes that "...order is the first need of the country... It is also known that interests in general, and the most sacred work for us in particular, must be satisfied; it is necessary for the people to work, for a sense of security to prevail in their minds, and for order to reign in the streets. But even if all this exists, it constitutes only half of what is necessary" [14, pp. IV-V].

According to E. Laboulaye, "it is unfair for a person to eat only bread; it is also unfair for there to be complete security and for labor to be provided without satisfying certain ideas. In order for a peasant or a worker not to worry about tomorrow, very difficult conditions are often necessary" [14, pp. IV-V]. And these conditions, according to E. Laboulaye, must be provided by the state.

Thus, E. Laboulaye connects the establishment of the boundaries of the state with the solution of the problem of creating optimal conditions for people's life and satisfying their interests, which depends on the specifics of the implementation of state power. Therefore, according to E. Laboulaye, the most necessary form of government for the working people is "representative government" [14, p. XXIV], i.e. a government that presupposes the participation of representatives of society. Here he asks the question of what the state is and whether it has limits to its power [14, p. XXV]. Formulating the question of "where, however, to find real guarantees that would protect a person against the administration and the political majority?", E. Laboulaye himself answers: "there is only one means, this is to limit the state, to determine the environment where it can use its absolute power, but from which it must not leave" [14, p. 93]. "In other words," writes E. Laboulaye, "centralization, beneficial and legitimate, when it protects the independence of the country, despotic and revolutionary, when it goes beyond its sphere, this centralization must be opposed by free self-government of man, self overnment" [14, p. 93]. At the same time, as E. Laboulaye writes, "the task is not to weaken the state, but to strengthen the human personality" [14, p. 98]. In our understanding, the centralization that E. Laboulaye writes about should not be opposed to free self-government of man, it is necessary to make sure that these two moments complement each other, which is what constitutionalism implies. Apparently, in order to establish the essential basis of the concept of "constitutionalism", it is necessary to take a close look at what the constitution itself is. The Constitution, as written in the Explanatory Dictionary of the Russian Language, is "the fundamental law of the state, defining the foundations of the social and state system, the system of state bodies, the rights and responsibilities of citizens" [15, p. 291].

The university textbook "Constitutional Law of Russia" notes that the constitution, firstly, is a single normative legal act that has special legal properties, secondly, the people establish the basic principles of the structure of society and the state with the help of the constitution, thirdly, the people determine the subject of state power, fourthly, the people approve the mechanism for exercising state power and, fifthly, the people enshrine in the Constitution the rights, freedoms and duties of a person and citizen protected by the state [12, pp. 70-71]. Thus, the authors of the textbook E.I. Kozlova and O.E. Kutafin emphasize as a key point that it is the people who establish the basic principles of the structure of society and the state. This is also reflected in the preamble of the Constitution of the Russian Federation [1]. Therefore, we can say about the Constitution that it really is an agreement that is accepted by the whole society [4, p. 97]. In our opinion, in general, "if we look at this issue from the point of view of the organization of the state as an organization of political power, then the state as a whole can be perceived precisely as the result of the process of formation of public order by finding a common language between people" [6, p. 118].

All this is consonant with what D.A. Kerimov wrote about the state. In his opinion, modern state and legal science views the state somewhat one-sidedly despite the fact that at the same time the

state is not only a legally formalized entity. "Its social value and effectiveness are not only in the fact that it directly creates and acts in accordance with the created legal laws; the effectiveness of the functions it performs is measured not only by specially legal criteria" [10, p. 511], wrote D.A. Kerimov, drawing attention to the main characteristics of the state. Based on this, he emphasized that "beyond its legal properties, the state is characterized as a political entity, as a socio-economic regulator, and as a spiritual, moral, and cultural force" [10, p. 511]. At the same time, D.A. Kerimov wrote about the need to pay attention to the organization of socio-political life in other countries. However, he emphasized that "of course, the use of world civilization experience is useful and necessary for us – but only as a recognition of all the best, progressive from the point of view of the national identity of the country [10, p. 520]. Indeed, the problem of national identity, which D.A. Kerimov wrote about, is directly related to constitutionalism, if we mean the constitution as a social contract. Therefore, he draws attention to the fact that "only then will we achieve that unity of civilization and culture that will lead the country out of the crisis and allow it to follow the path of progress. And only in this case can a foundation be laid that will become the basis for the constantly growing legal consciousness of the people, the development of legal legislation, the strengthening of the rule of law, the establishment of a stable legal order" [10, p. 520].

Undoubtedly, all these points that D.A. Kerimov highlights are related to the fact that the state is an all-encompassing organization of socio-political life in the country, therefore everything that happens in the country is connected with the state, and the relationship between the state and the state-forming people is mediated by the concept of "power". F.M. Rayanov also draws attention to this. "Constitutionalism," he emphasized, "is a theoretical category denoting the need for state power in the country, subordinate to the will of the state-forming people and functioning entirely in the interests of the people" [23, p. 227].

These same points attract the attention of Diego Valadez, Doctor of Law from the Universidad Complutense de Madrid. Considering the specifics of the relationship between the concepts of "state power" and "the will of the state-forming people", analyzing the features of the theory of political control over power, he also does not leave this situation outside of his attention, emphasizing the relationship between the constitution and power, notes that power, as a political phenomenon, is "a single whole without differences; however, as a legal phenomenon, power is what is regulated by the constitution" [3, p. 44]. In our opinion, when studying the problems associated with the concepts of "constitution" and "constitutionalism", it is necessary to note that in the world socio-political thought the concept of "constitution" and the concept of "constitutionalism" appear almost simultaneously. Of course, this can be explained by the desire to regulate on the basis of constitutional principles "everything that happens in the relationship between the individual, society and the state, including in the sphere of power relations" [4, p. 97], based on the fact that constitutionalism without the presence of a constitution is impossible. At the same time, the mere existence of a constitution is not the main condition for the implementation of constitutionalism.

It seems that "such an understanding of the need to bring to an optimal solution the political and legal problems arising in the relationship between the individual, society and the state allows us to perceive the constitution as a declaration, a social contract adopted by the state-forming people, and as the basic law of the country, and to understand the desire for such a way of solving problems as constitutionalism" [4, p. 97]. Nevertheless, F.M. Rayanov noted that "unfortunately, the very concept of "constitutionalism", as well as the rule of law, remains undeveloped at the same level... In those same domestic sources where information about constitutionalism is found, it is intentionally or mistakenly given an incorrect interpretation. ... Meanwhile, in developed countries, it is constitutionalism that is understood as the doctrine of limiting state power in the interests of the state-forming (civil) society" [17, p. 106]. Modern legal scholars also turn their attention to this situation. For example, T.S. Kasimov, studying the problems associated with the question of the essence of the state of the future, notes that there is no consensus yet in modern legal science regarding the specification of the concept of "constitutionalism", just as "there is no general approach to the essence of the state, which gives rise to their diverse interpretations", even if these concepts have long been used in science [9, p. 47]. It should be noted that all this "is due to the complexity and versatility of this

Theory of State and Law

phenomenon and speaks of the need to pay attention to the historical, ideological, scientific, normative-legal and organizational aspects of this phenomenon when studying the essence and content of constitutionalism" [4, p. 98]. In our opinion, it is also important that "in modern conditions, when the role of the human factor in the state and legal development of society reaches its maximum significance" [4, p. 98] and the role of the individual in solving problems related to the state and legal development of society is immeasurably strengthened, "constitutionalism" also means the need to educate citizens to have a respectful attitude towards the Constitution of their own country [5, pp. 87–88].

Thus, taking into account all the above points, the concept of "constitutionalism" can be perceived as a doctrine of the leadership and management of the state in accordance with the requirements and provisions of the country's constitution, and at the same time, as compliance with the provisions of the social contract as a fundamental law and a declaration of intent.

In our opinion, such an understanding of constitutionalism and the use of the concept of "constitutionalism" presupposes the need to introduce another concept into scientific circulation, namely the concept of "constitutionality", which means compliance with constitutional principles and guidelines, firstly, of normative legal acts adopted by the law-making body of the state, secondly, compliance of the activities of specially authorized state authorities and the behavior and actions of officials and, thirdly, the legitimate interests and requests of citizens. In our deep conviction, only when the principle of constitutionality is observed can we talk about constitutionalism. Therefore, in our opinion, constitutionalism means, first of all, a certain principle of organizing the activities of the state, and incorporates many situations and phenomena, without taking into account which it is impossible to achieve a full understanding of constitutionalism. For example, the phrase "limitation of state power" requires an appropriate interpretation. State power is state power for the very reason that the state, with the help of its powers, establishes social and legal order within the country and ensures its national security in all areas, including relations with other states. Perhaps this can be explained as a limitation of the ability of individual state bodies and certain state officials to be involved in the consideration and resolution of certain private issues and, at the same time, ensuring the possibility of state participation in the more complete realization of the rights and freedoms of citizens within the limits established by law?! [13].

In this regard, the work of O.G. Rumyantsev, executive secretary of the Constitutional Commission, participant in the Constitutional Conference (1993), is interesting. In his book "The Constitution of 1993," he writes that "in the modern world, the need for predictable, stable, effective and reliable work of state institutions has sharply increased" [25, p. 337]. O.G. Rumyantsev also draws attention to the human factor in the implementation of state power, he notes that "the public demand for the effectiveness and accountability of the actions of the official representative of society – the state, is much more obvious than for the morally obsolete and far from always successful manual control, which has become the hallmark of Russian constitutional and legal practice. But it follows from the peculiarities of the form of government enshrined in the Constitution" [25, p. 337]. Therefore, according to O.G. Rumyantseva, "The Constitution and the law enforcement practice based on it should not give rise to nihilism among the bearers of the new reality. On the contrary, it is called upon to provide mechanisms for solving emerging problems. And thereby ensure continuity and solidarity between generations based on common values and tasks" [25, p. 338]. In our opinion, the idea expressed by O.G. Rumyantsev that the constitution is called upon to provide a mechanism for solving emerging problems is of great interest. Moreover, in this case it is necessary to emphasize that "the Constitution should and can become a criterion for the social adequacy of the state and people's ideas about their state, about a normal state, about a state where everything is done as it should be done in the interests of the entire population" [5, p. 88]. A.M. Drozdova and S.A. Komarov also write about this. They note that "modern Russian society is interested in stabilizing political life, strengthening the rule of law, and the normal human life of all individuals. ... Quite naturally, the question arises: how to build such a state, how should the state mechanism be organized and on what principles should it function? ... One of the ways to solve the age-old problem is to build a mechanism of state power that would in itself prevent its usurpation and use to the detriment of

man" [8, p. 7]. In our opinion, N.A. Bobrova is absolutely right in this regard. She writes that "the interests of the individual are the highest value in the state, for the state, but not apart from the state" [2, p. 81]. Considering issues related, among other things, to the specifics of the modern state, she notes that "only a strong state is capable of protecting and guaranteeing the interests of the individual" [2, p. 81]. "Everything else is a lie and demagoguery of irresponsible politicians, for whom the interests of the individual are truly above the interests of the people," emphasizes N.A. Bobrova, "and the interests of citizens, or rather, individual citizens, are above the interests of their own state" [2, p. 81]. Based on all this, N.A. Bobrova draws attention to the fact that "there can be no security of the individual if state security is not ensured" [2, p. 81]. N.A. Bobrova expresses her confidence that "honest and constructive politicians and constitutionalists should strive not to weaken the state and justify not its minimization, but, on the contrary, promote the full-bloodedness of those functions of the state in which its paternalistic role is expressed, in particular" [2, p. 81]. It is noteworthy that the authors of one of the most authoritative encyclopedic dictionaries I.F. Brockhaus and I.A. Efron wrote that "the need for personal and property security brings the state to life; in this need the state finds the most important explanation for its existence, and it also indicates to the state its main goal and purpose" [27, p. 304]. As the authors of this publication assert, the state needs coercive power precisely to achieve this goal, "on the basis of which it draws a line between what is permitted and what is not permitted, demands that individuals refrain from certain actions and comply with certain rules; it expresses its demands in the form of laws, and imposes punishment for disobedience to these demands" [27, p. 304]. In this very simple way, I.F. Brockhaus and I.A. Efron outline the main functions of the state, the performance of which must satisfy all citizens.

In this regard, the monograph by V.I. Dobrenkov "Globalization and Russia: a sociological analysis" attracts attention. In it, he writes that "historical traditions, the needs of the economy and public life, in general, the realities of the globalizing world imperatively call for the need for a strong state that would be an active subject of economic life, regulate social relations, fight crime and corruption, and protect the internal and external security of our country" [7, p. 340]. In naming the most basic problems that the state is called upon to solve, V.I. Dobrenkov emphasizes that "only a strong state can protect its citizens from all adversities and create conditions for the development and prosperity of the country" [7, p. 340]. In turn, recognizing the idea of a strong state as the determining factor in social progress, A.D. Kerimov and I.N. Kuksin in his monograph note that "a strong state is characterized by the fact that in addition to political and economic power, it also has a significant share of spiritual power [10, p. 78].

At the same time, they emphasize that "political and economic power is always doomed to remain incomplete, as if unfinished, and therefore flawed and, consequently, fragile, unstable, short-lived until it is able to strengthen its position by achieving hegemony in the spiritual sphere" [10, p. 78]. The problem of achieving hegemony in the spiritual sphere is at all times particularly complex and, as a rule, it is successfully resolved in extreme situations for the state and society and presupposes the unification of efforts of both the state and society to achieve success. Therefore, in his work "The Crisis of Understanding Law in Domestic Legal Science" F.M. Rayanov writes that "the social contract is the main legal source of formation and, at the same time, limitation of the scope of activities of the elected managers for the execution of laws" [19, p. 147]. Here he also sets out his understanding of the interdependence of the constitution and the rule of law: "it turns out that, unlike all sorts of other ways of the emergence of states, the authorities elected by free citizens on the basis of the social contract are the rule of law" [19, p. 147].

F.M. Rayanov was confident that "if the state is formed (established) by the state-forming (civil) society, that is, by election, is controlled by the institutions of civil society, violators of constitutional provisions from among civil servants, even at the highest levels, are brought to appropriate responsibility, then we have a rule of law" [20, p. 138]. Considering the specifics of implementing the theory of modern constitutionalism, he notes that "many citizens of our country still do not consider the Constitution to be the fundamental law of the life of the entire society" [21, p. 265]. In his opinion, the problem of the limits of the state can only be solved with the help of constitutionalism, which is why he writes that "In our country, when solving issues of the life of society, just as in Soviet times,

we rely not on the Constitution, but, at best, on the opinion of our state leaders” [21, p. 265]. Therefore, F.M. Rayanov insisted that “constitutionalism is the power of the people and for the people. A conscious citizen must have every reason to say that he is a co-founder of the Constitution” [21, p. 266]. Considering the creation of such a situation to be one of the main conditions for the implementation of constitutionalism, he emphasizes that “only then will the Constitution truly become the main and only source of law on the basis of which state power is established. After all, only with genuine constitutionalism can the people establish state power and effectively control its activities” [21, p. 266].

On this basis, F. M. Rayanov argues that if “there is no constitutionalism, state power becomes disconnected from the people, cares more about its own well-being, corruption flourishes, and other violations are allowed. Hence, if we want state power accountable to the people, want to eliminate the breeding ground for corruption, then we must begin with the issues of a correct understanding of constitutionalism, the constitution, and their strict implementation in practice” [20, pp. 129–139; 21, p. 266]. Based on all this, according to F. M. Rayanov, “the essence of constitutionalism and the rule of law primarily comes down to the actual functioning of democratic institutions developed over many years of human history” [20, p. 138].

“In general, the great practical significance of the theory of constitutionalism lies in the fact that it is this theory that illuminates the path, following which alone one can reach the development of real power of the people in practice,” wrote F. M. Rayanov. – Moreover, it is the theory of constitutionalism that is the only modern theory that leads practice to genuine statehood. At present, without mastering and strictly following the theory of modern constitutionalism, no state can be built that ensures the successful development of society” [21, p. 266].

Thus, in general, the concept of “constitutionalism” has a direct and immediate relation to the problem of organizing socio-political and socio-economic life in the state and public administration of the country in accordance with the Constitution. In such a situation, constitutionalism should be understood and perceived as a fundamental principle for determining modern directions for further political and legal improvement of society in a state that has chosen the formation of civil society and the rule of law as the main vector of its further development [24, pp. 13–19]. The further dynamics of modern Russia are conditioned by the main tasks of state and legal development of society, including the improvement of civil society and the rule of law, and these tasks cannot be solved without the implementation of the principle of constitutionalism.

Bibliographic list

1. “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by a nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru; Komarov S.A. et al. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., corr. and add. // Ed. by prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house “Yurait”, 2023. 411 p. (Series: Professional commentary).

2. Bobrova N.A. On paternalism, a strong state, “Western values” and other features of the implementation of individual rights // State and Law: issues of methodology, theory and practice of functioning: collection of scientific works / ed. A.G. Bezverkhov; deputy ed. A.V. Yudin. Issue 3. Samara: Samara University Publishing House, 2014. P. 79–84.

3. Valadez Diego. Control over Power. Moscow: Idea-Press, 2006. 248 p.

4. Galiev F.Kh. Constitution and Constitutionalism // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and Prospects for the Development of Regional Legislation: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ufa, March 24, 2021) / ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. P. 96–101.

5. Galiev F.Kh. Legal Culture and Issues of Fostering a Respectful Attitude to the Constitution of the Country // Implementation of the Provisions of the Constitution of the Russian Federation in Legislation. Proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 10th anniversary of the Constitution of the Russian Federation. Chelyabinsk: Publishing house of SUSU, 2003. Part 1. 280 p.

6. Galiev F.Kh. Constitution and public consciousness // Methodology of modern constitutionalism: constitutionalization of positive law; constitutional axiology of proportionality: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference on Constitutional Law, St. Petersburg, May 20–22, 2016 / Under the

general editorship of A.A. Liverovsky, V.P. Salnikov. Saint Petersburg: Foundation "University", St. Petersburg State University of Economics, 2017. P. 114–122.

7. Dobrenkov V.I. Globalization and Russia: sociological analysis. Moscow: INFRA-M, 2006. 447 p.

8. Drozdova A.M., Komarov S.A. Legitimization and responsibility of power in the relationship between the state and the individual (socio-philosophical and legal aspects): monograph / A. M. Drozdova, S. A. Komarov. 2nd ed. St. Petersburg: Publishing house of the Law Institute (St. Petersburg), 2011. 227 p.

9. Kasimov T.S. Concepts of the essence of the state // The rule of law: theory and practice. 2015. No. 4 (42). P. 44–48.

10. Kerimov D.A. Methodology of law: subject, functions, problems of the philosophy of law. 4th ed. Moscow: Publishing house of Saratov State University, 2008. 521 p.

11. Kerimov A.D., Kuksin I.N. A strong state as a determining factor in social progress: monograph / A. D. Kerimov, I. N. Kuksin. Moscow: Norma: INFRA-M, 2017. 96 p.

12. Kozlova E.I., Kutafin O.E. Constitutional law of Russia: textbook. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2010. 608 p.

13. The Constitution of the Russian Federation from the image of the future to reality, for the 20th anniversary of the Basic Law of Russia: monograph / [L. V. Andrichenko D.Sc. (Law), prof., S.A. Bogolyubov D.Sc. (Law), prof., V.I. Vasiliev D.Sc. (Law), prof. and others]; edited by Acad. T. Ya. Khabrieva, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Jurisprudence, 2014. 585 p.

14. Laboulaye E. The State and Its Limits in Connection with Modern Issues of Administration, Legislation and Politics / Published by N.N. Lamansky. Petersburg, 1868. 203 p.

15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Expressions / Russian Academy of Sciences. Vinogradov Russian Language Institute. 4th ed., supplemented. Moscow: OOO "A TEMP", 2010. 874 p.

16. Rayanov F.M. Problems of Theory and Practice of the Rule of Law / F.M. Rayanov. Ufa: AN RB, Gilem, 2013. 300 p.

17. Rayanov FM Theory of the rule of law: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2014. 272 p.

18. Rayanov FM Theory of the rule of law in Russia: status, ways of rethinking // Lex Pussica. 2015. No. 8. P. 14–25.

19. Rayanov FM. The crisis of understanding of law in domestic legal science and ways to overcome it // Methodological problems of mastering legal reality: materials of the III International scientific and practical seminar (May 14–16, 2015). Chelyabinsk: SUSU, 2015. P. 145–150.

20. Rayanov FM Civil society and the rule of law of the state: problems of understanding and correlation: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2015. 320 p.

21. Rayanov F.M. Theory of modern constitutionalism and domestic legal science // Methodology of modern constitutionalism: constitutionalization of positive law; constitutional axiology of proportionality: Materials of the XIV International scientific and practical conference on constitutional law, St. Petersburg, May 20–22, 2016 / Under the general editorship of A.A. Liverovsky, V.P. Salnikov. Saint Petersburg: University Foundation, St. Petersburg State University of Economics, 2017. P. 259–266.

22. Rayanov F.M. Philosophy of Law: Discourse Analysis and New Conclusions: Monograph / F. M. Rayanov. Moscow: Yurlitinform, 2017. 262 p.

23. Rayanov F.M. Legal Social Science: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2018. 264 p.

24. Rayanov F.M. Fundamental Foundations of State and Legal Institutions of Modern Society: Concept, Status, and Problems // State and Legal Institutions of Modern Society: Collection of Articles for the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Republic of Bashkortostan (Ufa, December 14, 2018) / ed. F.M. Rayanov. Ufa: RIC BashSU, 2018. P. 13–19.

25. Rumyantsev O.G. Constitution of '93. History of the phenomenon (Documentary poem in seven parts from the Executive Secretary of the Constitutional Commission of 1990–1993). Third edition, revised and supplemented. Moscow: RG Publishing House, 2018. 400 p.

26. Shakhrai S.M. On the constitution: The Basic Law as an instrument of legal and socio-political transformations. Moscow: Nauka, 2013. 919 p.

27. Encyclopedic Dictionary of I.F. Brockhaus and I.A. Efron. Vol. III (5). St. Petersburg: Semenovskaya Political History (I.A. Efron), 1891. 481 p.

For citation: Galiev F.Kh., Galikeeva I.G. Constitutionalism in the light of the theory of the rule of law: article // Theory of State and Law. 2024. No. 4 (41). P. 33–40.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_24

Научная статья

УДК 340.130.568

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_41

Ю.А. Горбуль*

Л.А. Юрьева**

КОДЕКСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ЗНАЧЕНИЕ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

***Аннотация.** Статья посвящена изучению правовой природы, роли и значения кодексов профессиональной этики в правовом регулировании общественных отношений. Установлено, что кодекс профессиональной этики представляет собой ценностно-нормативный комплекс этических положений, закладывающий основы нравственных устоев в соответствующей профессиональной сфере. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что кодексы профессиональной этики следует рассматривать в качестве особых источников права, имеющих дополнительное, второстепенное по отношению к закону значение.*

***Ключевые слова:** профессиональная этика, кодекс профессиональной этики, кодекс корпоративной этики, правовая природа, источник права.*

О тесном переплетении права и морали говорили еще древнеримские юристы, в частности известный римский юрист Публий Ювентий Цельс (Цельс-младший) провозгласил, что «Jus est ars boni et aequi» («Право – это искусство добра и справедливости»). Действительно, эти два важнейших социальных регулятора общественных отношений идут рука об руку на протяжении веков, дополняя друг друга в упорядочивании сложных и разнообразных взаимоотношений людей. И в современном обществе правовое регулирование, осуществляемое самыми разнообразными субъектами и имеющее различные пределы и сферы регулирующего воздействия, активно дополняется, а в некоторых случаях и корректируется моральными и этическими нормами. Наиболее ярко это проявляется в сфере применения различного рода профессиональных или корпоративных этических кодексов.

Традиционно профессиональная этика – это систем правил поведения определённой социальной группы (или отдельных лиц), обеспечивающая нравственный характер взаимоотношений, обусловленных или связанных с профессиональной деятельностью, а также отрасль науки, исследующая специфику реализации морали в различных видах деятельности [16, с. 25].

Профессиональная этика, являясь, по своей сути, совокупностью соответствующих правил поведения, не только регулирует взаимоотношения людей, но и повышает качество труда. В современной России и других странах приняты разнообразные кодексы профессиональной этики. Положения таких документов развивают и дополняют законы и иные нормативные акты, регулирующие деятельность врачей, журналистов, педагогов, судей, адвокатов и других представителей профессий, которые являются наиболее важными и значимыми для функционирования и поступательного развития общества, и в тех сферах, где роль морали и нравственности особенно значима.

* **Горбуль Юлия Александровна**, заведующая кафедрой государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Кузбасского гуманитарно-педагогического института ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»; доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ug1709@mail.ru. <http://orcid.org/0000-0002-5073-3574>

** **Юрьева Лариса Анатольевна**, декан факультета истории и права Кузбасского гуманитарно-педагогического института ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент. E-mail: yurijeva@rambler.ru. <http://orcid.org/0000-0002-8644-212X>

Так, в нашей стране в настоящее время действуют Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации (принят Первым национальным съездом врачей РФ 5 октября 2012 г.) [10], Кодекс профессиональной этики аудиторов (утвержден решением Правления СРО ААС от 22 декабря 2023 г.) [13], Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (принят решением Собрания представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации от 16 ноября 2015 г.) [12], Кодекс профессиональной деятельности адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) [8], Кодекс этики прокурорского работника (утверждён приказом Генеральной прокуратуры РФ от 17 марта 2010 г.) [5], Кодекс судейской этики (принят VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.) [11] и другие аналогичные акты.

Содержание норм этических кодексов предопределено не только соответствующими законодательными актами Российской Федерации, общепризнанными морально-нравственными принципами, определенными традициями той или иной профессиональной среды, но и международно-правовыми актами. Так, российский Кодекс профессиональной этики адвоката разработан на основе Общего кодекса правил для адвокатов стран Европейского Сообщества, Кодекс профессиональной этики аудиторов России разработан с учетом рекомендаций Международной федерации бухгалтеров (IFAC), этические кодексы журналистов базируются на Декларации принципов поведения журналиста, принятой Международной федерацией журналистов.

Необходимость принятия этических кодексов порождается следующими причинами.

Во-первых, недостаточность правового регулирования той или иной профессиональной сферы, обусловленная невозможностью охватить нормами действующего законодательства, регламентирующего права и обязанности конкретных специалистов, все нюансы их деятельности. В силу чего появляется потребность дополнительного регулирования профессионального поведения.

Кроме того, представители таких профессий, как например, врач или судья, в силу специфики своей деятельности и соответствующего правового статуса имеют достаточно широкий простор субъективного усмотрения. Их действия (как социально-полезные, так и общественно-вредные) в ряде ситуаций лишь отчасти урегулированы правовыми нормами, а в большей степени определяются собственным мнением, убеждением и совестью. Такая свобода усмотрения, по мнению самих представителей профессионального сообщества, нуждается в ограничении посредством установления ее пределов, в том числе с помощью морально-нравственных регуляторов.

Во-вторых, публичный характер и особая социально-ориентирующая роль многих профессий (педагог, государственный служащий, журналист и пр.) связаны с тем, что нарушение морально-нравственных принципов отдельными представителями той или иной сферы не только негативно воздействует на общественное мнение о профессиональном сообществе в целом, подрывая его авторитет, но и оказывает существенное влияние на воспитание молодого поколения и формирование морально-нравственных устоев общества. Профессиональное сообщество, которое заботится о своей репутации, устанавливает для своих членов правила, регулирующие поведение не только непосредственно при выполнении служебных обязанностей, но и в иных жизненных ситуациях.

Причины появления этических кодексов обуславливают их роль в профессиональной сфере, которая заключается в защите интересов не только клиентов, пациентов и иных получателей услуг, но и самих представителей сообщества, их работодателей, а если профессиональная сфера связана с осуществлением публично-правовых функций, то интересов всего общества и государства. По своей структуре, объему и стилю изложения кодексы профессиональной этики достаточно разнородны. Прежде всего, любой этический кодекс – это совокупность моральных стандартов и нравственно-этических положений, которыми представители тех или иных профессий обязаны руководствоваться не только при взаимодействии внутри профессионального сообщества с коллегами, руководящими структурами, но и в общении с клиентами, пациентами, обучающимися, при контактах с внешней средой,

средствами массовой информации и пр. Многие кодексы профессиональной этики являются хорошо структурированными актами, содержащими преамбулы, соответствующие разделы, включающие собственно этические принципы и правила профессионального поведения, а также предписания процедурного характера, касающиеся, среди прочего, порядка привлечения к дисциплинарной ответственности.

По вопросу о правовой природе кодексов профессиональной этики в литературе выражены абсолютно различные мнения. Достаточно распространённой является позиция тех авторов, которые считают, что этические кодексы – это результат делегированного подзаконного правотворчества, следовательно, они имеют правовой характер [17, с. 51], им присуща обязательность, как и нормам закона [21, с. 40], и их можно рассматривать в качестве одной из разновидностей правовых актов [14, с. 79].

С обозначенной позицией следует согласиться лишь отчасти. Действительно, во многих законодательных актах о профессиональной деятельности содержатся положения, обязывающие соблюдать нормы корпоративной этики. Так, согласно ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [1] адвокат обязан соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката. Часть 2 ст. 45 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [2] определяет, что при рассмотрении возникших спорных ситуаций необходимо руководствоваться примерным положением о нормах профессиональной этики педагогических работников [6].

По мнению других исследователей, однозначно отнести нормы этических кодексов к правовым нельзя, так как делегировать полномочия в рамках подзаконного правотворчества можно только органам государственной власти, к которым адвокатура, например, не относится [20, с. 35]. Следовательно, по своей юридической сути этические кодексы являются правовыми, но не нормативными актами [19, с. 40], поскольку принимаются органами профессиональных сообществ, которые являются институтами гражданского общества, а не государства.

Однако следует обратить внимание на то, некоторые профессиональные сообщества, безусловно, являясь институтами гражданского общества, имеют более сложный статус. Так, по мнению Конституционного Суда РФ, адвокат осуществляет деятельность, имеющую публично-правовой характер, реализуя гарантии права каждого на получение квалифицированной юридической помощи [3]. Публично-правовой характер имеют профессиональные сообщества и ряда других профессий.

Отдельные авторы указывают на то, что этические кодексы содержат в себе нормы, которые по своей природе являются корпоративными [18, с. 61]. С подобной позицией, на наш взгляд, имеются основания не согласиться. Еще одной разновидностью этических кодексов, получающих широкое распространение в последнее время, – кодексы корпоративной этики (например, Кодекс деловой этики ОАО «РЖД», Кодекс корпоративной этики ОАО «Газпром»). С точки зрения содержания кодексы профессиональной этики и кодексы корпоративной этики, действительно, имеют много общего. Однако различается их регулирующее воздействие по кругу лиц: в первом случае речь идет о представителях определенной профессии, а во втором – о лицах, осуществляющих самые разнообразные профессиональные функции в рамках соответствующей корпорации (организации). Хотя, справедливости ради, следует отметить, что достаточно часто понятие корпоративной этики трактуется широко и употребляется как синоним профессиональной этики. Отмеченное обстоятельство подтверждается позицией Конституционного Суда РФ, который в ходе рассмотрения жалобы С.М. Лябихова определил Кодекс профессиональной этики адвоката как корпоративный нормативный правовой акт [4].

Более узко корпоративная природа этического кодекса обозначена в Письме Федеральной службы по труду и занятости от 14 февраля 2022 г. № ПГ/01665-6-1 «О привлечении работников к дисциплинарной ответственности за несоблюдение требований корпоративной этики на основании локального нормативного акта, предусматривающего правила поведения работников в организации». Данный документ разъясняет, что если кодекс корпоративной этики регламентирует правила поведения работников и предусматривает

ответственность за их нарушение, а также принят в соответствии с положениями Трудового кодекса РФ, то он является локальным нормативным актом [7].

Резюмируя все вышеизложенное, следует, на наш взгляд, сделать вывод о сложной (комплексной) правовой природе кодексов профессиональной этики и согласиться с теми авторами, которые говорят о возможности рассматривать их в качестве новых нетрадиционных источников права – «этических кодексов» [15, с. 202]. В то же время термин «кодекс» не следует, конечно, трактовать буквально и рассматривать как разновидность федерального закона, и утверждать, что он имеет аналогичную юридическую силу [22]. Действительно, Кодекс профессиональной этики адвокатов, как уже было отмечено ранее, принят в развитие положений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», что позволяет рассматривать его в качестве особого источника права, но дополнительного, второстепенного по отношению к закону.

Кроме того, достаточно распространена практика принятия типовых кодексов этики. Так, например, решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции одобрен Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [9], Министерством просвещения Российской Федерации совместно с Общероссийским профсоюзом образования подготовлено Примерное положение о нормах профессиональной этики педагогических работников [6]. Однако в силу того, что данные акты содержат не рекомендательные, а обязательные предписания, то на практике они заменяют собой нормативное государственное регулирование, что противоречит природе и изначальной цели таких кодексов.

Обобщая вышеизложенное, следует заключить, что кодексы профессиональной этики направлены на регулирование общественных отношений в сфере реализации профессиональной деятельности наряду с действующим законодательством. В силу этого они могут быть отнесены к источникам права, исходящим от профессиональных сообществ либо общественных объединений, но санкционированные государством, призванные дополнять закон и усиливать регулирующее воздействие морально-нравственных норм и принципов.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 22 апреля 2024 г.) // Российская газета, 2002, 5 июня.
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 08 августа 2024 г.) // Российская газета, 2012, 31 декабря.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других» // Российская газета, 2015, 30 декабря.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2010 г. № 1580-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лябихова Сергея Михайловича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пунктом 1 статьи 8 и подпунктом 3 пункта 6 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката» // <https://www.garant.ru>.
5. Кодекс этики прокурорского работника (утверждён приказом Генеральной прокуратуры РФ от 17 марта 2010 г.) // <https://www.consultant.ru>.
6. Письмо Министерства просвещения Российской Федерации и Общероссийского Профсоюза образования от 20 августа 2019 г. № ИП-941/06/484 «О примерном положении о нормах профессиональной этики педагогических работников» // Вестник образования России. – 2019. – № 19.
7. Письмо Федеральной службы по труду и занятости от 14 февраля 2022 г. №ПГ/01665-6-1 «О привлечении работников к дисциплинарной ответственности за несоблюдение требований корпоративной этики на основании локального нормативного акта, предусматривающего правила поведения работников в организации» // Нормативные акты для бухгалтера. – 2022. – №12.
8. Кодекс профессиональной деятельности адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) // <https://www.consultant.ru>.

9. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.) // Официальные документы в образовании. – 2011. – № 36.
10. Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации (принят Первым национальным съездом врачей РФ 5 октября 2012 г.) // <https://www.consultant.ru>.
11. Кодекс судейской этики (принят VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.) // <https://www.consultant.ru>.
12. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (принят решением Собрания представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации от 16 ноября 2015 г.) // <https://www.consultant.ru>.
13. Кодекс профессиональной этики аудиторов (утвержден решением Правления СРО ААС от 22 декабря 2023 г.) // <https://www.consultant.ru>.
14. Дисциплинарная практика Адвокатской палаты г. Москвы 2005 г.: сборник / Сост. и отв. ред. Н.М. Кипнис. – М.: Новая юстиция, 2011. – 560 с.
15. *Игнатов А.Ю.* Этико-профессиональная ответственность адвоката // Вестник КрасГАУ. – 2010. – № 10. – С. 199 – 202.
16. *Кобликов А.С.* Юридическая этика – М.: Норма; Инфра-М, 2004. – 176 с.
17. *Кокамбо Ю.Д., Скоробогатова О.В.* Правовая природа и пределы действия Кодекса профессиональной этики адвоката // Вестник Амурского государственного университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 76. – С. 58–61.
18. *Либанова С.Э.* Значение Кодекса профессиональной этики в воспитании нравственного профессионализма и институционализации адвокатуры в России // Евразийская адвокатура. – 2012. – № 1. – С. 50–57.
19. *Малиновский А.А.* Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал российского права. – 2008. – № 4. – С. 39–44.
20. *Пилипенко Ю.С.* Научно-практический комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката. – М.: Норма, 2016. – 576 с.
21. *Резник Г.М.* Корпоративная независимость адвокатуры: гарантии и правовое регулирование // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2006. – № 3 (13). – С. 40–41.
22. *Савельева Т.А., Кузнецова А.А.* Кодекс профессиональной этики адвоката: юридическая природа // Научно-практический электронный журнал «Аллея науки». – 2021. – № 12 (63) // URL: <https://alley-science.ru>.

Для цитирования: Горбуль Ю.А., Юрьева Л.А. Кодексы профессиональной этики: правовая природа и значение в правовом регулировании: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 41–45.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_41

CODES OF PROFESSIONAL ETHICS: LEGAL NATURE AND SIGNIFICANCE IN LEGAL REGULATION

Julia A. Gorbul*
Larisa A. Yurieva**

***Annotation.** The article is devoted to the study of the legal nature, role and significance of codes of professional ethics in the legal regulation of public relations. It is established that the Code of professional ethics is a value-normative set of ethical provisions that lays the foundations of moral principles in the relevant professional field. As a result of the conducted research, the authors come to the conclusion that codes of professional ethics should be*

* **Gorbul Julia Alexandrovna**, Head of the Department of Public Law and Civil Law Disciplines of the Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of the Kemerovo State University; Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: ug1709@mail.ru. [Http://orcid.org/0000-0002-5073-3574](http://orcid.org/0000-0002-5073-3574)

** **Yuryeva Larisa Anatolyevna**, Dean of the Faculty of History and Law of the Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of the Kemerovo State University, Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: yurijeva@rambler.ru. [Http://orcid.org/0000-0002-8644-212X](http://orcid.org/0000-0002-8644-212X)

considered as special sources of law that have additional, secondary importance in relation to the law.

Key words: *professional ethics, code of professional ethics, code of corporate ethics, legal nature, source of law.*

The close interweaving of law and morality was already discussed by ancient Roman lawyers, in particular the famous Roman lawyer Publius Juventus Celsus (Celsus the Younger) proclaimed that "Jus est ars boni et aequi" ("Law is the art of goodness and justice"). Indeed, these two most important social regulators of public relations have gone hand in hand for centuries, complementing each other in regulating complex and diverse relationships between people. And in modern society, legal regulation, carried out by a wide variety of subjects and having various limits and spheres of regulatory impact, is actively supplemented, and in some cases adjusted, by moral and ethical standards. This is most clearly manifested in the sphere of application of various types of professional or corporate ethical codes. Traditionally, professional ethics is a system of rules of conduct for a certain social group (or individuals) that ensures the moral nature of relationships caused by or associated with professional activities, as well as a branch of science that studies the specifics of implementing morality in various types of activities [16, p. 25]. Professional ethics, being essentially a set of relevant rules of conduct, not only regulates relationships between people, but also improves the quality of work. In modern Russia and other countries, various codes of professional ethics have been adopted. The provisions of such documents develop and supplement laws and other regulations governing the activities of doctors, journalists, teachers, judges, lawyers and other representatives of professions that are the most important and significant for the functioning and progressive development of society, and in those areas where the role of morality and ethics is especially significant. Thus, in our country the following are currently in effect: the Code of Professional Ethics of the Doctor of the Russian Federation (adopted by the First National Congress of Doctors of the Russian Federation on October 5, 2012) [10], the Code of Professional Ethics of Auditors (approved by the decision of the Board of the SRO AAS dated December 22, 2023) [13], the Code of Professional Ethics of Notaries in the Russian Federation (adopted by the decision of the Assembly of Representatives of Notary Chambers of the Subjects of the Russian Federation dated November 16, 2015) [12], the Code of Professional Activity of a Lawyer (adopted by the First All-Russian Congress of Lawyers on January 31, 2003) [8], the Code of Ethics of a Prosecutor's Employee (approved by the order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated March 17, 2010) [5], the Code of Judicial Ethics (adopted by the VIII All-Russian Congress of Judges on December 19, 2012) [11] and other similar acts.

The content of the norms of ethical codes is predetermined not only by the relevant legislative acts of the Russian Federation, generally recognized moral and ethical principles, certain traditions of a particular professional environment, but also by international legal acts. Thus, the Russian Code of Professional Ethics of a Lawyer was developed on the basis of the General Code of Practice for Lawyers of the European Community, the Code of Professional Ethics of Auditors of Russia was developed taking into account the recommendations of the International Federation of Accountants (IFAC), ethical codes of journalists are based on the Declaration of Principles of Conduct for Journalists adopted by the International Federation of Journalists.

The need to adopt ethical codes is caused by the following reasons.

Firstly, the inadequacy of legal regulation of a particular professional sphere, due to the impossibility of covering all the nuances of their activities with the norms of current legislation governing the rights and obligations of specific specialists. Due to which there is a need for additional regulation of professional behavior.

In addition, representatives of such professions as, for example, a doctor or a judge, due to the specific nature of their activities and the corresponding legal status, have a fairly wide scope for subjective discretion. Their actions (both socially useful and socially harmful) in a number of situations are only partly regulated by legal norms, and are largely determined by their own opinion, conviction and conscience. Such freedom of discretion, in the opinion of the representatives of the professional community themselves, needs to be limited by establishing its limits, including with the help of moral and ethical regulators.

Theory of State and Law

Secondly, the public nature and special socially-oriented role of many professions (teacher, civil servant, journalist, etc.) are related to the fact that the violation of moral and ethical principles by individual representatives of a particular sphere not only negatively affects public opinion about the professional community as a whole, undermining its authority, but also has a significant impact on the education of the younger generation and the formation of the moral and ethical foundations of society. A professional community that cares about its reputation establishes rules for its members that regulate behavior not only directly in the performance of official duties, but also in other life situations.

The reasons for the emergence of ethical codes determine their role in the professional sphere, which consists in protecting the interests of not only clients, patients and other recipients of services, but also the representatives of the community themselves, their employers, and if the professional sphere is associated with the implementation of public-law functions, then the interests of the whole society and the state. In their structure, volume and style of presentation, codes of professional ethics are quite heterogeneous. First of all, any code of ethics is a set of moral standards and ethical provisions that representatives of certain professions are obliged to follow not only when interacting within the professional community with colleagues, management structures, but also when communicating with clients, patients, students, when interacting with the external environment, the media, etc. Many codes of professional ethics are well-structured acts containing preambles, relevant sections that include the actual ethical principles and rules of professional conduct, as well as procedural regulations concerning, among other things, the procedure for bringing to disciplinary responsibility. On the issue of the legal nature of codes of professional ethics, the literature expresses completely different opinions. Quite common is the position of those authors who believe that ethical codes are the result of delegated subordinate lawmaking, therefore, they have a legal nature [17, p. 51], they are inherently mandatory, as are the norms of the law [21, p. 40], and they can be considered as one of the types of legal acts [14, p. 79].

One should only partially agree with the stated position. Indeed, many legislative acts on professional activity contain provisions obliging to comply with the norms of corporate ethics. Thus, according to Art. 7 of the Federal Law "On Advocacy Activity and the Bar in the Russian Federation" [1], a lawyer is obliged to comply with the code of professional ethics of a lawyer. Part 2 of Art. 45 of the Federal Law "On Education in the Russian Federation" [2] determines that when considering controversial situations that have arisen, it is necessary to be guided by the model provision on the norms of professional ethics of teaching staff [6].

According to other researchers, it is impossible to unambiguously classify the norms of ethical codes as legal ones, since powers can be delegated within the framework of subordinate lawmaking only to government bodies, to which the bar, for example, does not belong [20, p. 35]. Consequently, in their legal essence, ethical codes are legal, but not normative acts [19, p. 40], since they are adopted by bodies of professional communities, which are institutions of civil society, and not the state. However, it should be noted that some professional communities, although certainly being institutions of civil society, have a more complex status. Thus, according to the Constitutional Court of the Russian Federation, a lawyer carries out activities that have a public-law character, implementing guarantees of the right of everyone to receive qualified legal assistance [3]. Professional communities of a number of other professions also have a public-law character.

Some authors point out that ethical codes contain norms that are corporate in nature [18, p. 61]. In our opinion, there are reasons to disagree with this position. Another type of ethical codes that have become widespread recently are codes of corporate ethics (for example, the Code of Business Ethics of Russian Railways, the Code of Corporate Ethics of Gazprom). In terms of content, codes of professional ethics and codes of corporate ethics do have much in common. However, their regulatory impact on the circle of persons differs: in the first case, we are talking about representatives of a certain profession, and in the second – about persons performing a wide variety of professional functions within the relevant corporation (organization). Although, in fairness, it should be noted that quite often the concept of corporate ethics is interpreted broadly and used as a synonym for professional ethics. The above-mentioned circumstance is confirmed by the position of the Constitutional Court of the

Russian Federation, which, during the consideration of the complaint of S.M. Lyabikhov, defined the Code of Professional Ethics of a Lawyer as a corporate normative legal act [4].

A more narrowly corporate nature of the code of ethics is indicated in the Letter of the Federal Service for Labor and Employment dated February 14, 2022 No. PG/01665-6-1 "On bringing employees to disciplinary responsibility for failure to comply with corporate ethics requirements on the basis of a local regulatory act providing for the rules of conduct for employees in the organization." This document explains that if the code of corporate ethics regulates the rules of conduct for employees and provides for liability for their violation, and is also adopted in accordance with the provisions of the Labor Code of the Russian Federation, then it is a local regulatory act [7].

Summarizing all of the above, we should, in our opinion, draw a conclusion about the complex (integrated) legal nature of codes of professional ethics and agree with those authors who talk about the possibility of considering them as new non-traditional sources of law – "ethical codes" [15, p. 202]. At the same time, the term "code" should not, of course, be interpreted literally and considered as a type of federal law, and argue that it has similar legal force [22]. Indeed, the Code of Professional Ethics of Advocates, as noted earlier, was adopted in development of the provisions of the Federal Law "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation", which allows us to consider it as a special source of law, but additional, secondary in relation to the law.

In addition, the practice of adopting model codes of ethics is quite common. For example, the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Combating Corruption approved the Model Code of Ethics and Official Conduct of State Civil Servants of the Russian Federation and Municipal Employees [9], and the Ministry of Education of the Russian Federation, together with the All-Russian Trade Union of Education, prepared the Model Regulation on the Standards of Professional Ethics of Teaching Staff [6]. However, since these acts contain mandatory rather than recommendatory instructions, in practice they replace normative state regulation, which contradicts the nature and original purpose of such codes.

Summarizing the above, it should be concluded that codes of professional ethics are aimed at regulating public relations in the sphere of professional activity along with current legislation. Due to this, they can be classified as sources of law emanating from professional communities or public associations, but sanctioned by the state, designed to supplement the law and enhance the regulatory impact of moral and ethical norms and principles.

Bibliographic list

1. Federal Law of May 31, 2002 No. 63-FZ "On Advocacy Activity and the Bar in the Russian Federation" (as amended on April 22, 2024) // Rossiyskaya Gazeta, 2002, June 5.
2. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" (as amended on August 8, 2024) // Rossiyskaya Gazeta, 2012, December 31.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 17, 2015 No. 33-P "On the case of verifying the constitutionality of paragraph 7 of part two of Article 29, part four of Article 165 and part one of Article 182 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens A.V. Balyan, M.S. Dzyuba and others" // Rossiyskaya Gazeta, 2015, December 30.
4. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 16, 2010 No. 1580-O-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sergey Mikhailovich Lyabikhov on the violation of his constitutional rights by subparagraph 1 of paragraph 1 of Article 7 of the Federal Law "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation", paragraph 1 of Article 8 and subparagraph 3 of paragraph 6 of Article 18 of the Code of Professional Ethics of a Lawyer" // <https://www.garant.ru>.
5. Code of Ethics of a Prosecutor's Employee (approved by the order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated March 17, 2010) // <https://www.consultant.ru>.
6. Letter of the Ministry of Education of the Russian Federation and the All-Russian Trade Union of Education dated August 20, 2019 No. IP-941/06/484 "On the model regulations on the standards of professional ethics of teaching staff" // Bulletin of Education of Russia. 2019. No. 19.
7. Letter of the Federal Service for Labor and Employment dated February 14, 2022 No. PG / 01665-6-1 "On bringing employees to disciplinary responsibility for failure to comply with corporate ethics requirements on the basis of a local regulatory act providing for the rules of conduct for employees in the organization" // Regulatory acts for an accountant. 2022. No. 12.

8. Code of professional activity of lawyers (adopted by the 1st All-Russian Congress of Lawyers on January 31, 2003) // <https://www.consultant.ru>.
9. Model code of ethics and official conduct of civil servants of the Russian Federation and municipal employees (approved by the decision of the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Combating Corruption dated December 23, 2010) // Official documents in education. 2011. No. 36.
10. Code of professional ethics of a physician of the Russian Federation (adopted by the First National Congress of Physicians of the Russian Federation on October 5, 2012) // <https://www.consultant.ru>.
11. Code of judicial ethics (adopted by the VIII All-Russian Congress of Judges on December 19, 2012) // <https://www.consultant.ru>.
12. Code of Professional Ethics of Notaries in the Russian Federation (adopted by the decision of the Assembly of Representatives of Notary Chambers of the Subjects of the Russian Federation dated November 16, 2015) // <https://www.consultant.ru>.
13. Code of Professional Ethics of Auditors (approved by the decision of the Board of the SRO AAS dated December 22, 2023) // <https://www.consultant.ru>.
14. Disciplinary Practice of the Moscow Bar Association 2005: collection / Comp. and ed. N.M. Kipnis. Moscow: New Justice, 2011. 560 p.
15. Ignatov A.Yu. Ethical and professional responsibility of a lawyer // Bulletin of KrasSAU. 2010. No. 10. P. 199–202.
16. Koblikov A.S. Legal Ethics. Moscow: Norma; Infra-M, 2004. 176 p.
17. Kokambo Yu.D., Skorobogatova O.V. Legal nature and limits of the Code of Professional Ethics of a Lawyer // Bulletin of Amur State University. Series: Humanities. 2017. No. 76. P. 58–61.
18. Libanova S.E. The Importance of the Code of Professional Ethics in Fostering Moral Professionalism and Institutionalizing the Bar in Russia // Eurasian Advocacy. 2012. No. 1. P. 50–57.
19. Malinovsky A.A. Code of Professional Ethics: Concept and Legal Significance // Journal of Russian Law. 2008. No. 4. P. 39–44.
20. Pilipenko Yu.S. Scientific and Practical Commentary on the Code of Professional Ethics of an Attorney. Moscow: Norma, 2016. 576 p.
21. Reznik G.M. Corporate Independence of the Bar: Guarantees and Legal Regulation // Bulletin of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. 2006. No. 3 (13). P. 40–41.
22. Savelyeva T.A., Kuznetsova A.A. Code of professional ethics of a lawyer: legal nature // Scientific and practical electronic journal "Alley of Science". 2021. No. 12 (63) // URL: <https://alley-science.ru>.

For citation: Gorbun Yu.A., Yuryeva L.A. Codes of professional ethics: legal nature and significance in legal regulation // Theory of State and Law. 2024. No. 4 (41). P. 45–49.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_41

Научная статья

УДК 340.1

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_50

А.М. Дроздова*

ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ УСЛОВИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И УРОВНЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В данной статье анализируются основные понятия правового воспитания и правового обучения как средства формирования правовой культуры человека и общества. Рассматриваются элементы правосознания и их взаимодействие с иными факторами, влияющими на повышение уровня правовой культуры личности и общества.

Ключевые слова: правовая культура, правовое воспитание, правовое обучение, ценности, правовое сознание, мораль, право, государство, общество.

Если вспомнить о функциях государства, то следует обратить внимание на наличие идеологической функции любого государства, включая и современное. В процессе реализации названной функции принято усматривать в виде самостоятельного вида деятельности государства, общества, государственных служащих, населения – *правовое воспитание*. Общепринято под правовым воспитанием в широком смысле слова понимать целенаправленную деятельность по формированию правосознания и правовой культуры личности, группы или общества в целом.

Позволим себе обратить внимание на тот факт, что объективно воспитание и обучение – два взаимосвязанных процесса, что можно соотнести и с пониманием правового воспитания и правового образования, назвав общий процесс *правовым образованием*.

По мнению автора, воспитывая личность и формируя его правосознание, мы формируем базовые основы для появления эффективного уровня правовой культуры, которая в то же время способствует дальнейшему формированию здорового правосознания личности и общества, тогда как осознанное и волевое соблюдение юридических норм, уважительное отношение к закону позволяют оценивать в целом здоровье общества и государства. Более того, переход к воспитывающему обучению в вузе, например, формирование и признание при этом нравственных идеалов и национальных ценностей, формирование правового сознания личности, позволит обеспечить осознание ею необходимости правовых установок и постоянного приобретения профессиональных правовых знаний с тем, чтобы сформировать уважение к праву и потребность повышать свой образовательный уровень в сфере культуры и права.

Общеизвестно, что *правовая культура* является одной из форм человеческой культуры, что признают большинство ученых и определяют ее как совокупность духовных, нравственных, материальных ценностей в обществе на его конкретном историческом этапе развития. В юриспруденции принято рассматривать правовую культуру в *широком* смысле слова, включая в нее законодательство, государственные органы власти, деятельность государственных органов и их правовую практику, поведение граждан в сфере права, уровень правосознания и правовую систему в целом. С.А. Комаров считает, что правовая культура (в широком смысле слова) – это совокупность компонентов юридической надстройки в их

* Дроздова Александра Михайловна, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: temp17@rambler.ru

реальном функционировании, комплекс представлений той или иной общности людей о праве, его реализации, о деятельности государственных органов, должностных лиц [4, с. 416].

Правовую культуру в узком смысле слова принято сравнивать с самой правовой деятельностью, с ее уровнем развития, направленностью, формами, методами и технологиями в процессе оценки качества правовой жизни личности или общества. Правовая культура (в узком смысле слова) – это совокупность материализованных идей, чувств, представлений как осознанной необходимости и внутренней потребности поведения личности в сфере права, базирующаяся на правовом сознании [4, с. 417]. Некоторые авторы правовую культуру определяют как «совокупность всех ценностей, созданных человеком в правовой сфере» [1, с. 299].

Если анализировать соотношение правовой культуры и правосознания, следует отметить тот факт, что правовое сознание – это идеи, воззрения, ценности, концепции, ориентации, интуиции, тогда как правовая культура это уже положительное отношение к правовой сфере и правовым явлениям и выраженное в правой деятельности каждой личности и юридических структур.

Еще раз обращаем внимание на то, что правовая культура не мыслится без деятельности личности со здоровым правосознанием, она невозможна без человека и его активной прогрессивной деятельности.

Все это возможно достичь в процессе правового обучения и правового воспитания, основными задачами которых следует назвать такие как: формирование системы правовых знаний с последующим их пониманием, формирование уважительного отношения к праву, закону, правопорядку; умение применять на практике усвоенные правовые установки и привычка поведения в соответствии с требованием юридического предписания при сформированном иммунитете к правонарушениям и правонарушителям.

Если говорить о правовых средствах для решения названных задач, то вполне можно прибегнуть к правовой пропаганде, к правовому всеобучу, к правовому обучению на всех уровнях и самовоспитанию в культурной и правовой сферах, имея доступ к информации и обладая правовой информированностью. Правовое обучение и воспитание должно начинаться в семье, включаться в программы воспитания правил поведения начиная с детских садов, подключать к правовому всеобучу следует школьников всех годов обучения и продолжать правовое образование в вузах по всем направлениям обучения. Для населения постоянно проводить лекции, беседы, встречи, конференции и конкурсы. В настоящее время все эти мероприятия стали возможными с применением СМИ и интернет-технологий, с решением вопросов цифровизации сферы образования и формирования общей культуры общества.

Общепризнанными методами правового образования в целом являются методы убеждения, принуждения, поощрения и профилактики.

По мнению И.А. Ильина, необходимо «*приблизить право к народу*, чтобы укреплять массовое правосознание, чтобы народ понимал, знал и ценил свои законы, чтобы он добровольно соблюдал свои обязанности и запреты и лояльно пользовался своими полномочиями. Право должно стать фактором жизни, мерою реального поведения, силою народной души» [3, с. 263].

Особое внимание формированию высокого уровня правосознания и профессиональной правовой культуры следует уделять по отношению к государственным служащим вообще, и к государственным служащим от образования – в частности, поскольку их поведение осознанное или не осознанное оказывает постоянное воздействие на каждого из нас в процессе общения с населением при выполнении ими профессиональных функций. Это значит, что их правовое воспитание направлено на развитие правового сознания человека и правовой культуры общества, т.к. призвано гарантировать поведение, в соответствии с потребностями, ценностями и ожиданиями правового государства и общества в целом.

Ведя разговор о формировании правового сознания, не следует забывать, что личность социализируется в обществе себе подобных и объективно связана с нравственностью, уровнем общей культуры и образованности каждого ее члена; с такими принципами как достоинство, честь, свобода, справедливость и такими ценностями как право, национальная идентичность и правовое сознание личности и народа. В свою очередь воспитать, повысить или развивать правовую культуру невозможно, можно только создать условия для формирования определенного уровня правовой культуры каждого и общества в целом. Не следует отбрасывать в сторону такие явления жизни общества как: интересы личности и общества, законность, правопорядок, свобода личности и ответственность каждого перед собой, перед другими и обществом в целом, что в свою очередь обеспечит реализацию механизмов обеспечения и защиты прав человека в государстве. О свободе человека следует говорить только с позиций нравственных начал и наличия здорового правосознания граждан, уважения и исполнения требований закона с учетом интересов страны и государства.

Общеизвестно, что для создания условий формирования правовой культуры обычно применяют образовательные технологии в сфере воспитания у населения уважения к праву с учетом различных слоев населения; воспитания осознания населением места и роли правовых установок и национальных ценностей; воспитания правовой и политической активности и нетерпимости к нарушениям общих норм поведения и культурно-правовых установок. Особое значение в организации и проведении правовой пропаганды, правового всеобуча и формирования нравственных начал в отношении личности следует придавать процессу воспитания и обучения человека с момента рождения в семье, учебы в школе, вузе и дальнейшей взрослой жизни.

Важную роль в создании условий формирования правовой культуры и правосознания призваны сыграть литература, искусство, театр, кино, СМИ, которые в настоящее время у некоторой категории граждан забыты. Все увлеклись цифровизацией, инфо-коммуникацией, мечтают об искусственном интеллекте, не понимая возникающих проблем и не просчитывая риски. Этому подвержены не только молодые, но и достаточно взрослые особи человеческого общества. Мы перестаем читать, говорить, мыслить, рассуждать, анализировать, полагаясь на кнопку в своем смартфоне. И учат, и лечат, и живут сегодня многие по телефону... А что будет, когда закончатся эти известные технологии, кто будет развивать их в будущем, или просто очередная вспышка на солнце выведет из строя все наши гаджеты? Тот, кто не приучен к нормальной человеческой жизни без помощи смартфона, погибнет под воздействием стресса, неумения себя обслужить, найти себе применение. А может быть нас всех привязывают к цифре и новым технологиям, чтобы однажды отключить все это и уменьшить за счет слабых население планеты? Но погибать будут те, кто не может жить без цифровизации, кому доступны эти цифровые технологии, кто считает себя современным потребителем «модных» устройств и технологий, а это «образованное» население крупных городов и развитых стран. А выживет население небольших населенных пунктов, недостаточно технически обеспеченных городов, районов и стран. Становится опасным все это иметь, уметь пользоваться и совершенствовать, т.к. мы сами себе создаем риски собственных проигрышей и перспективу дальнейшего существования.

Вызывает опасение и определенная деятельность СМИ, которая зачастую направлена на воспитание потребительства, безнравственности, унижения, хамства, грабежа и убийств (во многих фильмах и передачах); вокруг на всех каналах телевизоров сплошной криминал, следователи, бандиты и иногда между ними проскальзывают сериалы о работе медицинского персонала. Особое непонимание вызывают соревновательные передачи по разыгрыванию, выигрыванию и просто по получению огромных денежных сумм, например, различные лото, тогда как людям нужна помощь, взаимопонимание, выручка и простое человеческое участие. И нет информации о том, куда отправлен или кто получил выигрыш в 900 млн. рублей, кто ошастливил и кого.

В отношении воспитательных мероприятий в школах, вузах, или всеобуча населения необходимо говорить постоянно с людьми на понятном юридически доступном языке,

знакомить население с нормами и принципами российского права, пропагандировать достижений российской науки, «знать в лицо своих героев», чтобы молодежь стремилась овладевать знаниями, развивать науку, хотеть создавать предприятия, новые машины и самолеты, строить и воспитывать детей в семье, расширять свой культурный уровень, читать, думать, общаться и помогать своей стране, своему государству.

В заключение хочется отметить, что по причине того, что при создании правового государства, ставящего перед собой цель – правомерное поведение, в том числе правовая активность граждан и, вне всякого сомнения, профессиональная активность юристов и других государственных служащих в процессе реализации их компетенции в юридически значимых ситуациях, именно правовое обучение и воспитание приобретают особую значимость и становятся центром процесса духовного формирования современного человека. Это в свою очередь обязывает государство к проведению целенаправленной государственной политике в названной сфере, особенно в плане правового образования, не исключая при этом и другие важные направления государственной деятельности.

Для общества в целом и для каждой личности в отдельности, важен качественный уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях различного типа и вида, в том числе закрепление и развитие у обучающихся основ правосознания и правовой культуры, где и не менее важна эффективная, профессиональная и законная деятельность правоохранительных и иных уполномоченных органов по выявлению и пресечению правонарушений, обеспечению неотвратимости соразмерного и справедливого наказания за нарушение закона; поскольку правовая культура – необходимое условие сознательного осуществления человеком своего долга перед обществом, что способствует преодолению отсталых взглядов, отклоняющегося поведения людей, предотвращению случаев произвола и насилия над личностью.

Позволим себе отметить, что в условиях правового государства возрастает роль закона в системе социальных регуляторов, происходит усиление правовых начал в поведении людей, в жизни общества и государства. Недостаточный уровень правовой культуры и правосознания, правовой нигилизм граждан России становятся серьезной проблемой обеспечения реализации принципа верховенства права. А, «являясь одновременно и субъектом и объектом современных преобразований, мы испытываем изменения в общественных отношениях, определенные изменения в общественном сознании и мировоззрении, на глазах заметны видимые изменения общественного порядка, общественной дисциплины, определенный рост правонарушений и безответственности, что в свою очередь вынуждает нас уделять большое внимание правовому всеобучу, правовому воспитанию и образованию, формированию здорового правового сознания и высокой правовой культуры каждого члена общества» [2, с. 103].

Библиографический список

1. *Власов В.И.* Теория государства и права: учебное пособие /В.И. Власов, Г.Б. Власова. – 2-е изд. – Ростов н/Д: Феникс, 2012. – 333 с.
2. *Дроздова А.М.* Правосознание и правовая культура: соотношение понятий // В сб.: Правосознание обучающихся в юридическом вузе в условиях информатизации российского общества. Т. 2. – Ставрополь, 2020. – 168 с.
3. *Ильин И.А.* Родина и мы: статьи // Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – Смоленск: «Посох», 1995. – 512 с.
4. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 504 с.

Для цитирования: Дроздова А.М. Правовое образование в процессе формирования условий для повышения эффективности и уровня правовой культуры: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 50–53.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_50

LEGAL EDUCATION IN THE PROCESS OF FORMING

CONDITIONS FOR INCREASING THE EFFICIENCY AND LEVEL OF LEGAL CULTURE

Alexandra M. Drozdova *

Annotation. *This article analyzes the basic concepts of legal education and legal training as a means of forming the legal culture of a person and society. The elements of legal consciousness and their interaction with other factors influencing the increase in the level of legal culture of the individual and society are considered.*

Keywords: *legal culture, legal education, legal education, values, legal consciousness, morality, law, state, society.*

If we recall the functions of the state, then we should pay attention to the presence of the ideological function of any state, including the modern one. In the process of implementing the said function, it is customary to see legal education as an independent type of activity of the state, society, civil servants, and the population. It is generally accepted that legal education in the broad sense of the word is a targeted activity to form legal awareness and legal culture of an individual, group, or society as a whole.

Let us draw attention to the fact that, objectively, upbringing and training are two interrelated processes, which can be correlated with the understanding of legal education and legal education, calling the general process legal education.

According to the author, by educating an individual and forming his legal awareness, we form the basic foundations for the emergence of an effective level of legal culture, which at the same time contributes to the further formation of healthy legal awareness of an individual and society, while conscious and volitional observance of legal norms, a respectful attitude to the law allow us to assess the overall health of society and the state. Moreover, the transition to educational training at a university, for example, the formation and recognition of moral ideals and national values, the formation of legal consciousness of the individual, will ensure that the individual is aware of the need for legal guidelines and the constant acquisition of professional legal knowledge in order to form respect for the law and the need to improve their educational level in the field of culture and law.

It is well known that legal culture is one of the forms of human culture, which is recognized by most scientists and defined as a set of spiritual, moral, material values in society at its specific historical stage of development. In jurisprudence, it is customary to consider legal culture in the broad sense of the word, including legislation, state authorities, the activities of state bodies and their legal practice, the behavior of citizens in the field of law, the level of legal consciousness and the legal system as a whole. S.A. Komarov believes that legal culture (in the broad sense of the word) is a set of components of the legal superstructure in their actual functioning, a complex of ideas of a particular community of people about the law, its implementation, about the activities of state bodies and officials [4, p. 416].

Legal culture in the narrow sense of the word is usually compared with the legal activity itself, with its level of development, direction, forms, methods and technologies in the process of assessing the quality of the legal life of an individual or society. Legal culture (in the narrow sense of the word) is a set of materialized ideas, feelings, ideas as a conscious necessity and internal need for the behavior of an individual in the sphere of law, based on legal consciousness [4, p. 417]. Some authors define legal culture as "the set of all values created by man in the legal sphere" [1, p. 299].

If we analyze the relationship between legal culture and legal consciousness, we should note the fact that legal consciousness is ideas, views, values, concepts, orientations, intuitions, while legal

* **Drozdova Alexandra Mikhailovna**, professor of the Department of Legal Culture and Protection of Human Rights of the Law Institute of the North Caucasus Federal University, Doctor of Law, professor. E-mail: temp17@rambler.ru

Theory of State and Law

culture is a positive attitude to the legal sphere and legal phenomena and expressed in the legal activity of each individual and legal structures.

Once again, we draw attention to the fact that legal culture is unthinkable without the activity of an individual with healthy legal consciousness, it is impossible without a person and his active progressive activity.

All this can be achieved in the process of legal training and legal education, the main tasks of which should be called the following: the formation of a system of legal knowledge with subsequent understanding, the formation of a respectful attitude to law, law, law and order; the ability to apply in practice the learned legal principles and the habit of behavior in accordance with the requirement of a legal prescription with formed immunity to offenses and offenders.

If we talk about legal means for solving the above-mentioned problems, then it is quite possible to resort to legal propaganda, universal legal education, legal education at all levels and self-education in the cultural and legal spheres, having access to information and possessing legal awareness. Legal education and upbringing should begin in the family, be included in programs of upbringing rules of conduct starting from kindergartens, schoolchildren of all years of study should be involved in universal legal education and continue legal education in universities in all areas of study. Lectures, discussions, meetings, conferences and competitions should be held for the population on a regular basis. Currently, all these events have become possible with the use of media and Internet technologies, with the solution of issues of digitalization of the education sphere and the formation of a general culture of society.

The generally accepted methods of legal education in general are the methods of persuasion, coercion, encouragement and prevention.

According to I.A. Ilyin, it is necessary "to bring the law closer to the people in order to strengthen mass legal consciousness, so that the people understand, know and value their laws, so that they voluntarily observe their duties and prohibitions and loyally use their powers. The law must become a factor of life, a measure of real behavior, the strength of the people's soul" [3, p. 263].

Particular attention should be paid to the formation of a high level of legal consciousness and professional legal culture in relation to civil servants in general, and to civil servants from education – in particular, since their behavior consciously or unconsciously has a constant impact on each of us in the process of communicating with the population when they perform professional functions. This means that their legal education is aimed at developing the legal consciousness of a person and the legal culture of society, since is intended to guarantee behavior in accordance with the needs, values and expectations of the rule of law and society as a whole.

When talking about the formation of legal consciousness, one should not forget that an individual is socialized in a society of his own kind and is objectively connected with morality, the level of general culture and education of each of its members; with such principles as dignity, honor, freedom, justice and such values as law, national identity and legal consciousness of an individual and a nation. In turn, it is impossible to educate, improve or develop legal culture, one can only create conditions for the formation of a certain level of legal culture of each person and society as a whole. One should not discard such phenomena of social life as: the interests of the individual and society, legality, law and order, personal freedom and responsibility of each person to himself, to others and society as a whole, which in turn will ensure the implementation of mechanisms for ensuring and protecting human rights in the state. Human freedom should be discussed only from the standpoint of moral principles and the presence of healthy legal consciousness of citizens, respect and compliance with the requirements of the law, taking into account the interests of the country and the state.

It is well known that in order to create conditions for the formation of legal culture, educational technologies are usually used in the field of educating the population to respect the law, taking into account various segments of the population; educating the population to understand the place and role of legal guidelines and national values; educating legal and political activity and intolerance to violations of general norms of behavior and cultural and legal guidelines. Particular importance in

organizing and conducting legal propaganda, legal education and the formation of moral principles in relation to the individual should be given to the process of educating and training a person from the moment of birth in a family, studying at school, university and further adult life. Literature, art, theater, cinema, and the media, which are currently forgotten by some categories of citizens, are called upon to play an important role in creating conditions for the formation of legal culture and legal consciousness. Everyone is carried away by digitalization, info-communication, dreaming of artificial intelligence, without understanding the problems that arise and without calculating the risks. Not only young people, but also quite adult individuals of human society are subject to this. We stop reading, talking, thinking, reasoning, analyzing, relying on the button in our smartphones. And many people teach, and treat, and live today by phone ... And what will happen when these well-known technologies end, who will develop them in the future, or just another solar flare will disable all our gadgets? Those who are not accustomed to normal human life without the help of a smartphone will die under the influence of stress, inability to take care of themselves, to find a use for themselves. Or maybe we are all tied to digital and new technologies, so that one day they can turn it all off and reduce the population of the planet at the expense of the weak? But those who cannot live without digitalization, who have access to these digital technologies, who consider themselves modern consumers of "fashionable" devices and technologies, and this is the "educated" population of large cities and developed countries, will perish. And the population of small towns, insufficiently technically equipped cities, regions and countries will survive. It is becoming dangerous to have all this, to be able to use and improve it, because we create for ourselves the risks of our own losses and the prospect of further existence.

The generally accepted methods of legal education in general are the methods of persuasion, coercion, encouragement and prevention.

According to I.A. Ilyin, it is necessary "to bring the law closer to the people in order to strengthen mass legal consciousness, so that the people understand, know and value their laws, so that they voluntarily observe their duties and prohibitions and loyally use their powers. The law must become a factor of life, a measure of real behavior, the strength of the people's soul" [3, p. 263].

Particular attention should be paid to the formation of a high level of legal consciousness and professional legal culture in relation to civil servants in general, and to civil servants from education – in particular, since their behavior consciously or unconsciously has a constant impact on each of us in the process of communicating with the population when they perform professional functions. This means that their legal education is aimed at developing the legal consciousness of a person and the legal culture of society, since is intended to guarantee behavior in accordance with the needs, values and expectations of the rule of law and society as a whole.

When talking about the formation of legal consciousness, one should not forget that an individual is socialized in a society of his own kind and is objectively connected with morality, the level of general culture and education of each of its members; with such principles as dignity, honor, freedom, justice and such values as law, national identity and legal consciousness of an individual and a nation. In turn, it is impossible to educate, improve or develop legal culture, one can only create conditions for the formation of a certain level of legal culture of each person and society as a whole. One should not discard such phenomena of social life as: the interests of the individual and society, legality, law and order, personal freedom and responsibility of each person to himself, to others and society as a whole, which in turn will ensure the implementation of mechanisms for ensuring and protecting human rights in the state. Human freedom should be discussed only from the standpoint of moral principles and the presence of healthy legal consciousness of citizens, respect and compliance with the requirements of the law, taking into account the interests of the country and the state.

It is well known that in order to create conditions for the formation of legal culture, educational technologies are usually used in the field of educating the population to respect the law, taking into account various segments of the population; educating the population to understand the place and role of legal guidelines and national values; educating legal and political activity and intolerance to violations of general norms of behavior and cultural and legal guidelines. Particular importance in

Theory of State and Law

organizing and conducting legal propaganda, legal education and the formation of moral principles in relation to the individual should be given to the process of educating and training a person from the moment of birth in a family, studying at school, university and further adult life. Literature, art, theater, cinema, and the media, which are currently forgotten by some categories of citizens, are called upon to play an important role in creating conditions for the formation of legal culture and legal consciousness. Everyone is carried away by digitalization, info-communication, dreaming of artificial intelligence, without understanding the problems that arise and without calculating the risks. Not only young people, but also quite adult individuals of human society are subject to this. We stop reading, talking, thinking, reasoning, analyzing, relying on the button in our smartphones. And many people teach, and treat, and live today by phone ... And what will happen when these well-known technologies end, who will develop them in the future, or just another solar flare will disable all our gadgets? Those who are not accustomed to normal human life without the help of a smartphone will die under the influence of stress, inability to take care of themselves, to find a use for themselves. Or maybe we are all tied to digital and new technologies, so that one day they can turn it all off and reduce the population of the planet at the expense of the weak? But those who cannot live without digitalization, who have access to these digital technologies, who consider themselves modern consumers of "fashionable" devices and technologies, and this is the "educated" population of large cities and developed countries, will perish. And the population of small towns, insufficiently technically equipped cities, regions and countries will survive. It is becoming dangerous to have all this, to be able to use and improve it, because We create for ourselves the risks of our own losses and the prospect of further existence.

There is also concern about certain activities of the media, which are often aimed at fostering consumerism, immorality, humiliation, rudeness, robbery and murder (in many films and programs); all around on all TV channels there is continuous crime, investigators, bandits and sometimes series about the work of medical personnel slip in between them. Particular misunderstanding is caused by competitive programs on playing, winning and simply receiving huge sums of money, for example, various lotteries, while people need help, mutual understanding, help and simple human participation. And there is no information about where the prize of 900 million rubles was sent or who received it, who made happy and whom.

In relation to educational activities in schools, universities, or universal education of the population, it is necessary to constantly speak to people in a clear, legally accessible language, to acquaint the population with the norms and principles of Russian law, to promote the achievements of Russian science, to "know their heroes by sight", so that young people strive to acquire knowledge, develop science, want to create enterprises, new machines and airplanes, build and raise children in the family, expand their cultural level, read, think, communicate and help their country, their state. In conclusion, I would like to note that due to the fact that when creating a legal state, which sets itself the goal of lawful behavior, including the legal activity of citizens and, without a doubt, the professional activity of lawyers and other civil servants in the process of realizing their competence in legally significant situations, it is legal training and education that acquire special significance and become the center of the process of spiritual formation of a modern person. This, in turn, obliges the state to pursue a targeted state policy in the said area, especially in terms of legal education, without excluding other important areas of state activity.

For society as a whole and for each individual individually, the quality level of education and training in educational institutions of various types and kinds is important, including the consolidation and development of the basics of legal awareness and legal culture in students, where no less important is the effective, professional and legal activity of law enforcement and other authorized bodies to identify and suppress offenses, ensure the inevitability of proportionate and fair punishment for violating the law; since legal culture is a necessary condition for a person to consciously fulfill his duty to society, which helps to overcome backward views, deviant behavior of people, prevent cases of arbitrariness and violence against the individual.

Let us note that in a state governed by the rule of law, the role of the law in the system of social regulators increases, legal principles are strengthened in the behavior of people, in the life of society

and the state. Insufficient level of legal culture and legal awareness, legal nihilism of Russian citizens are becoming a serious problem in ensuring the implementation of the principle of the rule of law. And, "being both the subject and the object of modern transformations, we are experiencing changes in social relations, certain changes in public consciousness and worldview, visible changes in public order, public discipline, a certain increase in offenses and irresponsibility are noticeable before our eyes, which in turn forces us to pay great attention to legal education, legal upbringing and education, the formation of healthy legal consciousness and high legal culture of each member of society" [2, p. 103].

Bibliographic list

1. Vlasov V.I. Theory of State and Law: a textbook / V.I. Vlasov, G.B. Vlasova. 2nd ed. Rostov n/D: Phoenix, 2012. 333 p.

2. Drozdova A.M. Legal consciousness and legal culture: the relationship of concepts // In the collection. Legal consciousness of students in a law school in the context of informatization of Russian society // Collection of materials from the international scientific and practical conference. T. 2. Stavropol, 2020. 168 p.

3. Ilyin I.A. Homeland and we: articles // Comp., introduction. art. and commentary. Yu.T. Lisitsy. Smolensk: "Posokh", 1995. 512 p.

4. Komarov S.A. General Theory of State and Law: a textbook for bachelor's and master's degrees / S. A. Komarov. 9th ed., corrected and supplemented. Moscow: Yurait Publishing House, 2018. 504 p.

For citation: Drozdova A.M. Legal education in the process of forming conditions for increasing the efficiency and level of legal culture: article // Theory of state and law. 2024. No. 4 (41). P. 54–58.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_50

Научная статья

УДК 340.1

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_59

Н.В. Зорина*

ИДЕЯ СВОБОДЫ И ПРИНЦИП ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМА В ПРАВЕ (К 300-ЛЕТИЮ ИММАНУИЛА КАНТА)

***Аннотация.** В немецком классическом идеализме была обоснована новая парадигма правовой мысли, ориентированная на актуализацию идеи абсолютной свободы человека. Однако помыслить эту идею посредством методов мышления метафизики Нового времени можно было только как чисто отрицательную идею, что несовместимо с идеями христианской морали и связанными с ними принципами новой философии права. И. Кант, а вслед за ним И.Г. Фихте, разрабатывают трансцендентальный метод познания, основанный на деятельности активной рефлексии. В результате удается получить конкретное понятие свободы, из аналитического деления которого возможно вывести базовые элементы идеи права.*

***Ключевые слова:** И. Кант, Платон, свобода, трансцендентализм, мораль, право.*

Правовая теория имеет философское знание в качестве своей непосредственной предпосылки, поскольку ее предметом является умопостигаемый объект – право. Поэтому «... чисто эмпирическое учение о праве – это голова (подобно деревянной голове в басне Федра), которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга» [10, с. 285]. Теоретические же основания работы с умопостигаемыми предметами формирует только философия. Она должна раскрыть, во-первых, что составляет такое бытие предмета, которое не может зафиксироваться нашими чувствами; а во-вторых, показать, каким образом это бытие может стать объектом для мышления, не будучи предварительно отражено в чувствах. Таким образом, правовая теория предполагает ту или иную модель исходного решения основного вопроса философии – вопроса о природе тождества мышления и бытия, которое понимается как форма всеобщего единства мироздания, как всеединство [4, с. 6–7].

Античная философия рассматривала это тождество преимущественно со стороны бытия. Поэтому и в учении о праве философы выводили его основной принцип – принцип справедливости – из всеобщего первоначала бытия. Наиболее показателен (и наиболее влиятелен) в этом отношении Платон [9; 11]. Согласно Платону, основу бытия составляет круг объективных идей. Хотя идеи и имеют природу мышления, но это не столь им акцентируется. В трактовке Платона, а затем и Аристотеля, государство, законы, нравственные устои общества, бытие человека как гражданина и как личности – всё то, что в дальнейшем стало определяться общим синтетическим понятием права – всё это существует, лишь, будучи причастным, этой высшей объективной идее, а именно – идее абсолютного добра [5, с. 188–189]. Право может быть понято только в результате познания этой идеи, которая составляет высшую сущность права. Именно такой подход Платона и Аристотеля к пониманию правовых феноменов оформился в истории политико-правовой мысли в парадигму естественного права [2; 7, с. 185–195; 19].

С христианством в мир приходит более глубокое понимание бытия, а именно – понимание его как высшей нравственной идеи. Бытие, понятое как абсолютное благо, фокусируется в понятие абсолютной свободы, которая принимается как высший дар Бога человеку. В отличие от стоического понимания свободы как чисто отрицательной независимости

* Зорина Наталья Владимировна, председатель Санкт-Петербургской коллегии адвокатов «ГАВЕЛ ЛИГАЛ» Адвокатской коллегии Санкт-Петербурга. E-mail: kenezo@mail.ru

человека от внешних обстоятельств или от чужой воли, для христианского мышления в понятии свободы важен момент самоопределения личности, ее способности к волевому акту для воплощения в объективность высших нравственных ценностей. Для такого мышления требуется суметь понять бытие в его нравственном измерении через принцип субъективности, который, в свою очередь, предполагается идеей свободы и составляет онтологическую предпосылку последней [8].

Все же философия поставила перед собой масштабную задачу разработать понятие субъекта и субъективности и, далее, выразить, исходя из этого понятия, принципы и систему моральных и нравственных отношений, лишь спустя длительный период своего развития, лишь в эпоху Нового времени. По сути, осознание этой задачи и первые шаги по ее решению берут свое начало только от И. Канта. И именно через призму понятия субъективности и идеи свободы немецкий идеализм станет отныне решать для себя главную философскую задачу – задачу осмысления сущности бытия. Как напишет Ф.В.Й. Шеллинг: «... свобода есть вообще положительное понятие бытия самого по себе...» [21, с. 102].

Нужно отметить, что идея свободы и свободной воли активно обсуждалась также в метафизике и в философии права Нового времени XVI–XVII вв. [6, с. 78–84], однако здесь идея свободы бралась, скорее, в стоическом смысле, как чисто отрицательная свобода, как независимость. Именно так она вместе с учениями Дж. Локка и Б. Спинозы вошла в доктрину либерализма [18, с. 177–189]. Классики же немецкого идеализма исходили из того, что с определениями «мыслительной субстанции» (используя выражение Р. Декарта) нельзя обращаться так же, как и с определениями чувственных вещей. К этой сфере «мыслительной субстанции» относятся, вообще, все умопостигаемые предметы и в числе первых из них – свобода, мораль и право. Для «работы» с этими понятиями И. Кантом, а позже И.Г. Фихте, был разработан специальный метод – метод трансцендентализма, который предполагал, что мыслить умопостигаемые вещи нельзя без мышления самого мышления. Другими словами: в этой области мыслительный процесс должен с необходимостью включать в себя процедуры рефлексии [3, с. 84–119; 13, с. 70–83; 14; 15; 17; 20, с. 26, 28].

Такой метод получил название трансцендентального метода. Его суть удачно выразил крупнейший специалист в области классического трансцендентализма Р. Лаут: «Утверждение делает трансцендентальным не вид предмета (будь таким предметом даже познание или даже единство познания и предмета), но то, что в нем мыслится его взаимосвязь с сущностью его же познания, мыслится единство, из которого развиваются они оба – этот предмет и это познание» [22, с. 193].

Ориентируясь на разработанные им начала трансцендентализма, И. Кант сумел впервые теоретически выразить понятие свободы и его правовое содержание [12, с. 168]. Поэтому он называет свободу одним единственным врожденным правом [10, с. 291], а значит, по сути, определяет свободу человека как его всеобщее, т.е. наиболее фундаментальное и универсальное, право, имплицитно включающее в себя все остальные сформулированные в новоевропейских текстах естественные права. Тем самым свобода человека занимает в его системе права то место, какое занимала в ней идея блага у Платона. Только теперь эта высшая идея перенесена в область чистого субъекта. Именно это «врожденное право» – свобода – является источником всех правоотношений. Порождение сферы обязанностей и относительных прав составило у Канта экспликацию этого обоснованного им фундаментального права, заложенного в самой трансцендентной сущности человека.

Внешнее принуждение (посредством государственной воли) к уважению этого безусловного права личности в концепции И. Канта уже не зависит от исполнения личностью своего долга, как было принято считать в средневековой правовой науке. В понятии свободы, согласно Канту, имплицитно содержатся все основные системообразующие понятия правовой науки: понятие равенства субъектов правовых отношений, «свойство человека быть своим собственным господином», правомочие на коммуникацию с другими людьми [10, с. 291–292]. Для всех этих понятий явление «прирожденной свободы» является родовым понятием, а они, в свою очередь, ее видами.

Таким образом, оказывается, что достаточно обосновать понятие свободы человека, чтобы из него чисто аналитически получить базовые понятия правовой теории. Но именно это обоснование понятия свободы требует применения трансцендентального метода, т.к. оно не может быть взято из опыта, не может быть преднайдено нами, как некая вещь. Поэтому И. Кантом понятие свободы не берется в качестве чего-то самоочевидного, а обосновывается посредством указания на рефлексию в сущность морального поступка.

И. Кант показал, что поступок нельзя назвать моральным, если совершая его, человек ориентируется на природные потребности и следует законам природы. Он должен, напротив, осознать себя как сверхприродное существо, способное полагать такие цели, которые нельзя найти в природе. В числе таких целей И. Кант называет идею блага. Только если человек делает идею блага своей высшей целью, его поступки могут быть названы моральными, а уже отсюда, согласно И. Канту, может быть выведена и идея права.

Связывая мораль и право с идеей высшего блага, И. Кант сближается с Платоном в его главном обосновании политической философии. Принципиальное различие между ними, однако, состоит в том, что если Платон мыслит благо как объективную идею, из которой при определении морали и закона мы исходим, как из объективной данности, то для И. Канта идея блага имеет смысл только как продукт рефлектирующей деятельности мышления, а это не деятельность познания сущности свободы через посредство размышления, а деятельность узнавания свободы через открытие для себя морального императива.

Такое открытие морального императива составляет одновременно и акт теоретического действия через определение императива, и акт практического действия через его активизацию. Таким образом, субъект и объект в этой изначальной точке полагания свободы полностью совпадают, а потому отвечают критериям трансцендентального акта. В итоге мы можем, следуя за И. Кантом, убедиться в том, что обоснование свободы, а значит, и сама парадигма классического идеализма в правовой науке, возможны только посредством актуализации принципа трансцендентализма.

И.Г. Фихте достигает более высокой, чем И. Кант, степени конкретности понятия свободы, благодаря тому, что он использует акт рефлексии не только как условие для установления «врожденного права», но и как метод познания содержания свободы. В результате, исходя из результатов рефлексии над деятельностью «Я», осуществляющей эту свободу, ему удается осуществить дедукцию основных понятий права в их систематической взаимосвязи. Степень конкретности понятия свободы позволяет ему также связать с ней определения права непосредственно, а не через определения морали, как это делал автор «Критики практического разума» [17, с. 185–191].

Г.В.Ф. Гегель, вопреки расхожему мнению, не отвергает принципы трансцендентализма, а развивает их. На это прямо указывает Х.-Г. Гадамер, утверждая, что гегелевское понятие духа является развитием фихтевского «Я», а значит, и несет в себе рефлексивное начало трансцендентализма [23, с. 67]. Подчеркивая, что субстанция духа есть свобода, Г. Гегель в своих философско-правовых трудах трактует право как объективность духовного начала мировой истории. Это духовное начало связывает в единую систему личность как субъект абстрактно-правовых и моральных отношений [16, с. 44–57], семью как основной субъект гражданско-правовых отношений и государство субъект всемирной истории [1, с. 247–256].

Таким образом, И. Кант, а вслед за ним с еще большей определенностью И.Г. Фихте и Г. Гегель, преодолевают парадигму правовой мысли Нового времени, основанную на механистической идее общественного договора, и закладывают начала новой парадигмы правового мышления – парадигмы свободы.

Библиографический список

1. *Богатырёв Д.К., Масленников Д.В.* Дух истории и суд истории в диалектике Гегеля // В сб.: Диалектика в истории философии и культуры. – СПб.: Умозрение, 2023. – С. 247–257.
2. *Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б.* «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201–208.

3. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. – 463 с.
4. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 376 с.
5. Зорина Н.В. Генезис идеи свободной воли как правового принципа в эпоху античности // Мир политики и социологии. – 2017. – № 9–10. – С. 188–195.
6. Зорина Н.В. Социальные и теоретические предпосылки становления представлений о свободе воли как основе права в эпоху Нового времени // Правовое поле современной экономики. – 2018. – № 12. – С. 78–85.
7. Зорина Н.В., Морозов А.И., Прокофьев К.Г. Античное учение об абсолютной нравственной идее как теоретический источник правовой аксиологии // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 7. – С. 185–196.
8. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
9. Исмаилов Р.Ф., Сальников В.П. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19–26.
10. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. – СПб.: Наука, 1995. – 528 с.
11. Королева Ю.В., Щербатая А.Ю. Соотношение права и закона (Платон, Аристотель, Полибий, Цицерон) // Академическая публицистика. – 2017. – № 1. – С. 41–45.
12. Кузнецов П., Сальников В.П., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г. Иммануил Кант о нравственных основаниях государства и его отношении к церкви как к «этической общности» (к 300-летию философа) // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 166–187.
13. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / под ред. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 423 с.
14. Прокофьев К.Г. Дедукция норм права и морали в учениях И. Канта и И.Г. Фихте и ее значение для отечественной теоретической правовой науки // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 3. – С. 81–86.
15. Прокофьев К.Г. Проблема обоснования права в работе И.Г. Фихте «Основа естественного права согласно принципам наукоучения» // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 4. – С. 95–100.
16. Сальников В.П., Масленников Д.В., Максимов А.А. Гегель о двуединой, абстрактно-конкретной, природе личности как субъекта права: естественно-правовые и теологические основания генезиса // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 3 (65). – С. 44–58.
17. Сальников В.П., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г. Смысл различия в подходе И. Канта и И.Г. Фихте к задаче дедукции права и морали // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 4. – С. 185–192.
18. Сальников В.П., Масленников Д.В., Зорина Н.В., Прокофьев К.Г. Трансцендентализм и идея свободы в философии права: Декарт – Спиноза – Кант // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 10. – С. 177–192.
19. Становление философии права в эпоху античности и средневековья (софисты, Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики, Цицерон, римские юристы, Фома Аквинский). Гл. I // В кн.: История философии права // Ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 13–77.
20. Философско-правовое познание: актуальные проблемы. Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 417 с.
21. Шеллинг Ф.В.Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Соч. в 2-х тт. Т. 2. – М.: Мысль, 1989. – С. 86–158.
22. Bader F. Transzendental philosophische Überlegung zur «negatio negations» und zur mystischen Einigung // Grundfragen christlichen Mystik. Stuttgart, 1987. S. 178–197.
23. Gadamer H.-G. Die Idee der Hegelschen Logik // H.-G. Gadamer. Gesammelte Werke. Bd. 3. S. 62–84.

Для цитирования: Зорина Н.В. Идея свободы и принцип трансцендентализма в праве (к 300-летию Иммануила Канта): статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 59–62.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_59

Theory of State and Law

THE IDEA OF FREEDOM AND THE PRINCIPLE OF TRANSCENDENTALISM IN LAW (ON THE 300TH ANNIVERSARY OF IMMANUEL KANT)

Natalia V. Zorina*

Annotation. *In German classical idealism, a new paradigm of legal thought was substantiated, oriented towards actualization of the idea of absolute human freedom. However, this idea could be conceived by means of the methods of thinking of the metaphysics of the New Time only as a purely negative idea, which is incompatible with the ideas of Christian morality and the principles of the new philosophy of law associated with them. I. Kant, and after him I. G. Fichte, develop a transcendental method of cognition based on the activity of active reflection. As a result, it is possible to obtain a specific concept of freedom, from the analytical division of which it is possible to derive the basic elements of the idea of law.*

Keywords: *I. Kant, Plato, freedom, transcendentalism, morality, law.*

Legal theory has philosophical knowledge as its immediate premise, since its subject is an intelligible object – law. Therefore, “... a purely empirical doctrine of law is a head (like the wooden head in Phaedrus’ fable), which may be beautiful, but, alas, has no brain” [10, p. 285]. Only philosophy forms the theoretical foundations for working with intelligible objects. It must reveal, firstly, what constitutes such an existence of an object that cannot be recorded by our senses; and secondly, it must show how this existence can become an object for thinking without first being reflected in the senses. Thus, legal theory presupposes one or another model of the initial solution to the main question of philosophy – the question of the nature of the identity of thinking and being, which is understood as a form of the universal unity of the universe, as all-unity [4, pp. 6–7].

Ancient philosophy considered this identity primarily from the side of being. Therefore, in the doctrine of law, philosophers deduced its main principle – the principle of justice – from the universal origin of being. The most indicative (and most influential) in this regard is Plato [9; 11]. According to Plato, the basis of being is a circle of objective ideas. Although ideas have the nature of thinking, this is not emphasized by him so much. In the interpretation of Plato, and then Aristotle, the state, laws, moral foundations of society, the existence of man as a citizen and as an individual – everything that later began to be determined by the general synthetic concept of law – all this exists only by being involved in this highest objective idea, namely, the idea of absolute good [5, pp. 188–189]. Law can be understood only as a result of knowledge of this idea, which constitutes the highest essence of law. It was this approach of Plato and Aristotle to understanding legal phenomena that took shape in the history of political and legal thought in the paradigm of natural law [2; 7, p. 185–195; 19].

With Christianity, a deeper understanding of being comes to the world, namely, understanding it as the highest moral idea. Being, understood as absolute good, is focused in the concept of absolute freedom, which is accepted as the highest gift of God to man. In contrast to the Stoic understanding of freedom as a purely negative independence of man from external circumstances or from someone else's will, for Christian thinking in the concept of freedom, the moment of self-determination of the individual, his ability to an act of will to embody the highest moral values in objectivity is important. For such thinking, it is necessary to be able to understand being in its moral dimension through the principle of subjectivity, which, in turn, is assumed by the idea of freedom and constitutes the ontological premise of the latter [8].

Nevertheless, philosophy set itself the large-scale task of developing the concept of the subject and subjectivity and, further, expressing, based on this concept, the principles and system of moral and ethical relations, only after a long period of its development, only in the era of the New Age. In essence, the awareness of this task and the first steps towards its solution originate only with I. Kant. And it is precisely through the prism of the concept of subjectivity and the idea of freedom that

* **Zorina Natalia Vladimirovna**, Chairman of the St. Petersburg Bar Association "GAVEL LEGAL" St. Petersburg Bar Association. E-mail: kenezo@mail.ru

German idealism will henceforth solve for itself the main philosophical task – the task of understanding the essence of being. As F.V.J. Schelling will write: "... freedom is generally a positive concept of being in itself..." [21, p. 102].

It should be noted that the idea of freedom and free will was also actively discussed in metaphysics and in the philosophy of law of the New Age of the 16th–17th centuries [6, pp. 78–84], but here the idea of freedom was taken rather in the Stoic sense, as purely negative freedom, as independence. This is how it, together with the teachings of J. Locke and B. Spinoza, entered the doctrine of liberalism [18, pp. 177–189]. The classics of German idealism proceeded from the fact that the definitions of the "mental substance" (using the expression of R. Descartes) cannot be treated in the same way as the definitions of sensory things. In general, all intelligible objects belong to this sphere of "mental substance", and among the first of them are freedom, morality, and law. To "work" with these concepts, I. Kant and later I. G. Fichte developed a special method – the method of transcendentalism, which assumed that it is impossible to think intelligible things without thinking of thinking itself. In other words: in this area the thought process must necessarily include reflection procedures [3, pp. 84–119; 13, pp. 70–83; 14; 15; 17; 20, pp. 26, 28].

This method was called the transcendental method. Its essence was successfully expressed by the leading specialist in the field of classical transcendentalism R. Laut: "What makes an assertion transcendental is not the type of object (even if such an object is knowledge or even the unity of knowledge and the object), but the fact that in it its interconnection with the essence of its knowledge is thought, the unity from which both of them develop – this object and this knowledge is thought" [22, p. 193].

Guided by the principles of transcendentalism developed by him, I. Kant was able to theoretically express the concept of freedom and its legal content for the first time [12, p. 168]. Therefore, he calls freedom the only innate right [10, p. 291], and therefore, in essence, defines human freedom as his general, i.e. the most fundamental and universal right, implicitly including all other natural rights formulated in modern European texts. Thus, human freedom occupies in his legal system the place that Plato's idea of the good occupied. Only now this highest idea is transferred to the area of the pure subject. It is this "innate right" – freedom – that is the source of all legal relations. The generation of the sphere of duties and relative rights constituted in Kant's explication of this fundamental right substantiated by him, embedded in the most transcendental essence of man.

External coercion (by means of the state will) to respect this unconditional right of the individual in the concept of I. Kant no longer depends on the fulfillment of the individual's duty, as was commonly believed in medieval legal science. According to Kant, the concept of freedom implicitly contains all the basic system-forming concepts of legal science: the concept of equality of subjects of legal relations, "the property of a person to be his own master", the right to communicate with other people [10, pp. 291–292]. For all these concepts, the phenomenon of "innate freedom" is a generic concept, and they, in turn, are its types.

Thus, it turns out that it is enough to substantiate the concept of human freedom in order to purely analytically obtain the basic concepts of legal theory from it. But it is precisely this substantiation of the concept of freedom that requires the use of the transcendental method, since it cannot be taken from experience, cannot be pre-found by us as a certain thing. Therefore, I. Kant does not take the concept of freedom as something self-evident, but substantiates it by pointing to reflection on the essence of a moral act.

I. Kant showed that an act cannot be called moral if, when committing it, a person is guided by natural needs and follows the laws of nature. He must, on the contrary, recognize himself as a supernatural being, capable of setting goals that cannot be found in nature. Among such goals, I. Kant names the idea of the good. Only if a person makes the idea of the good his highest goal, his actions can be called moral, and from here, according to I. Kant, the idea of law can be derived.

By linking morality and law with the idea of the highest good, I. Kant comes closer to Plato in his main justification of political philosophy. The fundamental difference between them, however, is that while Plato thinks of good as an objective idea, from which we proceed as an objective given when defining morality and law, for I. Kant the idea of good makes sense only as a product of the

reflective activity of thinking, and this is not the activity of knowing the essence of freedom through reflection, but the activity of recognizing freedom through the discovery of a moral imperative.

Such a discovery of a moral imperative is simultaneously an act of theoretical action through the definition of the imperative, and an act of practical action through its activation. Thus, the subject and object at this initial point of establishing freedom completely coincide, and therefore meet the criteria of a transcendental act. As a result, following I. Kant, we can be convinced that the justification of freedom, and therefore the paradigm of classical idealism itself in legal science, is possible only through the actualization of the principle of transcendentalism.

I. G. Fichte achieves a higher degree of concreteness of the concept of freedom than I. Kant, due to the fact that he uses the act of reflection not only as a condition for establishing the "innate right", but also as a method of knowing the content of freedom. As a result, based on the results of reflection on the activity of the "I" implementing this freedom, he manages to carry out a deduction of the basic concepts of law in their systematic interrelation. The degree of concreteness of the concept of freedom also allows him to connect definitions of law with it directly, and not through definitions of morality, as the author of the "Critique of Practical Reason" did [17, pp. 185–191].

G. V. F. Hegel, contrary to popular opinion, does not reject the principles of transcendentalism, but develops them. This is directly indicated by H.-G. Gadamer, who asserts that Hegel's concept of spirit is a development of Fichte's "I", and therefore carries within itself the reflexive principle of transcendentalism [23, p. 67]. Emphasizing that the substance of spirit is freedom, G. Hegel in his philosophical and legal works interprets law as the objectivity of the spiritual principle of world history. This spiritual principle connects into a single system the individual as a subject of abstract legal and moral relations [16, pp. 44–57], the family as the main subject of civil-legal relations and the state as a subject of world history [1, pp. 247–256]. Thus, I. Kant, and after him with even greater certainty I.G. Fichte and G. Hegel, overcome the paradigm of legal thought of the New Age, based on the mechanistic idea of a social contract, and lay the foundations of a new paradigm of legal thinking – the paradigm of freedom.

Bibliographic list

1. Bogatyrev D.K., Maslennikov D.V. The Spirit of History and the Court of History in Hegel's Dialectics // In the collection: Dialectics in the History of Philosophy and Culture. St. Petersburg: Umozrenie, 2023. Pp. 247–257.
2. Verkhovodov E.V., Salnikov V.P., Romanovskaya V.B. "Natural Law" and "Virtue" in the Works of Aristotle // Legal Science: History and Modernity. – 2015. – No. 8. – Pp. 201–208.
3. Goodness, Trust, Justice in Philosophical and Legal Thought: Antiquity and Modernity: Monograph / Under the general editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, University Foundation, 2022. 463 p.
4. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Speculative-Logical Foundations of the Sovereign Metaphysics of Law. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. 376 p.
5. Zorina N.V. Genesis of the Idea of Free Will as a Legal Principle in Antiquity // The World of Politics and Sociology. 2017. No. 9–10. Pp. 188–195.
6. Zorina N.V. Social and Theoretical Prerequisites for the Formation of Ideas about Free Will as the Basis of Law in the New Age // Legal Field of the Modern Economy. 2018. No. 12. Pp. 78–85.
7. Zorina N.V., Morozov A.I., Prokofiev K.G. The ancient doctrine of the absolute moral idea as a theoretical source of legal axiology // Legal science: history and modernity. 2019. No. 7. Pp. 185–196.
8. The idea of freedom. Law. Morality (classical and post-classical philosophy of law): Monograph / Ed. by Dr. of Law S.I. Zakhartsev. Moscow: Yurlitinform, 2020. 288 p.
9. Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Plato, Aristotle, Thomas Aquinas and the idea of justice in the natural law tradition // The world of politics and sociology. 2016. No. 9. Pp. 19–26.
10. Kant I. Fundamentals of the metaphysics of morality. Critique of Practical Reason. Metaphysics of Morals. St. Petersburg: Nauka, 1995. 528 p.
11. Koroleva Yu.V., Shcherbataya A.Yu. The Relationship between Law and Law (Plato, Aristotle, Polybius, Cicero) // Academic Journalism. 2017. No. 1. Pp. 41–45.

12. Kuznetsov P., Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G. Immanuel Kant on the Moral Foundations of the State and its Relationship to the Church as an "Ethical Community" (on the 300th Anniversary of the Philosopher) // *Theory of State and Law*. 2024. No. 1 (35). Pp. 166–187.
13. Political and legal governance and threats to state sovereignty: monograph / edited by V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: INFRA-M, 2024. 423 p.
14. Prokofiev K.G. Deduction of legal and moral norms in the teachings of I. Kant and I.G. Fichte and its significance for domestic theoretical legal science // *Legal state: theory and practice*. 2018. No. 3. P. 81–86.
15. Prokofiev K.G. The problem of substantiation of law in the work of I.G. Fichte "The Basis of Natural Law According to the Principles of Science of Doctrine" // *Legal state: theory and practice*. 2018. No. 4. P. 95–100.
16. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Maksimov A.A. Hegel on the dual, abstract-concrete, nature of personality as a subject of law: natural law and theological foundations of genesis // *The rule of law: theory and practice*. 2021. No. 3 (65). P. 44–58.
17. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G. The meaning of the difference in the approach of I. Kant and I.G. Fichte to the task of deduction of law and morality // *Legal science: history and modernity*. 2018. No. 4. P. 185–192.
18. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zorina N.V., Prokofiev K.G. Transcendentalism and the Idea of Freedom in the Philosophy of Law: Descartes – Spinoza – Kant // *Legal Science: History and Modernity*. 2019. No. 10. Pp. 177–192.
19. Formation of the Philosophy of Law in Antiquity and the Middle Ages (Sophists, Socrates, Plato, Aristotle, Epicureans, Stoics, Cicero, Roman lawyers, Thomas Aquinas). Ch. I // In the book: *History of the Philosophy of Law* // Editors-in-chief: A.P. Albov, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov. St. Petersburg: Law Institute (St. Petersburg), St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998. Pp. 13–77.
20. Philosophical and legal knowledge: current problems. Monograph / Under the general editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2022. 417 p.
21. Schelling F.V.Y. Philosophical Investigations on the Essence of Human Freedom and Related Subjects // *Works in 2 volumes*. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1989. Pp. 86–158.
22. Bader F. Transzendental philosophische About the Legung of "Negatio Negations" and Mysticism // *Grundfragen Christlichen Mystik*. Stuttgart, 1987. S. 178–197.
23. Gadamer H.-G. The Idea of Hegel's Logic // H.-G. Gadamer. *Gesammelte Werke*. Bd. 3. S. 62–84.

For citation: Zorina N.V. The idea of freedom and the principle of transcendentalism in law (on the 300th anniversary of Immanuel Kant): article // *Theory of State and Law*. 2024. No. 4 (41). P. 63–66.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_59

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_67

П.В. Ивлиев*

ЦИФРОВОЙ НИГИЛИЗМ И ЦИФРОВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются актуальные проблемы, с которыми сталкивается российское общество и государство в сфере цифровых технологий. А именно уделяется внимание раскрытия проблем способствующих появлению правового нигилизма и цифровой дискриминации в современном обществе. Актуальность данному исследованию придает тот факт, что процессы цифровизации являются абсолютно объективными при чем не только для России, но и для всего мира и игнорирование решения назревших и появляющихся проблем в этой сфере может только обострить социальную обстановку и затормозить экономический рост. Также предлагаются актуальные и эффективные пути и способы решения вышеназванных проблем.*

***Ключевые слова:** гражданский оборот, цифровая эпоха, цифровизация, институт превентивной защиты, правовой нигилизм, цифровая дискриминация, информационное пространство, интернет, цифровое неравенство, правовое государство.*

Цифровая эпоха открыла новую эру возможностей, но также принесла с собой растущие проблемы, связанные с процессом информатизации и цифровизации, которые получили в народе название «цифровая дискриминация». Переход общества в информационную эпоху является абсолютно неизбежным явлением [1; 10]. «Современное состояние развития общества характеризуется бурным развитием науки и техники, Интернета электроники и иногда человеку просто становится жить в условиях новых достижений цивилизации. Например, даже на рубеже XIX и XX в. понятие «кибернетика» казалось чем-то связанным с фантастическими романами, хотя процессы автоматизации и внедрения электроники в промышленное производство и другие сферы жизнедеятельности людей уже имели место» [9, с. 180].

В процессе цифровизации всех сфер государственной и общественной жизни, а в первую очередь – в экономике и социальных отношениях, появились новые проблемы, вызовы, риски, что уже отмечалось в современной юридической литературе [4, 5, 6, 7]. И при этом надо понимать, что сама по себе цифровизация – это новый процесс, и мировая история не знала подобного рода прецедентов, что в свою очередь свидетельствует об отсутствии мирового опыта решения проблем в исследуемой сфере. Данные проблемы и угрозы являются абсолютно новыми и для граждан, и даже для целых государств, а Россия не является исключением.

Возникновение цифровых способов взаимодействия и появления новых правоотношений, сопряженных с цифровыми факторами порождает дискриминацию больших групп населения. Это выражается в недоступности отдельных категорий граждан к цифровым форматам взаимодействия и профессиональной деятельности, что порождает абсолютно новое явление, которое можно назвать «цифровым нигилизмом», что и создает ощутимые угрозы и риски для социальной стабильности.

На сегодняшний день эксперты активно обсуждают пути решения проблем связанных с цифровизацией, для разрешения которых необходимо комплексно рассмотреть проблемы, связанные с правовым нигилизмом и цифровой дискриминацией в современном обществе.

* **Ивлиев Павел Валентинович**, доцент кафедры гражданского права и процесса Института Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ivliev_pv@mail.ru.

Первой такой проблемой можно смело выделить расслоение общества деление его на тех, кто полноценно и качественно вовлечен в цифровые правоотношения и тех, кто не может принимать актуальные и верные решения в сжатые сроки в новых условиях. Необходимо пояснить, что, так называемое, цифровое неравенство подразумевало ограничение возможностей тех или иных субъектов из-за отсутствия у них полноценного доступа к цифровым технологиям, онлайн-платформам и соответствующим гаджетам. В нашей стране число граждан, которые не имеют доступа к и современным технологиям, а также не имеют смартфона и как следствие не используют цифровые форматы в юридически значимых вопросах чуть меньше половины. При этом надо понимать, что та категория граждан, которая имеет доступ к современным цифровым технологиям и соответствующим техническим устройствам, также далеко не всегда используют их при решении бытовых и юридических аспектов в силу незнания или банально в силу привычки. Такое серьезное ограничение может не только пагубно сказываться на социальном уровне, но и на экономическом благосостоянии населения.

Второй такой проблемой можно назвать безусловную сформированную у современного молодого поколения привычку утвердительно отвечать на запросы разных информационных систем. При этом, лицо, не вникая в суть вопроса, не читая пользовательские соглашения и не изучая лицензии, устанавливает на свой гаджет новую программу. Все это вполне может повлечь за собой автоматическое согласие на практически любую сделку в цифровом формате, что как следствие может быть недобросовестно применено в отношении самого пользователя.

Масла в огонь сильно добавила пандемия коронавируса, посредством которой была создана плодородная среда для максимально широкого использования цифровых технологий. Необходимо отметить, что на сегодняшний день в нашем государстве процессы цифровизации во многом идут достаточно успешно, благодаря эффективной работе государства. Все эти процессы обуславливаются созданием новейших средств и условий для увеличения эффективности гражданского оборота и росту конкурентоспособности отечественной экономики и социума в целом. Необходимо отметить, что рост использования цифровых технологий во многом спровоцирован объективными тенденциями усовершенствования гражданского оборота и минимизацией административно-организационных издержек со стороны органов государственной власти. Например, некоторые услуги можно получить исключительно и только посредством цифровых технологий.

Именно данный факт порождает *третью* проблему, которая находит свое выражение в том, что применение цифровых технологий требует соответствующих навыков взаимодействия с соответствующими платформами, а также знанием некоторых программ. Необходимо понимать, что полноценное использование информационных технологий требует достаточно серьезных финансовых вложений. К сожалению, не каждый россиянин, особенно в регионе может позволить себе соответствующий гаджет высокого качества, который может без затруднений «потянуть» соответствующие приложения и платформы. Эту проблему усиливают большие расстояния, посредством которых множество технологий в отдаленных субъектах Российской Федерации по-прежнему не доступны.

Необходимо понимать, что цифровизация это процесс абсолютно объективный по этой причине его отменить или запретить невозможно, а игнорирование приведет к отставанию от мировых тенденций и стагнации экономического и социального роста. Исходя из этого, можно смело утверждать, что, если человек, не важно по каким причинам не пользуется всеми благами цифровизации, это совсем не означает, что он не будет в них втянут помимо своей воли. И второй частью данной проблематики можно выделить тот факт, что даже если граждане не участвуют в гражданском обороте посредством цифровых технологий, они все равно могут лишиться своего имущества и даже иногда свободы, так как мошенники могут использовать их данные для совершения преступлений в киберпространстве. И при этом надо констатировать факт, что за последние годы количество преступлений в сфере цифрового сегментакратно возросло и продолжает расти.

В данном контексте необходимо выделить самые незащищенные слои населения. Речь идет именно о молодом поколении, так как именно оно выросло в цифровом формате и для них цифровое информационное пространство является родным домом, и по этой причине они не подозревают о тех подводных камнях и всевозможном мошенничестве, которое присутствует в этом сегменте. Также необходимо отметить такую категорию граждан как воспитанники детских домов, которые уже могут иметь собственное жилье и при этом абсолютно не знают, как его защитить. Именно здесь формируется плодородная почва для кибер преступности. Именно эти примеры являются следствием правовой неграмотности и правового нигилизма цифровых средств преступности, при отсутствии качественного института превентивной защиты.

Особо остро правовой нигилизм в цифровом пространстве выражается не только в незнании законов, но и в привычке, безусловно, соглашаться с теми условиями, которые предлагаются данной категории граждан в информационном пространстве. Как показывают социальные исследования, большинство граждан идут на сделку в цифровом формате, не понимая потенциальных рисков и угроз. И порядка двух третей граждан не могут защитить свои права и законные интересы в цифровом пространстве. Также надо понимать, что многие граждане достаточно равнодушно относятся к факту попадания своих персональных данных в Интернет и не переживают по этому поводу до тех пор пока они непосредственно не столкнутся с ущемлением своих прав.

Кибермошенники в последние годы научились профессионально обманывать и использовать граждан в своих интересах. Так, например, как показывает практика, очень сложно доказать подлинность электронной подписи в суде, что предоставляет мошенникам возможность увеличивать количество киберпреступлений.

С учетом вышеназванного круга проблем, которые сопряжены с цифровым неравенством в группу так называемого риска попадают почти две трети населения нашей страны. К сожалению, данная категория граждан не знает обо всех цифровых нововведениях и испытывает серьезные трудности от того, что не в состоянии в полной мере ознакомиться с современными тенденциями в исследуемой области. Более того, если проанализировать современные тенденции и инновации, то информация о кредитных историях, кредитные рейтинги в отношении каждого россиянина, смарт-контракты, цифровые профили с юридически значимой информацией в отношении всех граждан Российской Федерации будут только увеличивать цифровое неравенство, создавая плодородную почву для нарушений, спекуляций и всевозможных споров. Так же надо сказать, что на сегодняшний день в сфере финансов много технологических инноваций, которые могут создавать определенные проблемы большому количеству населения. Перспективы развития цифровых технологий в финансовой сфере на сегодняшний день являются невообразимыми [2].

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что на практике мы столкнемся с ситуацией, когда тот, кто владеет компьютерной и цифровой грамотностью, а также разбирается в законодательстве в исследуемой сфере, имеет больше привилегий, чем остальные субъекты. И, в таком случае мы, столкнемся с разделением общества на «цифровые» сословия, которые будут сильно увеличивать цифровую дискриминацию. И получится, что те, кто не смог эффективно встроиться в условия новой цифровой реальности останется, за бортом гражданского оборота.

Также необходимо понимать, что объективная тенденция размывания границ между физическим миром и цифровым, позволяет утверждать о том, что традиционные правовые рамки устарели. Другими словами, речь идет о том, что децентрализованный характер интернета и быстрые информационные и цифровые инновации опережают способность законов эффективно регулировать поведение в интернете. Это может создать климат безнаказанности, дискриминации, способствуя ощущению, что нет никаких последствий для неправомерных действий в интернете.

Для решения всех этих проблем можно предпринять целый комплекс мер.

Во-первых, необходимо обновить существующее законодательство. Правовые рамки должны быть модернизированы для решения конкретных проблем, создаваемых онлайн

платформами. Это включает в себя расширение существующих анти дискриминационных законов для охвата онлайн-пространств, разъяснения вопросов юрисдикции и обеспечения адекватных механизмов применения.

Во-вторых, регуляторы должны использовать упреждающий подход для предотвращения цифровой дискриминации. Необходимо понимать, что мошенники, разработав какую-либо схему для спекуляций, сразу начинают ее внедрять, а вот что касается законодателя, то принятие законов всегда имеет тенденцию отставать во времени. Для того, чтобы законодатель успевал за этим процессом, необходимо включать в нормативную базу создание руководящих принципов для проектирования платформ, сбора данных и разработки алгоритмов, которые должны основываться на прозрачности и подотчетности.

В-третьих, необходимо предпринимать комплекс мер содействующих сотрудничеству и принятию эффективных решений политиками, IT индустрией, организациями гражданского общества и академическими учреждениями. Это сотрудничество может облегчить разработку этических руководящих принципов, внедрению лучших практик и эффективных нормативных рамок.

В-четвертых, необходимо расширить цифровые возможности граждан. Речь идет о том, что они должны быть оснащены знаниями и инструментами для полного понимания той ответственности, которую они несут перед остальным обществом, а также должны знать как защищать свои права. Это включает в себя знания о цифровых правах, повышение цифровой грамотности и поддержку онлайн платформ, которые определяют приоритеты демократизма и справедливости.

В-пятых, необходимо понимать, что, к сожалению, найти эффективный законодательный подход к решению вопросов устранения правового нигилизма и цифровой дискриминации в рамках гражданского оборота достаточно сложно. Но в месте с тем, общество и государство должны консолидировать свои усилия в поиске способов адаптации и расширения правовых возможностей для решения проблем онлайн безопасности. Это требует открытого диалога, инноваций и готовности принять новые подходы для обеспечения справедливости вообще, а тем более справедливости в эпоху цифровых технологий. Все это необходимо для укрепления правового государства, тем более, что «современные развитые государства находятся в переходном состоянии на пути создания и функционирования полноценного электронного государства. Свидетельством этому является создание и обеспечение информационных систем государственного управления, таких как электронное государство, электронное правительство, цифровая экономика, электронное правосудие, электронные государственные услуги» [10, с. 146].

Подводя итог всему вышесказанному, можно смело утверждать, что борьба с цифровой дискриминацией требует взвешенного подхода в обновлении существующих законов, объективно предполагает сотрудничество между заинтересованными сторонами. Решая проблемы, изложенные выше, внедряя эффективные решения, мы можем проложить путь для более демократичного и справедливого цифрового ландшафта. Пришло время преодолеть цифровой разрыв и обеспечить равный доступ к возможностям и преимуществам онлайн-безопасности. Обеспечение информационной безопасности является одной из первостепенных задач государства в современной цифровой эпохе [3].

Библиографический список

1. *Ивлиев П.В., Крижановская Г.Н.* Цифровизация экономики: правовое регулирование и пути развития // Теория государства и права. – 2023. – № 4 (33). – С. 127–136.
2. *Ивлиев П.В., Соколова Е.А.* Влияние цифровых технологий на развитие финансового сектора в современном мире // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 11 (215). – С. 35–37.
3. *Воробьев С.М., Ивлиев П.В.* Актуальные проблемы формирования информационного общества в России // Теория государства и права. – 2022. – № 2 (27). – С. 87–98.
4. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Правовой статус киберфизических систем: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2020. – № 1. – С. 22–35.

5. Воробьев С.М., Комаров С.А. Кибернетическая (информационная) цивилизация: постановка проблемы: статья // В сб.: Всероссийской научно-практич. конференции «Проблема муниципалитетов в разрезе правового обществоведения» (г. Уфа, 14 ноября 2019 г.) // Отв. ред. Ф. М. Раянов. – Уфа, 2019.

6. Воробьев С.М., Комаров С.А. Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20–36.

7. Воробьев С.М., Комаров С.А. Переходное электронное государство в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации: теоретико-правовой анализ: статья // Вестник Московского государственного открытого университета. – 2019. – № 1. – С. 17–27.

8. Воробьев С.М., Комаров С.А. Цифровой суверенитет Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 45–59.

9. Галиев Ф.Х. Современные проблемы развития цивилизации: рецензия на книгу «Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография / под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. 320 с.» // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 2 (68). – С. 180–183.

10. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография / Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.

Для цитирования: *Ивлиев П.В.* Цифровой нигилизм и цифровая дискриминация: проблемы и пути решения: статья // Теория государства и права. – 2024. № 4 (41). – С. 67–71.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_67

LEGAL NIHILISM AND DIGITAL DISCRIMINATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Pavel V. Ivliev*

Annotation. *This article examines the current problems that Russian society and the state face in the field of digital technologies. Namely, attention is paid to the disclosure of problems that contribute to the emergence of legal nihilism and digital discrimination in modern society. The relevance of this study is given by the fact that digitalization processes are absolutely objective not only for Russia, but also for the whole world, and ignoring the solution of pressing and emerging problems in this area can only aggravate the social situation and slow down economic growth. Also, relevant and effective ways and means of solving the above problems are proposed.*

Keywords: *civil turnover, digital age, digitalization, institute of preventive protection, legal nihilism, digital discrimination, information space, Internet, digital inequality, rule of law.*

The digital age has opened a new era of opportunities, but has also brought with it growing problems associated with the process of informatization and digitalization, which are popularly called "digital discrimination". The transition of society to the information age is an absolutely inevitable phenomenon [1; 10]. "The current state of development of society is characterized by the rapid development of science and technology, the Internet, electronics, and sometimes a person simply begins to live in the conditions of new achievements of civilization. For example, even at the turn of the 19th and 20th centuries, the concept of "cybernetics" seemed to be something associated with science fiction novels, although the processes of automation and the introduction of electronics into industrial production and other spheres of human activity had already taken place" [9, p. 180].

In the process of digitalization of all spheres of state and public life, and first of all – in the economy and social relations, new problems, challenges, risks have emerged, which has already been noted in modern legal literature [4, 5, 6, 7]. And at the same time, it is necessary to understand that

* **Ivliev Pavel Valentinovich**, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the Federal Penitentiary Service, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: ivliev_pv@mail.ru

digitalization itself is a new process, and world history has not known such precedents, which in turn indicates the lack of world experience in solving problems in the area under study. These problems and threats are absolutely new for citizens and even for entire states, and Russia is no exception.

The emergence of digital methods of interaction and the emergence of new legal relations associated with digital factors gives rise to discrimination against large groups of the population. This is expressed in the inaccessibility of certain categories of citizens to the digital format of interaction and professional activity, which gives rise to an absolutely new phenomenon that can be called "digital nihilism", which creates tangible threats and risks for social stability.

Today, experts are actively discussing ways to solve problems associated with digitalization, for the resolution of which it is necessary to comprehensively consider the problems associated with legal nihilism and digital discrimination in modern society.

The *first* such problem can be safely identified as the stratification of society, dividing it into those who are fully and qualitatively involved in digital legal relations and those who cannot make relevant and correct decisions in a short time in the new conditions. It is necessary to explain that the so-called digital inequality implied the limitation of the capabilities of certain subjects due to their lack of full access to digital technologies, online platforms and corresponding gadgets. In our country, the number of citizens who do not have access to modern technologies, and also do not have a smartphone and, as a result, do not use digital formats in legally significant matters is slightly less than half. At the same time, it should be understood that the category of citizens who have access to modern digital technologies and corresponding technical devices also do not always use them when solving everyday and legal aspects due to ignorance or simply due to habit. Such a serious limitation can not only have a detrimental effect on the social level, but also on the economic well-being of the population.

The *second* such problem can be called the unconditional habit formed in the modern young generation to answer affirmatively to requests from various information systems. At the same time, a person, without delving into the essence of the issue, without reading user agreements and without studying licenses, installs a new program on his gadget. All this may well entail automatic consent to almost any transaction in digital format, which, as a consequence, may be unfairly applied to the user himself.

The coronavirus pandemic added fuel to the fire, creating a fertile environment for the widest possible use of digital technologies. It should be noted that today in our country the digitalization processes are largely quite successful, thanks to the effective work of the state. All these processes are due to the creation of new tools and conditions for increasing the efficiency of civil turnover and increasing the competitiveness of the domestic economy and society as a whole. It should be noted that the growth in the use of digital technologies is largely provoked by objective trends in improving civil turnover and minimizing administrative and organizational costs on the part of government agencies. For example, some services can be obtained exclusively and only through digital technologies.

It is this fact that gives rise to the *third* problem, which is expressed in the fact that the use of digital technologies requires appropriate skills in interacting with the relevant platforms, as well as knowledge of some programs. It is necessary to understand that the full use of information technology requires quite serious financial investments. Unfortunately, not every Russian, especially in the region, can afford a high-quality gadget that can easily "pull" the relevant applications and platforms. This problem is exacerbated by large distances, through which many technologies in remote regions of the Russian Federation are still not available.

It is necessary to understand that digitalization is an absolutely objective process, for this reason it is impossible to cancel or prohibit it, and ignoring it will lead to lagging behind global trends and stagnation of economic and social growth. Based on this, we can safely say that if a person, for whatever reason, does not use all the benefits of digitalization, this does not mean at all that he will not be drawn into them against his will. And the second part of this problem can be highlighted by the fact that even if citizens do not participate in civil circulation through digital technologies, they can still lose their property and sometimes even freedom, since fraudsters can use their data to

commit crimes in cyberspace. And at the same time, it is necessary to state the fact that in recent years the number of crimes in the digital segment has increased many times and continues to grow.

In this context, it is necessary to highlight the most vulnerable segments of the population. We are talking specifically about the younger generation, since it was they who grew up in the digital format and for them the digital information space is their home, and for this reason they are unaware of the pitfalls and all kinds of fraud that are present in this segment. It is also necessary to note such a category of citizens as children from orphanages, who can already have their own home and at the same time have absolutely no idea how to protect it. This is where fertile ground for cybercrime is formed. These examples are the result of legal illiteracy and legal nihilism of digital means of crime, in the absence of a high-quality institution of preventive protection.

Particularly acute legal nihilism in the digital space is expressed not only in ignorance of the laws, but also in the habit of unconditionally agreeing to the conditions that are offered to this category of citizens in the information space. As social studies show, most citizens enter into a deal in a digital format without understanding the potential risks and threats. And about two thirds of citizens cannot protect their rights and legitimate interests in the digital space. It is also necessary to understand that many citizens are quite indifferent to the fact of their personal data getting on the Internet and do not worry about it until they directly encounter infringement of their rights.

In recent years, cyber fraudsters have learned to professionally deceive and use citizens in their own interests. For example, as practice shows, it is very difficult to prove the authenticity of an electronic signature in court, which gives fraudsters the opportunity to increase the number of cybercrimes.

Taking into account the above-mentioned range of problems associated with digital inequality, almost two-thirds of the population of our country fall into the so-called risk group. Unfortunately, this category of citizens does not know about all digital innovations and experiences serious difficulties due to the fact that they are not able to fully familiarize themselves with modern trends in the area under study. Moreover, if we analyze modern trends and innovations, then information about credit histories, credit ratings for each Russian, smart contracts, digital profiles with legally significant information for all citizens of the Russian Federation will only increase digital inequality, creating fertile ground for violations, speculation and all kinds of disputes. It should also be said that today in the field of finance there are many technological innovations that can create certain problems for a large number of the population. The prospects for the development of digital technologies in the financial sector today are unimaginable [2].

Based on this, we can conclude that in practice we will face a situation where those who have computer and digital literacy, and also understand the legislation in the area under study, have more privileges than other subjects. And in this case, we will face the division of society into "digital" classes, which will greatly increase digital discrimination. And it turns out that those who could not effectively integrate themselves into the conditions of the new digital reality will remain outside the civil turnover.

It is also necessary to understand that the objective trend of blurring the boundaries between the physical and digital worlds allows us to assert that the traditional legal framework is outdated. In other words, we are talking about the fact that the decentralized nature of the Internet and rapid information and digital innovations are ahead of the ability of laws to effectively regulate behavior on the Internet. This can create a climate of impunity, discrimination, and a sense that there are no consequences for online misconduct.

A range of measures can be taken to address all of these issues.

First, existing legislation needs to be updated. Legal frameworks need to be modernized to address the specific challenges posed by online platforms. This includes expanding existing anti-discrimination laws to cover online spaces, clarifying jurisdictional issues, and ensuring adequate enforcement mechanisms.

Second, regulators need to take a proactive approach to preventing digital discrimination. It is important to understand that fraudsters, having developed a scheme for speculation, immediately begin to implement it, but as for the legislator, the adoption of laws always tends to lag in time. In

order for the legislator to keep up with this process, it is necessary to include in the regulatory framework the creation of guidelines for the design of platforms, data collection and development of algorithms, which should be based on transparency and accountability.

Third, it is necessary to undertake a set of measures to promote cooperation and effective decision-making among policymakers, the IT industry, civil society organizations and academic institutions. This cooperation can facilitate the development of ethical guidelines, the implementation of best practices and effective regulatory frameworks.

Fourth, it is necessary to expand the digital capabilities of citizens. This means that they must be equipped with the knowledge and tools to fully understand the responsibility they bear to the rest of society, and must also know how to protect their rights. This includes knowledge of digital rights, increasing digital literacy and supporting online platforms that prioritize democracy and justice.

Fifth, it is necessary to understand that, unfortunately, it is quite difficult to find an effective legislative approach to solving the issues of eliminating legal nihilism and digital discrimination in civil circulation. But at the same time, society and the state must consolidate their efforts in finding ways to adapt and expand legal opportunities to solve online security problems. This requires open dialogue, innovation and a willingness to accept new approaches to ensure justice in general, and especially justice in the digital age. All this is necessary to strengthen the rule of law, especially since "modern developed states are in a transitional state on the way to the creation and functioning of a full-fledged electronic state. Evidence of this is the creation and provision of public administration information systems, such as e-government, e-government, digital economy, e-justice, e-government services" [10, p. 146].

To summarize all of the above, we can safely say that the fight against digital discrimination requires a balanced approach to updating existing laws, objectively involves cooperation between stakeholders. By solving the problems outlined above, implementing effective solutions, we can pave the way for a more democratic and fair digital landscape. The time has come to overcome the digital divide and ensure equal access to the opportunities and benefits of online security. Ensuring information security is one of the primary tasks of the state in the modern digital era [3].

Bibliographic list

1. Ivliev P.V., Krizhanovskaya G.N. Digitalization of the economy: legal regulation and development paths // Theory of state and law. 2024. No. 4 (33). Pp. 127–136.
2. Ivliev P.V., Sokolova E.A. The impact of digital technologies on the development of the financial sector in the modern world // Agrarian and land law. 2022. No. 11 (215). Pp. 35–37.
3. Vorobyov S.M., Ivliev P.V. Actual problems of the formation of the information society in Russia // Theory of state and law. 2022. № 2 (27). Pp. 87–98.
4. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Legal status of cyber-physical systems: theoretical and legal understanding: article // Theory of state and law. 2020. No. 1. Pp. 22–35.
5. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Cybernetic (information) civilization: statement of the problem: article // In the collection: All-Russian scientific and practical conference "The problem of municipalities in the context of legal social science" (Ufa, November 14, 2019) // Ed. F.M. Rayanov. – Ufa, 2019.
6. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Risks in the information civilization: theoretical and legal understanding: article // Theory of state and law. 2019. No. 3. Pp. 20–36.
7. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Transitional electronic state in the context of functioning of the information (cybernetic) civilization: theoretical and legal analysis: article // Bulletin of the Moscow State Open University. 2019. No. 1. Pp. 17–27.
8. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Digital sovereignty of the Russian Federation: theoretical and legal analysis: article // Theory of state and law. 2024. No. 1 (35). Pp. 45–59.
9. Galiev F.Kh. Modern problems of civilization development: review of the book "Theoretical and legal paradigm of the existence of a cybernetic (information) civilization: monograph / edited by S.A. Komarov. Moscow: Publishing house of MATGiP, 2022. 320 p. // Legal state: theory and practice. 2022. No. 2 (68). P. 180–183.

Theory of State and Law

10. Theoretical and legal paradigm of the existence of cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house of MATGiP, 2022. 320 p.

For citation: Ivliev P.V. Digital nihilism and digital discrimination: problems and solutions: article // Theory of state and law. 2024. No. 4 (41). P. 71–75.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_67

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_76

С.В. Игнатьева*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

***Аннотация.** В статье рассматриваются концептуальные подходы государственно-правового регулирования предпринимательства с позиции взаимодействия государства и гражданского общества. Анализируется широкий диапазон взглядов на роль государства и степень его воздействия на экономику, свободу личности и товаропроизводителя как в западной, так и в отечественной литературе. Анализируются консервативные, либеральные и естественно-правовые концепции теоретических подходов к данной проблеме. Определяется роль правовой культуры в деле преобразования российского общества в социально-ориентированное государство. Рассматриваются культурные традиции либеральной русской философско-правовой мысли с позиций историзма, в познании таких проблем, как право и нравственность, право и демократия, право и государство. Выделены теоретические и практические аспекты взаимодействия гражданского общества и государства, в контексте электронной демократии, сопряженной с внедрением в общественные процессы современных информационных технологий. Определяются направления дальнейшего развития демократических процессов в условиях цифрового общества.*

***Ключевые слова:** гражданское общество, правовое государство, правовая культура, социально-ориентированное государство, право и демократия, экономические права граждан, информационные технологии, цифровая демократия, электронное правительство.*

Вопрос о механизме государственно-правового регулирования рыночной экономики тесно связан, прежде всего, с проблемой взаимодействия государства и гражданского общества, взаимодействия государства, права и экономики. Как известно, проблематика роли государства и степени его воздействия на экономические процессы в условиях рыночного хозяйства чрезвычайно активно разрабатывалась в экономической и правовой литературе на Западе. Однако нельзя сказать, что в результате научного поиска было достигнуто единство мнений в главном – относительно отношения государства к свободе хозяйствующих субъектов рыночных отношений. Если апеллировать к западному опыту, то следует отметить, что в истории теоретической мысли обособлены две соперничающие традиции в подходах к данной проблеме.

С одной стороны, это либеральная традиция индивидуальной свободы человека. Государство при таком воззрении действует на экономику, но только такими законами, которые соответствуют естественному праву. Сторонники индивидуальной свободы личности (А. Смит, Ф. Хайек, М. Фридман) считали, что главное – это экономическая свобода товаропроизводителей, а обязанность государства – гарантировать эту свободу [1]. Иные взгляды на государственное вмешательство в экономику нашли выражение в современных теориях

* **Игнатьева Светлана Викторовна**, профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации; профессор кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. E-mail: svetignateva60@mail.ru

либерального эгалитаризма, в которых тенденция к выравниванию социального положения людей четко обозначена [10]. Сторонники этой концепции (Дж. Роулз, К. Дженкинс, М. Харрингтон) не отрицают значимость индивидуальной свободы, но стремятся сочетать ее с равенством,

с участием государства в обеспечении справедливости путем создания механизма распределительных отношений, социальных программ помощи.

В настоящее время, в частности, идея индивидуализма переживает кризис, она находится в противоречии с реальной действительностью. Интерес к идее гражданского общества у западных авторов в значительной степени связан с поисками нового баланса. Идея свободы лишилась своей регулятивной силы, утратила свой энергетический потенциал. Абсолютизация идеи свободы в структуре ценностей гражданского общества мало учитывает, на наш взгляд, реальную историю гражданского общества. Перенесенная в Россию западная идея гражданского общества обречена на неудачу. Несомненно, что опыт западного предпринимательства для России очень важен, но Запад – система динамичная и переносить на Россию стандарты двухсотлетней давности, по меньшей мере, не дальновидно.

В этой связи, необходимо, наряду с использованием ценного мирового опыта, обратиться к живой отечественной мысли и истории, к исследованию культурных традиций либеральной русской философско-правовой мысли, к трудам С.Н. Булгакова, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, И.А. Ильина в познании таких проблем, как право и нравственность, право и демократия, право и государство [8]. Сейчас, когда само время поставило вопрос национальной идентификации России в новых экономических условиях, необходимость подобного анализа очевидна. Отметим, что концепция индивидуальной свободы личности с ее главной идеей о том, что именно естественные права выполняют функцию ограничителя в правовом государстве, была одним из главных направлений в русской политико-правовой мысли в начале XX века. В то же время для правовой культуры России и Запада характерно разное соотношение естественного и писаного права. В русской философии права «идею естественного права заменяли идеалы добродетели, справедливости и правды – нравственное, но не правовое отношение к закону и праву».

На протяжении всей истории существования нашего общества государство играло заметную роль в его функционировании. Отношение между обществом и государством строилось на основе полного или частичного подчинения первого второму. Государство было укоренено в обществе и выступало в качестве гаранта порядка и справедливости. На этой основе формировалось и общественное сознание. Патерналистская политика государства по отношению к гражданам была, по сути, нормой политической жизни России. В этих условиях быстрая деэтизация общества способна лишь дезинтегрировать его, укрепить в нем те социальные силы (например, мафиозные структуры), которые будут оказывать негативное воздействие на процесс демократизации общества [5].

Принимая во внимание отличительные черты русского самосознания, сформулированные всем ходом и характером национальной истории, можно сделать заключение, что либеральная концепция функционирования гражданского общества принципиально не согласуется с ее национальными, духовными истоками. На протяжении всей истории существования нашего общества государство играло заметную роль в его функционировании. Отличительные традиции культурно-исторического, национального, духовного развития российского государства необходимо учитывать при разработке механизма социальной адаптации общества к современным условиям реформирования экономики, что является одной из важнейших задач формирования гражданского общества.

Следует отметить, что происходящее в современных условиях стремительное изменение существующей реальности и повсеместное внедрение новых информационных технологий совершенно меняют модели взаимодействия государства и гражданского общества.

Интернет революция и информатизация российского общества в настоящее время определяет новую систему взаимоотношений граждан и государства. С.А. Комаров подчеркивает, что в современном информационном обществе информация приобретает особую

ценность, становясь особенной важной составляющей развития государства, необходимым ресурсом его развития. Она должна быть доступной, полноценной, поскольку охватывает практически все сферы функционирования не только государства, но и общества. Постоянно растет число граждан государства, деятельность которых связана с пребыванием в информационной сфере практически постоянно. Сами информационные и коммуникационные технологии проникают в различные сферы жизни общества, и мы сегодня с трудом представляем жизнь без них [13].

Распространение информационно-коммуникационных технологий и проникновение их во все сферы общественной жизни создают предпосылки для развития гражданского общества и реального обеспечения прав граждан на свободный доступ к информационным ресурсам, а в итоге ведет к развитию электронной демократии.

Теория электронной демократии разрабатывалась рядом российских ученых, и ее термин имеет несколько различных трактовок [7]. В самом общем смысле это – демократическая государственная система, в которой информационно-коммуникационные технологии используются для выполнения важнейших функций демократического процесса: распространение информации и развития демократических институтов, объединение интересов граждан и расширения их участия в общественно-политической деятельности. Электронная демократия предполагает: прямое волеизъявление участников. Речь идет об участии граждан в управлении государством, которое может осуществляться двумя путями: посредством личного участия в принятии конкретных решений (прямая демократия) или выборами представителей в органы законодательной власти (представительная демократия). В электронной демократии волеизъявление граждан осуществляется посредством публичных обсуждений, электронного голосования, электронных выборов.

Высшей формой электронной демократии признается электронная прямая демократия (Electronic Direct Democracy, EDD), которая представляет собой прямое вовлечение граждан в избирательную деятельность с использованием информационно-коммуникационных средств. В условиях прямой электронной демократии интернет способен обеспечить прямое общение граждан и государства, хотя это и сопряжено с определенными проблемами технического свойства и обеспечения безопасности. В тоже время необходимо еще раз подчеркнуть колоссальный потенциал интернета и информации в плане будущего развития политических институтов и процессов.

Следует отметить, что если в индустриальном обществе наиболее прогрессивной формой правления была представительная демократия, то в информационном – демократия участия. Это означает, что принятые решения должны реализовываться путем свободного доступа граждан к информации, где будет учитывать мнение всех слоев населения, с целью достижения общего согласия их совместных действий.

Вместе с тем нельзя упрощенно подходить к повсеместному внедрению новых информационных технологий, поскольку не всегда имеются соответствующие объективные и субъективные предпосылки. Как показывает практика, электронная демократия в России, несмотря на свой большой потенциал, находится на начальном этапе и пока используется незначительно, в основном для улучшения функционирования представительной демократии, а также для коллективного участия граждан при обсуждении различных государственных проектов. Иными словами, механизмы прямого воздействия граждан на власть еще широко не применяется. Тем не менее, даже в таком усеченном виде использование достижений электронной демократии способствует улучшению диалога между государством и гражданским обществом.

Следует отметить, что внедрение информационно-коммуникативных технологий в России происходит в соответствии с общемировыми тенденциями. С одной стороны, можно говорить о том, что в процесс принятия решения вовлекается всё большее количество граждан, и способы их участия становятся более прозрачными, доступными, оперативными и открытыми. С другой стороны, важно не допустить управление таким интернет-сообществом только одним субъектом, – эта проблема может быть решена в том числе и с помощью внедрения

системы эффективного гражданского контроля в обществе, а также через усиление роли человеческого фактора в принятии государственных решений.

Очень важной с точки зрения перспектив развития электронной демократии является проблема соотношения её с концепцией электронного государства (правительства; от англ. e-government – электронное, цифровое правительство). Электронное правительство – важный элемент государственной системы, на сегодняшний день уже внедряется в процесс управления государством [12]. Такая демократия будет наиболее эффективно работать только при наличии активного гражданского общества, которое будет заинтересовано в применении ИКТ в рамках процесса принятия политических решений.

При этом важным аспектом является цель конкретной модели управления, поскольку именно от целевых установок в государственном управлении будет зависеть, насколько цифровизация станет эффективна в диалоге между гражданским обществом и общественно-государственными институтами. А.П. Кочетков также обращает внимание на важность целей конкретных моделей управления [9, с. 322]. Повсеместное внедрение цифровых технологий в политику с течением времени могут быть направлены не на развитие и укрепление основ демократии, а на укрепление основ государства с авторитарным режимом. Поэтому эффективное цифровое управление государством возможно только при человеко-ориентированном подходе к созданию модели цифрового управления государством, где определены ключевые проблемы процесса цифровизации, его социокультурные особенности.

Электронная демократия (от англ. e-democracy – электронная, цифровая демократия) быстрыми темпами укрепляет свои позиции как одна из важнейших форм совершенствования гражданского общества. Она направлена на повышение эффективности участия граждан в политической жизни государства [2, с. 46]. Можно сказать, что в целом для всей политической системы страны информационные технологии являются новым вызовом современности. Жёсткая закрытая структура, основанная на иерархии, претерпевает существенные изменения. В ближайшей перспективе процесс принятия политического решения станет более гибким, открытым и двусторонним [3, с. 159].

При анализе перспективы внедрения электронной демократии интересна позиция Г. А. Малышевой. Автор рассматривает цифровизацию общественных отношений с точки зрения социокультурного подхода. Неизбежны будут антропологические проблемы: вместе с человеком меняются и его ценности. Погружение в виртуальную реальность, постоянное использование гаджетов, восприятие обладанием суперновыми технологиями в качестве главного критерия успешности – это далеко не весь перечень рисков при формировании цифрового общества и его вовлечения в политическую активность [11, с. 42]. С. В. Володенков и А.Б. Ромашкина, проводя анализ форм воздействия информационных технологий на институты власти и определение потенциала влияния коммуникационных технологий на трансформацию политической системы, подчеркивают, что в процессах цифровизации становится более эффективным механизм обратной связи между гражданским обществом и государством [4, с. 33].

К перспективным факторам развития электронной демократии также можно отнести обучение, которое, несомненно, является ключевым элементом, который должен рассматриваться для успешного осуществления электронной демократии. При этом вложение ресурсов в человеческий капитал должно гарантировать, что люди будут знать, как использовать предоставленные им инструменты, и каким образом они смогут принимать участие в демократических дебатах и процессах. Речь идет о формировании повсеместно новой информационной культуры. Для выработки и принятия соответствующего решения, человеку необходимо обладать этой особой информационной культурой, которая не сможет появиться не откуда, а может быть сформирована только на общей и правовой культуре каждой личности [6, с. 127].

Библиографический список

1. Hayek F. A. The Constitution of Liberty. Chicago. University of Chicago Press. 1960. P. 103–104.

2. *Бронников, И. А.* Медиаактивизм и гражданская мобилизация: генезис и тенденции / И. А. Бронников, М. В. Горбачев, О. С. Кононенко, И. К. Тимирчев // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 1. – С. 44–60.
3. *Бронников, И. А.* Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций / И. А. Бронников // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 269–285.
4. *Володенков С.В.* Технологии Интернет-коммуникации как инструмент влияния на функционирование современных институтов власти: актуальные вызовы / С. В. Володенков, А. Б. Ромашкина // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: История и политические науки. – 2020. – Т. 1. – С. 33–40.
5. *Игнатьева С.В.* Концептуальные подходы к пониманию роли государства и права в регулировании предпринимательской деятельности в России // В сб.: Государство. Право. Экономика / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.Г. Бернацкого. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. – 155 с.
6. *Игнатьева С.В.* Информатизация и цифровизация в образовательном пространстве современного российского общества / Дроздова А.М., Игнатьева С.В., Крижановская Г.Н. // Теория государства и права. – 2023. – № 4-1 (34). – С. 125–129.
7. *Кисилев А.С.* О современных подходах к пониманию сущности “электронной демократии в России и зарубежных странах // Правопорядок: история теория, практика. 2017. № 3. С. 9–15.
8. *Кистьяковский Б.А.* Государство и личность // Русская философия собственности (XVIII–XX вв.). – СПб.: СП “Ганза”, 1993. – 511 с.; *Ильин И.А.* О частной собственности // Русская философия собственности (XVIII–XX вв.). – СПб.: СП “Ганза”, 1993. – 511 с.
9. *Кочетков, А. П.* Концепция цифрового правительства как политический проект для России: перспективы реализации в условиях вызовов и рисков цифровизации общества // Экспертный круглый стол на факультете политологии МГУ / А. П. Кочетков, И. А. Василенко, С. В. Володенков, К. А. Гаджиев, В. И. Коваленко, А. И. Соловьев, Е. Г. Кирсанова // Власть. – 2021. – Т. 1. – С. 317–331.
10. *Мальцев Г.В.* Буржуазный эгалитаризм. – М.: Мысль, 1984. – 256 с.; *Вебер М.* Избранные произведения (социологическая мысль Запада) / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
11. *Малышева, Г. А.* О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества / Г. А. Малышева // Власть. – 2018. – Т. 1. – С. 40–46.
12. *Марьенков В.* Общие вопросы формирования системы электронной демократии за рубежом // <https://www.rcoit.ru/news/16300/>; *Ровинская Т.* Электронная демократия в теории и на практике // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 12. – С. 84–96.
13. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография / под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.

Для цитирования: *Игнатьева С.В.* Концептуальные основы взаимодействия государства и предпринимательства: тенденции и перспективы развития в условиях информатизации российского общества: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 76–80.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_76

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND ENTREPRENEURSHIP: TRENDS AND DEVELOPMENT PROSPECTS IN THE CONTEXT OF INFORMATIZATION OF RUSSIAN SOCIETY

Svetlana V. Ignatieva *

Annotation. The article examines the conceptual approaches of state-legal regulation of entrepreneurship from the perspective of interaction between the state and civil society. A wide range of views on the role of the state and the degree of its impact on the economy,

* **Ignatieva Svetlana Viktorovna**, Professor of the Department of Civil Law of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation; Professor of the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation. E-mail: svetignateva60@mail.ru

Theory of State and Law

individual freedom and commodity producers in both Western and domestic literature are analyzed Conservative, liberal and natural law concepts of theoretical approaches to this problem are considered. The role of legal culture in the transformation of Russian society into a socially oriented state is determined. In this regard, the cultural traditions of liberal Russian philosophical and legal thought are considered from the standpoint of historicism. in the knowledge of such problems as law and morality, law and democracy, law and the state. The theoretical and practical aspects of interaction between civil society and the state are considered, in the context of electronic democracy, coupled with the introduction of modern information technologies into public processes, the directions of further development of democratic processes in a digital society are determined.

Keywords: *civil society, rule of law, legal culture, socially oriented state, law and democracy, economic rights of citizens, information technology, digital democracy, e-government.*

The issue of the mechanism of state and legal regulation of the market economy is closely connected, first of all, with the problem of interaction between the state and civil society, interaction between the state, law and economy. As is known, the problem of the role of the state and the degree of its influence on economic processes in the conditions of a market economy has been extremely actively developed in the economic and legal literature in the West. However, it cannot be said that as a result of scientific research, a unity of opinions has been achieved on the main thing – regarding the attitude of the state to the freedom of economic entities in market relations. If we appeal to Western experience, it should be noted that in the history of theoretical thought, two competing traditions in approaches to this problem are substantiated. On the one hand, this is the liberal tradition of individual freedom of man. The state, according to this view, acts on the economy, but only by such laws that correspond to natural law. Supporters of individual freedom of the person (A. Smith, F. Hayek, M. Friedman) believed that the main thing is the economic freedom of producers, and the duty of the state is to guarantee this freedom [1]. Other views on government intervention in the economy have found expression in modern theories of liberal egalitarianism, in which the tendency to equalize the social status of people is clearly outlined [10]. Supporters of this concept (J. Rawls, K. Jenkins, M. Harrington) do not deny the importance of individual freedom, but seek to combine it with equality, with the participation of the state in ensuring justice by creating a mechanism of distribution relations, social assistance programs. At present, in particular, the idea of individualism is experiencing a crisis, it is in conflict with reality. Interest in the idea of civil society among Western authors is largely associated with the search for a new balance. The idea of freedom has lost its regulatory power, has lost its energy potential. The absolutization of the idea of freedom in the structure of values of civil society takes little account, in our opinion, of the real history of civil society. The Western idea of civil society transferred to Russia is doomed to failure. There is no doubt that the experience of Western entrepreneurship is very important for Russia, but the West is a dynamic system and transferring two-hundred-year-old standards to Russia is, at the very least, short-sighted.

In this regard, it is necessary, along with the use of valuable world experience, to turn to living domestic thought and history, to the study of the cultural traditions of liberal Russian philosophical and legal thought, to the works of S. N. Bulgakov, P. I. Novgorodtsev, B. A. Kistyakovsky, I. A. Ilyin in understanding such problems as law and morality, law and democracy, law and the state [8]. Now, when time itself has raised the question of Russia's national identification in new economic conditions, the need for such an analysis is obvious. It should be noted that the concept of individual freedom of the individual with its main idea that it is natural rights that perform the function of a limiter in a legal state was one of the main directions in Russian political and legal thought at the beginning of the twentieth century. At the same time, the legal culture of Russia and the West is characterized by a different relationship between natural and written law. In Russian legal philosophy, "the idea of natural law was replaced by the ideals of virtue, justice and truth – a moral, but not legal attitude to law and justice."

Throughout the history of our society, the state has played a significant role in its functioning. The relationship between society and the state was built on the basis of complete or partial subordination of the former to the latter. The state was rooted in society and acted as a guarantor of order and justice. Public consciousness was also formed on this basis. The paternalistic policy of the state towards citizens was, in fact, the norm of political life in Russia. Under these conditions, the rapid de-ethicization of society can only disintegrate it, strengthen those social forces (for example, mafia structures) that will have a negative impact on the process of democratization of society [5].

Taking into account the distinctive features of Russian self-awareness, formulated by the entire course and character of national history, it can be concluded that the liberal concept of the functioning of civil society is fundamentally inconsistent with its national, spiritual origins. Throughout the history of our society, the state has played a significant role in its functioning. The distinctive traditions of the cultural-historical, national, spiritual development of the Russian state must be taken into account when developing a mechanism for social adaptation of society to modern conditions of economic reform, which is one of the most important tasks of forming a civil society.

It should be noted that the rapid change in the existing reality and the widespread introduction of new information technologies that are taking place in modern conditions completely change the models of interaction between the state and civil society.

The Internet revolution and informatization of Russian society currently determine a new system of relationships between citizens and the state. S.A. Komarov emphasizes that in the modern information society, information acquires special value, becoming a particularly important component of the development of the state, a necessary resource for its development. It must be accessible, complete, since it covers almost all spheres of functioning of not only the state, but also society. The number of citizens of the state, whose activities are connected with being in the information sphere almost constantly, is constantly growing. Information and communication technologies themselves penetrate into various spheres of society, and today we can hardly imagine life without them [13].

The spread of information and communication technologies and their penetration into all spheres of public life create the prerequisites for the development of civil society and the real provision of citizens' rights to free access to information resources, and ultimately leads to the development of electronic democracy.

The theory of electronic democracy was developed by a number of Russian scientists, and its term has several different interpretations [7]. In the most general sense, it is a democratic state system in which information and communication technologies are used to perform the most important functions of the democratic process: dissemination of information and development of democratic institutions, unification of citizens' interests and expansion of their participation in socio-political activities. Electronic democracy assumes: direct expression of the will of participants. We are talking about the participation of citizens in governing the state, which can be carried out in two ways: through personal participation in making specific decisions (direct democracy) or by electing representatives to legislative bodies (representative democracy). In electronic democracy, the will of citizens is expressed through public discussions, electronic voting, and electronic elections.

The highest form of electronic democracy is recognized as electronic direct democracy (EDD), which is the direct involvement of citizens in electoral activities using information and communication tools. In the conditions of direct electronic democracy, the Internet is capable of providing direct communication between citizens and the state, although this is associated with certain technical and security problems. At the same time, it is necessary to emphasize once again the enormous potential of the Internet and information in terms of the future development of political institutions and processes.

It should be noted that if in an industrial society the most progressive form of government was representative democracy, then in an information society it is participatory democracy. This means that the decisions taken should be implemented through free access of citizens to information, where the opinions of all segments of the population will be taken into account, in order to achieve a general agreement on their joint actions.

At the same time, it is impossible to take a simplified approach to the widespread introduction of new information technologies, since the corresponding objective and subjective prerequisites do not always exist. As practice shows, electronic democracy in Russia, despite its great potential, is at an early stage and is still used insignificantly, mainly to improve the functioning of representative democracy, as well as for the collective participation of citizens in discussing various state projects. In other words, the mechanisms of direct influence of citizens on the authorities are not yet widely used. Nevertheless, even in such a truncated form, the use of the achievements of electronic democracy contributes to improving the dialogue between the state and civil society.

It should be noted that the introduction of information and communication technologies in Russia is taking place in accordance with global trends. On the one hand, we can say that an increasing number of citizens are involved in the decision-making process, and the methods of their participation are becoming more transparent, accessible, prompt and open. On the other hand, it is important not to allow such an Internet community to be managed by only one entity – this problem can be solved, among other things, by introducing a system of effective civil control in society, as well as by strengthening the role of the human factor in making government decisions.

A very important issue from the perspective of the development of electronic democracy is the problem of its correlation with the concept of electronic state (government; from English e-government – electronic, digital government). Electronic government is an important element of the state system, and is already being introduced into the process of state governance [12]. Such democracy will work most effectively only if there is an active civil society that will be interested in using ICT in the process of making political decisions.

At the same time, an important aspect is the goal of a specific governance model, since the effectiveness of digitalization in the dialogue between civil society and public and state institutions will depend on the target settings in public administration. A.P. Kochetkov also draws attention to the importance of the goals of specific governance models [9, p. 322]. The widespread introduction of digital technologies into politics over time may be aimed not at developing and strengthening the foundations of democracy, but at strengthening the foundations of a state with an authoritarian regime. Therefore, effective digital governance of the state is possible only with a human-oriented approach to creating a model of digital governance of the state, where the key problems of the digitalization process and its socio-cultural features are identified.

Electronic democracy (from the English e-democracy – electronic, digital democracy) is rapidly strengthening its position as one of the most important forms of improving civil society. It is aimed at increasing the effectiveness of citizen participation in the political life of the state [2, p. 46]. It can be said that, in general, for the entire political system of the country, information technology is a new challenge of our time. A rigid closed structure based on hierarchy is undergoing significant changes. In the near future, the process of making political decisions will become more flexible, open and two-sided [3, p. 159].

When analyzing the prospects for the introduction of electronic democracy, the position of G. A. Malysheva is interesting. The author considers the digitalization of public relations from the point of view of the socio-cultural approach. Anthropological problems will be inevitable: along with a person, his values change. Immersion in virtual reality, constant use of gadgets, perception of possession of super-new technologies as the main criterion of success – this is far from a complete list of risks in the formation of a digital society and its involvement in political activity [11, p. 42]. S. V. Volodenkov and A. B. Romashkina, conducting an analysis of the forms of influence of information technologies on government institutions and determining the potential influence of communication technologies on the transformation of the political system, emphasize that in the processes of digitalization, the feedback mechanism between civil society and the state becomes more effective [4, p. 33].

Promising factors in the development of e-democracy can also include training, which is undoubtedly a key element that should be considered for the successful implementation of e-democracy. At the same time, investing in human capital should ensure that people know how to use the tools provided to them, and how they can take part in democratic debates and processes. We are talking about the

formation of a new information culture everywhere. In order to develop and make an appropriate decision, a person must possess this special information culture, which cannot appear from nowhere, but can only be formed on the basis of the general and legal culture of each individual [6, p. 127].

Bibliographic list

1. Hayek F. A. *The Constitution of Liberty*. Chicago. University of Chicago Press. 1960. P. 103–104.
2. Bronnikov, I. A. Media activism and civil mobilization: genesis and trends / I. A. Bronnikov, M. V. Gorbachev, O. S. Kononenko, I. K. Timirchev // *Bulletin of Moscow State Regional University*. 2021. No. 1. Pp. 44–60.
3. Bronnikov, I. A. Self-organization of citizens in the era of digital communications / I. A. Bronnikov // *Contours of global transformations: politics, economics, law*. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 269–285.
4. Volodenkov S. V. Internet communication technologies as a tool for influencing the functioning of modern government institutions: current challenges / S. V. Volodenkov, A. B. Romashkina // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*. 2020. Vol. 1. Pp. 33–40.
5. Ignatyeva S.V. Conceptual approaches to understanding the role of the state and law in regulating entrepreneurial activity in Russia // In the collection: *State. Law. Economy* / edited by Doctor of Law, Professor G.G. Bernatsky. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University of Economics, 2020. 155 p.
6. Ignatyeva S.V. Informatization and digitalization in the educational space of modern Russian society / Drozdova A.M., Ignatyeva S.V., Krizhanovskaya G.N. // *Theory of State and Law*. 2023. No. 4-1 (34). Pp. 125–129.
7. Kiselev A.S. On modern approaches to understanding the essence of “electronic democracy in Russia and foreign countries // *Law and order: history, theory, practice*. 2017. No. 3. P. 9–15.
8. Kistyakovskiy B.A. *State and personality // Russian philosophy of property (XVIII-XX centuries)*. St. Petersburg: SP "Ganza", 1993. 511 p.; Ilyin I.A. *On private property // Russian philosophy of property (XVIII-XX centuries)*. St. Petersburg: SP "Ganza", 1993. 511 p.
9. Kochetkov, A. P. The concept of digital government as a political project for Russia: prospects for implementation in the context of the challenges and risks of digitalization of society // *Expert round table at the Faculty of Political Science, Moscow State University* / A. P. Kochetkov, I. A. Vasilenko, S. V. Volodenkov, K. A. Gadzhiev, V. I. Kovalenko, A. I. Solovyov, E. G. Kirsanova // *Power*. 2021. Vol. 1. Pp. 317–331.
10. Maltsev G. V. *Bourgeois egalitarianism*. Moscow: Mysl, 1984. 256 p.; Weber M. *Selected works (sociological thought of the West)* / Translated from German. Moscow: Progress, 1990. 808 p.
11. Malysheva, G. A. On the socio-political challenges and risks of digitalization of Russian society / G. A. Malysheva // *Power*. 2018. Vol. 1. Pp. 40–46.
12. Maryenkov V. General issues of forming an electronic democracy system abroad // <https://www.rcoit.ru/news/16300/>; Rovinskaya T. *Electronic democracy in theory and practice // World Economy and International Relations*. 2013. No. 12. Pp. 84–96.
13. *Theoretical and legal paradigm of the existence of a cybernetic (information) civilization: monograph* / edited by S. A. Komarov. Moscow: Publishing house of MATGiP, 2022. 320 p.

For citation: Ignatyeva S.V. Conceptual foundations of interaction between the state and entrepreneurship: trends and development prospects in the context of informatization of Russian society: article // *Theory of state and law*. 2024. No. 4 (41). P. 80–84.

DOI: 10.25839/MATGiP_2024_4_41_76

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_85

А.С. Квитчук*

РЕТРОСПЕКТИВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ С ПОЛИЦИЕЙ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Рассмотрены вопросы деятельности городского самоуправления по снижению преступности в России в начале XX века. Не секрет, что от муниципальной власти зависит участие граждан в деятельности государства по защите их прав и свобод, обеспечении правопорядка и противодействию преступным посягательствам. Проведен мониторинг правового статуса, показано отсутствие единой системы местного самоуправления. В крупных городах (Санкт-Петербург и Москва) отсутствовали общие правила устройства органов местного самоуправления, не были определены конкретные полномочия, которыми наделялись лица, проходящие службу в городском самоуправлении по вопросам снижения преступности. Освещены обязанности органов самоуправления применительно к проблемам снижения преступности, а также обращено внимание на организацию народных дружин, деятельность которых осуществлялась посредством наиболее подготовленных и инициативных горожан. Рассмотрено участие дружин в охране общественного порядка и общественной безопасности в период проведения городских мероприятий, а также показано участие в профилактике совершения преступлений, установление и поиск личности преступника, предоставление материально-технической базы для деятельности полиции, агитация и пропаганда правомерного поведения и критика противоправных действий.

Ключевые слова: самоуправление, власть, дружина, правопорядок, полномочия, противодействие, преступность, город, население.

Местное самоуправление во все времена играло значимую роль в управлении государством, защите прав, свобод и законных интересов граждан. От муниципальной власти зависит участие граждан в деятельности государства, обеспечение правопорядка. На органы местного самоуправления возлагаются также обязанности по противодействию преступности. В особенности данный вопрос является насущным для городского самоуправления. В городах традиционно совершается большая часть преступлений и правонарушений. Это обусловлено рядом факторов:

– в начале XX века продолжался рост промышленности и соответственно рост городского населения, начавшийся в конце девятнадцатого века. Концентрация городского населения на ограниченных территориях существенно повышала риски совершения преступных посягательств. Расширение функционала местного самоуправления, по мнению И.В. Архипкина, предопределено быстрыми темпами индустриализации экономики, относительно свободного перемещения населения из сельской местности в городскую среду [1, с. 5];

– к началу XX века были внесены существенные изменения в выстроенную после Земской реформы 1864 года систему местного самоуправления [11, с. 134–147], в частности, расширены полномочия по обеспечению правопорядка и борьбе с преступностью;

* Квитчук Анатолий Сергеевич, начальник кафедры специальной и автомобильной техники Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации. E-mail: pr.ankvt@mail.ru

– в Российской Империи отсутствовала единая система местного самоуправления, даже в крупных городах, таких, как Москва и Петербург, отсутствовали общие правила устройства органов местного самоуправления. Все это также распространялось и на противодействие преступности, и обеспечение безопасности в России.

Термин «безопасность» впервые был употреблен еще в 1881 г. в Положении «О мерах к охранению государственного порядка и общественного покоя». Как можем заметить, в российской правовой системе изначальное появление понятия «безопасность» было связано с конкретной сферой деятельности, а именно (если использовать современную терминологию) охраной общественного порядка и общественной безопасностью [10, с. 25].

Таким образом, изучение вопросов борьбы с преступностью в рамках деятельности органов местного самоуправления в городской среде в начале двадцатого века позволило, с одной стороны, указать на проблемные вопросы, отчасти способствующие в дальнейшем изменению государственного строя в стране в первую очередь за счет недовольства и как следствие восстания горожан, а с другой стороны это позволило установить направления для совершенствования деятельности местного самоуправления, его взаимодействия с правоохранительными органами в современных условиях. Те угрозы безопасности страны, которые на сегодняшний день имеют место быть [8; 14; 15; 18], а также имеющийся некомплект в правоохранительных органах указывает на важность использования алгоритмов действий, имевших место в начале двадцатого века.

Исследование исторических документов свидетельствует, что в России в начале двадцатого века существовало несколько видов органов городского управления.

Во-первых, в соответствии с «Городским положением» от 1892 года были существенно расширены полномочия городской управы, городской главы. Выборочные должности городской управы по своему статусу были приравнены к уездным и губернским чиновникам. Применительно к вопросам снижения преступности рассматриваемые органы и должностные лица выполняли следующие обязанности: подбирали наиболее подходящих лиц для постоянной или временной охраны правопорядка; обеспечивали оплату денежного жалования наемным лицам в сфере охраны правопорядка [19, с. 87].

Во-вторых, это так называемая «местная (городская) полиция». С.Г. Москаленко писал, что исторически сложилось стремление крестьян в России самостоятельно обеспечивать охрану своих прав, организацию порядка за счет своих внутренних ресурсов. Отчасти схожая практика начала действовать и в городской среде [12, с. 33]. Так, с 1878 по 1917 года в России был введен институт полицейского урядника для выполнения функции контроля за деятельностью десятских и сотских, осуществляющих полицейские функции. По существу, данная особенность выступает как суверенное свойство российских крестьян, входящее в систему суверенности нашей отечественной государственно-правовой идеологии [2; 3; 6; 7; 9; 16; 17].

В-третьих, околоточные надзиратели являлись частью механизма функционирования полиции на участках. Они подчинялись непосредственно участковому приставу и имели ряд обязанностей: присутствовать на общегородских мероприятиях и не допускать беспорядок, ссоры и драки; усмирять пьяных людей, пристающих к прохожим; следить, чтобы все публичные места его участка открывались вовремя; следить, чтобы торговцы на улицах не приставали к покупателям с назойливым предложением своих товаров; в случае пожара распоряжаться оцеплением горящего объекта, оказывать помощь потерпевшим, восстанавливать спокойствие людей [4].

В-четвертых, народные дружины. Организация народных дружин осуществлялась из числа наиболее подготовленных и инициативных горожан. Например, такая практика в Москве имела место с 1881 года, когда были образованы народные дружины, сначала «при проезде Высочайших Особ», а далее при проведении массовых мероприятий и в местах, где требовалось дополнительное воздействие со стороны органов правопорядка.

Требования к лицам из числа городского самоуправления предъявлялись в первую очередь с точки зрения морально-нравственных аспектов. Они должны были быть примером и

авторитетом, не должны были ранее совершать преступления, осуждаемые в обществе по ступки. Все это свидетельствует об отношении к вопросу охраны правопорядка, борьбе с преступностью. Значимость такой деятельности подчеркивалась отсутствием существенных денежных выплат за участие в организации охраны правопорядка и борьбе с преступностью. Предоставляемое право являлось признаком доверия государства к конкретному лицу.

В частности, в 1915 году чинам полиции и администрации была разослана Инструкция по организации добровольной дружины, регламентирующая основные вопросы ее функционирования, к которым относились добровольность вступления, фиксированное членство и строгий отбор, подотчетность и подчиненность органам государственной власти, государственное руководство и контроль за ее деятельностью. С этого момента добровольная народная дружина начинает постоянную работу. Опыт создания Московской дружины распространяется по всей России [5, с. 43].

В целом, говоря о местном городском самоуправлении, отметим, что к их задачам по вопросам противодействия преступности необходимо отнести:

- участие в организации проведения дознания по совершенным преступлениям. Полицейские органы городов были вправе привлекать к участию в проведении дознания по мало значительным уголовным делам представителей местного самоуправления. Однако, на практике такое привлечение зачастую сводилось не к проведению следственных действий, установлению причастности лица к совершению преступления, а к вспомогательным аспектам, решению организационных вопросов;

- предоставление помещений для правоохранительных органов, в частности, полиции. Полиция размещалась в помещениях, которые были предоставлены органами городского самоуправления. В таком случае обеспечивалось в целом материально-техническое обслуживание полицейских;

- участие в охране общественного порядка и общественной безопасности в период проведения городских мероприятий. Наемные или выборные горожане могли участвовать наравне со штатными полицейскими в охране общественного порядка и общественной безопасности в период проведения городских ярмарок, праздников, посещениях высших государственных чинов и др. Например, с появлением автомобилей такие горожане запрещали проезд и развитие высокой скорости, указывали на пути объезда и др. [13, с. 104];

- участие в профилактике совершения преступлений. На основании вызовов преступности и взаимодействия с городской полицией органы местного самоуправления печатали и размещали плакаты, раздавали листовки, а также осуществляли размещение в периодических газетных изданиях информацию о состоянии преступности, наиболее резонансных преступлениях, последствиях, которые имели место в результате совершения преступлений, публиковали фотоизображения и данные преступников из числа горожан;

- финансирование деятельности полицейских нижних чинов, обеспечивающих порядок на улицах городов. На основании сбора налогов и сборов органы городского самоуправления производили выплаты полицейским, занимающих самые нижние чины.

С учетом проведенного исторического экскурса роли городского самоуправления в вопросах снижения преступности в начале двадцатого века следует сделать ряд выводов:

- местное самоуправление в городах носило более самостоятельный характер, в том числе в вопросах организации правоохранительной деятельности и взаимодействия с полицией. Это проявлялось в финансировании, пропаганде, подборе кадров, предоставлении помещений, а также формировании народных дружин;

- структура полиции в городе предполагала комплектование за счет городских муниципальных служащих для исполнения обязанностей по самым нижним должностям;

- городское самоуправления принимало участие в решении таких полицейских функций, как: охрана правопорядка, установление и поиск личности преступника, предоставление материально-технической базы для деятельности полиции, агитация и пропаганда правомерного поведения и критика противоправных действий.

Приведенные тенденции участия городского самоуправления в снижении преступности в начале двадцатого века могут быть использованы и сегодня, когда возникают проблемные места в обеспечении правопорядка и противодействия преступности имеющимися силами и средствами российской полиции.

Библиографический список

1. *Архипкин И.В.* Формирование структур и трансформация задач местного самоуправления в России XIX – начала XX вв. // Сибирский юридический вестник. – 2009. – № 2 (45). – С. 3–10.
2. Бастрыкин призвал прописать государственную идеологию в Конституции // <https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e>
3. *Богатырев Д.К., Сальников В.П.* Ценности христианского гуманизма и государственно-правовая идеология // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11–12. – С. 36–43.
4. Высочайшая резолюция на доклад Полицейстерской канцелярии. – Об учреждении полиции в городах от 23.04.1733 // Полное собрание законов Российской Империи. – Собр. 1-е. – Т. 9. – № 6378.
5. *Гливинский А.З.* Правовое регулирование участия граждан в обеспечении правопорядка в Российской Федерации. – М., 2001. – 184 с.
6. *Жук А.С., Сальников В.П.* Ценностный консенсус общества как основание суверенной правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 163–170.
7. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183–194.
8. *Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л.* Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 69–94.
9. *Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В.* Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188–193.
10. *Квитчук А.С. Квитчук М.А.* Теоретико-правовая основа обеспечения безопасности дорожного движения. // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 10. – С. 24–31.
11. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с.
12. *Москаленко С.Г., Шилова В.А.* Полицейские функции органов местного самоуправления в дореволюционной России: методологические аспекты концептуализации // Философия права. – 2019. – № 1 (88). – С. 29–34.
13. *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России после реформы 1870 г. // Великие реформы России 1856–1874 гг. / Под ред. Л.Г. Захаровой. – Л., 1992. – 203 с.
14. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / под ред. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 423 с. – (Научная мысль).
15. *Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А.* Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 52–60.
16. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.* Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149–162.
17. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И.* Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170–178.
18. *Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В.* Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 139–150.
19. *Юрина Е.Е.* Организация охраны общественного порядка в Российском государстве в дореволюционный период // Труды Академии управления МВД России. – 2013. – № 1 (25). – С. 86–89.

Для цитирования: *Квитчук А.С.* Ретроспектива взаимодействия городского самоуправления с полицией по противодействию преступности в Российской империи в начале XX века: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 85–88.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_85

RETROSPECTIVE OF INTERACTION BETWEEN CITY GOVERNMENT AND THE POLICE IN COMBATING CRIME IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Anatoly S. Kvitchuk*

Annotation. *The article examines the issues of urban self-government activities to reduce crime in Russia at the beginning of the twentieth century. It is no secret that the participation of citizens in state activities, to protect their rights and freedoms, to ensure law and order and to counter criminal encroachments depends on the municipal government. The article monitors the legal status, shows the absence of a unified system of local self-government. In the large cities of St. Petersburg and Moscow, there were no general rules for the organization of local governments, and specific powers were not defined, which were given to persons serving in the city government on crime reduction issues. The article highlights the responsibilities of self-government bodies in relation to crime reduction issues, as well as shows the issues of organizing people's squads, whose activities were carried out through the most prepared and proactive citizens. The participation of squads in the protection of public order is considered.*

Keywords: *self-government, government, squad, law and order, powers, counteraction, crime, city, population.*

Local government has always played a significant role in governing the state, protecting the rights, freedoms and legitimate interests of citizens. The participation of citizens in the activities of the state and ensuring law and order depend on municipal authorities. Local government bodies are also responsible for combating crime. This issue is especially pressing for city government. Most crimes and offenses are traditionally committed in cities. This is due to a number of factors:

– at the beginning of the 20th century, industry continued to grow and, accordingly, the urban population, which began at the end of the nineteenth century, continued to grow. The concentration of the urban population in limited areas significantly increased the risks of criminal attacks. According to I.V. Arkhipkin, the expansion of the functionality of local government is predetermined by the rapid pace of industrialization of the economy, the relatively free movement of the population from rural areas to the urban environment [1, p. 5];

– by the beginning of the 20th century, significant changes were made to the local government system built after the Zemstvo reform of 1864 [11, pp. 134–147], in particular, the powers to ensure law and order and combat crime were expanded;

– in the Russian Empire, there was no unified system of local government, even in large cities such as Moscow and St. Petersburg, there were no general rules for the organization of local government bodies. All this also applied to combating crime and ensuring security in Russia.

The term "security" was first used back in 1881 in the Regulation "On measures to maintain state order and public peace". As we can see, in the Russian legal system, the initial appearance of the concept of "security" was associated with a specific area of activity, namely (if we use modern terminology) the protection of public order and public safety [10, p. 25].

Thus, the study of the issues of combating crime within the framework of the activities of local government bodies in the urban environment at the beginning of the twentieth century allowed, on the one hand, to point out problematic issues that partly contribute to the further change of the state system in the country primarily due to discontent and, as a result, the uprising of citizens, and on the other hand, it allowed to establish directions for improving the activities of local government, its interaction with law enforcement agencies in modern conditions. Those threats to the security of the country that take place today [8; 14; 15; 18], as well as the existing shortage in law enforcement agencies indicate the importance of using the algorithms of actions that took place at the beginning of the twentieth century.

* **Kvitchuk Anatoly Sergeevich**, Head of the Department of Special and Automotive Equipment of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation. E-mail: pr.ankvt@mail.ru

A study of historical documents shows that in Russia at the beginning of the twentieth century there were several types of city government bodies.

Firstly, in accordance with the "City Regulation" of 1892, the powers of the city council, the city head were significantly expanded. Elective positions of the city council were equal in status to district and provincial officials. With regard to issues of crime reduction, the bodies and officials in question performed the following duties:

- selected the most suitable persons for permanent or temporary protection of law and order;
- ensured payment of salaries to hired persons in the sphere of protection of law and order

[19, p. 87].

Secondly, this is the so-called "local (city) police". S.G. Moskalenko wrote that historically, the desire of peasants in Russia to independently ensure the protection of their rights, the organization of order at the expense of their internal resources. A partly similar practice began to operate in the urban environment [12, p. 33]. Thus, from 1878 to 1917, the institution of a police constable was introduced in Russia to perform the function of monitoring the activities of desyatsky and sotsky, who carried out police functions. In essence, this feature acts as a sovereign property of Russian peasants, included in the system of sovereignty of our domestic state and legal ideology [2; 3; 6; 7; 9; 16; 17].

Thirdly, district police wardens were part of the mechanism of police functioning in the areas. They reported directly to the district bailiff and had a number of duties: to be present at citywide events and prevent disorder, quarrels and fights; to pacify drunk people pestering passers-by; to ensure that all public places in his area are opened on time; to ensure that street vendors do not pester customers with an insistent offer of their goods; in the event of a fire, to manage the cordoning off of the burning object, to provide assistance to victims, and to restore peace to the people [4].

Fourthly, people's squads. People's squads were organized from among the most prepared and proactive citizens. For example, such a practice took place in Moscow since 1881, when people's squads were formed, first "during the passage of the Highest Persons", and then during mass events and in places where additional influence from law enforcement agencies was required.

Demands on persons from the city government were made primarily from the point of view of moral and ethical aspects. They had to be an example and an authority, they should not have previously committed crimes, actions condemned in society. All this testifies to the attitude to the issue of maintaining law and order and combating crime. The importance of such activities was emphasized by the absence of significant monetary payments for participation in organizing law and order and combating crime. The granted right was a sign of the state's trust in a specific person.

In particular, in 1915, the police and administration officials were sent Instructions on the organization of a voluntary squad, regulating the main issues of its functioning, which included voluntary entry, fixed membership and strict selection, accountability and subordination to government bodies, state leadership and control over its activities. From this moment on, the voluntary people's squad begins permanent work. The experience of creating the Moscow squad is spreading throughout Russia [5, p. 43].

In general, speaking about local city government, we note that their tasks in matters of combating crime should include:

- participation in organizing the investigation of committed crimes. City police authorities had the right to involve local government representatives in the investigation of minor criminal cases. However, in practice, such involvement often boiled down not to investigative actions and establishing a person's involvement in the commission of a crime, but to auxiliary aspects and resolving organizational issues;

- providing premises for law enforcement agencies, in particular, the police. The police were housed in premises provided by city government bodies. In such cases, the police were generally provided with material and technical support;

- participating in maintaining public order and public safety during city events. Hired or elected city residents could participate equally with regular police officers in maintaining public order and public safety during city fairs, holidays, visits by senior government officials, etc. For

example, with the advent of automobiles, such city residents prohibited travel and high speed, indicated detours, etc. [13, p. 104];

- participation in crime prevention. Based on crime calls and interaction with the city police, local government bodies printed and posted posters, distributed leaflets, and also posted information in periodical newspapers about the state of crime, the most resonant crimes, the consequences that occurred as a result of committing crimes, published photographs and data on criminals from among the city residents;

- financing the activities of lower-ranking police officers who ensure order on the streets of cities. Based on the collection of taxes and fees, city government bodies made payments to police officers occupying the lowest ranks.

Taking into account the historical excursion into the role of municipal self-government in reducing crime in the early twentieth century, a number of conclusions should be made:

- local self-government in cities was more independent, including in matters of organizing law enforcement activities and interaction with the police. This was manifested in financing, propaganda, recruitment, provision of premises, as well as the formation of people's squads;

- the police structure in the city assumed the possibility of staffing at the expense of city municipal employees to perform duties in the lowest positions;

- city self-government took part in solving such police functions as: maintaining law and order, establishing and searching for the identity of the criminal, providing a material and technical base for police activities, agitation and propaganda of lawful behavior and criticism of illegal actions.

The above trends in the participation of city government in reducing crime at the beginning of the twentieth century can be used today, when problem areas arise in ensuring law and order and combating crime with the available forces and resources of the Russian police.

Bibliographic list

1. Arkhipkin I.V. Formation of structures and transformation of tasks of local self-government in Russia of the XIX – early XX centuries // Siberian legal bulletin. 2009. No. 2 (45). P. 3–10.
2. Bastrykin called for prescribing state ideology in the Constitution // <https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e>
3. Bogatyrev D.K., Salnikov V.P. Values of Christian humanism and state-legal ideology // The world of politics and sociology. 2019. No. 11–12. P. 36–43.
4. The highest resolution on the report of the Police Chief's Office. On the Establishment of Police in Cities of April 23, 1733 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 1st. Vol. 9. No. 6378.
5. Glivinsky A.Z. Legal Regulation of Citizen Participation in Ensuring Law and Order in the Russian Federation. Moscow, 2001. 184 p.
6. Zhuk A.S., Salnikov V.P. Value Consensus of Society as the Basis of Sovereign Legal Ideology // Legal Science: History and Modernity. 2023. No. 2. Pp. 163–170.
7. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Reflections on the Foundations of Russian Sovereign Philosophical and Legal Ideology // Legal Science: History and Modernity. 2020. No. 2. Pp. 183–194.
8. Zakhartsev S.I., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Salnikov M.V., Tretyakov I.L. Sovereignty of the Russian Federation: Modern Threats and Ensuring National Security // Legal Science: History and Modernity. 2016. No. 12. Pp. 69–94.
9. Zorina N.V., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Prokofiev K.G., Salnikov M.V. The Idea of Freedom in the Sovereign Ideology of Law: Axiological and Moral-Legal Aspects // The World of Politics and Sociology. 2018. No. 11. Pp. 188–193.
10. Kvitchuk A.S. Kvitchuk M.A. Theoretical and Legal Basis for Ensuring Road Safety // Legal Science: History and Modernity. 2023. No. 10. P. 24–31.
11. Ministry of Internal Affairs of Russia. 1802 – 2002: Historical essay in 2 volumes. Volume 1 / Under the general editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: University Foundation, 2002. 272 p.
12. Moskalenko S.G., Shilova V.A. Police functions of local governments in pre-revolutionary Russia: methodological aspects of conceptualization // Philosophy of Law. 2019. No. 1 (88). P. 29–34.
13. Nardova V.A. Municipal self-government in Russia after the reform of 1870 // The Great Reforms of Russia 1856–1874 / Ed. L.G. Zakharova. Leningrad, 1992. 203 p.

14. Political and legal management and threats to state sovereignty: monograph / edited by V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: INFRA-M, 2024. 423 p.
15. Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Silantyeva V.A. Spiritual Security in Modern Russian Society: Threats and Ways to Overcome Them // The Rule of Law: Theory and Practice. 2019. No. 1. P. 52–60.
16. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. Value Basis of Sovereignty (on the Issue of Sovereign State-Legal Ideology) // Legal Science: History and Modernity. 2019. No. 11. P. 149–162.
17. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I. The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law // The world of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 170–178.
18. Salnikov S.P., Prokofiev K.G., Silantyeva V.A., Klimenko O.A., Silantyeva N.V. Sovereignty of the Russian Federation: modern threats and ensuring spiritual security // The world of politics and sociology. 2018. No. 1. P. 139–150.
19. Yurina E.E. Organization of public order protection in the Russian state in the pre-revolutionary period // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 1 (25). P. 86–89.

For citation: Kvitchuk A.S. Retrospective of interaction between city government and the police in combating crime in the Russian Empire at the beginning of the 20th century: article // Theory of state and law. 2024. No. 4 (41). P. 89–92.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_85

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_93

А.С. Квитчук*

В.С. Комаров**

ПРАВООТНОШЕНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация.** Право является регулятором общественных отношений, выступающим в качестве ориентира в понимании правильности, достаточности, законности, истинности. Иные регуляторы, например, мораль, религия, этика и т.д., играют важнейшее значение для формирования жизнедеятельности, являясь основой для формирования правосознания и иных элементов правовой действительности, но они имеют второстепенный характер в связи со своей в целом относительностью.*

В статье идет речь о понятии толкования права, его сущности, значении для норм права. Нельзя воспринимать толкование права лишь с позиции уяснения и правильного применения норм права. Толкование в современных реалиях создает право и зачастую выявляет в нем коллизии и пробелы. Все это может быть разрешено в последующем правоприменительном и законотворческом процессе. Однако, должны быть определены границы толкования и создания новых норм права. Зачастую властные субъекты права при толковании нарушают законотворческий процесс, изменяют правовую реальность в установленном в обществе и законом порядке. Правоприменительное толкование правовых норм может быть как официальным, так и неофициальным. Суды являются основным субъектом официального правоприменительного толкования. Помимо буквального и системного толкования правовых норм, осуществляемого судами, эти органы также обеспечивают такой специфический вид толкования, как конкретизация права.

***Ключевые слова:** право, правосознание, толкование права, суд, правоприменительная деятельность, закон, уяснение права, законотворческий процесс.*

В настоящее время вопросы правового регулирования общественных отношений носят концептуальный характер. Право является именно тем регулятором, который выступает в качестве ориентира в понимании правильности, достаточности, законности, истинности и др. Иные регуляторы, например, мораль, религия, этика и т.д., играя важнейшее значение для формирования жизнедеятельности, являясь основой для формирования правосознания и иных элементов правовой действительности, носят второстепенный характер в связи в целом относительностью. Вместе с тем синкретизм современной правовой культуры предполагает серьезное влияние на право всей совокупности социальных регуляторов, действующих в обществе [2; 3; 4; 5; 6]. В этой связи В.П. Малахов пишет, что право «накапливает положительный опыт разумной организации всей совокупности общественных отношений» [19, с. 4].

Успешность правового регулирования зависит от множества факторов. Во главе таких факторов: создание и понимание права, правовых норм в различных их формах. Данные процессы (создание и понимание права) обусловлены в первую очередь толкованием норм права.

* **Квитчук Анатолий Сергеевич**, начальник кафедры специальной и автомобильной техники Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации. E-mail: pr.ankvt@mail.ru

** **Комаров Владимир Сергеевич**, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), главный редактор журнала «Теория государства и права», кандидат юридических наук. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Толкование права не отделено от права. Люди, создавая первые нормы права, уже обеспечивали их толкование, как в целях правильного применения, так и совершенствования.

А.В. Корнев в разрезе понимания толкования права в современных реалиях указывает, что сущность права менялась в зависимости от множества факторов: государственно-политического строя, взаимоотношений с религией, влияния социологии, философии и иного. В современных реалиях в единственном значении право не может быть выражено, как и его сущность. Однако, толкование во все времена, по его мнению, исходит из мыслительно-познавательного процесса, в рамках которого уясняется суть конкретной нормы, правового акта [16, с. 30].

Цели толкования, по мнению некоторых авторов, заключаются, как в понимании сути нормы права, тех действий или бездействий, которые следует осуществить, а также направлений по совершенствованию правового регулирования [18, с. 170]. Соотношение толкования права и самой сущности права позволяет указать на их диалектическую связь. С одной стороны, толкование может быть осуществлено уже существующей нормой. С другой стороны, на основании толкования права создаются новые нормы права, совершенствуются (изменяются) действующие и др.

Толкование права – обязательный этап правоприменения. С.А. Пузанков справедливо пишет, что даже «ясные» нормы не могут быть применены без толкования [20, с. 99]. Любой участник правоотношений, прежде чем вступать в них, обеспечивает уяснение той или иной нормы, предполагает свои действия исходя из конкретного их содержания. Все это особым образом проявляется в сегодняшних условиях, когда значительно усилилось правовое регулирование отдельных сфер, стали появляться новые виды правоотношений в сфере информационно-телекоммуникационного пространства, экономического взаимоотношения и др.

Таким образом, выделим современные тенденции, которые присутствуют при толковании права.

Во-первых, это развитие судебного толкования норм права. Суд при отправлении правосудия осуществляют применение норм права, и в случае наличия неоднозначного трактования принимает решение в зависимости, например, от действия основных принципов права, конституционных основ государства и права и т.д. Чем выше уровень судебного реагирования (мировой суд, суды общей юрисдикции, Верховный Суд, Конституционный Суд Российской Федерации), тем значимее для правоприменительной практики становится судебное толкование. Иными словами, судья в режиме толкования права не только применяет конкретные нормы, но и может изменить сущность и взглянуть на правовую действительность по-новому.

Вместе с тем такая тенденция не всегда позволяет стабилизировать правоотношения в обществе, разрешить возникающие споры, что может в конечном итоге привести к повышению уровня коллизии, количества пробелов в праве. Каждый субъект права будет трактовать нормы права по-своему, «заставляя» подчиненные субъекты права исходить из его понимания той или иной нормы.

Во-вторых, толкование норм права на быденном уровне, то есть при применении норм права в повседневной жизни, существенно формализовано и не требует значительных усилий, навыков и знаний. На первый взгляд, данный тезис логичен и не отличается от иных этапов развития правовой жизни. Однако на практике формальное толкование норм права значительно снижает уровень правовой культуры, сознания участников общественных отношений. В конечном итоге все это приводит к невозможности самостоятельного участия большинства субъектов правоотношений в государственной и политической сферах жизни. Увеличиваются риски узурпации власти.

В-третьих, толкование права может быть разделено на доктринальное и правоприменительное, где доктринальное решает концептуальные цели понимания права, его регулирования общественных отношений. Нельзя забывать о том, что само понимание права не ограничивается лишь нормативистским подходом; как известно, существуют и иные интерпретации. Кроме того, юридическая наука выдвигает и новые видения права. В качестве примера

можно привести позицию профессоров В.П. Сальникова и С.И. Захарцева о комплексном понимании права [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15]. Понятно, при доктринальном толковании права, новые подходы к его интерпретации находят отражение. Правоприменительное толкование права исходит из необходимости правильного и полного применения права. Зачастую в современных условиях могут возникать конфликты в рамках доктринального и правоприменительного толкования, что обусловлено рядом причин:

- доктринальное толкование воспринимается с точки зрения идеального понимания права, действия права без наличия проблемных вопросов, нахождения путей решения проблемных вопросов из применения общих правовых начал, принципов права, Конституции Российской Федерации и др.;

- правоприменительное толкование права – более эластично, отражает практическую сторону применения права, учитывает особенности деятельности различных субъектов права и в первую очередь судебную практику;

- в таком случае создаются сложности в восприятии того или иного вида толкования права, что на практике приводит к росту правовых конфликтов, обращений в судебные органы для их разрешения. Все это значительно нагружает судебную систему, снижает своевременное применение норм права, позволяет находить законные пробелы невыполнения тех или иных обязательств.

В-четвертых, толкование права не должно иметь цель истинного трактования и уяснения норм права. В.В. Лазарев в таком случае отмечает, что в настоящее время толкование права применяется в условиях постмодерного развития права, когда отсутствуют исключительные рамки, понятия, определения. Право относительно, а значит, его толкование исходит из конкретных обстоятельств, в которых оно существует, и преследуемых целей [17, с. 7]. Г.А. Гаджиев, являющийся судьей Конституционного Суда Российской Федерации, отмечает, что толкование права основывается на методах оценки ограничений, соотношения частного и публичного права, пропорциональности и соразмерности [1, с. 35].

Правоприменительное толкование правовых норм может быть как официальным, так и неофициальным. Неофициальное толкование права имеет место быть в ситуациях, когда субъекты правоприменения, не являясь официальными органами, входят в те или иные правоотношения, разъясняя для себя их содержание. Один из наиболее распространенных примеров такого толкования: разъяснение сторонами правовых терминов, применяемых в договоре. Однако такое правоприменительное толкование, безусловно, является вспомогательным как в связи с неодинаковым уровнем квалификации субъектов такого правоприменения, так и в связи с тем, что такое толкование не несет каких-либо юридических последствий для других участников правоотношений.

Одним из основных субъектов официального правоприменительного толкования являются суды. В соответствии с Конституцией Российской Федерации и другими законодательными актами РФ именно на суды возложено рассмотрение споров между участниками правоотношений. Поэтому задачей суда является установить содержание правовой нормы и порядок ее применения. Помимо буквального и системного толкования правовых норм, осуществляемого судами, эти органы также обеспечивают такой специфический вид толкования, как конкретизация права.

Приведенные тенденции современных реалий толкования права одновременно свидетельствуют об имеющихся проблемных вопросах, которые проявляются в следующем:

- отсутствие единых правил осуществления толкования права, что проявляется в том, что толкование права зачастую заменяет смысловую нагрузку, которая присутствовала на первоначальном этапе законодательной инициативы;

- расширение различий между доктринальным и правоприменительным толкованием, что в конечном итоге может привести к разрыву в понимании законодательного регулирования и правоприменительной практики. Законодательные акты начинают восприниматься по-иному. На первое место выходит правоприменение, которое при наличии ложных целей начинает узурпировать право на регулирование общественных отношений;

– снижение активности «обывательского» толкования права, что исходит из проблем в правосознании граждан, нежелании последних к повышению собственной правовой культуры. Все это приводит к отсутствию увеличения количества нарушений прав и свобод человека и гражданина, активности правоохранительных и иных государственных органов по их защите;

– в рамках толкования права отсутствуют единые правила, универсальные суждения, что в негативном плане приводит к значительному количеству юридических конфликтов между субъектами права, а значит, необоснованному увеличению нагрузки на судебские органы.

Исходя из этого, должны быть приняты меры, направленные на установление законодательных правил для определения сущности, значения, правил и субъектов толкования права. Важность такой работы продиктована возможностью решения вопросов, связанных с необоснованным, неправильным, а с другой стороны, абсолютным толкованием права. В современных условиях развития информационной, экономической сферы право не может быть воспринято исключительно как социальный регулятор выстроенной системы общественных отношений. Право регулирует общественные отношения практически во всех сферах государственной и общественной жизни: экономической, политической, социальной, духовной, причем с учетом развивающейся информационной среды и т.п. В этой связи новые нормы права должны трактоваться в зависимости от конкретных целей, которые преследуются в непосредственный момент.

Помимо этого, толкование права должно основываться на ряде принципов, среди которых: относимость, справедливость, достаточность ограничения, соотношение частного и публичного права, оценочность и др. Именно данные принципы выступают в качестве начал толкования права независимо от его вида и цели, стоящей перед ней. Также следует обратить внимание на зависимость эффективности и успешности толкования права от правосознания, правовой культуры, то есть от их уровня. В случае повышения уровня правосознания и правовой культуры толкование права приобретает более сбалансированный и сбалансированный характер.

Библиографический список

1. *Гаджиев Г.А.* О понимании и правопонимании в конституционном праве // Толкование правовых актов. Право и суд (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой, трудо-правовой аспекты): Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Алушта, 04–06 октября 2018 г.). – Алушта: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019. – С. 33–58.
2. *Галиев Ф.Х.* О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4 (34). – С. 36–73.
3. *Галиев Ф.Х., Комаров С.А.* Правовое государство и правовая культура: взаимосвязь и взаимозависимость // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 5–10.
4. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336–341.
5. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М.: РАНХиГС, 2014. – 55 с.
6. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
7. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Комплексная теория как инновационный подход к познанию права // Юридическая техника. – 2021. – № 15: Материалы XXII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 23–26 сентября 2020 года) / Главный редактор проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: Проспект, 2021. – С. 166–174.
8. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Комплексная теория права заметно отличается от интегральной (интегративной) теории // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 7. – С. 187–192.
9. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Комплексная теория права как путь познания его сущности // Научно-исследовательские публикации. – 2021. – № 1. – С. 5–45.

10. Захарцев С.И., Сальников В.П. О заблуждениях в понимании права и важности комплексного подхода для его познания // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 83–88.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Поправки в российское законодательство и комплексная теория права как основа суверенной философии права // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 172–187.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право и комплексная теория права // Правовая информатизация и трансформация права в условиях цифровой реальности: Международная научно-практическая онлайн-конференция, приуроченная к юбилеям создания ФБУ НЦПИ при Минюсте России и ВГУЮ (РПА Минюста России) (25 июня 2020 года): Сборник докладов. – М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2020. – С. 74–89.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Продолжаем знакомство с комплексной теорией права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 10. – С. 173–183.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления о комплексной теории права // Образование и право. – 2021. – № 5. – С. 98–105.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Сущность права в фокусе комплексной теории его познания // Сущность права: Сб. статей к 100-летию со дня рождения профессора М.И. Байтина / Под ред. В.М. Баранова, С.А. Белоусова, И.Н. Сенякина. – Саратов: СГАП, 2022. – С. 105–118.
16. Корнев А.В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания // Журнал российского права. – 2016. – № 8 (236). – С. 29–43.
17. Лазарев В.В. Ограничение права судебными решениями // Журнал российского права. – 2018. – № 6 (258). – С. 5–16.
18. Лесовая Т.С. Соотношение конкретизации права и толкования // Кризисные явления в праве: теория, история, пути преодоления. – СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. – С. 166–171.
19. Малахов В.П. Природа, содержание и логика правосознания: автореферат дис. ... доктора юридических наук. – М.: Московская академия МВД РФ, 2001. – 54 с.
20. Пузанков С.А. Современные проблемы правоприменительного толкования // Вестник науки – 2021. – № 5 (38) – том 5. – С. 96–100.

Для цитирования: Квитчук А.С., Комаров В.С. Правоотношения и современная концепция толкования права: проблемы и перспективы: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 93–97.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_93

LEGAL RELATIONS AND THE MODERN CONCEPT OF INTERPRETATION OF LAW: PROBLEMS AND PROSPECTS

Anatoly S. Kvitchuk*
Vladimir S. Komarov**

Annotation. Law is a regulator of social relations, acting as a guide in understanding correctness, sufficiency, legality, truth. Other regulators, for example, morality, religion, ethics, etc., play a vital role in shaping life activity, being the basis for the formation of legal consciousness and other elements of legal reality, but they are of secondary nature due to their overall relativity.

The article discusses the concept of interpretation of law, its essence, and significance for legal norms. It is impossible to perceive interpretation of law only from the standpoint of

* **Kvitchuk Anatoly Sergeevich**, Head of the Department of Special and Automotive Equipment of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation. E-mail: pr.ankvt@mail.ru

** **Komarov Vladimir Sergeevich**, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute" (St. Petersburg), Editor-in-Chief of the journal "Theory of State and Law", Candidate of Legal Sciences. E-mail: matip2017@yandex.ru

understanding and correct application of legal norms. Interpretation in today's realities creates law and often reveals conflicts and gaps in it. All this can be resolved in the subsequent law enforcement and law-making process. However, the boundaries of interpretation and creation of new legal norms must be defined. Often, authorities violate the law-making process when interpreting, changing the legal reality in the order established in society and by law. Law enforcement interpretation of legal norms can be both official and unofficial. Courts are the main subject of official law enforcement interpretation. In addition to the literal and systemic interpretation of legal norms carried out by courts, these bodies also provide such a specific type of interpretation as the specification of the law.

Keywords: law, legal consciousness, interpretation of the law, court, law enforcement activity, law, clarification of the law, legislative process.

At present, the issues of legal regulation of social relations are of a conceptual nature. Law is precisely the regulator that acts as a guide in understanding correctness, sufficiency, legality, truth, etc. Other regulators, for example, morality, religion, ethics, etc., playing a vital role in the formation of life, being the basis for the formation of legal consciousness and other elements of legal reality, are of secondary importance due to their overall relativity. At the same time, the syncretism of modern legal culture presupposes a serious influence on law of the entire set of social regulators operating in society [2; 3; 4; 5; 6]. In this regard, V.P. Malakhov writes that law "accumulates positive experience of reasonable organization of the entire set of social relations" [19, p. 4].

The success of legal regulation depends on many factors. At the head of such factors: the creation and understanding of law, legal norms in their various forms. These processes (the creation and understanding of law) are determined primarily by the interpretation of legal norms. Interpretation of law is not separated from law. People, creating the first rules of law, already provided their interpretation, both for the purpose of correct application and improvement. A.V. Kornev, in the context of understanding the interpretation of law in modern realities, points out that the essence of law has changed depending on many factors: the state and political system, relations with religion, the influence of sociology, philosophy and others. In modern realities, law cannot be expressed in a single meaning, as well as its essence. However, interpretation at all times, in his opinion, comes from the mental and cognitive process, within the framework of which the essence of a specific norm, legal act is clarified [16, p. 30].

The goals of interpretation, according to some authors, consist in understanding the essence of the rule of law, those actions or inactions that should be carried out, as well as directions for improving legal regulation [18, p. 170]. The relationship between the interpretation of law and the very essence of law allows us to point out their dialectical connection. On the one hand, interpretation can be carried out by an already existing norm. On the other hand, new legal norms are created on the basis of interpretation of law, existing ones are improved (changed), etc.

Interpretation of law is a mandatory stage of law enforcement. S.A. Puzankov rightly writes that even "clear" norms cannot be applied without interpretation [20, p. 99]. Any participant in legal relations, before entering into them, ensures clarification of a particular norm, assumes their actions based on their specific content. All this is especially evident in today's conditions, when legal regulation of individual spheres has significantly increased, new types of legal relations have begun to appear in the sphere of information and telecommunications space, economic relations, etc.

Thus, we will highlight modern trends that are present in the interpretation of law.

Firstly, this is the development of judicial interpretation of legal norms. The court, when administering justice, applies the rules of law, and in the event of an ambiguous interpretation, makes a decision depending on, for example, the effect of the basic principles of law, the constitutional foundations of the state and law, etc. The higher the level of judicial response (magistrate's court, courts of general jurisdiction, the Supreme Court, the Constitutional Court of the Russian Federation), the more significant judicial interpretation becomes for law enforcement practice. In other words, a judge in the mode of interpreting the law not only applies specific rules, but can also change the essence and look at legal reality in a new way.

Theory of State and Law

At the same time, such a tendency does not always allow stabilizing legal relations in society, resolving disputes that arise, which can ultimately lead to an increase in the level of conflict, the number of gaps in the law. Each subject of law will interpret the rules of law in its own way, "forcing" subordinate subjects of law to proceed from its understanding of a particular rule.

Secondly, the interpretation of legal norms at the everyday level, that is, when applying legal norms in everyday life, is substantially formalized and does not require significant efforts, skills and knowledge. At first glance, this thesis is logical and does not differ from other stages of the development of legal life. However, in practice, the formal interpretation of legal norms significantly reduces the level of legal culture, the consciousness of participants in public relations. Ultimately, all this leads to the impossibility of independent participation of most subjects of legal relations in the state and political spheres of life. The risks of usurpation of power increase.

Thirdly, the interpretation of law can be divided into doctrinal and law enforcement, where the doctrinal resolves the conceptual goals of understanding the law, its regulation of social relations. We must not forget that the understanding of law itself is not limited to the normative approach; as is known, there are other interpretations. In addition, legal science also puts forward new visions of law. As an example, we can cite the position of professors V.P. Salnikov and S.I. Zakhartsev on the comprehensive understanding of law [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15]. It is clear that with the doctrinal interpretation of law, new approaches to its interpretation are reflected. Law enforcement interpretation of law is based on the need for the correct and complete application of the law. Often in today's conditions, conflicts may arise within the framework of doctrinal and law enforcement interpretation, which is due to a number of reasons:

- doctrinal interpretation is perceived from the point of view of an ideal understanding of the law, the operation of the law without the presence of problematic issues, finding ways to resolve problematic issues from the application of general legal principles, principles of law, the Constitution of the Russian Federation, etc.;

- law enforcement interpretation of the law is more flexible, reflects the practical side of the application of the law, takes into account the specifics of the activities of various legal entities and, first of all, judicial practice;

- in this case, difficulties are created in the perception of a particular type of interpretation of the law, which in practice leads to an increase in legal conflicts, appeals to judicial bodies for their resolution. All this significantly burdens the judicial system, reduces the timely application of legal norms, and allows finding legal gaps in the failure to fulfill certain obligations.

Fourthly, the interpretation of the law should not have the goal of a true interpretation and clarification of the rules of law. V.V. In this case, Lazarev notes that at present, the interpretation of law is applied in the context of postmodern development of law, when there are no exclusive frameworks, concepts, definitions. Law is relative, which means that its interpretation is based on the specific circumstances in which it exists and the goals pursued [17, p. 7]. G.A. Gadzhiev, who is a judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, notes that the interpretation of law is based on methods of assessing restrictions, the relationship between private and public law, proportionality and adequacy [1, p. 35].

Law enforcement interpretation of legal norms can be both official and unofficial. Unofficial interpretation of law takes place in situations where the subjects of law enforcement, not being official bodies, enter into certain legal relations, explaining their content for themselves. One of the most common examples of such interpretation: explanation by the parties of legal terms used in the contract. However, such law enforcement interpretation is certainly auxiliary both due to the different levels of qualification of the subjects of such law enforcement and due to the fact that such interpretation does not bear any legal consequences for other participants in legal relations.

One of the main subjects of official law enforcement interpretation are the courts. In accordance with the Constitution of the Russian Federation and other legislative acts of the Russian Federation, it is the courts that are entrusted with the consideration of disputes between participants in legal relations. Therefore, the task of the court is to establish the content of the legal norm and the procedure for its application. In addition to the literal and systemic interpretation of legal norms

carried out by the courts, these bodies also provide such a specific type of interpretation as the specification of the law.

The above trends in modern realities of legal interpretation simultaneously indicate existing problematic issues, which are manifested in the following:

- the absence of uniform rules for the implementation of legal interpretation, which is manifested in the fact that legal interpretation often replaces the semantic load that was present at the initial stage of the legislative initiative;

- the expansion of differences between doctrinal and law enforcement interpretation, which can ultimately lead to a gap in the understanding of legislative regulation and law enforcement practice. Legislative acts begin to be perceived differently. Law enforcement comes to the forefront, which, in the presence of false goals, begins to usurp the right to regulate social relations;

- a decrease in the activity of the "philistine" interpretation of the law, which comes from problems in the legal consciousness of citizens, the latter's unwillingness to improve their own legal culture. All this leads to the absence of an increase in the number of violations of human and civil rights and freedoms, the activity of law enforcement and other government agencies to protect them;

- within the framework of the interpretation of law there are no uniform rules, universal judgments, which negatively leads to a significant number of legal conflicts between subjects of law, and therefore, an unjustified increase in the workload of judicial bodies.

Based on this, measures should be taken to establish legislative rules for determining the essence, meaning, rules and subjects of the interpretation of law. The importance of such work is dictated by the possibility of resolving issues related to unreasonable, incorrect, and on the other hand, absolute interpretation of law. In today's conditions of development of the information and economic sphere, law cannot be perceived exclusively as a social regulator of the built system of social relations. Law regulates social relations in almost all spheres of state and public life: economic, political, social, spiritual, and taking into account the developing information environment, etc. In this regard, new legal norms should be interpreted depending on the specific goals that are pursued at the immediate moment.

In addition, the interpretation of law should be based on a number of principles, including: relevance, fairness, sufficiency of limitation, the relationship between private and public law, evaluativeness, etc. These principles act as the beginning of the interpretation of law, regardless of its type and the purpose facing it. It is also necessary to pay attention to the dependence of the effectiveness and success of the interpretation of law on legal awareness, legal culture, that is, on their level. In the case of an increase in the level of legal awareness and legal culture, the interpretation of law becomes more harmonious and balanced.

Bibliographic list

1. Gadzhiev G.A. On understanding and legal understanding in constitutional law // Interpretation of legal acts. Law and court (theoretical and legal, constitutional and legal, civil and labor law aspects): Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference (Alushta, October 4–6, 2018). Alushta: Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, 2019. Pp. 33–58.

2. Galiev F.Kh. On the syncretism of legal culture // The rule of law: theory and practice. 2013. No. 4 (34). Pp. 36–73.

3. Galiev F.Kh., Komarov S.A. The rule of law and legal culture: interrelation and interdependence // Legal science. 2016. No. 6. P. 5–10.

4. Galiev F.Kh. Syncretism of legal culture and optimization of public relations // Bulletin of the Bashkir University. 2014. T. 19. No. 1. P. 336–341.

5. Galiev F.Kh. Syncretism of the legal culture of modern Russia: theoretical-methodological and historical-applied research: Author's abstract. dis. ... doc. legal Sci. Moscow: RANEPА, 2014. 55 p.

6. Galiev F.Kh. Syncretism of modern legal culture: Monographiya. Ufa: Bash State University, 2011. 354 p.

7. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Comprehensive theory as an innovative approach to the knowledge of law // Legal technology. 2021. No. 15: Proceedings of the XXII International Scientific and Practical Forum

"Yurtekhnetics" on the topic: "Legal Innovations (Doctrine, Practice, Technology)" (Nizhny Novgorod, September 23–26, 2020) / Editor-in-Chief prof. V.M. Baranov. Nizhny Novgorod: Prospect, 2021. Pp. 166–174.

8. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Comprehend Theory of Law is significantly different from the Integral (Integrative) Theory // *Legal Science: History and Modernity*. 2021. No. 7. Pp. 187–192.

9. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Comprehend Theory of Law as a Way of Understanding Its Essence // *Research Publications*. 2021. No. 1. P. 5–45.

10. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. On Misconceptions in Understanding the Law and the Importance of the Comprehend Approach for Understanding It // *Legal Field of the Modern Economy*. 2016. No. 5. P. 83–88.

11. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Amendments to Russian Legislation and the Comprehend Theory of Law as the Basis of Sovereign Philosophy of Law // *Amendments to the Constitution of the Russian Federation and Prospects for the Development of Regional Legislation: Collection of Materials of the All-Russian Scientific Practical Conference (Ufa, March 24, 2021)* / Ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: BashSU Research Center, 2021. P. 172–187.

12. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Law and the comprehend theory of law // *Legal informatization and transformation of law in the context of digital reality: International scientific and practical online conference dedicated to the anniversaries of the creation of the Federal State Budgetary Institution Scientific Center for Legal Policy under the Ministry of Justice of Russia and the Far Eastern State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)* (June 25, 2020): *Collection of reports*. Moscow: Federal State Budgetary Institution Scientific Center for Legal Policy under the Ministry of Justice of Russia, 2020. Pp. 74–89.

13. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Continuing our acquaintance with the comprehend theory of law // *The world of politics and sociology*. 2019. No. 10. Pp. 173–183.

14. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Reflections on the comprehend theory of law // *Education and law*. 2021. No. 5. Pp. 98–105.

15. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The essence of law in the focus of the comprehend theory of its cognition // *The essence of law: Collection of articles for the 100th anniversary of the birth of Professor M.I. Baitin* / Ed. by V.M. Baranov, S.A. Belousov, I.N. Senyakin. Saratov: Saratov State Law Academy, 2022. Pp. 105–118.

16. Kornev AV Interpretation of Law in the Context of Various Types of Legal Understanding // *Journal of Russian Law*. 2016. No. 8 (236). Pp. 29–43.

17. Lazarev VV Limitation of Law by Court Decisions // *Journal of Russian Law*. 2018. No. 6 (258). Pp. 5–16.

18. Lesovaya TS Correlation between Specification of Law and Interpretation // *Crisis Phenomena in Law: Theory, History, Ways to Overcome*. St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Asterion", 2021. Pp. 166–171.

19. Malakhov VP Nature, Content and Logic of Legal Consciousness: Abstract of the Dis. ... Doctor of Law. Moscow: Moscow Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2001. 54 p.

20. Puzankov S.A. Modern problems of law enforcement interpretation // *Bulletin of Science*. 2021. No. 5 (38). T. 5. P. 96–100.

For citation: Kvitchuk A.S., Komarov V.S. Legal relations and the modern concept of interpretation of law: problems and prospects: article // *Theory of state and law*. 2024. No. 4 (41). P. 97–101.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_93

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102

А.Ю. Кийко*

К.Г. Прокофьев**

В.М. Шеншин***

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

***Аннотация.** В представленном исследовании рассмотрена роль Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании личного состава войск национальной гвардии Российской Федерации. Отмечается, что вместе с другими традиционными конфессиями Русская Православная Церковь является основой российской государственности. Руководство Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации уделяет особое внимание взаимодействию с духовенством по вопросам патриотического и духовно-нравственного воспитания личного состава. Специальная военная операция продемонстрировала важность данной работы, направленной на укрепление моральных основ служению Отечеству. Росгвардия охраняет Храмы и мероприятия с участием священнослужителей.*

***Ключевые слова:** Росгвардия; Русская Православная Церковь; конфессия; патриотизм; духовно-нравственное воспитание; личный состав; войска национальной гвардии.*

Социальный статус религии и религиозных убеждений в современных условиях значительно вырос. Религия и ранее выполняла важную роль в Русской армии. На основе нее складывались многие армейские законы, воспитание, быт и служба военнослужащих. Не зря воинским девизом Русской армии был лозунг: «За Веру, Царя и Отечество». Как отмечают исследователи: «И по сей день, религия имеет огромное значение в формировании личности военнослужащего, оказывая заметное влияние на культуру поведения, и отношение к воинским обязанностям. Это обусловлено в первую очередь тем, что во многих семьях современной России сложилось положительное отношение к религии, по сравнению с прошлым историческим периодом советского времени. Да и в армейской среде все чаще командование воинских частей стало привлекать военнослужащих к церковным праздникам и обрядам, совместно с предводителями Русской Православной Церковью, Советом муфтиев России и других конфессий» [6].

В июле 2024 года отмечалось 15-летие возрождения института военного духовенства в России. Перерыв с 1917 по 2009 год – не такой уж и большой отрезок в масштабах истории России. Первое упоминание присутствия священников на поле боя относятся к 1111 году – об

* **Кийко Андрей Юрьевич**, начальник Санкт-Петербургской военной академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: obr_kom@spvi.ru

** **Прокофьев Константин Георгиевич**, доцент филиала Московского финансово-юридического университета в г. Орске, кандидат юридических наук. E-mail: 775777@bk.ru

*** **Шеншин Виктор Михайлович**, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия. E-mail: vitya-shen@mail.ru

этом говорит Ипатьевская летопись, один из самых авторитетных исторических документов [8]. Новая летопись пишется в наши дни – и мы с вами этому свидетели. Число священников, прошедших через зону СВО, давно превысило 1000 человек и продолжает расти.

Президент Российской Федерации отдельно отметил, что «вместе с другими традиционными конфессиями Русская Православная Церковь является основой российской государственности». Для России Крещение Руси это не просто набирающий популярность праздник. В этом событии тысячелетней давности выразился духовно-цивилизационный и исторический выбор страны. Для Византии, западной Европы того времени это было рядовое событие. В греческих церковных списках Киевская митрополия была в самом конце, самой незначительной. В других странах подобного праздника (в котором крещение станы связывается с основанием ее государственности, идентичности, исторического пути и призвания) не существует.

По поручению директора Росгвардии генерала армии В. Золотова замглавы ведомства генерал-полковник А. Воробьев обсудил со священнослужителями вопросы духовно-нравственного воспитания личного состава войск национальной гвардии. В мероприятии приняли участие представители православного, мусульманского и буддийского духовенства, в том числе окормляющие военнослужащих и сотрудников Росгвардии в районах проведения СВО. В рамках встречи они обменялись опытом работы с верующими росгвардейцами, выполняющими боевые задачи [19]. Как отметил начальник Главного военно-политического управления Росгвардии генерал-майор Д. Ермаков, представители всех религиозных конфессий находятся на передовой СВО вместе с военнослужащими и сотрудниками ведомства и играют важную роль в духовно-нравственном окормлении личного состава.

Военные священники посещают подразделения Росгвардии в Херсонской и Запорожской областях. В пунктах дислокации личного состава ведомства представители Московского Патриархата проводят молебны о здравии росгвардейцев, а также исповедуют и причащают всех желающих, беседуют с военнослужащими и сотрудниками, обсуждают важность духовной силы в священном деле защиты родной земли.

Напомним, недавно между ведомством и Русской Православной Церковью (РПЦ) было заключено соглашение о сотрудничестве – в числе прочего, оно предусматривает духовную поддержку росгвардейцев, выполняющих боевые задачи [19]. Документ подписали директор Росгвардии генерал армии Виктор Золотов и Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Предполагается, что в рамках сотрудничества Русская Православная Церковь будет духовно работать с росгвардейцами и их семьями, а Росгвардия обязуется охранять Храмы и мероприятия с участием священнослужителей, а также помогать им в зоне СВО.

Соглашением определяется сотрудничество сторон, направленное на духовное просвещение, патриотическое и духовно-нравственное воспитание росгвардейцев и членов их семей. Православная культура с каждым днем играет все большую роль в жизни российских граждан, и, конечно, в служебной деятельности Росгвардии [9; 10].

Войска национальной гвардии и Русскую Православную Церковь связывают долгие годы насыщенной и плодотворной совместной работы. Однако подписание соглашения призвано закрепить отношения с пользой для обеих сторон. Росгвардия показывает, что становится защитником традиционных ценностей, наших политико-правовых традиций [12; 13; 14; 15; 16]. А Русская Православная Церковь углубляет взаимодействие с Федеральной службой, что особенно полезно сейчас для минимизации проблем священнослужителей в зоне СВО.

Также Росгвардия и Центральное духовное управление мусульман России подписали Соглашение о сотрудничестве. Директор Росгвардии генерал армии Виктор Золотов и Верховный муфтий Шейх-уль-Ислам Талгат Сафич Таджуддин подписали Соглашение о сотрудничестве между ведомством и Центральным духовным управлением мусульман России. Документ определяет сотрудничество сторон, направленное на духовное просвещение, патриотическое и духовно-нравственное воспитание военнослужащих и сотрудников Росгвардии, а также членов их семей, исповедующих Ислам.

Глава Росгвардии подчеркнул, что подписанное Соглашение – не просто официальное закрепление сотрудничества. Оно открывает новый этап совместной деятельности, направленный на дальнейшее развитие и укрепление тесных связей войск правопорядка и мусульманского духовенства [19].

А. Воробьев при выступлении на XXXII Международных Рождественских чтениях отметил, что пастырское слово особо значимо для военнослужащих и сотрудников, выполняющих задачи Специальной военной операции. «Сегодня Русская Православная Церковь является стержнем единства российского общества в его борьбе с коллективным Западом. Уверен, пока Святая Русская Православная Церковь окормляет нас, мы непобедимы!» – обратился к собравшимся замглавы Росгвардии. В рамках мероприятия генерал-полковник А. Воробьев вручил священнослужителям благодарственные грамоты и обсудил с ними вопросы духовного окормления личного состава.

Патриарх Кирилл совершил чин великого освящения храма святого равноапостольного великого князя Владимира – Главного храма Росгвардии. Во время Божественной литургии в новоосвященном храме предстоятель Русской Православной Церкви прочитал молитву о здравии военнослужащих и строителей храма, а также помянул воинов, отдавших жизнь за веру и Отечество.

По окончании литургии к ее участникам обратился директор Росгвардии генерал армии В. Золотов. Он подчеркнул, что Русская Православная Церковь выполняет особую миссию – спланирует многомиллионный русский мир, вдохновляет защитников России, наполняет сердца людей созидательной верой.

Патриарх Кирилл передал в дар Храму икону великомученика Димитрия Солунского. Также Святейший вручил награды Русской Православной Церкви людям, внесшим вклад в возведение Князь-Владимирского храма [19].

Акцентируем внимание, что воинские походные иконы и ковчеги с частицами мощей святых передали в дар в храмы Главного госпиталя войск национальной гвардии представители благотворительного фонда «Святого мученика Вонифатия».

По поручению директора Росгвардии десять редких православных святынь из рук президента фонда Н. Мезенцевой принял настоятель Князь-Владимировского храма – главного Храма войск национальной гвардии протоиерей М. Беликов. В храмах Росгвардии будут размещены иконы великомученика Пантелеймона и Георгия Победоносца с частицами мощей, переданными из монастыря Ксилургу со святой горы Афон. Среди переданных святынь также иконы святого Луки Крымского и святого Лазаря, ковчеги с частицами мощей этих святых, иконы Димитрия Солунского, Феодора Стратилата, Иоанна воина, крест с частицей Животворящего Креста Господня с кипрского монастыря Ставровуни.

Тихвинская икона Божией Матери, известная с 1383 года, почитается Русской Православной Церковью как чудотворная. Во время фашистской оккупации реликвия была вывезена из Тихвина немцами и находилась за границей вплоть до лета 2004 года, когда ее торжественно вернули на историческое место.

Делегация Росгвардии 9 июля 2024 года приняла участие в литургии в день 20-летия возвращения Тихвинской иконы Божией Матери. Богослужение, которое возглавил Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл. На литургии присутствовали командующий Северо-Западным округом Росгвардии Герой России генерал-лейтенант С. Бураков, начальник Санкт-Петербургского военного института Росгвардии генерал-майор А. Кийко и заместитель начальника Главного управления Росгвардии по Санкт-Петербургу и Ленинградской области полковник полиции Д. Очеретяный. Кроме того, сотрудники подразделений ведомства совместно с полицией обеспечивали безопасность тысяч верующих, посетивших праздничную молитву [19].

Гражданами, подозреваемыми в экстремизме, распространяются призывы к насилию в отношении священнослужителей Русской Православной Церкви, публикуются видео с высказываниями, унижающими религиозные чувства верующих.

В результате оперативно-розыскных мероприятий сотрудники ОМОН «Пересвет» Росгвардии совместно с коллегами из ГСУ СК России по Московской области задержали

подозреваемую по месту ее проживания. Изъята литература и другие предметы, имеющие значение для следствия. Все чаще в научной литературе и в политических телевизионных программах звучат голоса о необходимости предоставления Росгвардии возможности использовать оперативно-розыскные мероприятия. Росгвардия, вероятнее всего, должна стать субъектом данной деятельности [7; 11].

1 июня 2024 года, в день памяти святого благоверного великого князя Димитрия Донского в храме святого Димитрия Донского при Санкт-Петербургском университете МВД России по инициативе начальника Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации состоялся престольный праздник.

Божественную литургию возглавил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий. Его Высокопреосвященству сослужили секретарь епархиального управления протоиерей Сергей Куксевич, благочинный храмов при вузах протоиерей Петр Мухин, настоятель иерей Василий Герасимчук с клиром, иерей Павел Ермошкин и другие священнослужители.

На праздничной службе присутствовали: вице-губернатор Санкт-Петербурга Олег Эргашев, глава администрации Красносельского района Санкт-Петербурга Олег Фадеенко, представители университета МВД, личный состав Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации во главе с начальником института и его заместителями, а также ветераны, почетные гости и прихожане храма. В завершение праздничной службы военнослужащим и профессорско-преподавательскому составу были вручены награды Русской Православной Церкви «В благословление за усердные труды во Славу Святой Церкви». Награды вручил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий.

По окончании праздника состоялись возложения к памятнику «Сотрудникам органов внутренних дел, выпускникам Санкт-Петербургского университета МВД России, погибшим при исполнении служебного долга» и к памятнику «Подвигу выпускников» Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации [20].

Обратимся к нормативно-правовому регулированию религиозного воспитания военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии.

Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [2] не содержит отсылки к вопросам, связанным с религией. Вместе с тем, указанный закон определяет порядок и правовую основу прохождения военной службы. Так, в ст. 36 говорится, что «Порядок прохождения военной службы определяется настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, Положением о порядке прохождения военной службы и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации».

Статья 8 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [3] определяет свободы и ограничения военнослужащих в религиозных вопросах.

Исходя из данной нормы, военнослужащие в свободное от военной службы время вправе участвовать в богослужениях и религиозных церемониях как частные лица. Индивидуально использовать религиозную символику, литературу и предметы культа.

Они имеют право на участие в религиозных обрядах на территории воинской части за счет своих собственных средств, но с разрешения командира.

Ограничения военнослужащих заключаются в том, что они не в праве отказываться от исполнения обязанностей военной службы по мотивам отношения к религии и использовать свои служебные полномочия для пропаганды того или иного отношения к религии.

Они не имеют право создавать в воинской части религиозные объединения, кроме того, государство не несет обязанностей по удовлетворению потребностей военнослужащих, связанных с их религиозными убеждениями и необходимостью отправления религиозных обрядов.

В приказе Росгвардии «Об утверждении Наставления по организации в войсках национальной гвардии Российской Федерации военно-политической (политической) работы» [4], установлено, что одним из средств воспитания высококонрастных, дисциплинированных

военнослужащих (сотрудников) является религиозное воспитание, в рамках осуществления которого необходимо организовывать взаимодействие с религиозными организациями [17].

Конституция Российской Федерации гарантирует всем гражданам право исповедовать или не исповедовать ту или иную религию, военное законодательство, не умаляя религиозных потребностей военнослужащих (сотрудников) вносит ряд ограничений [1]. Это связано с тем, что интересы военной службы (службы) в обеспечении государственной и общественной безопасности являются приоритетными, над религиозными чувствами военнослужащих (сотрудников).

Если гражданин предполагает, что при прохождении военной службы он может попасть в ситуации, когда исполнение обязанностей военной службы окажется несовместимым с его убеждениями, ему следует заблаговременно заявить о желании реализовать свое право на прохождение альтернативной гражданской службы [18].

Данная информация важна для уяснения командирами и начальниками при обосновании невозможности отправления некоторых религиозных потребностей военнослужащих (сотрудников) в случаях, если они мешают качественному выполнению поставленных служебных задач. В тоже время это не дает право командирам и начальникам, ссылаясь на данные правовые нормы игнорировать потребности верующих военнослужащих и самоустраняться от проведения с ними воспитательных мероприятий.

Таким образом, заметное повышение интереса к религии объясняется не только большей свободой в духовной жизни, но и создавшимися неблагоприятными для военнослужащих (сотрудников) социальными условиями – участием войск в боевых действиях в горячих точках, все возрастающим грузом социально-экономических и бытовых проблем, утратой частью людей жизненных ориентиров, уходом в себя и попытками найти поддержку в обращении к Богу [5, с. 54].

Учет религиозных потребностей в системе военно-политической работы войск национальной гвардии Российской Федерации на современном этапе осуществляется лишь по средствам взаимодействия с религиозными организациями.

Отметим, что в настоящее время отсутствует единая отлаженная система в соединениях и воинских частях (организациях) учета религиозных потребностей, не предусмотрены штатной расстановкой должностные лица, организующие работу в данном направлении, в должностных обязанностях также отсутствует упоминание по учету потенциала религии.

Религиозное воспитание является важной составляющей общего воспитания военнослужащих (сотрудников). Данный вид воспитания может осуществляться, как в самой воинской части (организации), так и за ее пределами, путем посещения военнослужащими (сотрудниками) религиозных учреждений).

Однако в виду специфики военной службы (службы), Российское законодательство вводит ряд ограничений в сфере отправления религиозных обрядов, ставя интересы службы выше убеждений военнослужащих (сотрудников).

Кроме того, в виду возрастающей роли учета религиозных потребностей введение института военных священников в войсках национальной гвардии, по аналогии с Вооруженными Силами Российской Федерации, могло бы носить положительный характер. Но в связи много конфессиональными воинскими коллективами в тоже время может вызывать чувство нетерпимости к определенной религии, потому что, как правило, на должности помощников командира по работе с верующими военнослужащими назначаются представители русской православной церкви. Поэтому в войсках национальной гвардии целесообразнее развивать взаимодействие с государственными религиозными организациями, при этом ответственность за организацию работы в данном направлении возложить на заместителей командира по военно-политической работе.

В связи с этим возникнет необходимость более тщательного отбора офицеров на должности заместителей командиров по военно-политической работе и подготовке их в области религиоведения.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А.Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2024. – 333 с.
2. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 02.10.2024) «О воинской обязанности и военной службе» // www.consultant.ru
3. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О статусе военнослужащих» // www.consultant.ru
4. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации 20.04.2021 № 132 «Об утверждении Наставления по организации в войсках национальной гвардии Российской Федерации военно-политической (политической) работы» // www.pravo.gov.ru
5. *Денисенко П.А.* Современная религиозная ситуация в Российской Федерации и ее Вооруженных Силах: основные противоречия и тенденции: дисс. ... канд. филос. Наук. – М.: Военный университет, 1997. – 187 с.
6. *Ефимов В.С., Сергеев Н.Н., Волощук Д.А.* Положительные аспекты религиозного воспитания военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации // Альманах Пермского военного института войск национальной гвардии. – 2023. – № 1 (9). – С. 42–45.
7. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Жизнь требует расширения субъектного состава оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 12. – С. 138–144.
8. Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от её начала до половины XIV века / Изд. А. Клеванов. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1871. – 498 с.
9. *Мазурин С.Ф.* Догматизм православной христианской культуры и гармонизация общественных отношений в социальной среде // Теория государства и права. – 2024. – № 2-1 (37). – С. 129–136.
10. *Мазурин С.Ф.* Роль Православной Христианской культуры в формировании духовности и нравственности в социальной среде общества // Теория государства и права. – 2024. – № 2 (36). – С. 142–150.
11. *Сальников В.П., Захарцев С.И.* Войска национальной гвардии Российской Федерации должны стать органом, самостоятельно осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2022. – № 2 (19). – С. 24–29.
12. *Сальников М.В.* Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47–66.
13. *Сальников М.В.* Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20–22.
14. *Сальников М.В.* Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27–44.
15. *Сальников М.В.* Политико-правовая традиция России: генезис и эволюция: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 203 с.
16. *Сальников М.В.* Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170–188.
17. *Сороков С.П., Ермилов А.В.* Правовые основы, регулирующие порядок вероисповедания военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2021. – № 4 (83). – С. 65–70.
18. *Шахов М.О.* Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. – 2-е изд., доп. – М.: Сретенский монастырь, 2013. – 528 с.
19. Федеральная служба войск национальной гвардии / Росгвардия // <https://rosguard.gov.ru/>
20. Университет МВД Российской Федерации // <https://университет.мвд.пф/Press-sluzhba/Novosti/item/50987591>

Для цитирования: *Кийко А.Ю., Прокофьев К.Г., Шеншин В.М.* Роль русской православной церкви в духовно-нравственном воспитании личного состава войск национальной гвардии: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 102–107.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102

**THE ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
IN THE SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION**

OF THE PERSONNEL OF THE NATIONAL GUARD TROOPS

Andrey Yu. Kiiko*
Konstantin G. Prokofiev**
Viktor M. Shenshin***

Annotation. *The presented study examines the role of the Russian Orthodox Church in the spiritual and moral education of the personnel of the National Guard of the Russian Federation. It is noted that, together with other traditional denominations, the Russian Orthodox Church is the foundation of Russian statehood. The leadership of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation pays special attention to interaction with the clergy on issues of patriotic and spiritual and moral education of personnel. The special military operation demonstrated the importance of this work aimed at strengthening the moral foundations of serving the Fatherland. The Russian Guard guards Churches and events with the participation of clergy.*

Keywords: *Russian Orthodox Church; denomination; patriotism; spiritual and moral education; personnel; National Guard troops.*

The social status of religion and religious beliefs has grown significantly in modern conditions. Religion has previously played an important role in the Russian army. Many army laws, education, life and service of military personnel were based on it. It is not for nothing that the military motto of the Russian army was the slogan: "For Faith, Tsar and Fatherland." As researchers note: "To this day, religion is of great importance in the formation of the personality of a serviceman, exerting a noticeable influence on the culture of behavior and attitude to military duties. This is primarily due to the fact that many families in modern Russia have developed a positive attitude towards religion, compared to the past historical period of Soviet times. And in the army environment, the command of military units has increasingly begun to involve servicemen in church holidays and rituals, together with the leaders of the Russian Orthodox Church, the Council of Muftis of Russia and other faiths" [6].

In July 2024, the 15th anniversary of the revival of the military chaplaincy institution in Russia was celebrated. The break from 1917 to 2009 is not such a long period in the scale of Russian history. The first mention of the presence of priests on the battlefield dates back to 1111 – this is stated in the Ipatiev Chronicle, one of the most authoritative historical documents [8]. A new chronicle is being written in our days – and you and I are witnesses to this. The number of priests who have passed through the SVO zone has long exceeded 1,000 people and continues to grow.

The President of the Russian Federation separately noted that "along with other traditional confessions, the Russian Orthodox Church is the foundation of Russian statehood." For Russia, the Baptism of Rus is not just an increasingly popular holiday. This event of a thousand years ago expressed the spiritual, civilizational and historical choice of the country. For Byzantium and Western Europe of that time, this was an ordinary event. In the Greek church lists, the Kiev Metropolitanate was at the very end, the most insignificant. In other countries, such a holiday (in which the baptism of a country is associated with the foundation of its statehood, identity, historical path and calling) does not exist.

On behalf of the Director of the Russian Guard, Army General V. Zolotov, the Deputy Head of the Department, Colonel General A. Vorobyov, discussed with the clergy issues of spiritual and moral education of the personnel of the National Guard troops.

* **Kiiko Andrey Yuryevich**, Head of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences. E-mail: obr_kom@spvi.ru

** **Prokofiev Konstantin Georgievich**, Associate Professor of the branch of the Moscow Financial and Law University in Orsk, candidate of legal sciences. E-mail: 775777@bk.ru

*** **Shenshin Viktor Mikhailovich**, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice. E-mail: vitya-shen@mail.ru

Theory of State and Law

The event was attended by representatives of the Orthodox, Muslim and Buddhist clergy, including those who minister to military personnel and employees of the Russian Guard in the areas of the SVO. As part of the meeting, they exchanged experiences of working with believing Russian Guard members performing combat missions [19].

As noted by the head of the Main Military-Political Directorate of the Russian Guard, Major General D. Ermakov, representatives of all religious confessions are on the front lines of the SVO together with servicemen and employees of the department and play an important role in the spiritual and moral care of the personnel.

Military priests visit units of the Russian Guard in the Kherson and Zaporizhia regions. At the deployment points of the personnel of the department, representatives of the Moscow Patriarchate conduct prayers for the health of the Russian Guard, as well as confess and give communion to all comers, talk with servicemen and employees, discuss the importance of spiritual strength in the sacred cause of protecting the native land.

Recall that recently a cooperation agreement was concluded between the department and the Russian Orthodox Church (ROC) – among other things, it provides for spiritual support for the Russian Guard performing combat missions [19]. The document was signed by the Director of the Russian Guard, General of the Army Viktor Zolotov and the Patriarch of Moscow and All Rus' Kirill. It is assumed that within the framework of cooperation, the Russian Orthodox Church will work spiritually with the National Guard members and their families, and the National Guard undertakes to protect the Temples and events with the participation of clergy, as well as to help them in the SVO zone.

The agreement defines cooperation between the parties aimed at spiritual education, patriotic and spiritual-moral upbringing of the National Guard and their family members. Orthodox culture plays an increasingly important role in the lives of Russian citizens every day, and, of course, in the official activities of the National Guard [9; 10].

The National Guard troops and the Russian Orthodox Church have been linked by many years of intense and fruitful joint work. However, the signing of the agreement is intended to strengthen relations for the benefit of both parties. The National Guard shows that it is becoming a defender of traditional values, our political and legal traditions [12; 13; 14; 15; 16]. And the Russian Orthodox Church is deepening cooperation with the Federal Service, which is especially useful now to minimize the problems of clergy in the SVO zone.

The National Guard and the Central Spiritual Administration of Muslims of Russia also signed a Cooperation Agreement. Director of the Russian National Guard, General of the Army Viktor Zolotov and Supreme Mufti Sheikh-ul-Islam Talgat Safich Tadzhuiddin signed a Cooperation Agreement between the department and the Central Spiritual Administration of Muslims of Russia. The document defines cooperation between the parties aimed at spiritual enlightenment, patriotic and spiritual-moral education of military personnel and employees of the Russian National Guard, as well as members of their families who profess Islam.

The head of the Russian National Guard emphasized that the signed Agreement is not just an official confirmation of cooperation. It opens a new stage of joint activities aimed at further developing and strengthening close ties between law enforcement troops and Muslim clergy [19].

A. Vorobyov, speaking at the XXXII International Christmas Readings, noted that pastoral words are especially important for military personnel and employees performing tasks of the Special Military Operation. "Today, the Russian Orthodox Church is the core of the unity of Russian society in its struggle with the collective West. "I am confident that as long as the Holy Russian Orthodox Church nurtures us, we are invincible!" the Deputy Head of the Russian Guard addressed the audience. As part of the event, Colonel General A. Vorobyov presented the clergy with letters of gratitude and discussed with them issues of spiritual care for personnel.

Patriarch Kirill performed the rite of the great consecration of the Church of the Holy Equal-to-the-Apostles Grand Duke Vladimir – the Main Church of the Russian Guard. During the Divine Liturgy in the newly consecrated church, the Primate of the Russian Orthodox Church read a prayer for the health of the military personnel and builders of the church, and also remembered the soldiers who gave their lives for the faith and the Fatherland.

At the end of the liturgy, the Director of the Russian Guard, Army General V. Zolotov, addressed its participants. He emphasized that the Russian Orthodox Church fulfills a special mission – it unites the multi-million Russian world, inspires the defenders of Russia, and fills the hearts of people with creative faith.

Patriarch Kirill presented the Church with an icon of the Great Martyr Demetrius of Thessaloniki. His Holiness also presented awards of the Russian Orthodox Church to people who contributed to the construction of the Prince Vladimir Church [19].

We emphasize that military field icons and reliquaries with particles of the relics of saints were donated to the churches of the Main Hospital of the National Guard troops by representatives of the charitable foundation "Holy Martyr Boniface". On behalf of the Director of the Russian Guard, ten rare Orthodox relics were received from the hands of the President of the foundation N. Mezentseva by the rector of the Prince Vladimir Church – the main Church of the National Guard troops, Archpriest M. Belikov.

Icons of the Great Martyr Panteleimon and St. George the Victorious with particles of their relics transferred from the Xilourgou Monastery on Mount Athos will be placed in the churches of the Russian Guard. Among the transferred relics are also icons of St. Luke of Crimea and St. Lazarus, reliquaries with particles of the relics of these saints, icons of St. Demetrius of Thessaloniki, Theodore Stratelates, John the Warrior, a cross with a particle of the Life-Giving Cross of the Lord from the Cypriot Stavrovouni Monastery. The Tikhvin Icon of the Mother of God, known since 1383, is revered by the Russian Orthodox Church as miraculous. During the fascist occupation, the relic was taken from Tikhvin by the Germans and was abroad until the summer of 2004, when it was solemnly returned to its historical place.

On July 9, 2024, a delegation of the Russian National Guard took part in a liturgy on the 20th anniversary of the return of the Tikhvin Icon of the Mother of God. The service was led by His Holiness Patriarch Kirill of Moscow and All Rus'. The liturgy was attended by the commander of the Northwestern District of the Russian National Guard, Hero of Russia, Lieutenant General S. Burakov, the head of the St. Petersburg Military Institute of the Russian National Guard, Major General A. Kiiko, and the deputy head of the Main Directorate of the Russian National Guard for St. Petersburg and the Leningrad Region, Police Colonel D. Ocheretyany. In addition, employees of the department's units, together with the police, ensured the safety of thousands of believers who attended the festive prayer [19].

Citizens suspected of extremism are spreading calls for violence against clergy of the Russian Orthodox Church, publishing videos with statements that humiliate the religious feelings of believers.

As a result of operational-search activities, the Peresvet OMON officers of the Russian National Guard, together with their colleagues from the Main Investigative Directorate of the Investigative Committee of Russia for the Moscow Region, detained the suspect at her place of residence. Literature and other items of importance to the investigation were confiscated. More and more often in scientific literature and in political television programs, voices are heard about the need to provide the Russian National Guard with the opportunity to use operational-search activities. The Russian National Guard should most likely become the subject of this activity [7; 11].

On June 1, 2024, on the day of remembrance of the holy blessed Grand Duke Dmitry Donskoy, a patronal feast was held in the Church of St. Dmitry Donskoy at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the initiative of the head of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation. The Divine Liturgy was led by Metropolitan Barsanuphius of St. Petersburg and Ladoga. His Eminence was assisted by the secretary of the diocesan administration, Archpriest Sergiy Kuksevich, the dean of the churches at the universities, Archpriest Pyotr Mukhin, the rector, Priest Vasily Gerasimchuk with the clergy, Priest Pavel Ermoshkin and other clergy.

The festive service was attended by: Vice-Governor of St. Petersburg Oleg Ergashev, the head of the administration of the Krasnoselsky district of St. Petersburg Oleg Fadeenko, representatives of the University of the Ministry of Internal Affairs, the personnel of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation headed by the head of the institute and his deputies, as well as veterans, honored guests and parishioners of the church. At the end of

the festive service, the military personnel and the faculty were presented with awards of the Russian Orthodox Church "In blessing for diligent work for the Glory of the Holy Church." The awards were presented by Metropolitan Varsonofy of St. Petersburg and Ladoga.

At the end of the celebration, tributes were laid at the monument to "Employees of the internal affairs agencies, graduates of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, who died in the line of duty" and at the monument to "The Feat of Graduates" of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the Troops of the National Guard of the Russian Federation [20].

Let us turn to the legal regulation of religious education of military personnel (employees) of the National Guard troops.

Federal Law No. 53-FZ of 28.03.1998 "On Military Duty and Military Service" [2] does not contain a reference to issues related to religion. At the same time, this law defines the procedure and legal basis for military service. Thus, in Art. 36 states that "The procedure for military service is determined by this Federal Law, other federal laws, the Regulation on the Procedure for Military Service and other regulatory legal acts of the Russian Federation."

Article 8 of the Federal Law of 27.05.1998 No. 76-FZ "On the Status of Military Personnel" [3] defines the freedoms and restrictions of military personnel in religious matters. Based on this norm, military personnel in their free time from military service have the right to participate in worship services and religious ceremonies as individuals. Individually use religious symbols, literature and cult objects. They have the right to participate in religious ceremonies on the territory of a military unit at their own expense, but with the permission of the commander.

The restrictions on military personnel are that they do not have the right to refuse to perform military service duties based on their attitude to religion and to use their official powers to promote a particular attitude to religion. They do not have the right to create religious associations in a military unit, in addition, the state does not bear the responsibility to satisfy the needs of military personnel related to their religious beliefs and the need to perform religious rites.

The order of the Russian Guard "On approval of the Instructions for the organization of military-political (political) work in the troops of the National Guard of the Russian Federation" [4] establishes that one of the means of educating highly moral, disciplined military personnel (employees) is religious education, within the framework of which it is necessary to organize interaction with religious organizations [17].

The Constitution of the Russian Federation guarantees all citizens the right to profess or not to profess a particular religion, military legislation, without diminishing the religious needs of military personnel (employees), introduces a number of restrictions [1]. This is due to the fact that the interests of military service (service) in ensuring state and public security are a priority over the religious feelings of military personnel (employees).

If a citizen assumes that during military service he may find himself in a situation where the performance of military service duties will be incompatible with his beliefs, he should declare in advance his desire to exercise his right to undergo alternative civilian service [18].

This information is important for commanders and superiors to understand when justifying the impossibility of fulfilling certain religious needs of military personnel (employees) in cases where they interfere with the high-quality performance of assigned service tasks. At the same time, this does not give commanders and superiors the right, referring to these legal norms, to ignore the needs of religious military personnel and to abstain from conducting educational activities with them.

Thus, a noticeable increase in interest in religion is explained not only by greater freedom in spiritual life, but also by the unfavorable social conditions for military personnel (employees) – the participation of troops in combat operations in hot spots, the ever-increasing burden of socio-economic and everyday problems, the loss of life guidelines by some people, withdrawal into themselves and attempts to find support in turning to God [5, p. 54]. Taking into account religious needs in the system of military-political work of the troops of the National Guard of the Russian Federation at the present stage is carried out only through interaction with religious organizations.

It should be noted that at present there is no unified, well-established system in formations and military units (organizations) for taking into account religious needs, the staffing arrangement does not provide for officials organizing work in this direction, and there is also no mention of taking into account the potential of religion in job responsibilities.

Religious education is an important component of the general education of military personnel (employees). This type of education can be carried out both within the military unit (organization) itself and outside it, by visiting religious institutions by military personnel (employees). However, due to the specifics of military service (service), Russian legislation introduces a number of restrictions in the sphere of religious rites, placing the interests of the service above the beliefs of military personnel (employees).

In addition, due to the increasing role of taking into account religious needs, the introduction of the institution of military priests in the troops of the national guard, by analogy with the Armed Forces of the Russian Federation, could be positive. But in connection with multi-confessional military groups, at the same time, it can cause a feeling of intolerance towards a certain religion, because, as a rule, representatives of the Russian Orthodox Church are appointed to the positions of assistants to the commander for work with believing military personnel. Therefore, in the troops of the national guard, it is more expedient to develop interaction with state religious organizations, while the responsibility for organizing work in this direction is assigned to the deputy commanders for military-political work.

In this regard, there will be a need for a more careful selection of officers for the positions of deputy commanders for military-political work and their training in the field of religious studies.

Bibliographic list

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru; Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., corr. and add. // Ed. by prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Yurait", 2024. 333 p.
2. Federal Law of March 28, 1998 No. 53-FZ (as amended on October 2, 2024) "On Military Duty and Military Service" // www.consultant.ru
3. Federal Law of May 27, 1998 No. 76-FZ (as amended on August 8, 2024) "On the Status of Military Personnel" // www.consultant.ru
4. Order of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation dated April 20, 2021 No. 132 "On Approval of the Instructions for the Organization of Military-Political (Political) Work in the Troops of the National Guard of the Russian Federation" // FOOTNOTE?
5. Denisenko P.A. The Current Religious Situation in the Russian Federation and Its Armed Forces: Main Contradictions and Trends: Diss. ... Cand. Philos. Sciences. Moscow: Military University, 1997. 187 p.
6. Efimov V.S., Sergeev N.N., Voloshchuk D.A. Positive aspects of religious education of servicemen of the troops of the national guard of the Russian Federation // Almanac of the Perm Military Institute of the National Guard Troops. 2023. No. 1 (9). P. 42–45.
7. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Life requires an expansion of the subject composition of operational-search activities // Legal science: history and modernity. 2022. No. 12. P. 138–144.
8. Chronicle story of the events of Kievan, Volyn and Galician Rus from its beginning to half of the 14th century / Publ. A. Klevanov. Moscow: Type. A. I. Mamontova and K^o, 1871. 498 p.
9. Mazurin S. F. Dogmatism of Orthodox Christian Culture and Harmonization of Social Relations in the Social Environment // Theory of State and Law. 2024. No. 2-1 (37). P. 129–136.
10. Mazurin S. F. The Role of Orthodox Christian Culture in the Formation of Spirituality and Morality in the Social Environment of Society // Theory of State and Law. 2024. No. 2 (36). P. 142–150.
11. Salnikov V. P., Zakhartsev S. I. The Troops of the National Guard of the Russian Federation should become a body that independently carries out operational-search activities // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022. No. 2 (19). P. 24–29.
12. Salnikov M.V. Geopolitical, economic and socio-cultural factors in the context of the formation and dynamics of the development of the national political and legal tradition in Russia // Legal field of the modern economy. 2012. No. 11. P. 47–66.

13. Salnikov M.V. Domestic political and legal tradition: geopolitical, economic and socio-cultural determinants // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2004. No. 3 (23). P. 20–22.
14. Salnikov M.V. Domestic political and legal tradition: factors determining originality // Legal field of modern economy. 2013. No. 10. P. 27–44.
15. Salnikov M.V. Political and legal tradition of Russia: genesis and evolution: Monograph. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. 203 p.
16. Salnikov M.V. Political and legal tradition: results and reflections // Legal science: history and modernity. 2015. No. 1. P. 170–188.
17. Sorokov S.P., Ermilov A.V. Legal bases regulating the order of religion of military personnel (employees) of the troops of the national guard of the Russian Federation // Actual problems of humanitarian and socio-economic sciences. 2021. No. 4 (83). P. 65–70.
18. Shakhov M.O. Legal bases of the activities of religious associations in the Russian Federation. 2nd ed., suppl. Moscow: Sretensky Monastery, 2013. 528 p.
19. Federal Service of the National Guard Troops / Rosgvardia // <https://rosguard.gov.ru/>
20. University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // <https://universitet.mvd.rf/Press-sluzhba/Novosti/item/50987591>

For citation: Kiiko A.Yu., Prokofiev K.G., Shenshin V.M. The role of the Russian Orthodox Church in the spiritual and moral education of the personnel of the National Guard troops: article // Theory of State and Law. 2024. No. 4 (41). P. 108–113.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_114

А.А. Луговой*

К.Г. Прокофьев**

С.В. Федоров***

ПЛАТОН ОБ ОСНОВАНИИ ВЗАИМОСВЯЗИ МОРАЛЬНЫХ И ПРАВОВЫХ РЕГУЛЯТОРОВ В ГОСУДАРСТВЕ

***Аннотация.** Постановка в эпоху Сократа и Платона задачи понимания взаимосвязи моральных и правовых регуляторов в пределах конкретного единства, включающего в себя различие, имела объективные и субъективные предпосылки. Платон решает эту задачу, в рамках своей теории идей, указывая общее основание единства морали и права в идее справедливости, которая является результатом развития идеи абсолютного добра. Платон верно указывает на то, что форма единства для противоположностей морали и права задается на уровне всеобщего. Однако пытаясь выразить эту форму единства в виде концептуального проектирования базовой структуры государства, Платон дает повод обвинить его в утопизме.*

***Ключевые слова:** Платон, мораль, право, абсолютное, личность, общество, государство, суверенная философия права.*

Проблема отношения моральных и правовых регуляторов и шире – отношения морали и права [9; 10; 11; 13; 23; 26; 27; 28; 36; 38; 44] – не была очевидной для античного мышления. Тому имелось две основные причины. Во-первых, предметная, связанная с неразделенностью для античного человека общества и государства. Соответственно, затруднительно было провести четкую грань между регулированием поведения человека посредством морального убеждения, составляющего прерогативу гражданского общества, и регулированием посредством принуждающей силы закона, исходящей от государства. Поэтому основанием для уголовного, по сути, наказания – остракизма, могло быть установление низких моральных качеств личности, а Сократа суд приговорил к смертной казни за привитие молодежи нравственных установок, противоречащих утвердившимся в обществе. Во-вторых, греческое мышление, будучи стихийно диалектическим, было в большей степени нацелено на поиски единства мироздания и единства отдельных явлений, чем на фиксацию их различия. И философы, начиная с элейской школы, связывали истину с именно формой единства, а не с нюансами различия.

Как говорил Гегель, «сова Минервы вылетает в сумерках». Так и античное мышление смогло разглядеть различие морали и права, увидеть здесь проблему и сосредоточиться на ее решении, только на фоне кризиса античного полиса. Уже в V в. до н.э., во времена Сократа и Платона, оказалось поколеблено прежнее устойчивое единство общества и государства, отражавшееся в единстве качеств личности как гражданина и как субъекта морали. Принцип

* **Луговой Александр Александрович**, профессор кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор философских наук, профессор. E-mail: makovbv65@mail.ru

** **Прокофьев Константин Георгиевич**, старший преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин и теории и истории государства и права Института деловой карьеры (г. Москва). E-mail: 775777@bk.ru

*** **Федоров Сергей Викторович**, адвокат-медиатор Специализированной коллегии адвокатов «Санкт-Петербург». E-mail: advokat_fedorov@list.ru

индивидуализма, все более глубоко проникавший в античное общество, разъедал его изнутри, подрывая основы сложившейся морали. Этот ущерб пытались восполнить за счет правовых средств, все более терявших связь с моралью (как в случае с судом над Сократом), но тем самым и обретавшим собственную определенность. Право отделялось от морали в объективных общественных процессах, но тем самым оказывалось возможным абстрагировать его определения от определений морали в субъективном мышлении.

Сократ пытался воспрепятствовать деградации общественной солидарности, о чем прямо говорится в платоновском диалоге «Апология Сократа». Но видел путь к этому исключительно в обращении индивидуального сознания к истине. Утопичность этого подхода привела к тому, что его ученик Платон придавал форму утопии всей модели государства, возведя утопизм в ранг универсализма.

И все же, сократовский поиск преодоления разрыва закона и морали через познание истины привел к тому, что вопрос их единства должен был решаться на пути постижения этого единства как внутренне конкретного единства, предполагающего в себе различность моментов. Истина, ведь, означает конкретность; как известно, абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Если право и мораль в объективных социальных процессах все более обособлялись друг от друга, то движение к их единству уже не могло быть простым игнорированием различий, а должно было предложить ту теоретическую форму, в которой мы можем мыслить единство, удерживая в нем моменты различия.

Такой формой мышления в эпоху классической античности стала платоновская теория идей. Идея – первооснова бытия отдельного, особенного, его порождающая модель. Но сама она имеет природу мышления. И для Парменида [15], и для Сократа, и для Платона – истиной бытия было всеобщее мышление. Мышление же состоит в возможности бесконечного синтеза различных мыслей в одно и возможности аналитического различения одного во многое. Тем самым, мысля суть бытия вещей в форме идей, античные философы получали действующую модель их конкретного единства.

Рефлексируя деятельность мышления, мы можем понять, как мышление, а значит и бытие, может быть одновременно единым и множественным. Поэтому, хотя идеи и многообразны, поскольку должны породить из себя множественность вещей, все же они подчинены некоторой высшей абсолютной идее, которая есть идея истины и красоты, но сам Платон более всего склонен отождествлять ее с идеей блага или, говоря другими словами, с идеей абсолютного добра [18, с. 11–12; 25; 31; 37, с. 32–39].

О том, что высшая идея абсолютного блага, являющаяся всеобщим прообразом вещей природы и нравственно-правовых норм, может быть познана и определена в качестве идеи блага, Платон прямо пишет в своем диалоге «Филеб». Именно идея блага «...придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать...» [29, с. 291]. Познание идеи блага является абсолютной предпосылкой справедливого поступка, поскольку «...через нее становятся пригодными и полезными справедливость и все остальное...» [29, с. 286]. Благо составляет «разумение, мышление, память и то, что сродни с ними: правильное мнение и истинные суждения» [29, с. 286].

Таким образом, в трактовке Платона всеобщее благо есть идея, которая меняет свои формы существования, но существует во всем как мировая душа, как одушевленность всего. Одушевленное благо выступает как объективно-всеобщее, как единое мысли и сущности вещей, и оно есть идея абсолютного добра, форма абсолютного как конкретной идеи [14, с. 179–180]. Идея абсолютного добра определяет себя как форма единства морали и права, личности и государства, через свое развитие до уровня идеи справедливости. Это развитие (эманация) абсолютного блага в подчиненную ему идею справедливости проявляется в том, что идея справедливости действует как начало, «форматирующее» личность отдельного человека и состав государства как целого. Следствием такой причастности становятся, во-первых, качества личной добродетели, качества справедливого человека, а во-вторых, качества идеального государства, которое идеально именно потому, что оно причастно своей идее. Важно то, что справедливость, одинаково воздействуя и на личность, и на государство,

определяет также их внутреннюю целостность, открывающую возможность для всестороннего взаимодействия государства и личности.

Этому единству сам Платон дает очень сжатую и емкую характеристику в контексте своих рассуждений о справедливости в диалоге «Государство»: «Справедливый человек не будет отличаться от справедливого государства по самой идее своей справедливости, но, напротив, будет схож с ним» [29, с. 206–207]. Сама идея справедливости, а значит и идея абсолютного блага, таким образом, оказывается конкретной, т.е. внутренне различенной идеей. Платон трактует эту конкретность как сочетание в идее справедливости идеи мужества, идеи мудрости и идеи умеренности. Эти идеи соответствуют трем качествами души, но также и трем сословиям, и трем базовым характеристикам государства. Таким образом, личность, общество и государство, будучи различными, могут быть в равной мере причастны единой идее справедливости. И чем выше мера этой причастности, тем более истинным оказывается и государство, и бытие личности. Согласно Платону, нельзя быть справедливым, если ты живешь в несправедливом государстве.

Таким образом, оказывается, что хотя душа человека и сущность государства различны по своей природе, хотя они причастны разным идеям, все же они могут и должны соединиться в нечто целое, ведь, государство слагается из множества свободных и равных личностей, а личность не может существовать вне государства. Эта совместимость задается общей структурой справедливости. Идея души и идея полиса, хотя и различны, но все же по сущности своей причастны единому всеобщему, являются элементами его «эманации», как стали несколько веков спустя выражаться неоплатоники.

Следовательно, отношения, которые позже назовут моральными и субъектом которых является личность, и отношения, которые назовут правовыми, субъектом которых является полис как целостный организм [19; 20; 21; 32; 34], в системе Платона выступают как два особенных момента, связанных через отношение к своему всеобщему – идее блага. Эта их связанность внешне обнаруживает себя, согласно Платону, в совпадении структуры справедливости человека и справедливости государства.

При этом моральные качества личности, проявляющиеся в ее преимущественных добродетелях, в полной мере сохраняют свое значение. Но рассматриваемые сквозь призму социальной стратификации, они получают своего рода гражданское измерение. Моральные и правовые отношения, различимые в философии Платона на концептуальном уровне, на уровне теории идей, на уровне социально-политическом и социально-правовом выступают в предельно слитном качестве. И в этом проявляется не какая-то незрелость мысли древнего автора: Платон вполне видит имеющиеся различия, иначе бы их не устанавливал с такой последовательностью его непосредственный ученик Аристотель. Речь идет о сознательной позиции Платона, суть которой состоит в том, что государство будет лишь тогда соответствовать своей идее и будто стабильно, когда моральные и политико-правовые регуляторы действия личности будут находиться в гармонии друг с другом. В таком случае они обретут и позитивные эстетические качества, ведь люди будут, по словам Платона, стремиться к «прекрасному для себя и для государства» [29, с. 535].

В сегодняшних условиях в рамках философии права данная позиция сформулирована в концепции синкретизма современной правовой культуры. Профессор Ф.Х. Галиев теоретически обосновал и практику единения права и морали, как и других социальных регуляторов поведения личности, продемонстрировал, что не только в деяниях физических лиц, но и в деятельности государства, и право, и мораль должны быть вместе, в единстве [4; 5; 6; 7].

Эта своеобразная синергия морального, правового и эстетического начала в деятельности гражданина справедливого государства является отражением высшей гармонии истины, добра и красоты, осуществленной на уровне платоновской абсолютной идеи. Еще более определенно говорит о ней Платон во втором диалоге философско-правового характера: «Законы». Здесь Платон напрямую сопрягает представления о справедливом и представления о прекрасном: «Относительно справедливости вообще, справедливых людей, поступков и деяний мы все как-то согласны, что все это прекрасно... все причастное справедливости

прекрасно» [29, с. 345]. Более того, согласно Платону, «всякое справедливое действие, пожалуй, лишь постольку причастно справедливому, поскольку оно причастно прекрасному» [29, с. 345]. Думаем, что по аналогии вполне можно трактовать как прекрасное и всякое законосообразное действие. Соответственно, и упадок как моральных, так и правовых устоев государства не происходит в отрыве их друг от друга. Поэтому кризис афинского государства Платон оценивает и с моральной, и с правовой стороны. В одном из своих писем он говорит: «Писанные законы и нравы поразительно извратились и пали» [29, с. 525].

В свою очередь, философы, занявшие, по мысли Платона, руководящее положение в государстве, должны как исправлять законы, так и подобно Сократу содействовать развитию моральных качеств граждан. Платон писал: «Я не переставал размышлять, каким путем может произойти улучшение нравов и особенно всего государственного устройства; что же касается моей деятельности, я решил выждать подходящего случая. В конце концов, относительно всех существующих теперь государств я решил, что они управляются плохо; ведь состояние их законодательства почти что неизлечимо и ему может помочь разве только какое-то удивительное стечение обстоятельств. И, восхваляя подлинную философию, я был принужден сказать, что лишь от нее одной исходят как государственная законность, так и все касающееся частных лиц. Таким образом, человеческий род не избавится от зла до тех пор, пока истинные и правильно мыслящие философы не займут государственные должности или властители в государствах, но какому-то божественному определению не станут подлинными философами» [29, с. 525].

Поэтому данную мысль можно легко обернуть, сказав, что и человек может реализовать свои моральные качества, т.е. быть справедливым человеком, лишь в качестве гражданина справедливого государства. Комментируя это движение мысли Платона, Гегель писал: «Справедливость, говорит Платон, мы находим не только у отдельного лица, но также и в государстве, а государство больше отдельного лица. Она поэтому будет выражена в государствах более крупными чертами и ее будет легче распознавать. Он, поэтому намерен лучше рассматривать справедливость такой, какой она является в государстве. Таким, образом, делая это сравнение, Платон переводит вопрос о справедливости на вопрос о том, каковым должно быть государство. Это очень наивный и милый переход, кажущийся произвольным. Но великое чутье приводило древних к истине, и то, что Платон выдает здесь лишь за нечто более легкое, есть на самом деле природа самого предмета. Не соображения удобства ведут, следовательно, к рассмотрению государства, а то обстоятельство, что осуществление справедливости возможно лишь постольку, поскольку человек есть член государства, ибо справедливость в ее реальности и истине существует только в государстве. Право... есть наличное бытие свободы... Понятие же государства именно в том и состоит, что существует свободная воля. В государстве, следовательно, законы обладают значимостью; эти законы суть его обычаи и нравы» [8, с. 188–189].

Именно в данном контексте диалектики всеобщего и особенного, идеи и вещи, следует оценивать и утопизм Платона. Ведь, речь у него не идет о действительном проекте социально-политического преобразования (хотя к такому выводу и могла бы подтолкнуть излишняя детализация в диалогах Платона устройства полиса, которая, однако, играет, скорее, литературную, чем проектную роль, оживляя содержание диалога, наполненного абстрактными рассуждениями). В учении Платона мы имеем дело с максимально обобщенным концептуальным проектированием базовой структуры государства, обеспечивающей его стабильность. И если внимательно посмотреть на структуру любого государства в периоды его подъема и успеха, то мы без труда увидим в нем черты, намеченные древнегреческим мыслителем.

Стремясь реализовать на практике свои этико-правовые идеалы, Платон, как известно, обращался к могущественным правителям Сиракуз. Как можно судить по его письмам, в замыслах ученого вовсе не было ничего утопического. Скорее, речь шла о достаточно трезвой оценке ситуации. Прежде всего, Платон ставит вопрос об исправлении нравов самих правителей Сиракуз, образ жизни которых и моральный уровень весьма мало соответствовали его

идеалам мудрых правителей справедливого государства: «...никакое государство не сможет наслаждаться покоем, опираясь на законы, как бы хороши они ни были, если люди будут считать, что все нужно тратить на чрезмерную роскошь и что они ни к чему прилагать не должны никаких усилий, разве только к обжорству, пьянству и к любовным утехам. Такие государства неизбежно то и дело меняют формы правления, становятся то тираниями, то олигархиями, то демократиями, и нет этим переменам конца. Властители таких государств не могут слышать даже имени справедливого и равноправного строя» [29, с. 526]. Обратим внимание также на то, что в данном фрагменте своего письма Платон предстает сторонником равноправного государства. Поэтому вряд ли правы те ученые, которые склонны видеть в его модели государства какой-то аналог кастового строя наподобие древнеегипетского.

Однако «для прекращения зла в государстве», учил Платон, мало установления правления элит, ориентированных на моральные идеалы. Необходимо еще добиться соответствующего морального климата в самом обществе, необходимо приучить посредством воспитания граждан относиться друг к другу в соответствии с требованиями морали, а также принуждать их к этому. В последнем случае Платон указывает в своем письме лишь на одно средство: принятие общих законов в интересах всех. Только законы, а не репрессии (Платон говорит об изгнаниях противников, об их избиениях, о «мести своим врагам в память о прежнем зле») позволят вернуть мир и стабильность в государство. Кроме закона другого пути «для прекращения зла в государстве, страдающем от внутренних мятежей, нет; раздоры, вражда, ненависть и недоверие всегда угнездятся в государствах, где граждане так друг к другу относятся» [29, с. 538].

В диалоге «Законы» мы также найдем соответствующее размышление Платона, на основании которого он делает вывод: «Всякого совершившего большой или малый несправедливый поступок закон наставит и принудит либо никогда более не отваживаться на повторение подобных поступков по доброй воле, либо совершать это в значительно меньшей степени... Делом или словом, удовольствием или страданием, почетом или бесчестьем, пенями или дарами – словом, вообще каким бы то ни было образом заставить человека возненавидеть несправедливость и полюбить или по крайней мере не питать ненависти к природе справедливости – это и есть задача наилучших законов» [29, с. 349–350]. Очевидно, что мыслителю должна быть особенно близка идея о роли закона в воспитании склонности людей к справедливому, вообще моральному, поведению, которую он излагает в своем теоретическом труде, а потом повторяет в частном письме уже в качестве практической рекомендации.

Отметим, что здесь не идет речи только о внешнем принуждении, только о насилии. И справедливость, и мораль, и закон составляют в учении Платона круг идей, являющихся первоосновой мироздания. Но одновременно они составляют и сугубо внутреннее содержание человека, ту истину, которую должен раскрыть в себе всякий человек, следующий завету Сократа: «Познай самого себя».

Таким образом, Платон подводит итог философско-правовым построениям Сократа и досократиков, выведивших законы и требования морали из единого источника – всеобщей гармонии мироздания, говоря точнее – из всеобщего диалектического единства мышления и бытия. Платон конкретизирует эти рассуждения и одновременно усиливает этическую составляющую предшествующей онтологии, определяя высшее единство как идею блага. Причастность морали и права высшей идее блага опосредована идеей справедливости, которая соединяет в реальной жизни то, что различено на уровне идей: добродетели личности и добродетели гражданина, подчинение законам и нравственный образ жизни, воспитывающую и принуждающую функции закона.

Вместе с тем, право и мораль в трактовке Платона не являются лишь двумя особенными моментами одного всеобщего единства, в отношении к которому они были бы лишены какого-либо иерархического строения. Первичной, скорее, является все-таки именно мораль, которая в силу самой своей природы способна трансформироваться в формы права. А именно: в своей динамике идея морали осуществляет становление в качестве реальности,

приобретая при этом форму, более близкую к праву, по крайней мере на уровне теоретических умопостроений.

В учении Платона, тем самым, закладывается мысль о своего рода онтологическом неравновесии морали и права. В дальнейшем эта мысль найдет свое воплощение в философии права Канта и Гегеля [12, с. 84–167], а в русской традиции – у Ф.М. Достоевского [1; 2; 3; 16, с. 4–6; 17, с. 258–259; 30; 41]. С учетом интерпретации последнего она заслуживает того, чтобы быть заново продуманной в процессе разработки суверенной философии права России [22; 24; 33; 35; 39, с. 196–210; 40; 42; 43, с. 19–55].

Библиографический список

1. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / Вступительное слово профессора А. Александрова. 2-е изд., испр., доп. – СПб.: Фонд «Университет», 2023. – 456 с.
2. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Философия права Ф.М. Достоевского и система нравственно-правовых ценностей народов России в XXI столетии // *Юридическая наука: история и современность.* – 2020. – № 9. – С. 168–181.
3. *Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Захарцев С.И.* Система нравственно-правовых ценностей в наследии Ф.М. Достоевского // *Юридическая орбита.* – 2021. – № 1. – С. 32–37.
4. *Галиев Ф.Х.* О синкретизме правовой культуры // *Правовое государство: теория и практика.* – 2013. – № 4 (34). – С. 36–73.
5. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // *Вестник Башкирского ун-та.* – 2014. – Т. 19. – № 1. – С. 336–341.
6. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М.: РАНХиГС, 2014. – 55 с.
7. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
8. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Книга вторая. – СПб.: Наука, 1994. – 423 с.
9. *Графский В.Г.* Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // *Государство и право.* – 1998. – № 8. – С. 114–119.
10. *Гулыга А.В.* П. Новгородцев: право и мораль едины // *Человек: образ и сущность. Ежегодник.* Вып. 3. – М., 1992. – С. 160–167.
11. *Гусейнов А.А.* Мораль и право: линия разграничения // *Lex russica.* – 2018. – № 8 (141). – С. 7–22.
12. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. – 463 с.
13. *Жук А.С., Лукашин Е.В., Прокофьев К.Г.* Сущностная свобода человека как условие его самоопределения в качестве субъекта права и морали (ценностный аспект) // *Юридическая наука: история и современность.* – 2022. – № 12. – С. 189–195.
14. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* К вопросу о значении логической формы философии для понимания природы абсолютного в праве // *Мир политики и социологии.* – 2018. – № 2. – С. 178–187.
15. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 376 с.
16. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // *Мониторинг правоприменения.* – 2020. – № 1 (34). – С. 4–7.
17. Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна: Коллективная монография / Под общ. ред. Д.В. Масленникова. – СПб.: РХГА, 2023. – 682 с.
18. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
19. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.

20. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Право и справедливость: актуальность теоретико-правовой концепции // *Юридическая наука: история и современность.* – 2016. – № 8. – С. 168–172.
21. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с.
22. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Философия Ф.М. Достоевского как источник суверенной российской философии права // *Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова.* – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 83–92.
23. *Карпунин В.А., Сальников В.П.* Право и мораль // *Лики морали. Введение в этику: Учебно-научное пособие.* – СПб.: Ривьера, 1996. – С. 104–105.
24. *Керимов А.Д., Масленников Д.В.* Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // *Мониторинг правоприменения.* – 2019. – № 4. – С. 14–18.
25. *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра: Основы этики; характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
26. *Лукашева Е.А.* Право, мораль, личность. – М.: Наука, 1986. – 263 с.
27. *Масленников Д.В., Сальников В.П.* Два способа дедукции права и морали в классической трансцендентальной философии: смысл различия // *Право. Порядок. Ценности: Монография / Под общ. ред. Е.А. Фроловой.* – М.: Проспект, 2022. – С. 90–99.
28. *Ойгензихт В.А.* Мораль и право. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 160 с.
29. *Платон.* Сочинения в 4-х т. Т. 3. – М.: ИФРАН, 1994. – 656 с.
30. *Полищук Н.И., Зелепукин Р.В., Кроткова Н.В.* Философско-правовые идеи Ф.М. Достоевского в современной правовой доктрине. А.И. Бастрыкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников. Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово А.И. Александрова. – СПб.: Фонд «Университет», 2023. – 380 с. (Серия «Наука и общество») // *Государство и право.* – 2024. – № 4. – С. 94–101.
31. *Романовская В.Б., Романовская Л.Р.* Право, религия, нравственность и абсолютное добро в творчестве В.С. Соловьева // *Genesis: исторические исследования.* – 2014. – № 6. – С. 197–198.
32. *Ромашов Р.А.* Политогенез: Храм – Polis – Государство – State: Монография / Вступ. сл. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 2020. – 300 с.
33. *Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Прокофьев К.Г.* Философские и богословские предпосылки суверенности философии права России: ценностные и нравственные аспекты // *Теория государства и права.* – 2024. – № 2-1 (37). – С. 186–195.
34. *Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В.* Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // *Мир политики и социологии.* – 2016. – № 9. – С. 19–26.
35. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И.* Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // *Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова.* – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 176–187.
36. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г.* Смысл различия в подходе И. Канта и И.Г. Фихте к задаче дедукции права и морали // *Юридическая наука: история и современность.* – 2018. – № 4. – С. 185–192.
37. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Сальников М.В.* Институты права в идее абсолютного Добра // *Государственно-правовые институты современного общества: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / Отв. ред. Ф.М. Раянов.* – Уфа: БашГУ, 2018. – С. 32–40.
38. *Сальников В.П., Прокофьев К.Г., Чайка В.Н.* Мораль и суверенитет государства: ценностные и социальные аспекты // *Теория государства и права.* – 2024. – № 2-1 (37). – С. 205–212.
39. *Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г.* Теоретические и духовно-нравственные предпосылки истинной суверенности философии права России // *Теория государства и права.* – 2024. – № 3 (38). – С. 196–211.
40. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В.* Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // *Юридическая наука: история и современность.* – 2019. – № 12. – С. 185–193.

41. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. «Пушкинская речь» Достоевского и нравственная идея государства (К 140-летию выступления Ф.М. Достоевского) // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 11. – С. 163–180.

42. Степашин С.В. На пути к суверенной философии права России. А.И. Бастрыкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников. Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово А.И. Александрова. – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с. (Серия «Наука и общество»); С.И. Захарцев, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. // Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 86–93.

43. Философско-правовое познание: актуальные проблемы. Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 417 с.

44. Шафиров В.М. Право и мораль в человеческом измерении // Российская юстиция. – 2022. – № 4. – С. 3–8.

Для цитирования: Луговой А.А., Прокофьев К.Г., Федоров С.В. Платон об основании взаимосвязи моральных и правовых регуляторов в государстве: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 114–121.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_114

PLATO ON THE BASIS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN MORAL AND LEGAL REGULATORS IN THE STATE

Alexander A. Lugovoy*
Konstantin G. Prokofiev**
Sergey V. Fedorov***

Annotation. *The formulation in the era of Socrates and Plato of the problem of understanding the relationship of moral and legal regulators within a specific unity, including difference, had objective and subjective prerequisites. Plato solves this problem within the framework of his theory of ideas, indicating the general basis for the unity of morality and law in the idea of justice, which is the result of the development of the idea of absolute good. Plato correctly points out that the form of unity for the opposites of morality and law is set at the level of the universal. However, trying to express this form of unity in the form of a conceptual design of the basic structure of the state, Plato gives reason to accuse him of utopianism.*

Keywords: *Plato, morality, law, absolute, personality, society, state, sovereign philosophy of law.*

The problem of the relationship between moral and legal regulators and, more broadly, the relationship between morality and law [9; 10; 11; 13; 23; 26; 27; 28; 36; 38; 44] was not obvious to ancient thinking. There were two main reasons for this. First, there was a subject-matter reason associated with the inseparability of society and the state for ancient man. Accordingly, it was difficult to draw a clear line between the regulation of human behavior through moral conviction, which is the prerogative of civil society, and regulation through the coercive force of law emanating from the state. Therefore, the basis for criminal punishment, essentially ostracism, could be the establishment of low moral qualities of an individual, and the court sentenced Socrates to death for instilling in

* **Lugovoy Alexander Alexandrovich**, professor of the department of general humanitarian and socio-economic disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, professor. E-mail: makovbv65@mail.ru

** **Prokofiev Konstantin Georgievich**, senior lecturer at the Department of General Humanities and Theory and History of State and Law at the Institute of Business Career (Moscow). E-mail: 775777@bk.ru

*** **Fedorov Sergey Viktorovich**, lawyer-mediator of the Specialized Bar Association "Saint Petersburg". E-mail: advokat_fedorov@list.ru

young people moral principles that contradicted those established in society. Secondly, Greek thinking, being spontaneously dialectical, was aimed to a greater extent at searching for the unity of the universe and the unity of individual phenomena than at fixing their differences. And philosophers, beginning with the Eleatic school, associated truth with the form of unity, and not with the nuances of difference.

As Hegel said, "Minerva's owl flies out at dusk." So ancient thinking was able to discern the difference between morality and law, to see a problem here and to focus on its solution, only against the backdrop of the crisis of the ancient polis. Already in the 5th century BC, in the time of Socrates and Plato, the former stable unity of society and the state, reflected in the unity of the qualities of the individual as a citizen and as a subject of morality, was shaken. The principle of individualism, which penetrated more and more deeply into ancient society, corroded it from within, undermining the foundations of established morality. They tried to compensate for this damage by means of legal means, which increasingly lost their connection with morality (as in the case of the trial of Socrates), but thereby acquired their own certainty. Law was separated from morality in objective social processes, but thereby it became possible to abstract its definitions from the definitions of morality in subjective thinking.

Socrates tried to prevent the degradation of social solidarity, which is directly stated in Plato's dialogue "Apology of Socrates". But he saw the path to this exclusively in the appeal of individual consciousness to the truth. The utopian nature of this approach led to his student Plato giving the entire model of the state a utopian form, elevating utopianism to the rank of universalism.

And yet, Socrates' search for overcoming the gap between law and morality through knowledge of truth led to the fact that the question of their unity had to be resolved on the path of understanding this unity as an internally concrete unity, presupposing the diversity of moments. Truth, after all, means concreteness; as we know, there is no abstract truth, truth is always concrete. If law and morality in objective social processes increasingly became isolated from each other, then the movement toward their unity could no longer be a simple ignoring of differences, but had to offer that theoretical form in which we can think of unity, retaining in it moments of difference.

Plato's theory of ideas became such a form of thinking in the era of classical antiquity. The idea is the fundamental basis of the existence of the individual, the particular, its generating model. But it itself has the nature of thinking. And for Parmenides [15], and for Socrates, and for Plato – the truth of being was universal thinking. Thinking consists in the possibility of an infinite synthesis of various thoughts into one and the possibility of analytical distinction of one into many. Thus, thinking the essence of the existence of things in the form of ideas, ancient philosophers received a working model of their concrete unity. Reflecting on the activity of thinking, we can understand how thinking, and therefore being, can be simultaneously one and multiple. Therefore, although ideas are multiform, since they must generate a multitude of things, they are still subordinate to some higher absolute idea, which is the idea of truth and beauty, but Plato himself is most inclined to identify it with the idea of good or, in other words, with the idea of absolute good [18, pp. 11–12; 25; 31; 37, pp. 32–39].

Plato directly writes in his dialogue "Philebus" that the highest idea of absolute good, which is the universal prototype of natural things and moral and legal norms, can be known and defined as the idea of good. It is the idea of good that "... gives truth to knowable things, and endows man with the ability to know ..." [29, p. 291]. Knowledge of the idea of the good is an absolute prerequisite for a just act, since "...through it justice and everything else become suitable and useful..." [29, p. 286]. The good consists of "understanding, thinking, memory and what is akin to them: correct opinion and true judgments" [29, p. 286].

Thus, in Plato's interpretation, the universal good is an idea that changes its forms of existence, but exists in everything as the world soul, as the animation of everything. The animated good appears as objectively universal, as the unity of thought and essence of things, and it is the idea of absolute good, the form of the absolute as a concrete idea [14, pp. 179–180]. The idea of absolute good defines itself as a form of unity of morality and law, personality and state, through its development to the level of the idea of justice. This development (emanation) of the absolute good into the idea of justice subordinate to it is manifested in the fact that the idea of justice acts as a beginning, "formatting" the

Theory of State and Law

personality of an individual and the composition of the state as a whole. The consequence of such involvement are, firstly, the qualities of personal virtue, the qualities of a just person, and secondly, the qualities of an ideal state, which is ideal precisely because it is involved in its idea. It is important that justice, equally influencing both the individual and the state, also determines their internal integrity, opening up the possibility for comprehensive interaction between the state and the individual.

Plato himself gives a very concise and capacious description of this unity in the context of his reasoning about justice in the dialogue "The State": "A just person will not differ from a just state in the very idea of its justice, but, on the contrary, will be similar to it" [29, pp. 206–207]. The idea of justice itself, and therefore the idea of absolute good, thus turns out to be concrete, i.e. an internally distinct idea. Plato interprets this concreteness as a combination in the idea of justice of the idea of courage, the idea of wisdom and the idea of moderation. These ideas correspond to the three qualities of the soul, but also to the three estates and the three basic characteristics of the state. Thus, the individual, society and the state, being different, can be equally involved in the single idea of justice. And the higher the degree of this involvement, the more true both the state and the being of the individual are. According to Plato, one cannot be just if you live in an unjust state.

Thus, it turns out that although the soul of man and the essence of the state are different in nature, although they are involved in different ideas, they can and must unite into something whole, because the state is made up of many free and equal individuals, and the individual cannot exist outside the state. This compatibility is determined by the general structure of justice. The idea of the soul and the idea of the polis, although different, are nevertheless by their essence involved in the one universal, are elements of its "emanation", as the Neoplatonists began to express themselves several centuries later. Consequently, the relations that will later be called moral and the subject of which is the individual, and the relations that will be called legal, the subject of which is the polis as an integral organism [19; 20; 21; 32; 34], in Plato's system appear as two special moments connected through the relationship to their universal – the idea of good. This connection of theirs externally reveals itself, according to Plato, in the coincidence of the structure of human justice and the justice of the state.

In today's conditions, within the framework of the philosophy of law, this position is formulated in the concept of syncretism of modern legal culture. Professor F.Kh. Galiev theoretically substantiated the practice of uniting law and morality, as well as other social regulators of individual behavior, and demonstrated that not only in the actions of individuals, but also in the activities of the state, both law and morality must be together, in unity [4; 5; 6; 7].

This unique synergy of the moral, legal and aesthetic principles in the activities of a citizen of a just state is a reflection of the highest harmony of truth, goodness and beauty, realized at the level of Plato's absolute idea. Plato speaks about it even more clearly in the second dialogue of the philosophical and legal character: "Laws". Here Plato directly connects the ideas of justice and the ideas of beauty: "With regard to justice in general, just people, actions and deeds, we all somehow agree that all this is beautiful... everything that participates in justice is beautiful" [29, p. 345]. Moreover, according to Plato, "every just action, perhaps, participates in justice only insofar as it participates in beauty" [29, p. 345]. We think that by analogy it is quite possible to interpret any lawful action as beautiful. Accordingly, the decline of both the moral and legal foundations of the state does not occur in isolation from each other. Therefore, Plato evaluates the crisis of the Athenian state from both the moral and legal sides. In one of his letters he says: "Written laws and morals have been amazingly distorted and fallen" [29, p. 525].

In turn, philosophers, who, according to Plato, occupied a leading position in the state, should both correct the laws and, like Socrates, contribute to the development of the moral qualities of citizens. Plato wrote: "I did not cease to reflect on how morals and especially the entire state structure could be improved; as for my own activities, I decided to wait for a suitable opportunity. In the end, with regard to all the states that now exist, I decided that they are poorly governed; after all, the state of their legislation is almost incurable and can only be helped by some amazing coincidence of circumstances. And, praising true philosophy, I was forced to say that only from it do both state law and everything concerning individuals come. "Thus, the human race will not be freed from evil until true

and rightly thinking philosophers occupy public office or rule in states, but by some divine determination become genuine philosophers" [29, p. 525].

Therefore, this thought can easily be turned around by saying that a person can realize his moral qualities, i.e. be a just person, only as a citizen of a just state. Commenting on this movement of Plato's thought, Hegel wrote: "Justice," says Plato, "we find not only in an individual, but also in a state, and a state is greater than an individual. It will therefore be expressed in states by larger features and will be easier to recognize. He therefore intends to consider justice better as it is in a state. Thus, by making this comparison, Plato translates the question of justice into the question of what a state should be. This is a very naive, sweet transition, seemingly arbitrary. But great intuition led the ancients to the truth, and what Plato presents here as something easier is in fact the nature of the subject itself. It is not considerations of convenience, therefore, that lead to the consideration of the state, but the circumstance that the implementation of justice is possible only insofar as man is a member of the state, for justice in its reality and truth exists only in the state. Law... is the present being of freedom... The concept of the state consists precisely in the existence of free will. In the state, therefore, laws have significance; these laws are its customs and morals" [8, pp. 188–189].

It is in this context of the dialectic of the universal and the particular, the idea and the thing, that Plato's utopianism should be assessed. After all, he is not talking about a real project of socio-political transformation (although such a conclusion could be prompted by the excessive detailing of the structure of the polis in Plato's dialogues, which, however, plays a literary rather than a project role, enlivening the content of the dialogue filled with abstract reasoning). In Plato's teaching, we are dealing with the most generalized conceptual design of the basic structure of the state, ensuring its stability. And if we look closely at the structure of any state during periods of its rise and success, we will easily see in it the features outlined by the ancient Greek thinker.

In an effort to implement his ethical and legal ideals in practice, Plato, as is known, turned to the powerful rulers of Syracuse. As can be judged from his letters, there was nothing utopian in the scientist's plans. Rather, it was a fairly sober assessment of the situation. First of all, Plato raises the issue of correcting the morals of the rulers of Syracuse themselves, whose way of life and moral level were very little in line with his ideals of wise rulers of a just state: "... no state will be able to enjoy peace, relying on laws, no matter how good they are, if people think that everything must be spent on excessive luxury and that they should not make any effort to anything, except for gluttony, drunkenness and love pleasures. Such states inevitably change forms of government every now and then, becoming tyrannies, oligarchies, democracies, and there is no end to these changes. The rulers of such states cannot even hear the name of a just and equal system" [29, p. 526]. Let us also pay attention to the fact that in this fragment of his letter Plato appears as a supporter of an equal state. Therefore, those scholars who are inclined to see in his model of the state some kind of analogue of the caste system similar to the ancient Egyptian one are hardly right.

However, "to stop evil in the state," Plato taught, it is not enough to establish the rule of elites oriented towards moral ideals. It is also necessary to achieve an appropriate moral climate in society itself, it is necessary to teach citizens to treat each other in accordance with the requirements of morality through education, and also to force them to do so. In the latter case, Plato points out only one means in his letter: the adoption of general laws in the interests of all. Only laws, and not repressions (Plato speaks of expulsions of opponents, of their beatings, of "revenge on one's enemies in memory of past evil") will allow peace and stability to be returned to the state. Apart from the law, there is no other way "to stop evil in a state suffering from internal rebellions; discord, enmity, hatred and mistrust will always take root in states where citizens treat each other in this way" [29, p. 538].

In the dialogue "Laws" we will also find a corresponding reflection by Plato, on the basis of which he concludes: "Anyone who has committed a great or small unjust act will be instructed and compelled by the law either never to dare to repeat such acts of his own free will, or to do so to a much lesser degree... By deed or word, pleasure or suffering, honor or dishonor, fines or gifts – in a word, in general, in any way whatsoever, to force a person to hate injustice and to love, or at least not to hate, the nature of justice – this is the task of the best laws" [29, pp. 349–350]. It is obvious that the thinker should be especially close to the idea of the role of law in nurturing people's

Theory of State and Law

inclinations toward fair, generally moral, behavior, which he sets forth in his theoretical work, and then repeats in a private letter as a practical recommendation.

Note that here we are not talking only about external coercion, only about violence. And justice, and morality, and law make up in Plato's teaching a circle of ideas that are the fundamental principle of the universe. But at the same time they also make up the purely internal content of man, the truth that every person must discover in himself, following the testament of Socrates: "Know thyself."

Thus, Plato sums up the philosophical and legal constructions of Socrates and the pre-Socratics, who derived laws and moral requirements from a single source – the universal harmony of the universe, or, more precisely, from the universal dialectical unity of thought and being. Plato concretizes these arguments and simultaneously strengthens the ethical component of the preceding ontology, defining the highest unity as the idea of the good. The involvement of morality and law in the highest idea of the good is mediated by the idea of justice, which unites in real life what is distinguished at the level of ideas: the virtues of the individual and the virtues of the citizen, submission to laws and a moral way of life, the educational and coercive functions of the law.

At the same time, law and morality in Plato's interpretation are not just two special moments of one universal unity, in relation to which they would be deprived of any hierarchical structure. Primary, rather, is precisely morality, which, by its very nature, is capable of being transformed into forms of law. Namely: in its dynamics, the idea of morality realizes its formation as a reality, acquiring a form closer to law, at least at the level of theoretical constructs.

In Plato's teaching, thus, the idea of a kind of ontological imbalance between morality and law is laid down. Later, this idea would find its embodiment in the philosophy of law of Kant and Hegel [12, pp. 84–167], and in the Russian tradition – in F.M. Dostoevsky [1; 2; 3; 16, pp. 4–6; 17, pp. 258–259; 30; 41]. Taking into account the interpretation of the latter, it deserves to be rethought in the process of developing a sovereign philosophy of law for Russia [22; 24; 33; 35; 39, pp. 196–210; 40; 42; 43, pp. 19–55].

Bibliographic list

1. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The Idea of Good in the Works of F.M. Dostoevsky and its Influence on the Development of the Philosophy of Law (on the 200th Anniversary of F.M. Dostoevsky) / Introduction by Professor A. Alexandrov. 2nd ed., corrected, supplemented. St. Petersburg: University Foundation, 2023. 456 p.
2. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The Philosophy of Law of F.M. Dostoevsky and the System of Moral and Legal Values of the Peoples of Russia in the 21st Century // Legal Science: History and Modernity. 2020. No. 9. P. 168–181.
3. Bastrykin A.I., Salnikov V.P., Zakhartsev S.I. The system of moral and legal values in the legacy of F.M. Dostoevsky // Legal orbit. 2021. No. 1. P. 32–37.
4. Galiev F.Kh. On the syncretism of legal culture // The rule of law: theory and practice. 2013. No. 4 (34). P. 36–73.
5. Galiev F.Kh. Syncretism of legal culture and optimization of social relations // Bulletin of the Bashkir University. 2014. Vol. 19. No. 1. P. 336–341.
6. Galiev F.Kh. Syncretism of the legal culture of modern Russia: theoretical, methodological, historical and applied research: Abstract. dis. ... doctor of law. sciences. Moscow: RANEPa, 2014. 55 p.
7. Galiev F.Kh. Syncretism of Modern Legal Culture: Monograph. Ufa: BashSU, 2011. 354 p.
8. Hegel G.V.F. Lectures on the History of Philosophy. Book Two. St. Petersburg: Nauka, 1994. 423 p.
9. Grafsky V.G. Law and Morality in History: Problems of the Value Approach // State and Law. 1998. No. 8. P. 114–119.
10. Gulyga A.V. P. Novgorodtsev: Law and Morality are One // Man: Image and Essence. Yearbook. Issue 3. Moscow, 1992. P. 160–167.
11. Guseinov A.A. Morality and Law: the Line of Demarcation // Lex russica. 2018. No. 8 (141). P. 7–22.
12. Goodness, trust, justice in philosophical and legal thought: antiquity and modernity: Monograph / Under the general editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, University Foundation, 2022. 463 p.

13. Zhuk A.S., Lukashin E.V., Prokofiev K.G. Essential freedom of man as a condition for his self-determination as a subject of law and morality (value aspect) // *Legal science: history and modernity*. 2022. No. 12. P. 189–195.
14. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. On the Importance of the Logical Form of Philosophy for Understanding the Nature of the Absolute in Law // *The World of Politics and Sociology*. 2018. No. 2. Pp. 178–187.
15. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. *Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Speculative-Logical Foundations of the Sovereign Metaphysics of Law*. 2nd ed., corrected. and add. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. 376 p.
16. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Freedom as the concreteness of the idea of absolute good in Dostoevsky's philosophy of law // *Monitoring of law enforcement*. 2020. No. 1 (34). P. 4–7.
17. The idea of God and the image of theology in the philosophical discourses of mature modernity and postmodernity: Collective monograph / Under the general editorship of D.V. Maslennikov. St. Petersburg: RHGA, 2023. 682 p.
18. The idea of freedom. Law. Morality (classical and post-classical philosophy of law): Monograph / Under the editorship of Dr. S.I. Zakhartsev. Moscow: Yurlitinform, 2020. 288 p.
19. The idea of justice in the traditions of post-classical philosophy of law: Scientific publication / R.F. Ismagilov, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov, S.I. Zakhartsev, M.V. Salnikov, L.K. Petrosyan, A.V. Chernyaeva; edited by V.P. Salnikov. St. Petersburg: University Foundation, 2012. 176 p.
20. Ismagilov R.F. Salnikov V.P. Law and Justice: Relevance of the Theoretical and Legal Concept // *Legal Science: History and Modernity*. 2016. No. 8. Pp. 168–172.
21. Ismagilov R.F., Salnikov V.P. *Law and Justice: Historical Traditions and Modern Models (Historical and Legal Analysis of Theoretical Research on Current Issues of the Relationship between the Idea of Law and the Idea of Justice in the 20th–21st Centuries)*: Monograph. Saint Petersburg: University Foundation, 2017. 324 p.
22. Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Philosophy of F.M. Dostoevsky as a source of sovereign Russian philosophy of law // Human rights in the dialogue between state power and civil society: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to Human Rights Day (Ufa, December 10, 2020). In 2 parts. Part 1 / Ed. E.O. Tulupova. Ufa: RIC BashSU, 2020. Pp. 83–92.
23. Karpunin V.A., Salnikov V.P. Law and morality // *Faces of morality. Introduction to ethics: Textbook and scientific manual*. St. Petersburg: Riviera, 1996. Pp. 104–105.
24. Kerimov A.D., Maslennikov D.V. Scientific work of St. Petersburg legal scholars in the perspective of sovereign philosophy of law // *Monitoring of law enforcement*. 2019. No. 4. Pp. 14–18.
25. Lossky N.O. *Conditions of absolute good: Fundamentals of ethics; character of the Russian people*. Moscow: Politizdat, 1991. 368 p.
26. Lukashaeva E.A. *Law, morality, personality*. Moseva: Nauka, 1986. 263 p.
27. Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Two ways of deducing law and morality in classical transcendental philosophy: the meaning of the difference // *Law. Order. Values: Monograph / Under the general ed. E.A. Frolova*. Moscow: Prospect, 2022. Pp. 90–99.
28. Eugenzikht V.A. *Morality and Law*. Dushanbe: Irfon, 1987. 160 p.
29. Plato. *Works in 4 volumes. Vol. 3*. Moscow: IFRAS, 1994. 656 p.
30. Polischuk N.I., Zelepukin R.V., Krotkova N.V. Philosophical and legal ideas of F.M. Dostoevsky in modern legal doctrine. A.I. Bastykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov. The idea of good in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the philosophy of law (on the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) / introduction by A.I. Alexandrov. Saint Petersburg: University Foundation, 2023. 380 p. (Science and Society Series) // *State and Law*. 2024. No. 4. P. 94–101.
31. Romanovskaya VB, Romanovskaya LR *Law, religion, morality and absolute good in the works of VS Solovyov // Genesis: historical research*. 2014. No. 6. Pp. 197–198.
32. Romashov RA *Politogenesis: Temple – Polis – State: Monograph / Introduction by V.P. Salnikov*. St. Petersburg: Aletya, 2020. 300 p.
33. Salnikov VP, Ismagilov RF, Prokofiev KG *Philosophical and theological prerequisites for the sovereignty of the philosophy of law of Russia: value and moral aspects // Theory of state and law*. 2024. No. 2-1 (37). Pp. 186–195.
34. Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Salnikov M.V. Plato, Aristotle, Thomas Aquinas and the idea of justice in the natural law tradition // *The world of politics and sociology*. 2016. No. 9. Pp. 19–26.
35. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Morozov A.I. Man in the system of moral and legal values and the task of forming a sovereign philosophy of law // *Human rights in the dialogue between government and civil*

society: Collection of materials from the All-Russian scientific and practical conference dedicated to Human Rights Day (Ufa, December 10, 2020). In 2 parts. Part 1 / Ed. E.O. Tulupova. Ufa: RIC BashSU, 2020. Pp. 176–187.

36. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G. The Meaning of the Difference in the Approach of I. Kant and I.G. Fichte to the Problem of Deduction of Law and Morality // *Legal Science: History and Modernity*. 2018. No. 4. Pp. 185–192.

37. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Salnikov M.V. Institutions of Law in the Idea of Absolute Good // *State and Legal Institutions of Modern Society: Collection of Articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Republic of Bashkortostan (Ufa, December 14, 2018)* / Ed. F.M. Rayanov. Ufa: BashSU, 2018. Pp. 32–40.

38. Salnikov V.P., Prokofiev K.G., Chaika V.N. Morality and Sovereignty of the State: Value and Social Aspects // *Theory of State and Law*. 2024. No. 2-1 (37). P. 205–212.

39. Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G. Theoretical and Spiritual-Moral Prerequisites for the True Sovereignty of the Philosophy of Law of Russia // *Theory of State and Law*. 2024. No. 3 (38). P. 196–211.

40. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V. Development of the Idea of Absolute Freedom in Classical Russian Philosophy as a Source of Sovereign Philosophy of Law // *Legal Science: History and Modernity*. 2019. No. 12. P. 185–193.

41. Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. "Pushkin Speech" by Dostoevsky and the Moral Idea of the State (On the 140th Anniversary of F.M. Dostoevsky's Speech) // *Legal Science: History and Modernity*. 2020. No. 11. P. 163–180.

42. Stepashin S.V. Towards a Sovereign Philosophy of Law of Russia. A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov. The Idea of Good in the Works of F.M. Dostoevsky and Its Influence on the Development of the Philosophy of Law (on the 200th Anniversary of F.M. Dostoevsky) / introduction by A.I. Alexandrov. –SPb.: University Foundation, 2021. – 380 p. (Science and Society Series); S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov. Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Issue of Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law. Moscow: Yurlitinform, 2019. 376 p. // *State and Law*. 2024. No. 4. Pp. 86–93.

43. Philosophical and legal knowledge: current issues. Monograph / Under the general editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2022. 417 p.

44. Shafirov V.M. Law and morality in the human dimension // *Russian Justice*. 2022. No. 4. P. 3–8.

For citation: Lugovoy A.A., Prokofiev K.G., Fedorov S.V. Plato on the basis of the relationship between moral and legal regulators in the state: article // *Theory of State and Law*. 2024. No. 4 (41). P. 121–127.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_114

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_128

В.В.Малинин*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЦИФРОВЫЕ ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ

***Аннотация.** В статье анализируется информационная цивилизация и цифровые правовые средства с точки зрения их истории становления. В настоящее время информация является основным ресурсом обеспечения жизнедеятельности общества и главным фактором его развития, также под активным воздействием процессов становления информационной цивилизации и цифровых правовых средств происходят изменения практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Таким образом осуществляется переход общества к новому технологическому укладу, характерной особенностью которого является интеграция различных видов технологий: нано-, биологических, информационных, когнитивных и социальных.*

***Ключевые слова:** информация, информационная цивилизация, цифровые правовые средства, общество, технологии.*

Главным отличительным признаком того или иного этапа цивилизационного развития общества является именно его технологический уклад, который является определяющим всего образа жизни и деятельности людей. Б.Н. Топорнин писал, что «Информационный век лишь в самом начале. Это динамичный, противоречивый, требовательный, многообещающий век. Информационное право – путь осознания «встречи» информационных технологий и институтов государства и права. Это и путь упорядочения отношений в одной из самых горячих сфер жизни планеты – инфосферы и ее взаимодействия со всеми тканями современного социума» [17, с. 16].

Профессор А.И. Ракитов одним из первых российских ученых обратил внимание на тесную связь между технологическими и информационными революциями в истории развития цивилизации. В своих работах он убедительно показал, что в основе каждой технологической революции заложена именно информационная революция, которая, в свою очередь, создает все необходимые условия для перехода общества на качественно новый уровень технологического развития [11, с. 42]. По его мнению, существо информационной революции заключается в «изменении инструментальной основы, способа передачи и хранения информации, а также объема информации, доступной активной части населения» [11, с. 44].

Другими словами, информационная революция означает переход общества на использование принципиально новых средств информатики и на качественно новый уровень развития процессов информационного взаимодействия. На это обстоятельство специально указывается в юридической литературе, когда рассматриваются вопросы становления и

* **Малинин Василий Васильевич** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: vasilii.malinin.law@gmail.com

Научный руководитель – **Комаров Сергей Александрович**, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, Заслуженный работник науки и образования РАЕ, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

последующего существования кибернетической (информационной) цивилизации [8, 12], риски

в информационной цивилизации [7], правовой статус киберфизических систем [6], переходность электронного государства в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации [9], влияние информационно-правовой политики на правосознание личности в условиях действия информационной зависимости [5] и др.

На данном этапе можно выделить пять основных информационных революций за всю историю развития человеческого общества.

Первая информационная революция связана с появлением языка и членораздельной человеческой речи. Развитие языка оказало колоссальное влияние на развитие сознания людей, а его использование в их практической деятельности стало информационной основой создания первых технологий, т. е. знаний и навыков рациональной организации этой деятельности.

В первобытном обществе использовались и распространялись только «живые знания», носителями которых являлись живые люди – старейшины, жрецы, шаманы. В этих условиях процессы накопления и распространения знаний в обществе осуществлялись чрезвычайно медленно, а сохранение уже накопленных знаний было недостаточно надежным. Со смертью их носителей многие знания утрачивались и должны были формироваться заново. На это уходили многие столетия.

Ситуация коренным образом изменилась, когда люди научились отчуждать знания и фиксировать их на материальных носителях в виде рисунков, чертежей, условных знаков, многие из которых сохранились до настоящего времени. Именно *поэтому вторую информационную революцию* большинство современных исследователей связывают с изобретением письменности. Это изобретение позволило не только обеспечить сохранность уже накопленных человеческим обществом знаний, но и повысить достоверность этих знаний, создать условия для их существенно более широкого, чем ранее, распространения. Ведь именно с изобретением письменности стало возможным развитие науки и культуры в современном понимании этих терминов [16, с. 81].

Существенным образом изменилась и информационная среда общества, стали возможными новые виды информационных коммуникаций между людьми посредством обмена письменными сообщениями. Появились исторические летописи, поэзия и литература, зародились элементы того нового и своеобразного явления, которое мы сегодня называем информационной культурой. Новый смысл приобрело и понятие «образование». Теперь образованным мог считаться только тот человек, который достаточно хорошо владел навыками чтения и письма, причем не только на своем родном языке, но и на других языках.

Естественно, что появление письменности послужило мощным фактором для накопления и распространения знаний в области организации многих производственных и социальных процессов. Фиксация этого опыта в виде рукописных документов, чертежей и рисунков представляла собой процесс зарождения «технологии» – нового понятия в области развития цивилизации, которому суждено было сыграть решающую роль в процессе ее дальнейшего развития.

Третья информационная революция началась в эпоху возрождения и связана с изобретением книгопечатания, которое следует признать одной из первых эффективных информационных технологий. Широкое внедрение этого изобретения в социальную практику привело к первому информационному взрыву. Произошел взрывообразный рост количества используемых в обществе информационных документов, а самое главное – началось и более широкое распространение информации, научных знаний и информационной культуры. Появились первые библиотеки печатных книг, сначала частного характера, а затем и публичные. Печатная книга стала главным хранителем и источником знаний.

Под воздействием быстро возрастающего спроса на печатные издания появились и стали быстро совершенствоваться технологии для подготовки и издания различного рода печатной

продукции. Типографии стали одним из распространенных видов промышленных предприятий.

Четвертая информационная революция началась в XIX веке, когда были изобретены и стали все более широко распространяться такие новые средства информационной коммуникации, как: радио, телефон и телевидение. Эти средства имеются сегодня в развитых странах практически в каждой семье и оказывают значительное воздействие на формирование общественного сознания. Благодаря этим средствам люди уже не испытывают чувства одиночества и изолированности от окружающего их общества. Ведь они сегодня подключены к общему информационному пространству не только своей страны, но и значительной части всей нашей планеты.

Новые качества, которые принесла в информационную сферу общества третья информационная революция, заключаются не только в том, что по новым коммуникационным сетям стали передаваться невиданные ранее объемы информации, но также и в том, что информационные коммуникации стали осуществляться с более высокой оперативностью.

Пятая информационная революция началась в 50-е годы XX века, т. е. с того времени, когда в социальной практике стали использоваться средства цифровой вычислительной техники. Применение этих средств для обработки научной, экономической и социальной информации кардинальным образом изменило возможности человека по активизации и эффективному использованию информационных ресурсов.

Однако самое важное и принципиально новое качество, которое принесла человечеству пятая информационная революция, заключается в том, что впервые за всю историю развития цивилизации человек получил высокоэффективное средство для усиления своей интеллектуальной деятельности. Информатизация общества оказывает революционное воздействие на все сферы жизнедеятельности общества, кардинально изменяет условия жизни и деятельности людей, их культуру, стереотип поведения, образ мыслей.

Информационные революции всегда являлись теми критическими точками всемирной истории, после которых начинались качественно иные этапы развития цивилизации. Именно они являлись главными причинами появления и развития принципиально новых технологий, распространение которых приводило затем к радикальным изменениям и самого общества, которое переходило на новый уровень своего социально-экономического развития.

Термин «информатизация» появился в отечественной научной литературе в начале 80-х годов XX века в связи с возникновением в обществе социальной потребности ко все более широкому использованию средств информатики для формирования, хранения и использования различных видов социально значимой информации.

Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации», принятый в России в 1995 году, давал термину «информатизация» следующее определение: «Информатизация – организационный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов» [1]. При этом сами информационные ресурсы определялись в этом законе как «отдельные документы и отдельные массивы документов, документы и массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных, других информационных системах)» [1].

Соответственно, вышеуказанный Федеральный закон распространялся лишь на вполне конкретный класс информации, а именно – на информацию документированную, т. е. уже полученную, объективированную и зафиксированную на материальном носителе. Таким образом, в данном законе информатизация рассматривалась как процесс развития всего общества, имеющий общегосударственное значение. И основой этого развития провозглашается формирование и использование информационных ресурсов.

В 2006 году принимается еще один Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации». В нем под информационными ресурсами

понимается любая информация, подготовленная для социального использования и запечатленная на материальном носителе [2].

Более широкое философское определение понятия «информатизация» принадлежит академику А.П. Ершову, который писал: «Информатизация – это комплекс мер, направленных на обеспечение полного использования достоверного, исчерпывающего и своевременного знания во всех общественно значимых видах человеческой деятельности» [16, с. 88]. При этом он подчеркивал, что информация становится «стратегическим ресурсом общества в целом, во многом обуславливающим его способность к успешному развитию» [16, с. 89].

Академик А.П. Ершов рассматривал процесс информатизации общества не только как социотехнологическую революцию, но и как важный этап его интеллектуального развития, когда происходит «философское и конкретно-научное осмысление роли информации в естественных и социальных процессах» [16, с. 89]. Он справедливо полагал, что информатизация – это «всеобщий и неизбежный период развития человеческой цивилизации, период освоения информационной картины мира, осознания единства законов функционирования информации в природе и обществе, практического их применения, создания индустрии производства и обработки информации» [16, с. 90].

Несмотря на то, что эти идеи были прописаны еще в 1988 году, когда процесс информатизации общества только начинал свое глобальное развитие, они оказались пророческими.

Информатизация общества является стратегическим фактором развития цивилизации, который благодаря особым свойствам информации дает человечеству определенные шансы решить перечисленные выше глобальные проблемы и перейти к новой парадигме устойчивого и безопасного развития.

Общечивилизационное значение развивающегося в последние десятилетия глобального процесса информатизации общества проявляется не только в том, что он охватывает все стороны жизни и профессиональной деятельности людей. Он проявляется также и во все большей глобализации наиболее важных аспектов развития человеческого общества.

Глобальная информатизация общества активно содействует развитию новых геополитических процессов, наиболее важными из которых являются следующие:

- глобализация экономики, проявляющаяся в создании транснациональных корпораций, международного разделения труда и международных рынков сбыта продукции;
- глобализация науки, проявляющаяся в создании распределенных международных творческих коллективов ученых, которые работают над общими научными проектами, а также в интенсификации процессов международного обмена научной информацией;
- глобализация образования, проявляющаяся в развитии систем дистанционного образования, создании открытых территориально-распределенных университетов, колледжей, центров повышения профессиональной квалификации;
- глобализация культуры, характерными признаками которой являются создание электронных библиотек и электронных версий картинных галерей, художественных и музейных экспозиций, а также наиболее ценных объектов архитектуры и строительства.

Считаем также важным отметить то, какую значимую роль играет информационное право.

Информационное право – комплексная отрасль права, регулирующая общественные отношения, связанные с созданием, хранением, обработкой, распространением, использованием информационных ресурсов. Оно является одной из самых молодых его отраслей, не смотря на это одними из первых упоминаний о его развитии, по мнению И. М. Россолова, датируются 70-ми годами прошлого столетия [15]. Изучение истории информационного права очень редки, поскольку его возраст чуть более полувека, что не позволяет совершить масштабной реперспективы, а также четко выстроенной системе мешают большие разногласия о ее первоистоках. Так часть изучающих эту отрасль считает, что причиной формирования информационного права стало становление информации, как фактора производства, вследствие чего, возникла потребность в правовом регулировании действий над информацией. Другая же часть считает, что право возникло за счет большого скачка в информационных

технологиях, что привело к оцифровке информации, из-за чего и возникла потребность в правовом регулировании.

Начало формирования информационного права было не системно, так первые законы и работы решали узкие проблемы, возникшие на тот момент. Например, в США в 1967 году был установлен тест конфиденциальности, а в 1974 году, в связи с развитием компьютерных технологий, были введены поправки в закон о неприкосновенности частной жизни. Параллельно на территории Советского Союза выходит монография советского юриста А.Б. Венгерова «Право и информация в условиях автоматизации» [10]. Надо отметить, что идеи информационного общества появились в начале 90-х годов прошлого века, когда актуализировался вопрос о правовой информатике и кибернетике [14], в высших учебных заведениях юридического профиля стали преподавать дисциплину «Информационное право» [3; 4; 13], в которой описывались проблемы и предлагались решения в вопросах правового регулирования информационных процессов на этапе развитого социализма [18, с. 14].

Таким образом, на основании всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что информационная цивилизация и цифровые правовые средства в настоящее время очень активно продолжают развиваться. Если изначально право формировалось как решение проблем, сейчас основным фактором развития становится научно-технический прогресс, позволивший создать и внедрить новые технологии работы с информацией и сетевые средства её коммуникации независимо от пространства и времени. В XXI веке законодательством комплексно охватываются правовые проблемы формирования информационного общества, обеспечение безопасности информационных ресурсов и прав человека в условиях глобальной информатизации.

Приоритетной становится концепция «электронного государства», где первостепенным становится электронный документооборот, а также целостными становятся инфраструктуры информации, такие как: телевидение, интернет-технологии, основанные на базах различных платформ и т.п. Постепенно бумажную печать заменяет «электронная» в виде электронных книг, электронных журналов [9]. Закономерным стало появление работы в удаленном доступе, и, как следствие, формирование новой профессиональной отрасли, а именно – программирования и кибер-администрирования.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ (ред. от 10.01.2003) «Об информации, информатизации и защите информации» // www.consultant.ru
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (ред. от 08.08.2024) // www.consultant.ru
3. Бачило И. Л. Информационное право. Основы практической информатики: учеб. пособие. – М.: Юринформцентр, 2001. – 352 с.
4. Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право / под ред. Б. Н. Топорнина. – СПб., 2001. – 787 с.
5. Воробьев С.М., Комаров С.А. Влияние информационно-правовой политики на правосознание личности в условиях действия информационной зависимости: теоретико-правовые аспекты: статья // Юридическая мысль. – 2020. – № 2. – С. 9–18.
6. Воробьев С.М., Комаров С.А. Правовой статус киберфизических систем: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2020. – № 1. – С. 22–35.
7. Воробьев С.М., Комаров С.А. Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20–36.
8. Воробьев С.М., Комаров С.А. Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 25–37.
9. Воробьев С.М., Комаров С.А. Переходное электронное государство в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации: теоретико-правовой анализ: статья // Вестник Московского государственного открытого университета. – 2019. – № 1. – С. 17–27.
10. Венгеров, А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления: (теоретические вопросы). – М.: Юрид. лит., 1978. – 206 с.

11. Колин К.К. Социальная информатика: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2003 (Киров: ФГУИПП Вятка). – 426 с.
12. Комаров С.А. и др. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.
13. Копылов В. А. Информационное право. – М., 1997. – 510 с.
14. Правовая информатика и кибернетика: учеб. для вузов по направлению и спец. "Юриспруденция" / Атанесян Г. А., Гаврилов О. А., Диери П. и др.]; Под ред. Н. С. Полевого. – М.: Юрид. лит., 1993. – 527 с.
15. Рассолов М. М. Информационное право: учеб. пособие. – М., 1999. – 398 с.
16. Соколова И.В. Социальная информатика: Учебное пособие. – М.: Изд-во Перспектива, Издательство РГСУ, 2008. – С. 80–97.
17. Топорнин Б.Н. Предисловие // Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право / под ред. Б. Н. Топорнина. Санкт-Петербург, 2001. – 787 с.
18. Широков О. А. К вопросу о становлении и развитии информационного права / О. А. Широков. // Молодой ученый. – 2020. – № 43 (333). – С. 14–15.

Для цитирования: *Малинин В.В.* Информационная цивилизация и цифровые правовые средства: история становления: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 128–133.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_128

INFORMATION CIVILIZATION AND DIGITAL LEGAL MEANS: THE HISTORY OF FORMATION

Vasily V. Malinin*

Annotation. *The article analyzes the information civilization and digital legal means from the point of view of their history of formation. At present, information is the main resource for ensuring the life of society and the main factor in its development, and under the active influence of the processes of formation of the information civilization and digital legal means, changes occur in almost all spheres of society. Thus, the transition of society to a new technological order is carried out, a characteristic feature of which is the integration of various types of technologies: nano-, biological, information, cognitive and social.*

Key words: *information, information civilization, digital legal means, society, technology.*

The main distinguishing feature of a particular stage of the civilizational development of society is precisely its technological structure, which determines the entire way of life and activity of people. B.N. Topornin wrote that “The information age is only at the very beginning. It is a dynamic, contradictory, demanding, promising age. Information law is a way of understanding the “meeting” of information technologies and institutions of the state and law. It is also a way of regulating relations in one of the hottest spheres of life on the planet – the infosphere and its interaction with all the tissues of modern society” [17, p. 16].

Professor A.I. Rakitov was one of the first Russian scientists to draw attention to the close connection between technological and information revolutions in the history of the development of civilization. In his works, he convincingly demonstrated that at the heart of every technological revolution lies precisely the information revolution, which, in turn, creates all the necessary conditions for

* **Malinin Vasily Vasilyevich** – postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education “Law Institute” (St. Petersburg). E-mail: vasilyy.malinin.law@gmail.com

Scientific supervisor – **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of Theorists of State and Law, Scientific Supervisor of the Private Educational Institution of Higher Education “Law Institute” (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Honored Worker of Science and Education of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

the transition of society to a qualitatively new level of technological development [11, p. 42]. In his opinion, the essence of the information revolution lies in “changing the instrumental basis, the method of transmitting and storing information, as well as the volume of information available to the active part of the population” [11, p. 44].

In other words, the information revolution means the transition of society to the use of fundamentally new means of information science and to a qualitatively new level of development of information interaction processes. This circumstance is specifically pointed out in legal literature when considering the issues of the formation and subsequent existence of cybernetic (information) civilization [8, 12], risks in information civilization [7], the legal status of cyber-physical systems [6], the transitional nature of the electronic state in the conditions of functioning of the information (cybernetic) civilization [9], the influence of information and legal policy on the legal consciousness of the individual in the conditions of information dependence [5], etc.

At this stage, five main information revolutions can be distinguished in the entire history of the development of human society.

The first information revolution is associated with the emergence of language and articulate human speech. The development of language had a tremendous impact on the development of human consciousness, and its use in their practical activities became the information basis for the creation of the first technologies, i.e. knowledge and skills for the rational organization of this activity.

In primitive society, only “living knowledge” was used and disseminated, the bearers of which were living people – elders, priests, shamans. Under these conditions, the processes of accumulation and dissemination of knowledge in society were extremely slow, and the preservation of already accumulated knowledge was not reliable enough. With the death of its bearers, much knowledge was lost and had to be formed anew. This took many centuries. The situation changed radically when people learned to alienate knowledge and record it on material media in the form of drawings, sketches, and conventional signs, many of which have survived to this day. That is why most modern researchers associate the second information revolution with the invention of writing. This invention made it possible not only to ensure the preservation of knowledge already accumulated by human society, but also to increase the reliability of this knowledge, to create conditions for its much wider dissemination than before. After all, it was with the invention of writing that the development of science and culture in the modern understanding of these terms became possible [16, p. 81].

The information environment of society has also changed significantly, new types of information communications between people through the exchange of written messages have become possible. Historical chronicles, poetry and literature appeared, and elements of that new and peculiar phenomenon that we call information culture today were born. The concept of “education” has acquired a new meaning. Only a person who possessed reading and writing skills well enough, not only in his native language, but also in other languages, could be considered educated.

Naturally, the emergence of writing has served as a powerful factor for the accumulation and dissemination of knowledge in the field of organization of many industrial and social processes. The fixation of this experience in the form of handwritten documents, drawings and drawings represented the process of the emergence of “technology” – a new concept in the field of civilization development, which was destined to play a decisive role in the process of its further development.

The third information revolution began in the Renaissance and is associated with the invention of printing, which should be recognized as one of the first effective information technologies. The widespread introduction of this invention into social practice led to the first information explosion. There has been an explosive increase in the number of information documents used in society, and most importantly, a wider dissemination of information, scientific knowledge and information culture has begun. The first libraries of printed books appeared, first of a private nature, and then public ones. The printed book has become the main repository and source of knowledge.

Under the influence of the rapidly increasing demand for printed publications, technologies for the preparation and publication of various types of printed products appeared and began to improve rapidly. Printing houses have become one of the most common types of industrial enterprises.

Theory of State and Law

The fourth information revolution began in the 19th century, when such new means of information communication as radio, telephone and television were invented and became increasingly widespread. These funds are available in almost every family in developed countries today and have a significant impact on the formation of public consciousness. Thanks to these tools, people no longer feel lonely and isolated from the society around them. After all, today they are connected to the common information space not only of their country, but also of a significant part of our entire planet.

The new qualities that the third information revolution brought to the information sphere of society are not only that unprecedented amounts of information began to be transmitted over new communication networks, but also that information communications began to be carried out with higher efficiency.

The fifth information revolution began in the 50s of the XX century, i.e. from the time when digital computing began to be used in social practice. The use of these tools for processing scientific, economic and social information has radically changed the human ability to activate and effectively use information resources.

However, the most important and fundamentally new quality that the fifth information revolution brought to humanity is that for the first time in the entire history of the development of civilization, a person received a highly effective means to enhance his intellectual activity. The informatization of society has a revolutionary impact on all spheres of society, radically changes the living conditions and activities of people, their culture, behavior patterns, and way of thinking.

Information revolutions have always been those critical points in world history, after which qualitatively different stages of civilization development began. They were the main reasons for the emergence and development of fundamentally new technologies, the spread of which then led to radical changes in our society, which was moving to a new level of its socio-economic development.

The term "informatization" appeared in the Russian scientific literature in the early 80s of the XX century in connection with the emergence of a social need in society for the increasingly widespread use of computer science tools for the formation, storage and use of various types of socially significant information. The Federal Law "On Information, Informatization and Information Protection", adopted in Russia in 1995, gave the term "informatization" the following definition: "Informatization is an organizational socio-economic, scientific and technical process of creating optimal conditions for meeting information needs and realizing the rights of citizens, public authorities, and public authorities local self-government, organizations, public associations based on the formation and use of information resources" [1].

At the same time, the information resources themselves were defined in this law as "separate documents and separate arrays of documents, documents and arrays of documents in information systems (libraries, archives, funds, data banks, other information systems)" [1].

Accordingly, the above-mentioned Federal Law applied only to a very specific class of information, namely, documented information, i.e. already received, objectified and recorded on a tangible medium. Thus, in this law, informatization was considered as a process of development of the whole society, which has national significance. And the basis of this development is the formation and use of information resources. In 2006, another Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" was adopted. In it, information resources are understood as any information prepared for social use and stored on a tangible medium [2].

A broader philosophical definition of the concept of "informatization" belongs to academician A.P. Ershov, who wrote: "Informatization is a set of measures aimed at ensuring the full use of reliable, exhaustive and self-directed knowledge in all socially significant types of human activity" [16, p. 88]. At the same time, he emphasized that information becomes "a strategic resource of society as a whole, largely determining its ability to successfully develop" [16, p. 89].

Academician A.P. Ershov considered the process of informatization of society not only as a sociotechnological revolution, but also as an important stage of its intellectual development, when there is a "philosophical and specifically scientific understanding of the role of information in natural and social processes" [16, p. 89]. He rightly believed that informatization is "a universal and inevitable period of the development of human civilization, the period of mastering the information picture

of the world, awareness of the unity of the laws of information functioning in nature and society, their practical application, the creation of an information production and processing industry" [16, p. 90].

Despite the fact that these ideas were formulated back in 1988, when the process of informatization of society was just beginning its global development, they turned out to be prophetic. The informatization of society is a strategic factor in the development of civilization, which, due to the special properties of information, gives humanity certain chances to solve the global problems listed above and move to a new paradigm of sustainable and safe development.

The general civilizational significance of the global process of informatization of society, which has been developing in recent decades, is manifested not only in the fact that it covers all aspects of people's lives and professional activities. It is also manifested in the increasing globalization of the most important aspects of human development.

The global informatization of society actively promotes the development of new geo-political processes, the most important of which are the following:

The globalization of the economy, manifested in the creation of transnational corporations, the international division of labor and international markets for products;

The globalization of science, manifested in the creation of distributed international creative teams of scientists who work on common scientific projects, as well as in the intensification of the processes of international exchange of scientific information;

The globalization of education, manifested in the development of distance education systems, the creation of open geographically distributed universities, colleges, professional development centers;

The globalization of culture, characterized by the creation of electronic libraries and electronic versions of art galleries, art and museum exhibitions, as well as the most valuable objects of architecture and construction.

We also consider it important to note the significant role that information law plays.

Information law is a complex branch of law regulating public relations related to the creation, storage, processing, distribution, and use of information resources. It is one of its youngest branches, despite this, one of the first mentions of its development, according to I. M. Rossolov, dates back to the 70s of the last century [15]. The study of the history of information law is very rare, since its age is just over half a century, which does not allow for a large-scale repertory, as well as a well-structured system is hampered by large disagreements about its origins. Thus, some students of this industry believe that the reason for the formation of information law was the formation of information as a production factor, as a result of which there was a need for legal regulation of actions on information. Another part believes that the law arose due to a big leap in information technology, which led to the digitization of information, which is why there was a need for legal regulation.

The beginning of the formation of information law was not systematic, so the first laws and works solved the narrow problems that arose at that time. For example, in the United States, a privacy test was established in 1967, and in 1974, due to the development of computer technology, amendments were introduced to the Privacy Act. In parallel, a monograph by Soviet lawyer A.B. Vengerov "Law and information in automation conditions" is being published on the territory of the Soviet Union [10]. It should be noted that the ideas of the information society appeared in the early 90s of the last century, when the issue of legal informatics and cybernetics was actualized [14], the discipline "Information Law" began to be taught in higher educational institutions of the legal profile [3; 4; 13], which described problems and proposed solutions in issues of legal regulation of information processes at the stage of developed socialism [18, p. 14].

Thus, based on all of the above, it can be concluded that the information civilization and digital legal means are currently actively continuing to develop. If law was originally formed as a solution to problems, now scientific and technological progress is becoming the main factor of development, which made it possible to create and implement new technologies for working with information and network means of its communication, regardless of space and time. In the XXI century, legislation

comprehensively covers the legal problems of the formation of an information society, ensuring the security of information resources and human rights in the context of global informatization.

The concept of an "electronic state" becomes a priority, where electronic document management becomes the first priority, as well as information structures such as television, Internet technologies based on databases of various platforms, etc. Gradually paper printing is replaced by "electronic" in the form of electronic books, electronic journals [9]. The emergence of remote access work has become natural, and, as a result, the formation of a new professional industry, namely, programming and cyber administration.

Bibliographic list

1. Federal Law No. 24-FZ of February 20, 1995 (as amended on 01/10/2003) "On Information, Information Formatting and Information Protection" // www.consultant.ru
2. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection" (as amended on 08.08.2024) // www.consultant.ru
3. Bachilo I. L. Information law. Fundamentals of practical computer science: studies. stipend. Moscow: Yurinformcenter, 2001 352 p.
4. Bachilo I. L., Lopatin V. N., Fedotov M. A. Information law / ed. by B. N. Topornin. St. Petersburg, 2001. 787 p.
5. Vorobyov S.M., Komarov S.A. The influence of information and legal policy on the legal consciousness of a person in the context of information dependence: theoretical and legal aspects: article // Legal thought. 2020. No. 2. Pp. 9–18.
6. Vorobyov S.M., Komarov S.A. The legal status of cyberphysical systems: theoretical and legal understanding: article // Theory of state and law. 2020. No. 1. Pp. 22–35.
7. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Risks in information civilization: theoretical and legal understanding: article // Theory of state and law. 2019. No. 3. Pp. 20–36.
8. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of state and law. 2019. No. 4. Pp. 25–37.
9. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Transitional electronic state in the context of the functioning of information (cybernetic) civilization: theoretical and legal analysis: article // Bulletin of the Moscow State Open University. 2019. No. 1. Pp. 17–27.
10. Vengerov, A.B. Law and information in the context of control automation: (theoretical issues). Moscow: Yurid. lit., 1978. 206 p.
11. Kolin K.K. Social informatics: A textbook for universities. Moscow: Academic Project: Mir Foundation, 2003 (Kirov: Vyatka Federal State University). 426 p.
12. Komarov S.A. et al. The theoretical and legal paradigm of the existence of a cybernetic (information) civilization: monograph / Edited by S.A. Komarov. Moscow: Publishing house of MATGiP, 2022. 320 p.
13. Kopylov V. A. Information law. Moscow, 1997. 510 p.
14. Legal Informatics and Cybernetics: studies. for universities in the field and speciality. "Jurisprudence" / Atanesyan G. A., Gavrilov O. A., Dieri P. et al.]; Edited by N. S. Polevoy. Moscow: Yurid. lit., 1993. 527 p.
15. Rassolov M. M. Information law: textbook. stipend. Moscow, 1999. 398 p.
16. Sokolova I.V. Social informatics: A textbook. Moscow: Perspektiva Publishing House, RGSU Publishing House, 2008. Pp. 80–97.
17. Topornin B.N. Preface // Bachilo I. L., Lopatin V. N., Fedotov M. A. Information law / edited by B. N. Topornin. St. Petersburg, 2001. 787 p.
18. Shirokov O. A. On the question of the formation and development of information law / O. A. Shirokov // A young scientist. 2020. No. 43 (333). Pp. 14–15.

For citation: Malinin V.V. Information Civilization and Digital Legal Means: the history of formation: article // Theory of state and law. 2024. No. 4 (41). Pp. 133–137.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_128

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_138

Д.В. Масленников*

В.П. Сальников**

А.Ш. Меликов***

ПРАВОВЫЕ ИДЕИ М.М. СПЕРАНСКОГО В ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА****

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос об отражении философско-правовых идей М.М. Сперанского в русской философии права. Обосновывается положение о том, что комплекс идей М.М. Сперанского можно считать историческим образцом суверенной философии права России, учитывая, с одной стороны, актуализацию всего предшествующего опыта правотворчества и правовой мысли, а с другой стороны, следование нравственно-правовым традициям Российского государства. Философия права М.М. Сперанского нашла свое дальнейшее воплощение как в практике законотворчества, включая правовое обеспечение Великих реформ Александра II, так и в формировании национальной традиции консервативной философско-правовой мысли.*

***Ключевые слова:** Сперанский, митрополит Филарет, Достоевский, реформы, парадигма правовой мысли, суверенная философия права.*

Возрождение и укрепление суверенитета Российского государства невозможно без формирования суверенной философии права, которая может позволить осуществлять рефлексию правовой политики, исходя из системы духовно-нравственных ценностей России. В таком случае философия права станет способом самосознания государства как независимого субъекта всемирно-исторического целеполагания [16; 24, с. 10–26; 26; 27; 30]. Такая философия права должна складываться из двух источников: во-первых, из творчески осмысленного опыта мировой классической правовой и философско-правовой мысли; во-вторых, из всей системы национальных традиций правовой мысли [14, с. 7–8]. Кроме того, суверенная философия права не может ограничиваться чисто академическим интересом дедукции основоположений права из начал абсолютного единства бытия [29, с. 198], а должна иметь отчетливо выраженные практикоориентированные установки.

Сегодня можно дискутировать на тему того, отвечала ли этим критерием марксистская философия права в Советском Союзе и в какой степени она была разработана. Нам представляется, что историческим образцом суверенной философии права России можно считать

* **Масленников Дмитрий Владимирович**, советник ректората Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского; главный научный сотрудник кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор. E-mail: dwm61@inbox.ru

** **Сальников Виктор Петрович**, профессор Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург). E-mail: Fonduniver@bk.ru

*** **Меликов Али Шахинович**, старший оперуполномоченный отдела уголовного розыска линейного отдела полиции на станции Санкт-Петербург-Ладужский Санкт-Петербургского линейного управления МВД России на транспорте. E-mail: melikov474747@mail.ru

**** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01074, <https://rscf.ru/project/24-28-01074/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

комплекс идей М.М. Сперанского [13]. При всей его фрагментарности и внешней несистематичности мы, имеем дело с наследием ученого, охватившего всё важнейшее содержание мировой правовой мысли и критически переосмыслившего его с учетом национальных интересов, что, вне сомнения, признается всеми исследователями [9, с. 221–237; 10, с. 1335–1336].

О глубине и масштабности восприятия мирового наследия в области истории права и истории правовой мысли свидетельствует уже сама творческая деятельность М.М. Сперанского [11, с. 81–86]. Но при этом можно указать и на такой документ, подтверждающий энциклопедический характер образования М.М. Сперанского в области права (и не только) как рукописный каталог его собрания книг, хранящийся в Российской национальной библиотеке [15, с. 18–25]. Самый большой раздел библиотеки – «Rechtswissenschaft» (Правовая наука) – включал 358 наименований изданий. Древнейшие из них – Салические законы начала VI в. н.э. Тщательно изучал М.М. Сперанский и Дигесты Юстиниана Великого (533 год). На их основе он в дальнейшем подготовил научный труд: «О несовместимости юстинианской системы с российским законодательством». Вместе с тем он учел опыт Юстиниана при кодификации российского законодательства [2, с. 155–170].

В собрании книг М.М. Сперанского были представлены труды, пожалуй, всех известных европейских юристов первой трети XIX века. Библиотека, кроме того, включала все французские кодексы, в том числе два парижских издания разных лет кодекса Наполеона 1804 года.

М.М. Сперанский, судя по всему, достаточно четко разделял идеи права и государства. Это нашло отражение и в его библиотеке. В ней, помимо названного выше раздела «Правовая наука» присутствует другая самостоятельная и объемная часть под названием «(Staatswissenschaft)» (наука о государстве). Здесь хранилось 210 наименований научных работ европейских ученых, в том числе часто цитируемые ученым сочинения Ш.-Л. Монтескье и Никколо Макиавелли. Оба названных мыслителя оставили заметный след в творчестве М.М. Сперанского. Там же мы встретим труды Адама Смита. Опираясь на исторические авторитеты – Платона, Аристотеля, Г. Гроция, С. Пуфендорфа и других, М.М. Сперанский заявлял и обосновывал в своих трудах идеи разделения властей, централизации управления, приоритета закона, подчинение ему всех государственных структур.

В XIX веке образованных людей не надо было убеждать в значимости философии и ее методологической основе по отношению к другим наукам. Естественно, раздел «Philosophie» занимал в книжном фонде ученого достойное место и насчитывал 109 наименований книг. Ему принадлежало два собрания сочинений И. Канта – на немецком и французском языках; сочинения Р. Декарта, Д. Юма, Б. Спинозы, Г.В.Ф. Гегеля, Ф.В.Й. Шеллинга и другие произведения. Именно эти источники, являющие собой вершины философско-правовой мысли, прежде всего труды классиков немецкого идеализма, составили основу философско-правовых идей М.М. Сперанского.

Но, здесь важен не сам по себе факт усвоения М.М. Сперанским фундаментального содержания мировой теории права и правовой мысли, а то, насколько ему удалось это содержание критически переосмыслить и «привить» его к стволу русской правовой традиции, адаптировать к системе национальных нравственно-правовых ценностей. Касаясь этого вопроса, можно отметить то, насколько критически он относился к наследию европейской правовой мысли, очень высоко ценил труды Ш.-Л. Монтескье и его интерпретацию локковской идеи разделения властей. Во многом благодаря трудам М.М. Сперанского эта идея укоренилась на русской почве, пусть в несколько ограниченном виде разделения функций государственной власти (нераздельным источником государственной власти всегда признавалась суверенная воля императора).

Иначе обстояло дело с теорией общественного договора, ставшей основной парадигмой правовой мысли Нового времени. В таком качестве она сохраняла свое влияние и в XIX веке, хотя уже Г. Гегель отвергал идею договорного характера государства, указывая, во-первых, на историческое становление государства, а во-вторых (и это главное), на его нравственную природу, на его значение как «системы нравственного мира» [14, с. 140]. Такой подход,

конечно, в гораздо большей степени соответствовал мировоззрению М.М. Сперанского. Согласно ему, «всеобщий нравственный закон, который есть любовь и который проявляет себя прежде всего в чадолубии, т.е. в семье, определяет человеческую потребность жить сообща. Нравственный закон открывается для М.М. Сперанского как духовная закономерность, в свою очередь, нравственный рост приводит к развитию присущего человеку чувства любви на следующем уровне общежития – государства» [23, с. 41].

Такой подход, выводящий идею государственности из всеобщего нравственного закона, а не из принципа договора, был характерен в XIX веке и для других национально ориентированных мыслителей. Так, крупнейший богослов той эпохи митрополит Филарет (Дроздов) (1782–1867) в изложении своего понимания государства прежде всего сосредоточился на вопросах его нравственной и ценностной сущности: «Государство есть союз свободных нравственных существ, соединившихся между собою с пожертвованием частью своей свободы для охранения и утверждения общими силами закона нравственности, который составляет необходимость их бытия» (цитируется по: [17, с. 294]).

Протоирей Максим Козлов дает всесторонний анализ этого определения, выявляя в нем самые существенные моменты: «Во-первых, московский святитель определяет государство как союз; во-вторых, он именует участников этого союза свободными, подразумевая не только внутреннюю, нравственную свободу, но и некоторую свободу внешнюю, дающую возможность осознанного пребывания в союзе; в-третьих, жертвование частью свободы свидетельствует о наличии верховной власти и необходимости подчинения; в-четвертых, подчеркивается общность интересов участников государственного союза, их единство; наконец, формулируется та основная задача, которую призвано выполнять государство – утверждение закона нравственности. Для святителя Филарета это есть высший закон, освящающий государственную жизнь, сообщающий дух гражданским законам...» [17, с. 294].

С позиции теории общественного договора Т. Гоббса и Дж. Локка цель его состоит в прагматическом стремлении к физической безопасности человека. Такая цель сугубо отрицательна. Святитель Филарет же, напротив, выдвигает в качестве цели государства «охранение и утверждение закона нравственности». Такая нравственная цель имеет полностью позитивную природу.

Созвучно подходу М.М. Сперанского к вопросу о природе государства и государственной власти было и понимание этого вопроса Ф.М. Достоевским [5], который считал, что невозможно от естественного состояния, в котором царит всеобщая вражда между людьми, прийти к государству: из естественного состояния «выйдет страшный вздор», но никак не право и не идея справедливости [12, с. 11]. Право возникает не из стремления к самосохранению, как учила теория общественного договора, а из нравственного совершенствования человека, которое не может состояться без обретения веры в Бога, а значит, и без веры в бессмертие души. Именно эту сторону нравственно-религиозного совершенства – веру в бессмертие души – Ф.М. Достоевский непосредственно связывает с признанием человеком своего внутреннего единства с другими людьми, а значит – с ответственностью перед ними, а значит – с нравственной невозможностью преступления [4; 6; 7; 8; 21, с. 246–256; 28, с. 179–191].

Сложившимся государством, по М.М. Сперанскому, движут и управляют три силы: законодательная, исполнительная и судебная. Начало их и источник – народ, поскольку он представляет собой не что иное, как единство нравственных и физических сил людей «в отношении общежития». Соединенное действие этих сил составляет «державную власть». Конкретный образ правления у каждого народа обуславливается степенью его гражданского развития. В основе прогресса общества лежит стремление к политической свободе. Спротивление державной власти естественному ходу вещей лишь «воспалает страсти и производит волнения, но не останавливает перелома». Следование же естественному закону, напротив, составляет сущность того, что философ называет «истинной монархией».

Учение об истинной монархии было изложено М.М. Сперанским в таких работах как «Введение к Уложению государственных законов», «Руководство к познанию законов», в рукописях по философии права. В истинной монархии «законодательное сословие», по его

мнению, должно быть устроено так, «чтобы оно не могло совершить своих положений без державной власти, но, чтобы мнение его было свободно и выражало мнение народное... Власть исполнительная была бы поставлена в ответственность от власти законодательной».

Видя истинную монархию идеалом для России, М.М. Сперанский, однако, предостерегал против насильственных преобразований (напомним, что он был членом Верховного уголовного суда над декабристами), выступая за поэтапные реформы. Еще и поэтому его можно рассматривать как раннего идеолога именно реформационного пути преобразования России. М.М. Сперанский писал: «Разрушив прежний порядок вещей, хотя и несовершенный, но с привычками народа сообразный, если порядок, вновь установленный, не будет обеспечен разумом исполнителей, он по необходимости родит во всех классах народа тем важнейшее неустройство, что все, и самые обыкновенные упущения ему будут приписаны» [32, с. 174]. Если же государственная власть, имеющая источником волю народа, не предоставляет подданным никаких прав, государство попадает в полное рабство, устанавливается деспотизм и такое государство не может называться истинной монархией.

Влияние идей и самой личности М.М. Сперанского на последующее развитие правовой системы в России важно еще и со стороны формирования отечественной философско-правовой школы. Д.И. Луковская и Е.В. Тимошина, говоря о ее истории, начало которой было положено трудами М.М. Сперанского, обращают внимание на ряд значимых идей ученого, получивших преемственное развитие в рамках Петербургской школы философии права, включая и работы ее современных представителей: «К числу таких идей относятся представления о государстве как специфическом виде организованной правом социальной группы, правовом характере публичной власти как ее существенном и необходимом признаке, о коррелятивной связи правомочий и правовых обязанностей и др.» [20, с. 5].

Трудно указать другое имя в нашей истории, носитель которого оказал большее влияние на развитие российского права и продолжает его оказывать до настоящего времени [19; 22, с. 33; 31; 34; 36]. Без сомнения, М.М. Сперанского нужно включить в число «отцов» Великих реформ Александра II, так как он своими идеями в духе просвещенного консерватизма и опытом осторожных реформ в первый период царствования Александра I, своей масштабной работой по кодификации российского законодательства, равной которой не знала Европа, сделал возможным комплексный и систематический характер преобразований в России уже во вторую половину XIX столетия [3, с. 880–897].

Не следует забывать и том, что М.М. Сперанский был наставником будущего царя-реформатора в области права и государственного управления [22, с. 121, 122; 25, с. 59–64]. Его назначили главным преподавателем юридических дисциплин для цесаревича Александра в 1835 году, для обучения которого М.М. Сперанский подготовил учебник, охватывающий основные положения правоведения [1]. В дальнейшем, на базе этого учебника была выпущена книга «Руководство к познанию законов» [33]. Без столь фундаментальной подготовки Александра II в области юридической науки его реформы вряд ли имели бы столь последовательный и системный характер.

Но, разумеется, в первую очередь были важны политико-правовые и философско-правовые идеи великого мыслителя. Так, выдвинутая М.М. Сперанским идея делегирования государством части прав гражданскому обществу, при том, что источником суверенной власти государства в конечном итоге является народ, может рассматриваться как своего рода идейное основание последующей судебной реформы и реформы местного самоуправления в России. Идеи М.М. Сперанского о реформе законодательной власти были, хотя и с весьма значительными ограничениями, реализованы еще при его жизни в виде Государственного совета, учрежденного Александром I в 1810 году. Определенные черты его идей можно также разглядеть в цензурной реформе Александра II, допустившей для широкого ряда изданий, начала редакторской самоцензуры с последующей государственной цензурой (взамен цензуры предварительной).

В настоящее время идеи и исторический опыт М.М. Сперанского продолжают оказывать влияние и на современную практику законодательства [18, с. 15; 35], оставаясь, таким образом, безусловно актуальными и своевременными.

Библиографический список

1. *Александрова А.Р., Кузнецов Э.В.* Учебник по праву для императора (к истории ренессанса российского правоведения) // *Юридическая наука: история и современность.* – 2019. – № 2. – С. 47–54.
2. *Андреева Т.В.* Концептуальные подходы М.М. Сперанского к истории систематизации российского законодательства в XVIII веке // *Михаил Михайлович Сперанский в российской правовой и исторической науке: к 250-летию со дня рождения: Сборник научных трудов. Сер. «Историческое правоведение».* – СПб.: Президентская библиотека, 2021. – С. 155–171.
3. *Андреева Т.В.* Проекты административных реформ М.М. Сперанского в сравнительной ретроспективе царствований Александра Первого и Николая Первого // *Quaestio Rossica.* – 2023. – Т. 11. – № 3. – С. 880–898.
4. *Бастрыкин А.И., Сальников В.П.* Идея человека в учении Ф.М. Достоевского о праве и государстве // *Вестник института права Башкирского государственного университета.* – 2021. – № 4. – С. 9–19.
5. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / *Вступительное слово профессора А. Александрова. 2-е изд., испр., доп.* – СПб.: Фонд «Университет», 2023. – 456 с.
6. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Человек и народ как высшие ценности в философии права Ф.М. Достоевского // *Юридическая наука: история и современность.* – 2021. – № 3. – С. 165–172.
7. *Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Захарцев С.И.* Система нравственно-правовых ценностей в наследии Ф.М. Достоевского // *Юридическая орбита.* – 2021. – № 1. – С. 32–37.
8. *Ващенко А.Н., Сальников В.П., Бердников И.В.* Идея абсолютного добра в учении о человеке Ф.М. Достоевского // *Modernity: человек и культура: Сборник материалов XXV научно-практической конференции / Отв. ред. В.А. Егоров.* – СПб., 2023. – С. 66–70.
9. *Высочков Л.В.* Записки и проекты М.М. Сперанского в историографии отечественного историкоправедения // *Петербургский исторический журнал.* – 2022. – № 3 (35). – С. 221–238.
10. *Высочков Л.В.* Рукописное наследие М.М. Сперанского 1825–1839 гг. к проблеме изучения и публикации // *Science SPbU-2020: Сборник материалов Международной конференции по естественным и гуманитарным наукам.* – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2021. – С. 1335–1336.
11. *Высочков Л.В.* «Теперь все знают, чем я, чем Россия, ему обязаны...»: Николай I и Михаил Сперанский // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки.* – 2023. – № 1. – С. 81–87.
12. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 30, кн. 1. Письма 1878 – 1881. – Л.: Наука, 1988. – 455 с.
13. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* М.М. Сперанский: энциклопедист, реформатор и педагог // *Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (К 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): сборник статей / Отв. ред. В.В. Лазарев.* – М.: ИЗиСП при Правительстве РФ: Норма: ИНФРА-М, 2024. – С. 17–28. – в кн. 280 с. – DOI 10.12737/2090021.
14. *Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева.* – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
15. *Иконникова И.С.* М.М. Сперанский в интерьере личной библиотеки и правовая жизнь российского общества // *Мир политики и социологии.* – 2012. – № 11. – С. 18–25.
16. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Философия Ф.М. Достоевского как источник суверенной российской философии права // *Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х чч. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова.* – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 83–92.
17. *Козлов М.* Святой митрополит московский Филарет о государстве, обществе, культуре // *Богословский вестник.* – 2018. – Т. 28. – № 1. С. 293–321.
18. *Крашенинников П.В.* Предисловие // *Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (к 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): Сборник статей.* – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – С. 13–16.

19. Крашенинников П.В. Семь жизней графа Михаила Сперанского. Биография реформатора России. – М.: Эксмо, 2021. – 216 с.
20. Луковская Д.И., Тимошина Е.В. М.М. Сперанский и петербургская школа философии права // Систематизация в праве: «Волшебное стекло» кодификатора (к 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): Труды международной научно-практической конференции / Под общей редакцией Д.И. Луковской. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2023. – С. 5–12.
21. Масленников Д.В., Сальников В.П., иеромонах Филарет (И.В. Бердников). Идея Бога в творчестве Ф.М. Достоевского // Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна: монография / Под общ. ред. Д.В. Масленникова. – СПб.: РХГА, 2023. – С. 220–259.
22. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с.
23. Павлова С.В. Государственно-правовая теория М.М. Сперанского // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (к 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): Сб. статей. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – С. 40–45.
24. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 423 с.
25. Репинский К.Г. Записка о юридических беседах М.М. Сперанского с наследником великим князем Александром Николаевичем // Михаил Михайлович Сперанский в российской правовой и исторической науке: к 250-летию со дня рождения: Сборник научных трудов. Сер. «Историческое правоведение». – СПб.: Президентская библиотека, 2021. – С. 59–64.
26. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Прокофьев К.Г. Философские и богословские предпосылки суверенности философии права России: ценностные и нравственные аспекты // Теория государства и права. – 2024. – № 2-1 (37). – С. 186–195.
27. Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х чч. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 176–187.
28. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Бессмертие души как стержневая идея в учении Ф.М. Достоевского о праве и нравственности // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 5. – С. 179–192.
29. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г. Теоретические и духовно-нравственные предпосылки истинной суверенности философии права России // Теория государства и права. – 2024. – № 3 (38). – С. 196–211.
30. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185–193.
31. Смирнов А.Ф. Сперанский. Великий государственный человек / Науч. ред. А.В. Манько. – М.: Вече, 2022. – 464 с.
32. Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л.: Академия наук СССР, 1961. – 244 с.
33. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А.Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2002. – 680 с.
34. Томсинов В.А. Сперанский. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 451 с.
35. Хабриева Т.Я. К читателю // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (К 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): Сборник статей / По материалам IX Общероссийского годового собрания теоретиков права (16 февраля 2022 г., Москва) // Отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: ИЗиСП при Правительстве РФ: Норма: ИНФРА-М, 2024. – С. 7–12.
36. Чибиряев С.А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. – М.: Наука, 1989. – 215 с.

Для цитирования: Масленников Д.В. Сальников В.П., Меликов А.Ш. Правовые идеи М.М. Сперанского в традиции русской философии права: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 138–143.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_138

LEGAL IDEAS OF M.M. SPERANSKY IN THE TRADITION OF RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW *

Dmitry V. Maslennikov**

Victor P. Salnikov***

Ali Sh. Melikov****

Annotation. *The article considers the question of the reflection of philosophical-legal ideas of M.M. Speransky in the Russian philosophy of law. It is justified that the set of ideas of M.M. Speransky can be considered a historical model of the sovereign philosophy of law in Russia, taking into account, on the one hand, the actualization of all previous experience of legal creation and legal thought, and on the other hand, the moral-legal traditions of the Russian state. The philosophy of law of M.M. Speransky found its further implementation both in the practice of law making, including legal support of the Great Reforms of Alexander II, and in the formation of a national tradition of critical philosophical-legal thought.*

Key words: *Speransky, Metropolitan Filaret, Dostoyevsky, reforms, paradigm of right-wing thought, sovereign philosophy of law.*

The revival and strengthening of the sovereignty of the Russian state is impossible without the formation of a sovereign philosophy of law, which can allow to implement legal policy re-flexion based on the system of spiritual and moral values of Russia. In such a case the philosophy of law becomes a way of self-consciousness of the state as an unaccountable subject of world-historical purpose [16; 24, pp. 10–26; 26; 27; 30]. This philosophy of law should be composed from two sources: first, from creatively meaningful experience of the world classical legal and philosophical-legal thought; second, from the whole system of national traditions of legal thought [14, pp. 7–8]. Moreover, the sovereign philosophy of law cannot be limited to a purely academic interest in deducing the foundations of law from the absolute unity of being [29, p. 198], but must have clearly expressed practical-oriented attitudes.

Today, one can debate whether the Marxist philosophy of law in the Soviet Union met this criterion and to what extent it was developed. It seems to us that the complex of ideas of M.M. Speransky can be considered a historical example of the sovereign philosophy of law of Russia [13]. Despite all its fragmentation and apparent unsystematic nature, we are dealing with the legacy of a scholar who covered all the most important content of world legal thought and critically rethought it taking into account national interests, which is undoubtedly recognized by all researchers [9, pp. 221–237; 10, pp. 1335–1336].

The depth and scale of the perception of the world heritage in the field of the history of law and the history of legal thought is evidenced by the creative activity of M.M. Speransky himself [11, pp. 81–86]. But at the same time, one can also point to such a document confirming the encyclopedic nature of M.M. Speransky in the field of law (and not only) as a handwritten catalog of his book collection, stored in the Russian National Library [15, pp. 18–25]. The largest section of the library –

* The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation. № 24-28-01074, <https://rscf.ru/project/24-28-01074/>; Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky.

** **Maslennikov Dmitry Vladimirovich**, Rector's Advisor of the Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky; Chief Researcher, Department of Theory and History of State and Law, Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute" (St. Petersburg), Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg). E-mail: dwm61@inbox.ru

*** **Salnikov Victor Petrovich**, Professor of the Military Order of Zhukov Academy of Troops of the National Guard of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Academician RAEN, Honorary Officer of Science of the Russian Federation, Honorary Fellow of the Higher Professional Education of Russian Federation Asian Federation (S. Petersburg). E-mail: Fonduniver@bk.ru

**** **Melikov Ali Shahinovic**, Chief Operative Commissioner of the Criminal Investigation Division of the Police Line Branch at the Saint-Petersburg-Ladozhsky Station of the Saint-Petersburg Line Directorate of the Russian MIA for transport. E-mail: melikov474747@mail.ru

Theory of State and Law

"Rechtswissenschaft" (Legal Science) – included 358 titles. The oldest of them are the Salic Laws of the early 6th century AD. M.M. Speransky also carefully studied the Digest of Justinian the Great (533). On their basis, he later prepared a scientific work: "On the Incompatibility of the Justinian System with Russian Legislation." At the same time, he took into account Justinian's experience when codifying Russian legislation [2, pp. 155–170].

The collection of books by M.M. Speransky included the works of perhaps all the famous European lawyers of the first third of the 19th century. The library also contained all the French codes, including two Parisian editions of the Napoleonic Code of 1804, from different years.

M.M. Speransky, apparently, quite clearly distinguished the ideas of law and state. This was reflected in his library. In addition to the above-mentioned section "Legal Science", there is another independent and voluminous section called "(Staatswissenschaft)" (science of the state). It contained 210 titles of scientific works by European scientists, including the works of Ch.-L. Montesquieu and Niccolo Machiavelli, often cited by the scientist. Both of these thinkers left a noticeable mark on the work of M.M. Speransky. There we will also find the works of Adam Smith. Relying on historical authorities – Plato, Aristotle, G. Grotius, S. Pufendorf and others, M.M. Speransky declared and substantiated in his works the ideas of separation of powers, centralization of governance, the priority of the law, and the subordination of all state structures to it.

In the 19th century, educated people did not need to be convinced of the importance of philosophy and its methodological basis in relation to other sciences. Naturally, the section "Philosophie" occupied a worthy place in the scholar's book collection and numbered 109 book titles. He owned two collections of works by I. Kant – in German and French; works by R. Descartes, D. Hume, B. Spinoza, G.W.F. Hegel, F.W.J. Schelling and other works. It was these sources, representing the pinnacle of philosophical and legal thought, primarily the works of the classics of German idealism, that formed the basis of the philosophical and legal ideas of M.M. Speransky.

But here, the fact of assimilation of M.M. Speransky is not important in itself of the fundamental content of the world theory of law and legal thought, but the extent to which he managed to critically rethink this content and "graft" it onto the trunk of the Russian legal tradition, adapt it to the system of national moral and legal values. Touching on this issue, it can be noted how critically he treated the legacy of European legal thought, highly valued the works of C.-L. Montesquieu and his interpretation of Locke's idea of separation of powers. Largely due to the works of M.M. Speransky, this idea took root on Russian soil, albeit in a somewhat limited form of separation of functions of state power (the sovereign will of the emperor was always recognized as an inseparable source of state power).

The situation was different with the theory of social contract, which became the main paradigm of legal thought of the New Age. In this capacity, it retained its influence in the 19th century, although G. Hegel already rejected the idea of the contractual nature of the state, pointing, firstly, to the historical formation of the state, and secondly (and this is the main thing), to its moral nature, to its significance as a "system of the moral world" [14, p. 140]. This approach, of course, corresponded to a much greater extent to the worldview of M.M. Speransky. According to him, "the universal moral law, which is love and which manifests itself primarily in love for children, i.e. in the family, determines the human need to live together. The moral law is revealed to M.M. Speransky as a spiritual pattern, in turn, moral growth leads to the development of the feeling of love inherent in man at the next level of community life – the state" [23, p. 41]. This approach, which derives the idea of statehood from the universal moral law, and not from the principle of contract, was characteristic of other nationally oriented thinkers in the 19th century. Thus, the greatest theologian of that era, Metropolitan Philaret (Drozdov) (1782–1867), in presenting his understanding of the state, focused first of all on the issues of its moral and value essence: "The state is a union of free moral beings united with each other by sacrificing part of their freedom for the protection and affirmation by common forces of the law of morality, which constitutes the necessity of their existence" (quoted from: [17, p. 294]).

Archpriest Maxim Kozlov gives a comprehensive analysis of this definition, identifying the most essential points in it: "Firstly, the Moscow saint defines the state as a union; "Secondly, he calls the participants of this union free, implying not only internal, moral freedom, but also some external freedom, which makes it possible to consciously remain in the union; Thirdly, the sacrifice of part of

freedom testifies to the presence of supreme power and the need for submission; Fourthly, the community of interests of the participants of the state union, their unity, is emphasized; finally, the main task that the state is called upon to fulfill is formulated – the establishment of the law of morality. For Saint Philaret, this is the highest law, sanctifying state life, imparting spirit to civil laws..." [17, p. 294].

From the standpoint of the social contract theory of T. Hobbes and J. Locke, its goal is a pragmatic desire for the physical safety of man. Such a goal is purely negative. Saint Philaret, on the contrary, puts forward as the goal of the state "the protection and affirmation of the law of morality." Such a moral goal has a completely positive nature.

Consonant with the approach of M.M. Speransky to the question of the nature of the state and state power was the understanding of this issue by F.M. Dostoevsky [5], who believed that it is impossible to come from a natural state in which universal hostility reigns between people to a state: from a natural state "terrible nonsense will come", but in no way law and not the idea of justice [12, p. 11]. Law does not arise from the desire for self-preservation, as the theory of the social contract taught, but from the moral improvement of man, which cannot take place without acquiring faith in God, and therefore without faith in the immortality of the soul. It is precisely this aspect of moral and religious perfection – faith in the immortality of the soul – that F. M. Dostoevsky directly connects with man's recognition of his inner unity with other people, and therefore with responsibility to them, and therefore with the moral impossibility of crime [4; 6; 7; 8; 21, pp. 246–256; 28, pp. 179–191].

According to M. M. Speransky, the established state is driven and governed by three forces: legislative, executive and judicial. Their beginning and source is the people, since they represent nothing other than the unity of the moral and physical forces of people "in relation to community life". The combined action of these forces constitutes "sovereign power". The specific form of government for each nation is determined by the degree of its civil development. The basis of the progress of society is the desire for political freedom. Resistance of the sovereign power to the natural course of events only "inflames passions and produces unrest, but does not stop the turning point." Following the natural law, on the contrary, is the essence of what the philosopher calls "true monarchy."

The doctrine of true monarchy was set forth by M.M. Speransky in such works as "Introduction to the Code of State Laws," "Guide to Understanding Laws," and in manuscripts on the philosophy of law. In a true monarchy, in his opinion, the "legislative class" should be structured "so that it could not implement its provisions without sovereign power, but so that its opinion would be free and express the opinion of the people... The executive power would be made responsible from the legislative power."

Seeing true monarchy as an ideal for Russia, M.M. Speransky, however, warned against violent reforms (let us recall that he was a member of the Supreme Criminal Court over the Decembrists), advocating for gradual reforms. This is also why he can be considered an early ideologist of the reformist path of transforming Russia. M.M. Speransky wrote: "Having destroyed the previous order of things, although imperfect, but consistent with the habits of the people, if the newly established order is not provided by the intelligence of the executors, it will necessarily give rise to the most serious disorder in all classes of the people, that everything, even the most ordinary omissions, will be attributed to it" [32, p. 174]. If state power, having the will of the people as its source, does not grant subjects any rights, the state falls into complete slavery, despotism is established and such a state cannot be called a true monarchy.

The influence of the ideas and personality of M.M. Speransky on the subsequent development of the legal system in Russia is also important from the point of view of the formation of the domestic philosophical and legal school. D.I. Lukovskaya and E.V. Timoshina, speaking about its history, which began with the works of M.M. Speransky, draw attention to a number of significant ideas of the scientist, which received successive development within the framework of the St. Petersburg school of legal philosophy, including the works of its modern representatives: "Such ideas include the concept of the state as a specific type of social group organized by law, the legal nature of public authority as its essential and necessary feature, the correlative relationship of powers and legal obligations, etc." [20, p. 5].

It is difficult to point to another name in our history, the bearer of which had a greater influence on the development of Russian law and continues to have it to this day [19; 22, p. 33; 31; 34; 36]. Without a doubt, M.M. Speransky should be included among the “fathers” of the Great Reforms of Alexander II, since with his ideas in the spirit of enlightened conservatism and experience of cautious reforms in the first period of the reign of Alexander I, his large-scale work on the codification of Russian legislation, the likes of which Europe had never seen, he made possible the complex and systematic nature of the transformations in Russia already in the second half of the 19th century [3, pp. 880–897].

It should not be forgotten that M.M. Speransky was the mentor of the future tsar-reformer in the field of law and public administration [22, pp. 121,122; 25, pp. 59–64]. He was appointed the main teacher of legal disciplines for Tsarevich Alexander in 1835, for whose education M.M. Speransky prepared a textbook covering the basic provisions of jurisprudence [1]. Later, on the basis of this textbook, the book “A Guide to Understanding the Laws” was published [33]. Without such fundamental training of Alexander II in the field of legal science, his reforms would hardly have had such a consistent and systemic character.

But, of course, first of all, the political-legal and philosophical-legal ideas of the great thinker were important. Thus, the idea put forward by M.M. Speransky's idea of delegating some rights by the state to civil society, given that the source of the state's sovereign power is ultimately the people, can be considered a kind of ideological basis for the subsequent judicial reform and local government reform in Russia. M.M. Speransky's ideas on legislative reform were, albeit with very significant limitations, implemented during his lifetime in the form of the State Council established by Alexander I in 1810. Certain features of his ideas can also be discerned in the censorship reform of Alexander II, which allowed for a wide range of publications the beginning of editorial self-censorship with subsequent state censorship (instead of preliminary censorship).

At present, the ideas and historical experience of M.M. Speransky continue to influence modern lawmaking practice [18, p. 15; 35], thus remaining undoubtedly relevant and timely.

Bibliographic list

1. Aleksandrova A.R., Kuznetsov E.V. Textbook on law for the emperor (on the history of the Renaissance of Russian jurisprudence) // *Legal science: history and modernity*. 2019. No. 2. P. 47–54.
2. Andreeva T.V. Conceptual approaches of M.M. Speransky to the history of systematization of Russian legislation in the 18th century // *Mikhail Mikhailovich Speransky in Russian legal and historical science: on the 250th anniversary of his birth: Collection of scientific papers. Series "Historical jurisprudence"*. St. Petersburg: Presidential Library, 2021. P. 155–171.
3. Andreeva T.V. Projects of administrative reforms of M.M. Speransky in a comparative retrospective of the reigns of Alexander I and Nicholas I // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11. No. 3. P. 880–898.
4. Bastrykin A.I., Salnikov V.P. The idea of \u200b\u200bman in the teachings of F.M. Dostoevsky on law and state // *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*. 2021. No. 4. P. 9–19.
5. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The idea of \u200b\u200bGood in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the philosophy of law (on the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) / Introduction by Professor A. Alexandrov. 2nd ed., corrected, add. St. Petersburg: University Foundation, 2023. 456 p.
6. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Man and people as the highest values in the philosophy of law of F.M. Dostoevsky // *Legal science: history and modernity*. 2021. No. 3. P. 165–172.
7. Bastrykin A.I., Salnikov V.P., Zakhartsev S.I. The system of moral and legal values in the legacy of F.M. Dostoevsky // *Legal orbit*. 2021. No. 1. P. 32–37.
8. Vashchenko A.N., Salnikov V.P., Berdnikov I.V. The idea of absolute good in the doctrine of man by F.M. Dostoevsky // *Modernity: Man and Culture: Collection of materials from the XXV scientific and practical conference* / Ed. V. A. Egorov. St. Petersburg, 2023. Pp. 66–70.
9. Vyskochkov L. V. Notes and projects of M. M. Speransky in the historiography of domestic source studies // *Petersburg Historical Journal*. 2022. No. 3 (35). Pp. 221–238.
10. Vyskochkov L. V. Manuscript legacy of M. M. Speransky 1825–1839 to the problem of study and publication // *Science SPbU-2020: Collection of materials from the International conference on natural sciences and humanities*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2021. Pp. 1335–1336.

11. Vyskochkov L.V. "Now everyone knows what I, what Russia, owe to him...": Nicholas I and Mikhail Speransky // Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2: Art Criticism. Philological Sciences. 2023. No. 1. P. 81–87.
12. Dostoevsky F.M. Complete Works in Thirty Volumes / USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House). Vol. 30, book 1. Letters 1878–1881. Leningrad: Science Leningrad Branch, 1988. 455 p.
13. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. M.M. Speransky: encyclopedist, reformer and teacher // Legislation in the arrangement of Russian life: history and modernity (On the 250th anniversary of the birth of Mikhail Mikhailovich Speransky): collection of articles / Based on the materials of the IX All-Russian annual meeting of legal theorists (February 16, 2022, Moscow, IZiSP) / T.Ya. Khabrieva, P.V. Krasheninnikov, S.I. Zakhartsev et al.; ed. V.V. Lazarev. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma: INFRA-M, 2024. Pp. 17–28.
14. The idea of freedom. Law. Morality (classical and post-classical philosophy of law): Monograph / Ed. by Dr. of Law S.I. Zakhartsev. Moscow: Yurlitinform, 2020. 288 p.
15. Ikonnikova I.S. M.M. Speransky in the interior of a personal library and the legal life of Russian society // The world of politics and sociology. 2012. No. 11. P. 18–25.
16. Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Philosophy of F.M. Dostoevsky as a source of sovereign Russian philosophy of law // Human rights in the dialogue between state authorities and civil society: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to Human Rights Day (Ufa, December 10, 2020). In 2 parts. Part 1 / Ed. E.O. Tulupova. Ufa: RIC BashSU, 2020. Pp. 83–92.
17. Kozlov M. Saint Metropolitan Filaret of Moscow on the state, society, culture // Theological Bulletin. 2018. Vol. 28. No. 1. Pp. 293–321.
18. Krasheninnikov P.V. Preface // Legislation in the arrangement of Russian life: history and modernity (on the 250th anniversary of the birth of Mikhail Mikhailovich Speransky): Collection of articles. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. Pp. 13–16.
19. Krasheninnikov P.V. Seven lives of Count Mikhail Speransky. Biography of the reformer of Russia. Moscow: Eksmo, 2021. 216 p.
20. Lukovskaya D.I., Timoshina E.V. M.M. Speransky and the St. Petersburg school of legal philosophy // Systematization in law: The "magic glass" of the codifier (on the 250th anniversary of the birth of Mikhail Mikhailovich Speransky): Proceedings of the international scientific and practical conference / Under the general editorship of D.I. Lukovskaya. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2023. P. 5–12.
21. Maslennikov D.V., Salnikov V.P., Hieromonk Philaret (I.V. Berdnikov). The Idea of God in the Works of F.M. Dostoevsky // The Idea of God and the Image of Theology in the Philosophical Discourses of Mature Modernism and Postmodernism: Collective Monograph / Under the general editorship of D.V. Maslennikov. St. Petersburg: RHGA, 2023. P. 220–259.
22. The Ministry of Internal Affairs of Russia. 1802 – 2002: Historical essay in 2 volumes. Volume 1 / Under the general editorship of V.P. Salnikov; Gryzlov B.K., Salnikov V.P., Strelnikov A.A., Ryskin L.B., Glushachenko S.B., Aleksandrov A.I., Nizhnik N.S. St. Petersburg: University Foundation, 2002. 272 p.
23. Pavlova S.V. State and legal theory of M.M. Speransky // Legislation in the structure of Russian life: history and modernity (on the 250th anniversary of the birth of Mikhail Mikhailovich Speransky): Coll. articles. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. P. 40–45.
24. Political and legal governance and threats to state sovereignty: Monograph / Ed. by V.P. Salnikov. – 2nd ed., corrected. and add. Moscow: INFRA-M, 2024. 423 p.
25. Repinsky K.G. Note on the legal conversations of M.M. Speransky with the heir, Grand Duke Alexander Nikolaevich // Mikhail Mikhailovich Speransky in Russian legal and historical science: on the 250th anniversary of his birth: Collection of scientific papers. Series "Historical Jurisprudence". St. Petersburg: Presidential Library, 2021. Pp. 59–64.
26. Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Prokofiev K.G. Philosophical and Theological Prerequisites for the Sovereignty of the Philosophy of Law of Russia: Value and Moral Aspects // Theory of State and Law. 2024. No. 2-1 (37). P. 186–195.
27. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Morozov A.I. Man in the System of Moral and Legal Values and the Task of Forming a Sovereign Philosophy of Law // Human Rights in the Dialogue between State Authority and Civil Society: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to Human Rights Day (Ufa, December 10, 2020). In 2 parts. Part 1 / Ed. E.O. Tulupova. Ufa: RIC BashSU, 2020. P. 176–187.

28. Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V. Immortality of the soul as a core idea in F.M. Dostoevsky's teachings on law and morality // *Legal science: history and modernity*. 2021. No. 5. P. 179–192.

29. Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G. Theoretical and spiritual-moral prerequisites for the true sovereignty of the philosophy of law of Russia // *Theory of state and law*. 2024. No. 3 (38). P. 196–211.

30. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V. Development of the Idea of Absolute Freedom in Classical Russian Philosophy as a Source of Sovereign Philosophy of Law // *Legal Science: History and Modernity*. 2019. No. 12. P. 185–193.

31. Smirnov A.F. Speransky. The Great Statesman / Scientific ed. A.V. Man'ko. Moscow: Veche, 2022. 464 p.

32. Speransky M.M. Projects and Notes. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1961. 244 p.

33. Speransky M.M. Guide to Understanding the Laws / Responsible ed. V.P. Salnikov, Yu.A. Sandulov. Series: Classics of the History and Philosophy of Law. St. Petersburg: Lan, 2002. 680 p.

34. Tomsinov V.A. Speransky. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2006. 451 p.

35. Khabrieva T.Ya. To the Reader // *Legislation in the Arrangement of Russian Life: History and Modernity (On the 250th Anniversary of the Birth of Mikhail Mikhailovich Speransky): Collection of Articles / Based on the Materials of the IX All-Russian Annual Meeting of Legal Theorists (February 16, 2022, Moscow, IZiSP) / T.Ya. Khabrieva, P.V. Krasheninnikov, S.I. Zakhartsev et al.; ed. V.V. Lazarev. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma: INFRA-M, 2024. P. 7–12.*

36. Chibiryaev S.A. The Great Russian Reformer. Life, Work, Political Views of M.M. Speransky. Moscow: Nauka, 1989. 215 p.

For citation: Maslennikov D.V., Salnikov V.P., Melikov A.Sh. Legal ideas of M.M. Speransky in the tradition of Russian philosophy of law: article // *Theory of state and law*. 2024. No. 4 (41). P. 144–149.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_138

Научная статья

УДК 340.1

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_150

П.А. Оль*

СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА И СУВЕРЕННОСТЬ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВЕКТОРЫ НЕИЗБЕЖНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

***Аннотация.** Рассматривается вопрос о степени актуальности в условиях существующего мироустройства традиционной политико-правовой интерпретации смыслового содержания категории «государственный суверенитет». Существование суверенной власти автором связывается с пониманием ее самостоятельности, со способностью принятия ответственных самостоятельных решений, что является условием её субъектности в волевых отношениях. В юридическом плане это волевое качество публичной власти понимается как дееспособность, которая проявляется в разных сферах социальной жизнедеятельности (экономической, культурной, информационной, технологической и т.д.). При этом автор рассматривает национальное единство как фундаментальное необходимое условие публичной субъектности и суверенного существования. В качестве юридической формы внутреннего проявления государственного суверенитета в статье анализируется национальная правовая система. Выделяются её конституционные основы, которые как способ закрепления волеизъявления многонационального народа Российской Федерации определяют динамику функционирования и изменения национальной правовой системы в целом. В этой связи обозначаются два основных вектора неизбежных конституционных преобразований, которые будут определять суверенное качество национальной правовой системы Российской Федерации. Это, прежде всего, совершенствование положений, определяющих единство государственной власти и единство гражданского общества на основе ценностей коллективизма, имеющих приоритетное значение для национального правосознания.*

***Ключевые слова:** государственный суверенитет, государственная власть, гражданское общество, национальное единство, права человека правовая система, разделение властей.*

Введение. Категория «суверенитет» является фундаментальной основой для понимания политических и правовых явлений. Именно поэтому смысловое содержание этой категории подвергается разным идеологическим интерпретациям сообразно объективным историческим процессам и политической конъюнктуре. Из общей теории государства и права мы знаем классическое понятие суверенитета, известное нам по работам М. Падуанского [14; 20; 27; 28; 43], Ж. Бодена [18; 19; 21; 29], Н. Макиавелли [22; 32; 44]. Идея развивалась в трудах их европейских последователей. В основе своей она была принята Вестфальским мирным соглашением, и на этой основе, фактически, выстраивалась в последующем вся система международных отношений [15].

В отечественной правовой науке начала XX в. идея государственного суверенитета концептуально выражена, например, в работах А.С. Яценко, Н.И. Палиенко, Н.А. Захарова. Но и ранее ей, так или иначе, уделялось внимание юристами при исследовании правовых аспектов государственной организации, а также при изучении форм проявления государственной

* **Оль Павел Андреевич**, профессор кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург). E-mail: oprspb@mail.ru

власти Российской Империи в международных отношениях. Формирование советской юридической доктрины суверенитета связано с мировым переустройством после Второй мировой войны, а также с возникновением национально-освободительных движений в мире. Концепция суверенитета была представлена в известной работе И.Д. Левина «Суверенитет», в которой анализировались различные концептуальные подходы и историческая эволюция доктрины суверенитета. На основе исторических обобщений И.Д. Левин определил подходящий для советской правовой доктрины того времени принцип суверенитета как «полновластие и независимость государства» [26, с. 64]. А.Я. Вышинский, также характеризуя суверенитет в теоретико-правовом аспекте, указывал на такие признаки как внутреннее верховенство, внутренняя и внешняя независимость государства [8, с. 8].

Так, по сути, формировалась советская теоретико-правовая конструкция государственного суверенитета, отражающая объективные исторические процессы и требования времени. Соответствующие официальным доктринальным требованиям определения суверенитета вошли во все советские и постсоветские учебники по государственно-правовым, теоретико-правовым дисциплинам, а также по международному праву. Определение государственного суверенитета как внутреннего верховенства и независимости государственной власти во внешних отношениях стало общепринятым – его учат студенты, к нему апеллируют преподаватели.

Вместе с тем, очевидным становится тот факт, что современные публичные интерпретации категории «государственный суверенитет» явно выходят за границы того смыслового содержания, которым эта категория наделялась классиками политико-правовой мысли. При этом существенно расширяется область использования самой категории «суверенитет» [11].

После распада Советского Союза в отечественной юридической науке усматривалась тенденция к нивелированию значения суверенитета как признака государственного существования в условиях глобализации [41]. Но в современных условиях становится очевидным, что обращение к концепции суверенитета становится актуальным, как и во все переломные исторические моменты. О суверенитете идет речь на высшем уровне государственной власти, о необходимой суверенизации Российской Федерации в разных сферах неоднократно заявлял глава государства. Но, в этой связи и смысловое содержание категории «государственный суверенитет» требует доктринального определения, становится необходимым нормативное правовое выражение, основанное на переосмыслении исторического опыта и обусловленное актуальными ценностными ориентирами, которые свойственны современному общественному сознанию. При этом юридический аспект такой суверенизации представляется нам не только через понимание субъектности в международных (межгосударственных) правовых отношениях, но также и через понятие национальной правовой системы, посредством оценки таких ее качеств как автономность, самодостаточность, самобытность, единство, которые способствуют системной целостности, верховенству государственной власти и её внешнему проявлению в волевой самостоятельности.

1. Интерпретация внешнего проявления суверенитета в международном праве.

Концепция суверенитета эволюционировала от понимания суверенитета монарха (государя, представляющего подданных во всём единстве), через концепцию народовластия (народного суверенитета) к пониманию национального суверенитета. При этом национальный суверенитет интерпретируется в контексте трансформации (перехода) волевого множества (народа), как количества, в новое качество волевого единства, то есть в нацию как высшую форму коллективного публичного синтезированного единства. В свою очередь, сама нация, собственно, в юридическом плане, рассматривается как субъектность, существующая в политико-правовой форме во главе с национальным лидером, наделенным особым государственным статусом. Соответственно, прежде всего, в высшей степени общественной (публичной) субъектности исторически проявляется сама сущность суверенитета как феномена. Она свойственна всем его формам, в том числе и политико-правовой форме, которую принято обозначать термином «государственный суверенитет».

Общее юридическое представление о суверенитете связано с доктринальной, теоретико-правовой интерпретацией суверенитета, прежде всего, как сущностного признака государства. Сущностность признаков означает, что рассматриваемое явление, в частности государство, признаётся нами в этих признаках, понимается путём их перечисления как необходимых для полноты понимания. Отсутствие сущностного признака означает, что мы уже имеем дело с каким-то другим явлением, имеющим иной набор признаков. Но если мы пытаемся охарактеризовать многие из существующих политико-правовых форм социальной организации, именуемых сегодня государствами, посредством такого признака как суверенность, то становится очевидным, что этот сущностный признак государства им явно не свойственен. Термин «государство» остался в широком употреблении, но самих государств, в классической государственно-правовой интерпретации, свойственной Вестфальской системе международных отношений, или даже юридическим представлениям начала прошлого века, стало значительно меньше.

После Второй мировой войны с образованием Организации Объединенных Наций, в условиях поляризации мироустройства, термином «государство» стали обозначать и не суверенные правовые формы территориальной организации публичной власти. Это, как правило, политические режимы, управляющие на территориях с исторически проживающим этническим населением и имеющие некоторую автономию внутреннего управления. Такие организационные формы на основании рекомендации Совета Безопасности ООН и решения Генеральной Ассамблеи ООН формально-юридически стали признаваться государствами и через это признание их государственности наделяться международной правосубъектностью. Фактически появились так называемые «не суверенные государства» и «государства с ограниченным суверенитетом». Но, тем не менее, вместе с государственностью формально-юридически, признается и их суверенность как неотъемлемый признак государства. Следствием функционирования этой юридической конструкции стало то, что такой классический сущностный признак государства как суверенитет подвергается разным конъюнктурным интерпретациям. Суверенитет стал рассматриваться, прежде всего, в политологическом плане уже не как качественная, а как количественная категория. Теперь в политологических и политических интерпретациях допускается возможность существования суверенных и не суверенных государств.

Следуя такой логике, можно также рассматривать возможность существования «очень суверенных» (сверх суверенных) государств и государств суверенных, но не в полной мере и т.д. По сути, смысловое содержание категории «суверенитет» отождествляется с юридическим понятием правоспособности, которая должна предполагать определенное соотношение волевых качеств субъекта с правовой формой [23]. Но на такой формально-юридической основе в международных отношениях фактически сложился институт государственной «опеки» (покровительства) и представительства интересов. Недееспособное лицо, не обладающее возможностью самостоятельно принимать решения, тем не менее, с момента формально-юридического международного признания обладает субъективными правами и обязанностями в статусе государства. Фактически реализовывать эти права самостоятельно оно не может, а еще хуже дело обстоит с субъективными обязанностями и ответственностью.

Права и иные субъективные возможности как бы реализуются через «опекунов» – дееспособных представителей интересов недееспособного лица. Но это уже не формально-юридическая, а, как правило, политическая сторона проблемы, поэтому «опекуны» не несут юридической ответственности за поведение их недееспособных подопечных. Таким образом, так называемые «не суверенные государства», используются (эксплуатируются) фактически в качестве средств, при достижении целей дееспособных лиц, которыми как раз и являются «полностью суверенные государства». Это удобная формально-юридическая конструкция, используемая в рамках отношений, которые политики и политологи определяют как «неоколониализм». Суверенитет, в конечном счёте, стал юридической фикцией, а во многих случаях и юридической формой без реального волевого содержания. Такая концепция суверенитета в практике международных отношений в полной мере отражает

представление о сосуществовании суверенных, ограниченно суверенных и не суверенных, но государств. При этом всем очевидно, что дипломатическое общение и правовое взаимодействие целесообразнее всего выстраивать с теми, кто способен принимать самостоятельные волевые решения, исполнять их и нести ответственность за их осуществление, но в любом случае не с «подопечными» – недееспособными лицами.

Научный юридический аспект проблемы заключается в формировании устойчивых доктринальных представлений о государстве и в ответах на вопросы о смысловом содержании терминов и категорий с ним связанных. В частности, считать ли суверенитет сущностным признаком государства? И считать ли признаком самого суверенитета, например, верховенство публичной власти? Здесь, как говорится, необходимо договориться о понятиях и терминах.

В этой связи нам также следует обратить внимание на такой признак, часто используемый при определении государственного суверенитета, как «независимость». Очевидно, что его использование в отечественной учебной и научной литературе, при характеристике рассматриваемого явления изначально было обусловлено особенностями исторического момента, с которым было связано формирование советской доктрины суверенитета. В этот период актуальными были вопросы независимости от буржуазного и колониального угнетения. То есть, представления о независимости были детерминированы вполне конкретными идеологическими воззрениями той эпохи. С учетом фактора национально-освободительных движений, войн за свободу и национальную независимость, формировалась и доктрина суверенитета.

В современных определениях суверенитета, включающих признак независимости, связь с указанными историческими обстоятельствами и правовой идеологией того времени явно не предполагается. При этом, говоря о независимости государства, сегодня часто имеется в виду некая почти абсолютная абстракция – независимость вообще. Но рассматривая феномен суверенитета, мы, конечно, должны исходить из того, что независимость, как и свобода в данном случае не могут быть полными, абсолютными. Поэтому, когда мы говорим о суверенитете, то ведем речь, скорее всего, о субъектной самостоятельности, всё же ограниченной некими объективными условиями. Подразумеваем способность самостоятельно, по своей собственной воле принимать решение о том, от кого зависеть, а от кого – нет. Любой договор, соглашение сторон – это взаимообусловленность прав и обязанностей, а значит и взаимозависимость связанных договором субъектов. Следовательно, и суверенитет, являясь особым волевым качеством, предполагает именно самостоятельность принятия ответственных государственных решений, но никак не абстрактную независимость.

Очевидно также, что сама возможность самостоятельного принятия решений и существования государства всегда обусловлена его ресурсной самодостаточностью как объективной необходимостью. Но эти ресурсные требования к самостоятельному существованию государств, конечно, не являются исторически неизменными. Государственная самодостаточность, например, средневекового европейского государства определялась феодальным хозяйством и пределами земельных владений, соответствующими требованиями к их управлению, уровнем культурного, в частности, научного развития той эпохи, соответствующим этому уровню организации и потенциалу вооружённой силы. Этого было вполне достаточно для суверенного существования.

Иные требования к самодостаточности, которая обуславливает суверенное существование, сформировались в индустриальную и постиндустриальную эпоху. А позднее с созданием и распространением оружия массового уничтожения и в особенности ядерного вооружения. Всё это способствовало фактическому обособлению государств, понимание субъектной самодостаточности которых, по-прежнему оставалось связано с классическим понятием суверенитета как неотъемлемого признака государства. При этом остальные политико-правовые формы, уже в значительно меньшей степени стали отражать классические доктринальные представления о суверенитете, но также по своему наименованию остались государствами.

С завершением противостояния между двумя военно-политическими блоками, распадом СССР и после так называемого «парада суверенитетов» система международных отношений в реальности стала стремительно меняться в направлении десоверенизации политико-правовых форм, по-прежнему именуемых государствами. Эти субъекты международных отношений попали в сферу материального, идеологического, политического, военного влияния и экстерриториального правового регулирования со стороны «полностью суверенных государств», обладающих наибольшими возможностями. Под угрозой такого внешнего воздействия оказалась и Российская Федерация, что не могло не отразиться, в том числе на формировании и динамике изменений национальной правовой системы, на ее функционировании.

Как противодействие процессу десоверенизации, угрожающему самостоятельному государственному существованию, в 2020 году на высшем государственном уровне при поддержке волеизъявления граждан Российской Федерации «был сделан решающий шаг в развитии не только конституционного законодательства и в целом права как социального института, но и в развитии самой российской государственности и прежде всего – в укреплении государственного суверенитета России» [40, с. 6]. В частности, были закреплены конституционные гарантии суверенности национальной правовой системы, ее приоритетное значение над разными формами внешнего правового воздействия. Кроме того, были скорректированы и закреплены положения о фундаментальных традиционных духовно-нравственных ценностях, объединяющих гражданское общество [1]. Эти положения развиваются в указе главы государства как основы суверенного единства многонационального народа Российской Федерации [2].

2. Правовая система как форма внутреннего проявления государственного суверенитета и неизбежность изменения суверенных основ правовой системы Российской Федерации.

Для нас представляется очевидным, что национальное, в частности гражданское единство – это необходимое основание государственного суверенитета, которое в политико-правовом контексте воспринимается через верховенство государственной власти, принадлежащей нации (единому многонациональному народу). Гражданское единство как основа суверенитета понимается также через такие понятия, как «легитимность власти», «верховенство закона», «равенство всех перед законом». В публичном подчинении единой государственной власти, в её верховенстве, в равенстве перед ней и законом в значительной степени снимаются противоречия частных и корпоративных интересов, публичных и частных. Именно на этих объединяющих началах формируется гражданское общество как единая целостность, как нация, а также государство как политико-правовая форма (способ) ее суверенного существования. При этом современный уровень цивилизационного развития обуславливает новые требования к материальным и интеллектуальным ресурсам, определяющим государственную самостоятельность в разных областях. И токование смыслового содержания термина «суверенитет» расширяется, становится распространительным. В официальных документах и научных публикациях, например, используются такие термины как «экономический суверенитет» [3], «культурный суверенитет» [4], «информационный суверенитет» [30], «цифровой суверенитет» [24], технологический суверенитет» [9], «энергетический суверенитет» [5] и т.д.

Если проанализировать смысловое значение всех этих «суверенитетов», то мы увидим, что речь идёт об обеспеченной, обусловленной физическими (материальными) и интеллектуальными возможностями публичной воле, а также о способности государственной власти реализовывать эти существующие возможности. Такая волевая субъективная возможность в юридическом плане определяется также как дееспособность и проявляется в разных сферах общественной жизнедеятельности, в том числе в сфере государственного правового регулирования.

Таким образом, говоря о государственном суверенитете сегодня, мы подразумеваем под носителем этого качества единую публичную волю (власть), которая организуется посредством государственных институтов и выражается (проявляется) как субъектность государства в государственной деятельности в разных сферах. И в юридическом плане суверенитет – это, прежде всего, дееспособность, проявляющаяся на высшем уровне общественного

правосознания. Она выступает как публичная воля (власть), и как способность волевого поведения воспринимается нами во внутреннем и внешнем проявлении волевых качеств социального единства, в способности самостоятельного принятия ответственных государственных властных решений.

В правовых формах эта публичная дееспособность рассматривается как правоспособность государства. И мы ее определяем как внутреннее и внешнее проявление суверенитета (так называемые «внутренний» и «внешний» суверенитет). Если во внешних отношениях публичная дееспособность осуществляется в правовой форме международной договороспособности, то внутреннее проявление дееспособности государства воспринимается как разные формы государственной деятельности и её формализованного следствия. Это, прежде всего, правотворческая деятельность, исполнительно-распорядительная деятельность, правоохранительная деятельность. Результатом является формирование системы права и основанного на ней правового порядка.

Кроме того, когда мы рассматриваем суверенитет собственно в юридическом аспекте, то мы рассматриваем его в качестве источника позитивного права и имеем ввиду единую правовую систему, то есть нормативную форму его внутреннего проявления [33]. Такая правовая конструкция является к тому же, способом выражения уникальности социальной организации и сосуществования народов, объединённых под государственным суверенитетом в национальное единство, в единую нацию. Соответственно эта конструктивная правовая форма социальных отношений является также способом выражения уникальных качеств и возможностей государства, определяющих его особое место в системе международных отношений, во взаимодействии разных правовых семей, национальных правовых систем.

Правовая система в теории государства и права определяется как отношение и единство трёх элементов – общественное правосознание, система права (и система формально-юридических источников), а также юридическая практика (или реализация права). По сути, такая конструкция соответствует общенаучному пониманию структуры деятельности (цель – средство – результат). При этом правовые средства, прежде всего основные законы государств, безусловно, должны отвечать той целевой установке, которая продуцируется общественным правосознанием. То есть, фундаментальные положения конституции как основного закона должны представлять собой сформулированные объединяющие общество ценностные ориентиры, идеалы, а также принципы национального существования, которые реализуются посредством позитивного права.

Таким образом, суверенная воля многонационального народа Российской Федерации как единой нации, выраженная в конституции государства, обуславливает процесс формирования и динамику изменения системы права. Внешнее воздействие разными способами на процессы правотворчества и реализации права – экстерриториальное правовое регулирование и идеологические манипуляции с общественным правосознанием – это прямое посягательство на суверенное государственное существование общества [25, с.40].

Теоретически предполагается, что формулировки конституционных принципов, являющиеся основополагающими началами функционирования правовой системы, должны отражать ценностный консенсус общества [10]. При этом они должны быть юридически выверенными настолько, насколько это позволит избежать впоследствии их вольную, конъюнктурную интерпретацию при формировании всей системы права и при реализации правовых предписаний. Но социальная реальность и юридическая практика, которая в наибольшей степени подвержена историческим изменениям, всё же определяют необходимость корректировки формально-юридических конструкций, в том числе и фундаментальных конституционных положений призванных гарантировать суверенное качество публичной власти.

В силу ограниченных объемов статьи не представляется возможным углубляться в очевидную логическую коллизию, которая была юридически закреплена как неопределённость при обозначении субъектов Российской Федерации в ч. 2 ст. 5 Конституции Российской Федерации [1]. Она не раз подвергалась историко-политическому разъяснению, обсуждению в разных публикациях, так же как и проблема иностранного гражданства граждан Российской

Федерации, что тоже вступает в явную коллизию с самой идеей государственного суверенитета. Обратим внимание на два других, не столь очевидных аспекта которые в правовой системе Российской Федерации, на конституционном уровне выражены как противоречие принципу устройства суверенной власти и её фундаментальной основе – отношению с гражданским обществом.

Так, например, на наш взгляд противоречие сути суверенного существования усматривается в институциональной градации суверенной публичной власти на законодательную, исполнительную и судебную власти, что прямо закреплено в ст. 10 Конституции Российской Федерации [1]. Такая «неточность» конституционного положения противоречит как сущности государственного суверенитета, так и необходимому условию его существования – социальному, национальному единству. Доктрина разделения и самостоятельности властей, а именно интерпретация этого принципа как «механизма сдержек и противовесов» точно не способствует единству государственной власти, без которого невозможно ни ее верховенство, ни ее суверенное качество, что особенно необходимо, например, при возникновении внутренних и внешних угроз [12; 13; 34; 42].

Здесь мы исходим, прежде всего, из того общего положения, что внутренняя сторона суверенитета в волевом, властном качестве проявляется в верховенстве единой государственной власти. Как выражение высшей единой воли многонационального народа суверенитет не предполагает многовластия и сосуществование государственных властей. Это не свойственно суверенной субъектности в силу её социальной природы. Также как не свойственна тройственность сознания для всякого адекватного субъекта волевых отношений. Важно иметь в виду, что любая социальная власть, является выражением субъектности, а значит, для нее характерны свои исключительные субъективные уникальные потребности, интересы и внутренние целевые установки. В любом сосуществовании государственных властей, если, конечно, мы понимаем под властью не только её институты, но также субъектность и волю, заложен потенциал конкуренции, так как каждая власть по природе своей предполагает устремление к превалированию и господству. В противном случае мы имеем дело с феноменом, который собственно властью не является, а, следовательно, должен и обозначаться иными терминами в основном законе.

Единая суверенная воля народа не должна продуцировать разные власти, интересы которых даже в потенциале могут иметь свои исключительные субъективные волевые устремления, особенности, не подчиненные общенародной цели и интересам. Вместе с тем суверенная публичная воля, конечно же, предполагает разные средства реализации общей цели: институты власти, органы, способствующие решению задач в разных формах государственной деятельности. Поэтому, на наш взгляд, принципу государственного суверенитета соответствует не разделение, а именно кооперационное единство «ветвей» (основных институтов) единой государственной власти.

Законодательный, исполнительный, судебный институт выполняют разные функции публичной власти, но реализуют они эти функции в единстве, в эффективном взаимодействии, что и гарантирует волевое, суверенное существование многонационального российского народа как единой нации. Соответственно концепция суверенитета, институализированная на высшем законодательном уровне, должна исходить не из сосуществования самостоятельных властей, а из понимания единой суверенной власти, которая осуществляется в формах государственной деятельности сообразно функциям социальной деятельности (целеполагание, исполнение, контроль). Сама же идея сосуществования самостоятельных государственных властей, как механизма взаимосдерживания, нам видится, как юридическая аберрация, препятствующая точному пониманию природы и сущности государственного суверенитета. Поэтому мы предполагаем, что на этом аспекте в перспективе будут акцентированы и положения основного закона, определяющие устройство государственной власти как суверенной.

Очевидна, на наш взгляд, также важность нормативного закрепления такого основополагающего начала как принцип соотношения публичных, корпоративных и индивидуальных интересов. В частности, представляется, что суверенная правовая система не может основываться

на идеях социальной атомизации и на вульгарных интерпретациях естественного субъективного права, в которых занижается роль индивидуальной ответственности. Реальность такова, что для любого общества высшей ценностью всегда были не индивидуальные субъективные потребности и возможности, а общественные интересы – возможности и права самого общества как публичной субъектности. Такая аксиологическая композиция гарантирует также субъективные интересы всех, кто включен в такое единство. Кроме того, в субъективном восприятии индивида приоритет индивидуальных ценностей не всегда так категоричен, как это отражено, например, в ст. 2 Основного закона Российской Федерации, закрепляющей права и свободы человека в качестве высшей ценности [1].

Сегодня невозможно отрицать, что для значительной части российских граждан существуют ещё такие высокие общественные, коллективные ценности как, например, Родина и семья. Корпоративные интересы также определяют смысл жизни множества граждан Российской Федерации. Это, например, ценности, положенные в основу существования религиозных конфессий и общин, круга единомышленников и т.д. Соответственно, некоторые коллективные или публичные интересы и права не обязательно воспринимаются в общественном правосознании как какие-то вторичные по отношению к правам человека. Во благо сохранения этих коллективных и публичных интересов граждане Российской Федерации жертвуют своими «естественными неотъемлемыми правами», в том числе и своим правом на жизнь, отстаивая право на суверенное существование Российской Федерации. Для многих граждан Российской Федерации готовность к самопожертвованию не является прямой юридической обязанностью, но гражданское правосознание, правовая культура общества и личности ассоциируют государственные интересы с общественными ценностями и идеалами [31; 35; 36; 37; 38; 39]. Отсюда и обосновываемая в юридической науке идея об отсутствии иерархии в конституционных ценностях [6, с. 130–163; 7; 16, с. 36–37, 43–44; 17].

Таким образом, существуют ценности, которые в иерархии социальной значимости занимают, по крайней мере, не менее важное место, чем субъективные права человека. Поэтому закрепление прав человека в превосходной форме, при всем их высоком аксиологическом значении, не совсем адекватно отражает ту иерархию ценностей, которая в действительности присуща гражданскому правосознанию российского общества, и которая могла бы быть положена в основу формирования системы права как базовый принцип. Кроме того, существующая конституционная формулировка открыла возможности для весьма вольных в научном плане и неоднозначных толкований субъективных прав человека в их ценностном измерении.

Основанная на либеральной экономической доктрине интерпретация субъективных прав, апофеозом которой стала концепция так называемого «суверенитета личности» изначально не задумывалась в качестве консолидирующей основы, а напротив, становилась идеологическим обоснованием разделения общества на основании разных субъективных качеств, укоренения в правосознании воззрений индивидуализма, эгоцентризма и эгоистического восприятия сущности права. Представляется, что такие юридические концепции явно не укрепляли гражданское единство, нивелируя его как важнейший фактор суверенного существования Российской Федерации.

В этой связи для нас становится очевидным, что в системе закреплённых конституционных ценностей, наряду с принципом уважения субъективных прав человека найдут своё точное отражение и такие высокие принципы как верховенство общественных интересов и гражданское (национальное) единство. Эти принципы, воспринимаемые в своей системной целостности, в конечном счёте, будут определять вектор суверенного развития системы права. Представляется, что по абсолютно объективным причинам через конституционные положения неизбежно и последовательно будут происходить изменение и всей национальной правовой системы. Вопрос заключается лишь в том, в какой политической и технико-юридической форме это будет осуществляться, и насколько ещё может быть отложена перспектива осуществления исторически заданных системных преобразований.

Заключение. Классическая интерпретация суверенитета стала неудобной в политическом и идеологическом контекстах. Очевидно, что не все политико-правовые формы,

рассматриваемые в качестве субъектов международных правоотношений, являются суверенными образованиями в традиционном доктринальном понимании. Открытым в этой связи остаётся теоретико-правовой вопрос о том, в какой степени правомерно обозначение всех политико-правовых форм международной субъектности термином «государство» если в рамках отечественной юридической доктрины мы традиционно рассматриваем суверенитет как сущностный признак государства. В этой связи требуется либо доктринальный отказ от прежнего понимания самого государства как суверенного образования, либо признание сущностной части субъектов международного права не государствами.

По какому пути пойдет отечественная юридическая доктрина не ясно. Но уже понятно, что она будет следовать не только в логике традиционных теоретических конструкций, но также и в русле обобщения современных изменений мироустройства. При этом концептуально общим для современной отечественной юридической доктрины является то, что суверенитет рассматривается как дееспособность государства, которая проявляется в разных сферах социальной жизнедеятельности и как следствие в разных отраслях права сообразно их предметной области. То есть, если мы рассматриваем внутреннее проявление суверенитета в юридическом плане, то фактически говорим о проявлении суверенного качества Российской Федерации в национальной правовой системе. При этом для нас очевидным является то, что применительно к Российской Федерации содержание термина «национальная правовая система» не имеет этнокультурного значения.

Относительно многоэтничных и многоконфессиональных государств «национальная правовая система» понимается в смысловом значении уникальности, самобытности, как правовая система, отличающаяся от других суверенных правовых систем своими исторически обусловленными особенностями. Она представляется как нормативная форма снятия противоречий и сосуществования разных этнических обычаев и религиозных традиций под государственным суверенитетом. Этим она способствует единству многонационального народа Российской Федерации. Мы же исходим из того, что волевое единство народа является необходимым условием существования публичной власти в суверенном качестве.

В свою очередь, формально-юридической, нормативной основой для всей правовой системы, фундаментально институализирующей как государственную власть, так и отношения между государством и индивидуальными лицами, является основной закон государства – нормативный правовой акт, имеющий высшую юридическую силу. Конституционные положения становятся внутренней юридической гарантией суверенности правовой системы, её легитимности и неподверженности внешним, внесистемным деструктивным изменениям. Поэтому сами конституционные положения должны соответствовать сущности суверенитета, прежде всего в части институализации и организации государственной власти, а также в части закрепления отношений суверенной власти и гражданского общества, его единства.

Таким образом, принцип суверенитета предполагает не только внешнее обособление и самостоятельность государственной власти, но также и внутреннее единство, целостность правовой системы и, в частности, системы права, основанной на верховенстве конституции. В этой связи представляется, что актуальные основы правовой идеологии, предполагающие единство государственной власти, единство общества в понимании публичных интересов и духовных ценностей должны найти свое отражение в системе принципов права. Объективная необходимость и актуальность соответствующих правовых изменений определяют основной вектор развития правовой системы Российской Федерации, которая должна отвечать витальным потребностям общества и его устремлению к суверенному государственному существованию.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) //

www.consultant.ru; *Комаров С.А. и др.* Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 411 с. (Серия: Профессиональный комментарий).

2. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // www.consultant.ru

3. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года» // www.consultant.ru

4. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35) // www.consultant.ru

5. *Адамов Е., Мураев Е.* Ядерная энергетика России в концепции энергетического суверенитета // Энергетическая политика. – 2021. – №1 (155). – С. 34–47.

6. *Виноградова Е.В.* Грани современного российского конституционализма: Монография / Институт государства и права РАН. – М.: РИТМ, 2021.

7. *Виноградова Е.В.* Конституционные ценности – система без иерархии // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 3. – С. 78–82.

8. *Вышинский А.Я.* О некоторых вопросах теории государства и права // Советское государство и право. – 1948. – № 6. – С. 1–17.

9. *Горячева Т.В., Мызрова О.А.* Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Серия: Экономика. Управление. Право. – 2023. – Т. 23. – Вып. 2. – С. 134–145.

10. *Жук А.С., Сальников В.П.* Ценностный консенсус общества как основание суверенной правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 163–170.

11. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 376 с.

12. *Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л.* Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 120–139.

13. *Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л.* Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 69–94.

14. *Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К.* Суверенитет как выражение свободы воли общества: концепция Марсилия Падуанского // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 4. – С. 173–179.

15. *Зорькин В.Д.* Апология Вестфальской системы // Российская газета, 2006, 22 августа.

16. *Зорькин В.Д.* Право против хаоса: Монография. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2023. – 536 с.

17. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Абсолютность ценностей в праве: проблема истолкования // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 4. – С. 176.

18. *Клименко О.А.* Идея государственного суверенитета и ее формирование от античности и средневековья до исходных начал Никколо Макиавелли и Жана Бодена // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 90–94.

19. *Клименко О.А.* Становление понимания государственного суверенитета в эпоху Модерна (от идей Ж. Бодена до правовых оснований Вестфальского мира) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 53–57.

20. *Клименко О.А., Мирзоев А.К.* Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 22–29.

21. *Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л.* Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 22–28.

22. *Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л.* Политическая концепция абсолютного суверенитета Никколо Макиавелли и некоторые современные актуальные проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 4. – С. 54–58.

23. *Ковалев В.С.* Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерении // Актуальные проблемы международных отношений. – 2021. – № 1 (58). – С. 14–25.

24. *Кочетков А.П., Маслов В.К.* Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // Вестник Московского университета. – Серия 12. Политические науки. – 2022. – № 2. – С. 31–45.
25. *Кузьмин А.В.* Теоретико-правовые проблемы суверенизации права в современных геополитических условиях // Журнал правовых и экономических исследований. – 2023. – № 2. – С. 38–44.
26. *Левин И.Д.* Суверенитет. – М.: Юрид. изд-во, 1948. – 376 с.
27. *Лупарев Г.П.* Мыслитель-бунтарь Марсилий Падуанский. Вместо введения // Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.: Дашков и К, 2014. – С. 11–63.
28. *Марсилий Падуанский.* Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.: Дашков и Ко, 2014. – 656 с.
29. *Мирзоев А.К.* Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 149–157.
30. *Нарутто С.В., Колмаков С.Ю., Япрынцева И.М.* Информационный суверенитет: Конституционно-правовые основы в условиях развития цифрового государства // Образование и право. – 2022. – № 10. – С. 14–22.
31. *Насурдинов Э.С.* Правовая культура: Монография / Отв. ред. Ф.Т. Тахиров. – М.: Норма, 2014. – 352 с.
32. *Нахимов А.П., Тарасова Т.А.* Рассуждения о формах правления и их цикличности в учении Н. Макиавелли // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 31–36.
33. *Оль П.А.* Суверенитет как источник национального права // Мониторинг правоприменения. – 2023. – № 4. (49). – С. 2–8.
34. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 490 с.
35. Правосознание и правовая культура как условие эффективности реализации права: проблемы теории, методологии и практики: Монография / Колл. авт., под ред. д.ю.н. И.Х. Бободжонзода, д.ю.н. А.Р. Нематова. – Душанбе: Дониш, 2022. – 241 с.
36. *Сальников В.П.* Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187–189.
37. *Сальников В.П.* Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503–530.
38. *Сальников В.П.* Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2.
39. *Сальников В.П., Стрелмоухов А.В.* Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4 (8). – С. 19–22.
40. *Сальников В.П., Гутман М.Ю., Захарцев С.И.* Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 423 с.
41. *Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К.* Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
42. *Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В.* Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 139–150.
43. *Сауляк О.П., Экимов А.И.* Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 23–25.
44. *Тарасова Т.А.* Становление форм государства и оптимальные способы управления обществом (через призму учения Н. Макиавелли) // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 45–50.

Для цитирования: *Оль П.А.* Суверенитет государства и суверенность правовой системы Российской Федерации: векторы неизбежных изменений: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 150–160.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_150

SOVEREIGNTY OF THE STATE AND SOVEREIGNTY OF THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: VECTORS OF INEVITABLE CHANGES

Pavel A. OI*

Annotation. *The article considers the degree of relevance of the traditional political and legal interpretation of the semantic content of the category "state sovereignty" in the context of the existing world order. The existence of sovereign power is associated by the author with the understanding of its self-sufficiency, with the ability to make responsible independent decisions, which is a condition of its subjectivity in volitional relations. In legal terms, this volitional quality of public authority is understood as legal capacity, which is manifested in various spheres of social activity (economic, cultural, information, technological, etc.). At the same time, the author considers national unity as a fundamental necessary condition for public subjectivity and sovereign existence. The article analyzes the national legal system as a legal form of internal manifestation of state sovereignty. Its constitutional foundations are highlighted, which, as a way of securing the expression of the will of the multinational people of the Russian Federation, determine the dynamics of the functioning and change of the national legal system as a whole. In this regard, two main vectors of inevitable constitutional changes are identified, which will determine the sovereign quality of the national legal system of the Russian Federation. This is, first of all, the improvement of the provisions defining the unity of state power and the unity of civil society based on the values of collectivism, which have priority significance for national legal consciousness.*

Key words: *state sovereignty, state power, civil society, national unity, human rights, legal system, separation of powers.*

Introduction. The category of "sovereignty" is a fundamental basis for understanding political and legal phenomena. That is why the semantic content of this category is subject to various ideological interpretations in accordance with objective historical processes and the political situation. From the general theory of state and law we know the classical concept of sovereignty, known to us from the works of M. Padua [14; 20; 27; 28; 43], J. Bodin [18; 19; 21; 29], N. Machiavelli [22; 32; 44]. The idea was developed in the works of their European followers. In essence, it was accepted by the Peace of Westphalia, and on this basis, in fact, the entire system of international relations was subsequently built [15].

In domestic legal science of the early 20th century, the idea of state sovereignty is conceptually expressed, for example, in the works of A.S. Yashchenko, N.I. Paliyenko, N.A. Zakharova. But even earlier, one way or another, it was given attention by lawyers in the study of the legal aspects of state organization, as well as in the study of the forms of manifestation of state power of the Russian Empire in international relations. The formation of the Soviet legal doctrine of sovereignty is associated with the world reorganization after the Second World War, as well as with the emergence of national liberation movements in the world. The concept of sovereignty was presented in the well-known work of I.D. Levin "Sovereignty", which analyzed various conceptual approaches and the historical evolution of the doctrine of sovereignty. Based on historical generalizations, I.D. Levin defined the principle of sovereignty suitable for the Soviet legal doctrine of that time as "the full power and independence of the state" [26, p. 64]. A.Ya. Vyshinsky, also characterizing sovereignty in the theoretical and legal aspect, pointed to such features as internal supremacy, internal and external independence of the state [8, p. 8].

In essence, this is how the Soviet theoretical and legal structure of state sovereignty was formed, reflecting objective historical processes and the demands of the time. Definitions of sovereignty corresponding to official doctrinal requirements were included in all Soviet and post-Soviet

* **OI Pavel Andreevich**, Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg). E-mail: opspb@mail.ru

textbooks on state and legal, theoretical and legal disciplines, as well as on international law. The definition of state sovereignty as internal supremacy and independence of state power in external relations has become generally accepted – students learn it, teachers appeal to it.

At the same time, it is becoming obvious that modern public interpretations of the category of "state sovereignty" clearly go beyond the boundaries of the semantic content with which this category was endowed by the classics of political and legal thought. At the same time, the scope of application of the category of "sovereignty" itself is significantly expanded [11].

After the collapse of the Soviet Union, domestic legal science saw a tendency to level out the significance of sovereignty as a sign of state existence in the context of globalization [41]. But in modern conditions, it is becoming obvious that an appeal to the concept of sovereignty is becoming relevant, as in all turning points in history. Sovereignty is discussed at the highest level of state power, and the head of state has repeatedly stated the necessary sovereignty of the Russian Federation in various spheres. But in this regard, the semantic content of the category of "state sovereignty" requires a doctrinal definition; a normative legal expression based on a rethinking of historical experience and conditioned by current value guidelines that are characteristic of modern public consciousness becomes necessary. At the same time, the legal aspect of such sovereignty is presented to us not only through the understanding of subjectivity in international (interstate) legal relations, but also through the concept of a national legal system, through the assessment of such qualities as autonomy, self-sufficiency, originality, unity, which contribute to systemic integrity, the supremacy of state power and its external manifestation in volitional independence.

1. Interpretation of the external manifestation of sovereignty in international law. The concept of sovereignty has evolved from the understanding of the sovereignty of a monarch (a ruler representing his subjects in their entirety), through the concept of democracy (popular sovereignty) to the understanding of national sovereignty. In this case, national sovereignty is interpreted in the context of the transformation (transition) of a volitional multitude (people), as a quantity, into a new quality of volitional unity, that is, into a nation as the highest form of collective public synthesized unity. In turn, the nation itself, in legal terms, is considered as a subjectivity existing in a political and legal form headed by a national leader endowed with a special state status. Accordingly, first of all, the very essence of sovereignty as a phenomenon is historically manifested in the highest degree of social (public) subjectivity. It is inherent in all its forms, including the political and legal form, which is usually designated by the term "state sovereignty".

The general legal concept of sovereignty is connected with the doctrinal, theoretical and legal interpretation of sovereignty, first of all, as an essential feature of the state. The essence of features means that the phenomenon under consideration, in particular the state, is recognized by us in these features, understood by listing them as necessary for a complete understanding. The absence of an essential feature means that we are already dealing with some other phenomenon that has a different set of features. But if we try to characterize many of the existing political and legal forms of social organization, called states today, by means of such a feature as sovereignty, it becomes obvious that this essential feature of the state is clearly not inherent to them. The term "state" has remained in wide use, but the number of states themselves, in the classical state and legal interpretation inherent in the Westphalian system of international relations, or even the legal concepts of the beginning of the last century, has become significantly smaller. After the Second World War, with the formation of the United Nations, in the context of the polarization of the world order, the term "state" began to designate non-sovereign legal forms of territorial organization of public authority. These are, as a rule, political regimes governing territories with a historically resident ethnic population and having some autonomy of internal governance.

Such organizational forms, on the basis of the recommendation of the UN Security Council and the decision of the UN General Assembly, began to be formally and legally recognized as states and, through this recognition of their statehood, endowed with international legal personality. In fact, so-called "non-sovereign states" and "states with limited sovereignty" appeared. But, nevertheless, along with statehood, their sovereignty is formally and legally recognized as an integral feature of the state. The consequence of the functioning of this legal structure is that such a classic essential

Theory of State and Law

feature of the state as sovereignty is subject to various opportunistic interpretations. Sovereignty began to be considered, first of all, in the political science context not as a qualitative, but as a quantitative category. Now, in political science and political interpretations, the possibility of the existence of sovereign and non-sovereign states is allowed.

Following this logic, one can also consider the possibility of the existence of "very sovereign" (super-sovereign) states and states that are sovereign, but not fully, etc. In essence, the semantic content of the category "sovereignty" is identified with the legal concept of legal capacity, which must presuppose a certain relationship between the volitional qualities of the subject and the legal form [23]. But on such a formal-legal basis in international relations, the institution of state "guardianship" (patronage) and representation of interests has actually developed. An incapacitated person who does not have the ability to make decisions independently, nevertheless, from the moment of formal-legal international recognition, has subjective rights and obligations in the status of a state. In fact, it cannot exercise these rights independently, and the situation is even worse with subjective obligations and responsibilities.

Rights and other subjective possibilities are, as it were, realized through "guardians" – capable representatives of the interests of an incapacitated person. But this is no longer a formal-legal, but, as a rule, a political side of the problem, therefore "guardians" do not bear legal responsibility for the behavior of their incapacitated wards. Thus, the so-called "non-sovereign states" are used (exploited) in fact as means to achieve the goals of capable persons, which are precisely "fully sovereign states". This is a convenient formal-legal construction used within the framework of relations that politicians and political scientists define as "neocolonialism". Sovereignty, ultimately, became a legal fiction, and in many cases a legal form without real volitional content. Such a concept of sovereignty in the practice of international relations fully reflects the idea of the coexistence of sovereign, limited sovereign and non-sovereign states. At the same time, it is obvious to everyone that it is most expedient to build diplomatic communication and legal interaction with those who are capable of making independent volitional decisions, implementing them and bearing responsibility for their implementation, but in any case not with "wards" – incapacitated persons.

The scientific legal aspect of the problem lies in the formation of stable doctrinal ideas about the state and in answers to questions about the semantic content of terms and categories associated with it. In particular, should sovereignty be considered an essential feature of the state? And should the supremacy of public authority be considered a feature of sovereignty itself? Here, as they say, it is necessary to agree on concepts and terms.

In this regard, we should also pay attention to such a feature, often used in defining state sovereignty, as "independence". It is obvious that its use in domestic educational and scientific literature, when characterizing the phenomenon under consideration, was initially determined by the peculiarities of the historical moment, with which the formation of the Soviet doctrine of sovereignty was associated. During this period, issues of independence from bourgeois and colonial oppression were relevant. That is, ideas about independence were determined by very specific ideological views of that era. Taking into account the factor of national liberation movements, wars for freedom and national independence, the doctrine of sovereignty was also formed.

In modern definitions of sovereignty, including the sign of independence, the connection with the specified historical circumstances and legal ideology of that time is clearly not assumed. At the same time, speaking about the independence of the state, today we often mean some almost absolute abstraction – independence in general. But when considering the phenomenon of sovereignty, we must, of course, proceed from the fact that independence, like freedom in this case, cannot be complete and absolute. Therefore, when we speak of sovereignty, we are most likely talking about subjective autonomy, still limited by certain objective conditions. We mean the ability to independently, of one's own free will, decide on whom to depend and on whom not. Any contract, agreement of the parties is an interdependence of rights and obligations, and therefore an interdependence of the subjects bound by the contract. Consequently, sovereignty, being a special volitional quality, presupposes precisely the independence of making responsible state decisions, but in no way an abstract independence.

It is also obvious that the very possibility of independent decision-making and the existence of the state is always conditioned by its resource self-sufficiency as an objective necessity. But these resource requirements for the independent existence of states, of course, are not historically immutable. State self-sufficiency, for example, of the medieval European state was determined by the feudal economy and the limits of land holdings, the corresponding requirements for their management, the level of cultural, in particular, scientific development of that era, corresponding to this level of organization and the potential of armed force. This was quite sufficient for sovereign existence.

Other requirements for self-sufficiency, which determines sovereign existence, were formed in the industrial and post-industrial era. And later with the creation and proliferation of weapons of mass destruction and especially nuclear weapons. All this contributed to the actual isolation of states, the understanding of the subjective self-sufficiency of which, as before, remained associated with the classical concept of sovereignty as an integral feature of the state. At the same time, other political and legal forms, to a much lesser extent, began to reflect the classical doctrinal ideas about sovereignty, but also remained states by their name.

With the end of the confrontation between the two military-political blocs, the collapse of the USSR and after the so-called "parade of sovereignties", the system of international relations in reality began to rapidly change in the direction of de-sovereignization of political and legal forms, still called states. These subjects of international relations fell into the sphere of material, ideological, political, military influence and extraterritorial legal regulation by "fully sovereign states" with the greatest capabilities. The Russian Federation also found itself under the threat of such external influence, which could not but affect, among other things, the formation and dynamics of changes in the national legal system, its functioning.

In order to counteract the process of desovereignization that threatens the independent existence of the state, in 2020, at the highest state level, with the support of the expression of will of the citizens of the Russian Federation, "a decisive step was taken in the development of not only constitutional legislation and law as a social institution in general, but also in the development of Russian statehood itself and, above all, in strengthening the state sovereignty of Russia" [40, p. 6]. In particular, constitutional guarantees of the sovereignty of the national legal system and its priority over various forms of external legal influence were enshrined. In addition, provisions on fundamental traditional spiritual and moral values that unite civil society were adjusted and enshrined [1]. These provisions are developed in the decree of the head of state as the basis for the sovereign unity of the multinational people of the Russian Federation [2].

2. The legal system as a form of internal manifestation of state sovereignty and the inevitability of changes in the sovereign foundations of the legal system of the Russian Federation.

It seems obvious to us that national, in particular civil unity, is a necessary basis for state sovereignty, which in the political and legal context is perceived through the supremacy of state power belonging to the nation (a single multinational people). Civil unity as the basis of sovereignty is also understood through such concepts as "legitimacy of power", "rule of law", "equality of all before the law". In public submission to a single state power, in its supremacy, in equality before it and the law, contradictions of private and corporate interests, public and private, are largely removed. It is on these unifying principles that civil society is formed as a single entity, as a nation, and the state as a political and legal form (method) of its sovereign existence. At the same time, the modern level of civilizational development determines new requirements for material and intellectual resources that determine state self-sufficiency in various areas. And the interpretation of the semantic content of the term "sovereignty" is expanding, becoming widespread. In official documents and scientific publications, for example, such terms as "economic sovereignty" [3], "cultural sovereignty" [4], "information sovereignty" [30], "digital sovereignty" [24], technological sovereignty" [9], "energy sovereignty" [5], etc. are used.

If we analyze the semantic meaning of all these "sovereignties", we will see that we are talking about a secured public will conditioned by physical (material) and intellectual capabilities, as well as the ability of state power to implement these existing capabilities. Such a volitional subjective

Theory of State and Law

possibility in legal terms is also defined as legal capacity and is manifested in various spheres of social activity, including in the sphere of state legal regulation.

Thus, speaking about state sovereignty today, we mean by the bearer of this quality a single public will (power), which is organized through state institutions and is expressed (manifested) as the subjectivity of the state in state activity in various spheres. And in legal terms, sovereignty is, first of all, legal capacity, manifested at the highest level of public legal consciousness. It acts as public will (power), and as the ability of volitional behavior is perceived by us in the internal and external manifestation of the volitional qualities of social unity, in the ability to independently make responsible state power decisions.

In legal forms, this public legal capacity is considered as the legal capacity of the state. And we define it as an internal and external manifestation of sovereignty (the so-called "internal" and "external" sovereignty). If in external relations public legal capacity is implemented in the legal form of an international treaty on capacity, then the internal manifestation of the state's legal capacity is perceived as different forms of state activity and its formalized consequence. This is, first of all, law-making activity, executive and administrative activity, law enforcement activity. The result is the formation of a legal system and a legal order based on it.

In addition, when we consider sovereignty in its legal aspect, we consider it as a source of positive law and mean a single legal system, that is, a normative form of its internal manifestation [33]. Such a legal structure is also a way of expressing the uniqueness of the social organization and coexistence of peoples united under state sovereignty into national unity, into a single nation. Accordingly, this constructive legal form of social relations is also a way of expressing the unique qualities and capabilities of the state, which determine its special place in the system of international relations, in the interaction of different legal families and national legal systems.

The legal system in the theory of state and law is defined as the relationship and unity of three elements – public legal consciousness, the legal system (and the system of formal legal sources), and legal practice (or the implementation of law). In essence, such a design corresponds to the general scientific understanding of the structure of activity (goal – means – result). At the same time, legal means, primarily the basic laws of states, must certainly meet the target setting that is produced by public legal consciousness. That is, the fundamental provisions of the constitution as the main law must represent formulated value guidelines that unite society, ideals, as well as principles of national existence, which are implemented through positive law.

Thus, the sovereign will of the multinational people of the Russian Federation as a single nation, expressed in the constitution of the state, determines the process of formation and the dynamics of change in the legal system. External influence in various ways on the processes of lawmaking and implementation of law – extraterritorial legal regulation and ideological manipulation of public legal consciousness – is a direct encroachment on the sovereign state existence of society [25, p. 40].

Theoretically, it is assumed that the formulations of constitutional principles, which are the fundamental principles of the functioning of the legal system, should reflect the value consensus of society [10]. At the same time, they should be legally verified to the extent that this will allow to avoid their subsequent arbitrary, opportunistic interpretation in the formation of the entire legal system and in the implementation of legal regulations. But social reality and legal practice, which are most susceptible to historical changes, still determine the need to adjust formal-legal structures, including fundamental constitutional provisions designed to guarantee the sovereign quality of public authority.

Due to the limited volume of the article, it is not possible to delve into the obvious logical conflict, which was legally enshrined as an ambiguity in the designation of the subjects of the Russian Federation in Part 2 of Article 5 of the Constitution of the Russian Federation [1]. It has been repeatedly subjected to historical and political explanation, discussion in various publications, as has the problem of foreign citizenship of citizens of the Russian Federation, which also clearly conflicts with the very idea of state sovereignty. Let us pay attention to two other, not so obvious aspects, which in the legal system of the Russian Federation, at the constitutional level, are expressed as a contradiction to the principle of the structure of sovereign power and its fundamental basis – the relationship with civil society.

Thus, for example, in our opinion, the contradiction of the essence of sovereign existence is seen in the institutional gradation of sovereign public authority into legislative, executive and judicial authorities, which is directly enshrined in Article 10 of the Constitution of the Russian Federation [1]. Such an “inaccuracy” of the constitutional provision contradicts both the essence of state sovereignty and the necessary condition for its existence – social, national unity. The doctrine of separation and independence of powers, namely the interpretation of this principle as a “mechanism of checks and balances” certainly does not contribute to the unity of state power, without which neither its supremacy nor its sovereign quality is possible, which is especially necessary, for example, when internal and external threats arise [12; 13; 34; 42].

Here we proceed, first of all, from the general position that the internal side of sovereignty in the volitional, authoritative quality is manifested in the supremacy of a single state authority. As an expression of the highest single will of a multinational people, sovereignty does not imply multiple powers and the coexistence of state authorities. This is not characteristic of sovereign subjectivity due to its social nature. Just as the trinity of consciousness is not characteristic of any adequate subject of volitional relations. It is important to keep in mind that any social power is an expression of subjectivity, which means that it is characterized by its own exceptional subjective unique needs, interests and internal target settings. In any coexistence of state authorities, if, of course, we understand by power not only its institutions, but also subjectivity and will, the potential for competition is inherent, since each power by its nature presupposes the desire for prevalence and domination. Otherwise, we are dealing with a phenomenon that is not actually power, and, therefore, should be designated by other terms in the basic law.

The unified sovereign will of the people should not produce different authorities, whose interests, even potentially, may have their own exclusive subjective volitional aspirations, features that are not subordinated to the national goal and interests. At the same time, the sovereign public will, of course, presupposes different means of realizing the common goal: institutions of power, bodies that facilitate the solution of problems in different forms of state activity. Therefore, in our opinion, the principle of state sovereignty corresponds not to the division, but to the cooperative unity of the “branches” (main institutions) of a single state authority.

The legislative, executive and judicial institutions perform different functions of public authority, but they implement these functions in unity, in effective interaction, which guarantees the strong-willed, sovereign existence of the multinational Russian people as a single nation. Accordingly, the concept of sovereignty, institutionalized at the highest legislative level, should not proceed from the coexistence of independent authorities, but from the understanding of a single sovereign power, which is implemented in the forms of state activity in accordance with the functions of social activity (goal setting, implementation, control). The very idea of the coexistence of independent state authorities, as a mechanism of mutual restraint, seems to us to be a legal aberration that prevents an accurate understanding of the nature and essence of state sovereignty.

Therefore, we assume that in the future, the provisions of the basic law, defining the structure of state power as sovereign, will also be emphasized on this aspect. In our opinion, the importance of normatively enshrining such a fundamental principle as the principle of correlation between public, corporate and individual interests is also obvious. In particular, it seems that a sovereign legal system cannot be based on ideas of social atomization and vulgar interpretations of natural subjective law, which underestimate the role of individual responsibility. The reality is that for any society, the highest value has always been not individual subjective needs and opportunities, but public interests – the opportunities and rights of society itself as a public entity. Such an axiological composition also guarantees the subjective interests of all who are included in such a unity. In addition, in the subjective perception of an individual, the priority of individual values is not always as categorical as reflected, for example, in Article 2 of the Basic Law of the Russian Federation, which enshrines human rights and freedoms as the highest value [1].

Today it is impossible to deny that for a significant portion of Russian citizens there still exist such high social, collective values as, for example, the Motherland and family. Corporate interests also determine the meaning of life for many citizens of the Russian Federation. These are, for

example, the values that form the basis for the existence of religious confessions and communities, a circle of co-religionists, like-minded people, etc. Accordingly, some collective or public interests and rights are not necessarily perceived in public legal consciousness as somehow secondary in relation to human rights. For the benefit of preserving these collective and public interests, citizens of the Russian Federation sacrifice their "natural inalienable rights", including their right to life, defending the right to sovereign existence of the Russian Federation. For many citizens of the Russian Federation, readiness for self-sacrifice is not a direct legal obligation, but civil legal consciousness, the legal culture of society and the individual associate state interests with social values and ideals [31; 35; 36; 37; 38; 39]. Hence the idea substantiated in legal science about the absence of hierarchy in constitutional values [6, pp. 130–163; 7; 16, pp. 36–37, 43–44; 17].

Thus, there are values that occupy at least as important a place in the hierarchy of social significance as subjective human rights. Therefore, the consolidation of human rights in a superlative form, with all their high axiological significance, does not quite adequately reflect the hierarchy of values that is actually inherent in the civil legal consciousness of Russian society, and which could be used as a basis for the formation of the legal system as a basic principle. In addition, the existing constitutional formulation has opened up opportunities for very liberal, in scientific terms, and ambiguous interpretations of subjective human rights in their value dimension.

The interpretation of subjective rights based on the liberal economic doctrine, the apotheosis of which was the concept of the so-called "sovereignty of the individual", was not initially conceived as a consolidating basis, but on the contrary, became an ideological justification for the division of society based on different subjective qualities, the rooting in legal consciousness of views of individualism, egocentrism and an egoistic perception of the essence of law. It seems that such legal concepts clearly did not strengthen civil unity, leveling it as the most important factor in the sovereign existence of the Russian Federation.

In this regard, it becomes obvious to us that in the system of enshrined constitutional values, along with the principle of respect for subjective human rights, such high principles as the supremacy of public interests and civil (national) unity will also find their exact reflection. These principles, perceived in their systemic integrity, will ultimately determine the vector of sovereign development of the legal system. It seems that for absolutely objective reasons, changes in the entire national legal system will inevitably and consistently occur through constitutional provisions. The only question is in what political and technical-legal form this will be implemented, and how much longer can the prospect of implementing historically determined systemic transformations be postponed.

Conclusion. The classical interpretation of sovereignty has become inconvenient in the political and ideological contexts. It is obvious that not all political and legal forms considered as subjects of international legal relations are sovereign entities in the traditional doctrinal understanding. In this regard, the theoretical and legal question remains open about the extent to which it is legitimate to designate all political and legal forms of international subjectivity with the term "state" if, within the framework of domestic legal doctrine, we traditionally consider sovereignty as an essential feature of the state. In this regard, either a doctrinal rejection of the previous understanding of the state itself as a sovereign entity is required, or recognition of a significant part of the subjects of international law as not states.

It is not clear which path the domestic legal doctrine will take. But it is already clear that it will follow not only the logic of traditional theoretical constructs, but also in line with the generalization of modern changes in the world order. At the same time, the conceptually common thing for the modern domestic legal doctrine is that sovereignty is considered as the legal capacity of the state, which is manifested in different spheres of social activity and, as a consequence, in different branches of law in accordance with their subject area. That is, if we consider the internal manifestation of sovereignty in legal terms, then in fact we are talking about the manifestation of the sovereign quality of the Russian Federation in the national legal system. At the same time, it is obvious to us that, as applied to the Russian Federation, the content of the term "national legal system" has no ethnocultural meaning.

With respect to multi-ethnic and multi-confessional states, the "national legal system" is understood in the semantic meaning of uniqueness, originality, as a legal system that differs from other

sovereign legal systems by its historically conditioned features. It is presented as a normative form of removing contradictions and coexistence of different ethnic customs and religious traditions under state sovereignty. In this way, it promotes the unity of the multinational people of the Russian Federation. We proceed from the fact that the volitional unity of the people is a necessary condition for the existence of public authority in a sovereign capacity.

In turn, the formal-legal, normative basis for the entire legal system, fundamentally institutionalizing both state authority and relations between the state and individuals, is the basic law of the state – a normative legal act that has the highest legal force. Constitutional provisions become an internal legal guarantee of the sovereignty of the legal system, its legitimacy and immunity to external, non-systemic destructive changes. Therefore, the constitutional provisions themselves must correspond to the essence of sovereignty, primarily in terms of institutionalization and organization of state authority, as well as in terms of securing the relations of sovereign authority and civil society, its unity.

Thus, the principle of sovereignty presupposes not only the external isolation and independence of state power, but also the internal unity, integrity of the legal system and, in particular, the system of law based on the supremacy of the constitution. In this regard, it seems that the current foundations of legal ideology, presupposing the unity of state power, the unity of society in understanding public interests and spiritual values, should be reflected in the system of legal principles. The objective necessity and relevance of the corresponding legal changes predetermine the main vector of development of the legal system of the Russian Federation, which should meet the vital needs of society and its aspiration for sovereign state existence.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru; Komarov S.A. et al. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., corr. and add. // Ed. by prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Yurait", 2023. 411 p.
2. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // www.consultant.ru
3. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208 "On the Strategy for Economic Security of the Russian Federation until 2030" // www.consultant.ru
4. Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 No. 808 "On Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy" (As amended by the Decree of the President of the Russian Federation of January 25, 2023 No. 35) // www.consultant.ru
5. Adamov E., Muraev E. Nuclear energy of Russia in the concept of energy sovereignty // Energy policy. 2021. No. 1 (155). P. 34–47.
6. Vinogradova E.V. Facets of Modern Russian Constitutionalism: Monograph / Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow: RITM, 2021.
7. Vinogradova E.V. Constitutional Values - a System Without Hierarchy // Legal Science: History and Modernity. 2022. No. 3. P. 78–82.
8. Vyshinsky A.Ya. On Some Issues of the Theory of State and Law // Soviet State and Law. 1948. No. 6. P. 1–17.
9. Goryacheva T.V., Myzrova O.A. The Role and Place of Technological Sovereignty in Ensuring the Stability of the Russian Economy // Bulletin of the Saratov University. New Series. – Series: Economy. Management. Law. 2023. Vol. 23. Issue 2. Pp. 134–145.
10. Zhuk A.S., Salnikov V.P. Value consensus of society as the basis of sovereign legal ideology // Legal science: history and modernity. 2023. No. 2. Pp. 163–170.
11. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the issue of speculative-logical foundations of sovereign metaphysics of law. 2nd ed., corrected. and add. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. 376 p.
12. Zakhartsev S.I., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Salnikov M.V., Tretyakov I.L. Sovereignty of the Russian Federation: Modern Threats and Ensuring Military Security // The World of Politics and Sociology. 2017. No. 1. P. 120–139.

13. Zakhartsev S.I., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Salnikov M.V., Tretyakov I.L. Sovereignty of the Russian Federation: Modern Threats and Ensuring National Security // *Legal Science: History and Modernity*. 2016. No. 12. P. 69–94.
14. Zorina N.V., Klimenko O.A., Mirzoev A.K. Sovereignty as an expression of the free will of society: the concept of Marsilius of Padua // *Legal Science: History and Modernity*. 2019. No. 4. Pp. 173–179.
15. Zorkin V.D. Apology of the Westphalian System // *Rossiyskaya Gazeta*, 2006, August 22.
16. Zorkin V.D. Law against Chaos: Monograph. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: NORMA: IN-FRAM, 2023. 536 p.
17. Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Absoluteness of Values in Law: the Problem of Interpretation // *Legal Science: History and Modernity*. 2023. No. 4. P. 176.
18. Klimenko O. A. The idea of state sovereignty and its formation from antiquity and the Middle Ages to the original principles of Niccolò Machiavelli and Jean Bodin // *The world of politics and sociology*. 2014. No. 11. P. 90–94.
19. Klimenko O. A. Formation of the understanding of state sovereignty in the era of Modernity (from the ideas of J. Bodin to the legal foundations of the Peace of Westphalia) // *The world of politics and sociology*. 2016. No. 6. P. 53–57.
20. Klimenko O. A., Mirzoev A. K. Development of the concept of sovereignty from Marsilius of Padua to Hegel // *Legal science*. 2016. No. 3. P. 22–29.
21. Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Tretyakov I.L. Political concept of absolute sovereignty of Marsilius of Padua and Jean Bodin in the context of syncretism of modern legal culture // *Legal science: history and modernity*. 2016. No. 3. Pp. 22–28.
22. Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Tretyakov I.L. Political concept of absolute sovereignty of Niccolò Machiavelli and some modern topical issues // *Legal field of modern economy*. 2016. No. 4. Pp. 54–58.
23. Kovalev V.S. State sovereignty in the international and integration dimension // *Actual problems of international relations*. 2021. No. 1 (58). Pp. 14–25.
24. Kochetkov A.P., Maslov V.K. Digital sovereignty as the basis of Russia's national security in the global digital society // *Bulletin of Moscow University. – Series 12. Political sciences*. 2022. No. 2. Pp. 31–45.
25. Kuzmin A.V. Theoretical and legal problems of the sovereignty of law in modern geopolitical conditions // *Journal of Legal and Economic Studies*. 2023. No. 2. Pp. 38–44.
26. Levin I.D. Sovereignty. Moscow: Legal publishing house, 1948. 376 p.
27. Luparev G.P. The thinker-rebel Marsilius of Padua. Instead of an introduction // *Marsilius of Padua. Defender of the peace. Defensor pacis / Translated from French by B.U. Yesenov; scientific. ed., introduction, notes by G.P. Luparev*. Moscow: Dashkov i Ko, 2014. Pp. 11–63.
28. Marsilius of Padua. Defender of Peace. Defensor pacis / Translated from French by B.U. Yesenov; scholarly ed., introduction, notes by G.P. Luparev Moscow: Dashkov i Ko, 2014. 2014. 656 p.
29. Mirzoev A.K. Sovereignty: genesis and conceptual evolution of ideas in political and legal science (initial principles – Niccolò Machiavelli and Jean Bodin) // *The World of Politics and Sociology*. 2013. No. 11. Pp. 149–157.
30. Naruto S.V., Kolmakov S.Yu., Yapyryntsev I.M. Information sovereignty: Constitutional and legal foundations in the context of the development of the digital state // *Education and Law*. 2022. No. 10. Pp. 14–22.
31. Nasurdinov E.S. Legal culture: Monograph / Ed. F.T. Takhirov. Moscow: Dashkov i Ko, 2014. Norma, 2014. 352 p.
32. Nakhimov A.P., Tarasova T.A. Reasoning about the forms of government and their cyclicity in the teachings of N. Machiavelli // *The world of politics and sociology*. 2015. No. 8. Pp. 31–36.
33. Ol P.A. Sovereignty as a source of national law // *Monitoring of law enforcement*. 2023. No. 4. (49). P. 2–8.
34. Political and legal governance and threats to state sovereignty: Monograph / Under the general editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2022. 490 p.
35. Legal consciousness and legal culture as a condition for the effective implementation of law: problems of theory, methodology and practice: Monograph / Coll. authors, edited by Doctor of Law I.Kh. Bobodzhonzoda, Doctor of Law A.R. Nematov. Dushanbe: Donish, 2022. 241 p.
36. Salnikov V.P. Legal culture as a factor in stabilizing modern Russian society // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Law*. 2001. No. 1. P. 187–189.
37. Salnikov V. P. Legal Culture. Chapter XX // *General Theory of State and Law. Academic Course in Three Volumes / Ed. M. N. Marchenko*. 4th ed., revised and enlarged. Volume 3: State, Law, Society. Moscow: Dashkov i Ko, 2014. INFRA-M, 2013. P. 503–530.

38. Salnikov V. P. Formation of Legal Culture in the Context of the Emergence of Civil Society: Structure and Functions // Scientific Notes of the Law Faculty. 1997. No. 2.

39. Salnikov V. P., Stremoukhov A. V. Legal culture of society and the individual is the most important means of protecting human rights // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2000. No. 4 (8). P. 19–22.

40. Salnikov V.P., Gutman M.Yu., Zakhartsev S.I. Political and legal governance and threats to state sovereignty: Monograph / Ed. V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Dashkov i Ko, 2014. INFRA-M, 2024. 423 p.

41. Salnikov V.P., Ivashov L.G., Dzhegutanov B.K. Philosophy of globalization (Methodological foundations of the geopolitical doctrine of Russia): Monograph / Ed. V.P. Salnikov. St. Petersburg: University Foundation, 2006. 268 p.

42. Salnikov S.P., Prokofiev K.G., Silantyeva V.A., Klimenko O.A., Silantyeva N.V. Sovereignty of the Russian Federation: Modern Threats and Ensuring Spiritual Security // The World of Politics and Sociology. 2018. No. 1. Pp. 139–150.

43. Saulyak O.P., Ekimov A.I. Medieval Ideas of the Political Structure of Society, Facing the Future // The World of Politics and Sociology. 2014. No. 10. Pp. 23–25.

44. Tarasova T.A. Formation of Forms of State and Optimal Ways to Govern Society (Through the Prism of N. Machiavelli's Teachings) // Legal Science: History and Modernity. 2015. No. 7. P. 45–50.

For citation: Ol P.A. Sovereignty of the state and sovereignty of the legal system of the Russian Federation: vectors of inevitable changes: article // Theory of state and law. 2024. No. 4 (41). P. 161–170.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_150

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_171

Т.Н. Сергеева*

ПРАВОВЫЕ ИДЕИ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме правовых идей как мировоззренческой основы развития общества. Проводится анализ различных концепций к пониманию основ развития и влияние на них правовых идей. При анализе темы и написании статьи были использованы общенаучные методы познания (историко-правовой метод, сравнительно-правовой метод, диалектический метод, анализа и синтеза, дедукции и индукции), которые позволили изучить проблемы правовых идей как мировоззренческой основы развития общества. Автор делает вывод, что правовые идеи как мировоззренческая основа развития общества влияет эффективно на развитие гражданского общества и правового государства.*

***Ключевые слова:** правовые идеи, гражданское общество, правовое государство, эволюция.*

Под мировоззренческой основой развития общества понимается то, что побуждает общество развиваться, что приводит в движение его важнейшие институты, принципы, убеждения, ценности и идеи. Изучение мировоззренческой основы развития общества имеет глубокие исторические корни. Эволюция общественного развития выстраивается путем формирования и внедрения разнообразных социальных норм, обеспечивающих для человека возможность за счет определения его правового положения занять определенное место в обществе. Такой подход на интуитивном уровне имел место уже на стадии формирования первобытнообщинного строя как обеспечение необходимого минимума условий нормальной жизнедеятельности родоплеменной, а затем и соседской общины [2, с. 177].

Взаимоотношения между отдельными членами социума, а также социальными группами выстраивались на основе выработанных на практике обычаев, традиций, ритуалов, которые были равными для всех. В процессе дальнейшего развития общественных отношений, выделения отдельных социальных слоев, а затем и классов наблюдается трансформация объема прав, обязанностей, ответственности отдельных лиц и социальных слоев в зависимости от их имущественного положения.

Данные процессы оказали серьезное воздействие на формирование и развитие общественного разума, который стал генерировать новые идеи, содержащие в себе пути, направления, способы дальнейшего общественного развития (в частности, спровоцировала переход от присваивающего способа ведения хозяйства к производящему).

Именно в таких условиях, по мнению ведущих ученых-правоведов, и обострилась одна из функций социального регулирования – установление в обществе «стабильных отношений» [2, с. 177]. При этом сама стабильность не была самоцелью, порождая множество различных благ для тогдашнего бытия. В то же время на ранних стадиях общественного развития взаимоотношения между отдельными социальными группами строились с учетом уже имеющихся стереотипов. Однако, как отмечает Г.В. Мальцев, именно в эту пору возникают первые

* **Сергеева Татьяна Николаевна** – соискатель кафедры теории права и сравнительного правоведения Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ инклюзивного высшего образования «Российский государственный университет социальных технологий». E-mail: sergeeva@yandex.ru

правовые идеи, и происходит становление права как универсального регулятора общественных отношений [6, с. 89–90].

Можно с уверенностью утверждать, что в VI – V вв. до н.э. в античных полисах начинают формироваться первые правовые идеи, раскрывающие проблемы формирования определенного комплекса прав и свобод человека и гражданина, идеи демократии, республики и т.д.

В период феодализма, а затем и капитализма на основе правовых идей были сформулированы отдельные принципы, права и свободы человека и гражданина (принцип сословности и бессословности общества, свобода слова, совести и вероисповедания, право каждого гражданина на участие в государственных делах, равенство перед законом, право на жизнь, свободу и безопасность, и т.д.).

В XX в. все эти правовые идеи, определявшие разграничение прав и свобод человека и гражданина, а также иные традиционные либеральные ценности, были впоследствии конкретизированы на законодательном уровне и легли в основу правовых систем демократических государств, оказали существенное влияние на развитие национального и международного права.

Так, например, подходы к пониманию категории «гражданское общество» трансформировались на разных этапах общественного развития, в том числе на основе правовых идей, характерных для каждого конкретного этапа. Так, если в античную эпоху данное понятие ассоциировалось с общностью свободных граждан, то в эпоху просвещения и первых буржуазных революций появляются первые ростки теоретического обоснования равенства, свободы, прав граждан. Г.В.Ф. Гегель в учении о гражданском обществе в качестве главного элемента рассматривал человека [1, § 189, с. 217]. Тем не менее правовые идеи, обосновывающие сущность и основные тенденции становления развития гражданского общества, появились благодаря А. Фергюсону, который не только ввел данное понятие в оборот, но и выявил его экономическую платформу [8, с. 289].

Развитие современного общества и построение правового государства немислимо без формирования гражданского общества. Здесь отчетливо видятся две взаимосвязанные проблемы: проблема разработки идеи (теоретической основы) и проблема обустройства самого гражданского общества. При этом идейная составляющая должна обосновывать взаимосвязь гражданского общества и правового государства, где «идеологический компонент» будет способствовать превалированию первого над вторым. Гражданское общество способно противостоять государству, контролировать его деятельность, определять его место и роль, способно сделать государство правовым.

В настоящее время конструкция и функции гражданского общества обустроены на новой правовой платформе. Характерно, что правовая теория продолжает развиваться в сторону познания не только смысла гражданского общества, но и его развития. При этом гражданское общество ассоциируется с саморегулирующейся организацией, стоящей в одном ряду с государством и способной «позволять» государству активно вмешиваться в социально-экономические процессы. В основе же гражданского общества лежит частная собственность. Именно она позволяет членам гражданского общества сохранять экономическое достоинство. Кроме того, концепт, обосновывающий развитие современного гражданского общества, должен содержать ряд позиций, без которых его ценность минимизируется. Это реализация идеи формального равенства; декларация незыблемости частной собственности и политического плюрализма; теоретическое обоснование консенсуса гражданского общества и государства при наличии императива первого над вторым; пути объективированной идеи нормативной самоорганизации и самоуправления гражданского общества; обоснование механизма взаимопроникновения и взаимодействия правового государства и гражданского общества как необходимого условия формирования демократического общества, и создания демократического социально-правового государства.

Для современной правовой мысли характерно понимание того, что правовые идеи являются мировоззренческой основой развития общества, поскольку, выражая в своем содержании

общественные интересы, они способствуют формированию идеологии общества и государства. Непосредственно правовые идеи как мировоззренческая основа развития общества весьма разнообразна, а их генерация обусловлена соответствующим интересом. Некоторые исследователи усматривают здесь определенный дуализм, представляя рождение правовых идей (в частности, идею установления порядка) как самоорганизующийся порядок – порядок органического типа, или как порядок, насаждаемый источником силы и авторитета – порядок механистического типа [4, с. 37]. Здесь трудно не согласиться с мнением, что проблема интересов – это проблема движущей силы правовой среды. Интерес формирует правовую регуляцию, дает нормам реальную жизнь [2, с. 149].

По нашему мнению, концепт интереса, реализуемого через представление о правовых идеях, шире. Он включает в себя интерес политической элиты, способной определить вектор правового развития, и затем, принимаемый обществом, и способен, в конце концов, воплотиться в реальные блага посредством принятия и реализации правовых законов. Такой подход основан на поиске и установлении консенсуса между социальными группами или обществом и прогрессивной социально ориентированной элитой.

Таким образом, мировоззренческой основой развития общества представляют собой наиболее глубокие причины, первопричины его развития и включают взаимодействие разнообразных материальных и духовных, объективных и субъективных, внутренних и внешних факторов. В связи с этим правовые идеи представляют собой как один из элемента мировоззренческой основы развития общества. Но мировоззренческая основа прошлого времени значительно отличается от настоящего времени, а именно идеями, убеждениями и ценностями.

Тем самым, конструкции влияния правовых идей как мировоззренческой основы развития общества зависят от множества факторов: политических, экономических, социальных, духовных. Однако всю палитру конструкции правовых идей можно представить посредством изучения их направленности.

Правовые идеи, генерируемые научными школами, группами ученых и отдельными мыслителями, и, как показывают источники, направлены на обеспечение разнообразных потребностей и интересов. Они служат побудительной силой исторического развития. Потребность представляет собой состояние, обусловленное неудовлетворенностью требованиями организма, направленное на устранение этой неудовлетворенности. Потребности организма (индивида, социальной группы, общества в целом) осознаются и становятся стимулом для генерирования идей правового порядка, способных в свою очередь развить нормативную базу государства для их удовлетворения.

В зависимости от потребности возникают интересы, а затем идеи, способные их обосновать и побудить к удовлетворению. Следует учитывать, что интересы наполняют потребности конкретным социальным содержанием и дают возможность их осознать, выступая в праве в качестве движущей силы при формировании правового государства. Мы согласны с точкой зрения Г.В. Плеханова, который обосновывал, что интерес нужно осознавать применительно к конкретной эпохе [7, с. 260].

Будучи связующим звеном между объективным и субъективным этапами правообразования, интересы выступают в качестве побудительного фактора формирования правовой идеи, которая влияет на законодательную, правотворческую и нормотворческую составляющую правового государства, а также базисом правовой идеологии. При обосновании сущности потребностей и интересов Г.В.Ф. Гегель на первое место ставил духовный фактор, определяя в качестве творца истории мировой разум, и обосновывая, что миром движут вселенские идеи. Действительная идея, дух, который сам себя делит на две идеализованные сферы своего понятия, на семью и гражданское общество, как на сферы своей конечности, чтобы, пройдя через их идеальность, стать для себя бесконечным действительным духом [1, § 262, с. 273].

Правовые идеи могут генерироваться в интересах или вопреки интересам общества отдельными личностями, в том числе базируясь на конкретных теориях. При этом необязательно получать общественный заказ на «произведение» и даже учитывать наличие

предпосылок для мыслительного обоснования правовой необходимости. Историю правовых учений можно представить как результат деятельности великих личностей, но, в то же время следует иметь в виду, что предлагаемые ими идеи не всегда были востребованы, а некоторые из них носили вынужденный, в том числе реакционный характер, а также могли привести к формированию культа личности.

Таким образом, потребности и интересы выступают в качестве побудительной силы идеологической деятельности. В свою очередь правовые идеи, выраженные в потребностях и интересах на любом историческом этапе развития, становятся базисом, на котором формируется государство и общество. Правовые идеи эффективно влияют на жизнедеятельность общества, которое постоянно находится в правовом поле. Соответственно правовые идеи возникают, изменяются и прекращаются вместе с правоотношениями, в то время как потребности и интересы общества не исчезают, а трансформируются, находясь в постоянном развитии. «Главное в конечном итоге – какое место занимает человек в системе ценностей того или иного государственного или общественного строя, какие реальные возможности ему предоставлены обществом, какими правами он пользуется, какое качество жизни ему обеспечивается. Именно данные критерии определяют преимущества и перспективы той или иной социально-политической системы. Это особенно актуально в современных условиях изменяющегося с космической скоростью мира, когда в нашем обществе в процессе его обновления все более остро встает проблема гуманизации, «очеловечения» всей системы общественно-политических отношений» [5, с. 263].

В целом следует сделать вывод, что правовые идеи, являясь одним из наиболее важных компонентов правовой идеологии, а следовательно, существенным элементом правосознания, находятся в тесных взаимоотношениях, возникающих и постоянно развивающихся между ними и иными элементами правосознания, а также внешней средой в целях стабилизации правовой составляющей системы общественных отношений. Таким образом правовые идеи являются важным правовым элементом мировоззренческой основы развития общества, которые способствуют эффективному развитию правового государства и гражданского общества.

Библиографический список

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – Т. 7. – Отдел второй. Гражданское общество. – М.-Л.: Соцэгиз, 1934. – 380 с.
2. Егорова, Н.Е., Помазанский, А.Е., Потапенко, В.С. Интересы в праве: мнение молодых ученых // Журнал российского права. – 2005. – № 9. – С. 149–163.
3. Кашанина, Т.В. Происхождение государства и права: Учебное пособие / Кашанина Т.В. – М.: Высшая школа, 2004. – 325 с.
4. Клименко, А.И. Основные правовые ценности, идеи и концепты в содержании современной правовой идеологии // Закон и право. – 2015. – № 10. – С. 35–41.
5. Комаров, С.А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С.А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 528 с.
6. Мальцев, Г.В. Очерки истории раннего права и государства: монография. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – С. 89–90.
7. Плеханов Г.В. О мнимом кризисе марксизма. Избранные философские произведения в 5 тт. – Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1956. – 824 с.
8. Фергюсон, А. Опыт истории гражданского общества = An Essay on the History of Civil Society: An Essay on the History of Civil Society / А. Фергюсон; Пер. с англ. И.И.Мюрберг; Под ред. М.А. Абрамовой. – М.: РОССПЭН, 2000. – 389 с.

Для цитирования: Сергеева Т.Н. Правовые идеи как мировоззренческая основа развития общества: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). Р. 171–174.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_171

Annotation. *The article is devoted to the problem of legal ideas as the ideological basis for the development of society. The analysis of various concepts for understanding the foundations of development and the influence of legal ideas on them is carried out. In analyzing the topic and writing the article, general scientific methods of cognition (historical and legal method, comparative legal method, dialectical method, analysis and synthesis, deduction and induction) were used, which allowed us to study the problems of legal ideas as the ideological basis of the development of society. The author concludes that legal ideas as the ideological basis for the development of society have an effective impact on the development of civil society and the rule of law.*

Keywords: *legal ideas, civil society, the rule of law, evolution.*

The ideological basis of the development of society is understood as what motivates society to develop, which sets in motion its most important institutions, principles, beliefs, values and ideas. The study of the ideological basis of the development of society has deep historical roots.

The evolution of social development is built through the formation and implementation of various social norms that provide an opportunity for a person to take a certain place in society by determining his legal status. Such an approach on an intuitive level took place already at the stage of formation of the primitive communal system as ensuring the necessary minimum conditions for the normal functioning of the tribal, and then the neighboring community [2, p. 177].

The relationships between individual members of society, as well as social groups, were built on the basis of customs, traditions, and rituals developed in practice, which were equal for all. In the process of further development of social relations, the allocation of individual social strata, and then classes, there is a transformation in the scope of rights, duties, responsibilities of individuals and social strata, depending on their property status. These processes had a serious impact on the formation and development of the public mind, which began to generate new ideas containing ways, directions, and ways of further social development (in particular, it provoked the transition from an appropriating way of farming to a producing one).

It was in such conditions, according to leading legal scholars, that one of the functions of social regulation became aggravated – the establishment of "stable relations" in society [2, p. 177]. At the same time, stability itself was not an end in itself, generating many different benefits for the then existence. At the same time, in the early stages of social development, relationships between individual social groups were built taking into account existing stereotypes. However, as noted by G.V. Maltsev, it was at this time that the first legal ideas arose, and the formation of law as a universal regulator of public relations took place [6, p. 89–90].

It can be confidently stated that in the VI – V centuries BC, the first legal ideas began to form in ancient polis, revealing the problems of forming a certain set of human and civil rights and freedoms, the ideas of democracy, the republic, etc. During the period of feudalism, and then capitalism, on the basis of legal ideas, separate principles, human and civil rights and freedoms were formulated (the principle of class and wordlessness of society, freedom of speech, conscience and religion, the right of every citizen to participate in public affairs, equality before the law, the right to life, freedom and security, etc.) in the twentieth century.

All these legal ideas, which defined the differentiation of human and civil rights and freedoms, as well as other traditional liberal values, were subsequently concretized at the legislative level and formed the basis of the legal systems of democratic states, had a significant impact on the

* **Sergeeva Tatyana Nikolaevna** – Candidate of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Russian State University of Social Technologies. E-mail: sergeeva@yandex.ru

development of national and international law. For example, approaches to understanding the category of "civil society" have been transformed at different stages of social development, including on the basis of legal ideas specific to each specific stage. So, if in the ancient era this concept was associated with the community of free citizens, then in the era of enlightenment and the first bourgeois revolutions, the first sprouts of a theoretical justification of equality, freedom, and citizens' rights appeared. G.V.F. Hegel considered man as the main element in the doctrine of civil society [1, § 189, c. 217]. Nevertheless, legal ideas substantiating the essence and main trends in the formation of the development of civil society appeared thanks to A. Ferguson, who not only introduced this concept into circulation, but also revealed its economic platform [8, p. 289].

The development of modern society and the building of a rule of law state is unthinkable without the formation of a civil society. Two interrelated problems are clearly visible here: the problem of developing an idea (theoretical basis) and the problem of arranging civil society itself. At the same time, the ideological component should substantiate the relationship between civil society and the rule of law, where the "ideological component" will contribute to the predominance of the former over the latter. Civil society is able to resist the state, control its activities, determine its place and role, and make the state legal. Currently, the structure and functions of civil society are arranged on a new legal platform. It is characteristic that the legal theory continues to develop towards understanding not only the meaning of civil society, but also its development.

At the same time, civil society is associated with a self-regulating organization that stands on a par with the state and is able to "allow" the state to actively interfere in socio-economic processes. Civil society is based on private property. It is she who allows members of civil society to maintain economic dignity. In addition, the concept justifying the development of modern civil society should contain a number of positions, without which its value is minimized: the realization of the idea of formal equality; the declaration of the inviolability of private property and political pluralism; the theoretical justification of the consensus of civil society and the state in the presence of the imperative of the first over the second; the ways of the objectified idea of normative self-organization and self-government of civil society; substantiation of the mechanism of interpenetration and interaction of the rule of law and civil society as a necessary condition for the formation of a democratic society and the creation of a democratic socio-legal state. Modern legal thought is characterized by the understanding that legal ideas are the ideological basis for the development of society, since, expressing public interests in their content, they contribute to the formation of the ideology of society and the state. The legal ideas themselves as the ideological basis for the development of society are very diverse, and their generation is conditioned by the corresponding interest. Some researchers see a certain dualism here, presenting the birth of legal ideas (in particular, the idea of establishing order) as a self-organizing order – an order of an organic type, or as an order imposed by a source of power and authority – an order of a mechanistic type [4, p. 37]. Here it is difficult to disagree with the opinion that the problem of interests is the problem of the driving force of the legal environment. Interest forms legal regulation, gives norms a real life [2, p. 149].

In my opinion, the concept of interest realized through the idea of legal ideas is broader. It includes the interest of the political elite, which is able to determine the vector of legal development, and then accepted by society, and is able, in the end, to translate into real benefits through the adoption and implementation of legal laws. This approach is based on the search and establishment of consensus between social groups or society and a progressive socially oriented elite.

Thus, the ideological basis for the development of society are the deepest causes, the root causes of its development and include the interaction of various material and spiritual, objective and subjective, internal and external factors. In this regard, legal ideas represent as one of the elements of the ideological basis for the development of society. But the ideological basis of the past time differs significantly from the present time, namely, ideas, beliefs and values.

Thus, the structures of the influence of legal ideas as the ideological basis for the development of society depend on many factors: political, economic, social, and spiritual. However, the entire palette of the construction of legal ideas can be represented by studying their orientation.

Theory of State and Law

Legal ideas generated by scientific schools, groups of scientists and individual thinkers, and, as sources show, are aimed at meeting diverse needs and interests. They serve as a motivating force for historical development.

The need is presented as a condition caused by dissatisfaction with the requirements of the body, aimed at eliminating this dissatisfaction. The needs of an organism (individual, social group, society as a whole) are realized and become an incentive for generating ideas of a legal order, which in turn can develop the regulatory framework of the state to meet them. Depending on the need, interests arise, and then ideas that can justify them and encourage them to be satisfied. It should be borne in mind that interests fill needs with specific social content and make it possible to realize them, acting in law as a driving force in the formation of a rule of law state. We agree with the point of view of G.V. Plekhanov, who justified that interest should be realized applicable to a specific era [7, p. 260].

Being a link between the objective and subjective stages of legal education, interests act as a motivating factor in the formation of a legal idea that affects the legislative, law-making and rule-making component of the rule of law, as well as the basis of legal ideology. When substantiating the essence of needs and interests, G.V.F. Hegel put the spiritual factor in the first place, defining the world mind as the creator of history, and justifying that the world is driven by universal ideas. The real idea, the spirit, which divides itself into two idealized spheres of its concept, the family and civil society, as spheres of its finitude, in order to, having passed through their ideality, become for itself an infinite real spirit [1, § 262, c. 273].

Legal ideas can be generated in the interests or contrary to the interests of society by individuals, including based on specific theories. At the same time, it is not necessary to receive a public order for a "work" and even take into account the existence of prerequisites for a mental justification of legal necessity. The history of legal doctrines can be presented as the result of the activities of great personalities, but at the same time it should be borne in mind that the ideas they proposed were not always in demand, and some of them were forced, including reactionary, and could also lead to the formation of a cult of personality. Thus, needs and interests act as the driving force of ideological activity. In turn, legal ideas expressed in needs and interests at any historical stage of development become the basis on which the state and society are formed.

Legal ideas effectively influence the life of a society that is constantly in the legal field. Accordingly, legal ideas arise, change and cease along with legal relations, while the needs and interests of society do not disappear, but are transformed, being in constant development. "The main thing in the end is what place a person occupies in the value system of a particular state or social system, what real opportunities are provided to him by society, what rights he enjoys, what quality of life is provided to him. It is these criteria that determine the advantages and prospects of a particular socio-political system. This is especially relevant in the modern conditions of a world changing at cosmic speed, when in our society, in the process of its renewal, the problem of humanization, "humanization" of the entire system of socio-political relations is becoming increasingly acute" [5, p. 263].

The author concludes that legal ideas, being one of the most important components of legal ideology, and therefore an essential element of legal awareness, are in close relationships that arise and constantly develop between them and other elements of legal awareness, as well as the external environment in order to stabilize the legal component of the system of public relations. Thus, legal ideas are an important legal element as a worldview basis for the development of society. Which contribute to the effective development of the rule of law and civil society.

Bibliographic list

1. Hegel, G.V.F. *Philosophy of Law*. V. 7. Section Two. Civil Society. M.-L.: Sotsegiz, 1934. 380 p.
2. Egorova N.E., Pomazansky A.E., Potapenko V.S. Interests in law: the opinion of young scientists // *Journal of Russian Law*. 2005. No. 9. P. 149.
3. Kashanina, T.V. *The origin of the state and law/Textbook* / Kashanina T. V. Moscow: Higher School, 2004. P. 177.

4. Klimenko, A.I. Basic legal values, ideas and concepts in the content of modern legal ideology //Law and law. 2015. No. 10. P. 37.

5. Komarov, S. A. General Theory of State and Law: textbook for universities / S. A. Komarov. – 10th ed., corrected. and additional. Moscow: Publishing House Yurait, 2024. 528 p.

6. Maltsev G.V. Essays on the history of early law and the state: a monograph. Moscow: Publishing House, 2010. Pp. 89–90.

7. Plekhanov G.V. On the imaginary crisis of Marxism. Selected philosophical works in 5 volumes. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat, 1956. P. 260.

8. Ferguson, Adam. The experience of the history of civil society / A. Ferguson; Translated from English by I. I. Murberg; Edited by M. A. Abramov. Moscow: ROSSPAN, 2000. P. 289.

For citation: Sergeeva T.N. Legal ideas as the ideological basis for the development of society: article // Theory of State and Law. 2024. No 4 (41). P. 175–178.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_171

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_179

Н.Г.Соколовский*

ОПТИМИЗАЦИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НА ПРИМЕРЕ ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ

***Аннотация.** В статье анализируются проблемы оптимизации судебного контроля на примере третейских судов. На протяжении длительного времени предпринимаются попытки внедрить в отечественную правовую действительность альтернативные формы урегулирования (разрешения) споров, в целом, и разбирательство дела в третейском суде, в частности. Несмотря на значительный период действия правовых норм в указанной сфере, сохраняются комплексные проблемы, препятствующие субъектам правоотношений в полной мере использовать для защиты прав третейское разбирательство.*

***Ключевые слова:** суд, судебная власть, судебный контроль, третейские суды, процессуальная форма арбитража.*

В системе разделения властей судебная власть выделяется как относительно самостоятельное звено с точки зрения ее функциональной составляющей. Реализация судебного контроля со стороны судебной власти проявляется как во внешнем воздействии на иные звенья механизма разделения властей (внешний контроль), так и в рамках самой судебной системы (внутренний контроль) [11].

Ю.Н. Стариков справедливо отмечает, что судебная власть осуществляется посредством судопроизводства, которое также можно представить в виде специальных правовых процедур, разработанных для данного вида государственной деятельности. Эти процедуры или порядки законодательно установлены в процессуальных кодексах Российской Федерации [19]. Суд наряду с традиционными для него видами деятельности (рассмотрением уголовных дел по первой инстанции, в апелляционном или кассационном порядке, в порядке надзора) наделяется компетенцией судебного контроля за законностью проведения следственных действий, а также решений прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя.

Для отечественной практики это совершенно новый подход к пониманию сущности процесса расследования, его субъектов, их взаимосвязи. Вместе с тем есть необходимость осмысливать первые шаги, своевременно выявлять назревающие проблемы и на этой основе оптимизировать судебный контроль в условиях реформируемой России. Как справедливо отмечал А.Д. Бойков, «необходимо уточнить принципы организации и деятельности судов с учетом не только нашего опыта, но и достижения правовой мысли человечества» [10].

В рамках реформирования российской судебной системы, снижения на них нагрузки по рассмотрению и разрешению определенных юридических конфликтов в Российской Федерации

* **Соколовский Николай Григорьевич** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: matgip2017@yandex.ru

Научный руководитель – **Комаров Сергей Александрович**, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, Заслуженный работник науки и образования РАЕ, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

в начале XXI века с учетом зарубежного опыта был поднят актуальный вопрос о развитии альтернативных способов урегулирования возникших споров правового характера.

На первоначальном этапе развития альтернативных форм разбирательства дел в судах наибольшую популярность и востребованность в настоящее время получили третейские суды.

В результате глобальной российской реформы, проведенной в Российской Федерации в период с 2015 по 2017 г.г. и направленной на установление более жестких требований к созданию и функционированию третейских судов, всего четыре из них продолжили свою деятельность на 01 ноября 2017 года [1]. В сложившихся условиях участники рынка заговорили о «вымирании третейского судопроизводства в России».

В отличие от иных альтернативных форм разбирательства гражданских дел (прежде всего, медиации и судебного примирения), правовое регулирование третейского разбирательства в Российской Федерации и его применение на практике осуществляется с дореволюционного периода [15, с. 26].

Для советского периода развития российского законодательства институт третейских судов был чужд в силу сложившейся в данный период плановой государственной экономики, основанной на господстве государственной собственности и монополии государства в области производства товаров, выполнения работ и оказания услуг. Для разрешения возникавших в тот период юридических споров между хозяйствующими субъектами достаточно было инструментария в форме государственного арбитража. Советское государство, по сути, не нуждалось в альтернативных формах разрешения хозяйственных споров.

В тоже время, несмотря на свою нейтральную позицию и отношение к третейским судам, в указанный период (в 1961 году) СССР ратифицировал Европейскую конвенцию о внешне-торговом арбитраже [6]. Именно данную дату в научной литературе считают отправной точкой развития системы третейских судов в России [16, с. 49].

Действенный механизм их правового регулирования в рамках советского законодательства, определивший бы третейское разбирательство как самостоятельный правовой институт гражданского процесса, так и не был сформирован. В отсутствие проработанной правовой основы создания и функционирования третейские суды в СССР все же образовывались, процедура рассмотрения споров проводилась на основании ГПК РСФСР 1964 г. [7]. При разрешении споров третейские судьи руководствовались гражданским законодательством и множеством ведомственных нормативных актов.

Переход к рыночной экономике, основанной на частной собственности и свободе предпринимательской деятельности, активной инвестиционной политике послужил предпосылкой к пересмотру новым государством своего отношения к развитию в современной России института эффективных альтернативных форм разрешения юридических конфликтов, прежде всего, между субъектами предпринимательства. «Иностранные инвесторы не единожды заявляли о том, что их не устраивает система разрешения коммерческих споров, которые в России рассматривает Государственный арбитраж. Поэтому, зная о преимуществах третейских судов, иностранные партнеры ставят обязательное условие – рассмотрение споров в арбитражах своих стран» [8, с. 27].

В конце 80-х – начале 90-х годов третейские суды стали востребованной формой рассмотрения и разрешения юридических споров, альтернативной государственному арбитражу. После формирования нового социально-правового пространства в 1991 году в российском обществе появилась потребность законодательного урегулирования деятельности третейских судов, которых, в 1992–1993 годах насчитывалось более 4002. Это примерно в пять раз превышало количество государственных арбитражных судов [8, с. 180].

В результате в 90-е годы в рамках регулирования правового положения третейских судов и особенностей третейского разбирательства были приняты следующие правовые акты: «Временное положение о третейском суде для разрешения экономических споров» (1992) [4] и Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338–1 «О международном коммерческом арбитраже» [2].

В целом, правовое регулирование третейского разбирательства в Российской Федерации осуществлялось нормами действовавшего в тот период гражданского и арбитражного процессуального законодательства. Для разрешения гражданских споров было подготовлено «Положение о третейском суде», которое вышло в форме приложения № 3 к Гражданско-процессуальному кодексу РСФСР.

Российский законодатель в основу правового регулирования статуса третейских судов, определения механизма их формирования и функционирования заложил принципы диспозитивности и свободы, предоставив возможность участникам правоотношений самостоятельно создавать модель третейского разбирательства. Данная тенденция соответствует частно-правовым началам отраслей гражданского блока (гражданского, гражданского процессуального и арбитражного процессуального права).

В начале XXI в. (2002 г.) в России был принят и введен в действие Федеральный закон № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» [3].

М. П. Кушарова подчеркивает, что «коммерческий арбитраж зарекомендовал себя как надежный и эффективный способ решения споров с минимальной затратой времени и средств. Третейские суды выполняют не только свою основную функцию как альтернатива государственным судам в решении экономических споров, но и играют важную роль в формировании ответственности в сфере договорных отношений» [16, с. 49]. По мнению А. В. Герасимова и Д. В. Данилова, «...за достаточно короткий срок третейское разбирательство стало одним из наиболее популярных и эффективных альтернативных способов разрешения гражданско-правовых споров» [12, с. 256].

В то же время отдельные авторы указывали, что нормы действующего федерального законодательства о третейских судах не отвечают запросам действительности, и сам суд рассматривается как инструмент злоупотребления своими правами со стороны крупных хозяйствующих субъектов при разрешении возникающих юридических конфликтов [18, с. 52].

О заинтересованности российского государства в развитии третейского разбирательства было отмечено в Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации в 2013 году [5]. В данном нормативном акте государственного стратегического значения, определяющем основные направления законодательной деятельности федерального парламента, В. В. Путин поднял вопрос о необходимости совершенствования системы третейского разбирательства при активном участии в этом процессе представителей бизнес-сообщества: Российского союза промышленников и предпринимателей и Торгово-промышленной палаты.

Во исполнение поручения Президента Российской Федерации работа по совершенствованию законодательства об альтернативных способах разрешения хозяйственных споров проводилась в течение трёх лет. В результате был принят Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», вступивший в силу с 1 сентября 2016 г. [1] и действующий в настоящее время.

Цель совершенствования российского законодательства о третейском разбирательстве заключалась в установлении соответствия российских третейских судов мировым стандартам, в снижении нагрузки по рассмотрению хозяйственных споров на государственные арбитражные суды, в устранении образования так называемых «карманных» третейских судов – третейских судов, аффилированных с одним из участников разбирательства (коммерческой организацией) [17, с. 62].

В результате такой кардинальной реформы система третейских судов значительно модернизировалась. В 2017 году число третейских судов в стране уменьшилось более чем в сто раз. В Министерство юстиции Российской Федерации поступило более 70 заявлений от примерно 40 некоммерческих организаций, на рассмотрении около десятка, полностью завершить оформление смогли только два суда.

Авторы реформы, прежде всего, в лице Министерства юстиции Российской Федерации подчеркивают, что в результате такого глобального совершенствования законодательства Российской Федерации о третейском разбирательстве сектор российского

негосударственного арбитража будет соответствовать мировым стандартам и станет привлекательным для иностранных инвесторов. В своем научном исследовании С. Г. Степурина подчеркнула, что создание сложной процедуры допуска третейских арбитражей к работе будет способствовать повышению уровне доверия субъектов предпринимательства и государственных субъектов к альтернативным способам разрешения юридических конфликтов [20, с. 227].

Нельзя не согласиться с мнением ученых о том, что «закон существенно изменил концептуальные подходы создания и деятельности третейских судов и на наш взгляд не совсем удачные, снизив активность и ограничив свободу участников хозяйствующих субъектов в их образовании» [20, с. 228].

По мнению К. В. Кирьяновой, «ограничение организационно-правовых форм, при которых могут быть созданы третейские суды до некоммерческих организаций является новеллой, которая противоречит сущности института третейского разбирательства и не способствует развитию третейского разбирательства... Указание только на такие организационно-правовые формы как некоммерческие организации при которых возможно создание третейских судов существенным образом снизит востребованность этого правового института» [14, с. 131]. «Включение государства в механизм создания третейских судов» И. Каса охарактеризовал как регрессивный шаг действующего российского законодательства [13, с. 270]. Ужесточение требований «...поставило колоссальные административные барьеры для «входа» в систему третейских судов», считает И. Атласкирова [9, с. 5].

Следовательно, инициатива субъектов предпринимательства по созданию третейских судов (уведомительный порядок) была заменена разрешительной системой, ограничивающей свободу хозяйствующих субъектов по применению альтернативных форм при рассмотрении юридических споров в сфере предпринимательских отношений.

Российское государство, по сути, монополизировало сферу правового регулирования третейских судов и третейского судопроизводства, придав этой системе публичный характер.

В актах Конституционного Суда Российской Федерации также определено соотношение третейского суда и правосудия, подтверждена правомерность обращения частных лиц – на основе автономии воли и права на свободу договора – к третейскому разбирательству в сфере гражданских правоотношений, где допускается разрешение споров посредством общественного саморегулирования, а публичные интересы обеспечиваются законодательными предписаниями, устанавливающими процедуры третейского разбирательства, что предполагает наличие гарантий справедливости и беспристрастности, присущих любому судебному разбирательству. «Практическая значимость рассмотренных доктрин важна для понимания сущности третейского разбирательства, определения места отдельных институтов, выявления основных тенденций совершенствования российского законодательства» [14, с. 132].

Правовое регулирование деятельности третейских судов в России нормами процессуальных кодексов привело к затянувшейся необоснованной дискуссии об отнесении деятельности третейских судов к государственным судебным органам.

По своей природе третейское разбирательство как альтернативная форма государственным судам не может по своей сути являться государственной, тем самым создавать нездоровую конкуренцию двух государственных судебных систем по рассмотрению и разрешению гражданских споров. Основу современного правового регулирования данных общественных отношений в России составляет рассмотрение правовой природы третейских судов как представителей негосударственной системы регуляторов юридических споров, основанной на принципах добровольности и свободе ее применения участниками гражданских правоотношений.

Применение норм гражданского, арбитражного и уголовного процессуального законодательства осуществляется соответствующими государственными судами при осуществлении правосудия по гражданским делам. Третейские суды не входят в государственную судебную систему и при разрешении споров применяют не нормы гражданского (арбитражного)

процессуального права, а руководствуются правилами, установленными Положением о третейском суде, либо по соглашению сторон или самим судом.

На современном этапе правового регулирования третейских судов и третейского разбирательства федеральный законодатель отказался от частно-правовых начал (принципов диспозитивности и свободы поведения участников правоотношений), предусмотрев зависимость арбитража (третейского суда) от государства.

С одной стороны, это нарушает природу третейского разбирательства, его свободу и автономность от государства, но, с другой стороны, был прекращен беспредел тех лиц, которые использовали механизмы третейского суда в своих целях, дискредитируя закон и лишая возможности многих людей, организации защитить свои интересы.

Европейское регулирование правового положения третейских судов основано на широком применении диспозитивных норм, что делает страны Западной Европы привлекательными для осуществления арбитража между иностранными компаниями. Европейский законодатель всегда стремился к унификации нормативных правовых актов об арбитраже, а также к увеличению самостоятельности третейских судов.

Таким образом, правовое регулирование в России третейского разбирательства осуществляется только на федеральном уровне, по аналогии с установлением процедуры реализации государственных форм судопроизводства: гражданского, административного, уголовного и конституционного.

Процессуальные особенности их реализации определены в федеральных конституционных и федеральных законах, в том числе и кодифицированных актах.

В настоящее время правовую основу образования и функционирования третейских судов в Российской Федерации, а также осуществления третейского разбирательства составляют нормы Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

Особенности данного вида альтернативного рассмотрения дела также закреплены в следующих процессуальных кодексах: ГПК РФ и АПК РФ.

Особенность применения третейского разбирательства только к спорам частного характера отразилась и на направлениях законотворческой деятельности в данной области. Третейское разбирательство не подлежит регулированию нормами Уголовного процессуального кодекса РФ, Кодекса об административном судопроизводстве РФ, Кодекса РФ об административных правонарушениях РФ, т.к. оно не может быть применено к спорам публичного характера.

Дальнейшие изменения в правовом регулировании деятельности третейских судов должны быть направлены на повышение авторитета и привлекательности третейского разбирательства, в том числе путем отказа от государственно-разрешительной системы образования третейских судов, за счет пересмотра процедуры их формирования и регистрации. Одним из «вечных» объектов правового регулирования является вопрос компетенции третейского арбитража, о том какие вопросы могут быть переданы на рассмотрение указанному альтернативному государственному суду субъекты (третейскому суду).

Российский законодатель при определении компетенции третейских судов использует, прежде всего, критерий объективной арбитрабельности. При этом предметом третейского разбирательства могут быть только споры, возникающие из гражданского правоотношения. Следовательно, на рассмотрение третейского суда не могут быть переданы споры по делам, возникающим из административных и иных публично-правовых отношений.

Зарубежная практика реализации третейского разбирательства как альтернативной формы охватывает вопросы не только частного характера, но и публичного. Ярким примером является опыт деятельности третейских арбитражей в США, где к предмету рассмотрения и разрешения третейских судов относят дела о банкротстве, споры, вытекающие из антимонопольного законодательства, законодательства о ценных бумагах и патентах.

Следовательно, в настоящее время имеется значительный опыт реализации третейского разбирательства, как в России, так и зарубежных государствах. Базовым понятием при определении широты компетенции третейских судов является термин «арбитрабельность».

В законодательстве Российской Федерации его легальное толкование отсутствует, но является предметом доктрины и судебной практики.

В настоящее время все больше государств, в том числе и Российская Федерация, склоняется в сторону «окончателности» решения третейского суда, ограничивая количество проверок (например, п. 5 ст. 234, п. 5 ст. 240, п. 3 ст. 245 АПК Российской Федерации). На балансе указанных концепций, как правило, и строится правовое регулирование отношений по контролю за арбитражными решениями.

Законодательное закрепление оптимального уровня судебного контроля как залог успешного развития арбитража должны осуществляться на основе баланса интересов государства (частично делегировавшего юрисдикционные полномочия), арбитражей (третейских судов) и участников гражданского оборота; баланса, сложившегося в конкретном государстве на данном этапе его развития (разумеется, с учетом перспективы и желания государства привлекать арбитражи на свою территорию).

Считаем, что при разработке единого процессуального кодекса (для гражданского и арбитражного процесса) следует сохранить «ограниченный» вариант государственного судебного контроля за третейским разбирательством.

Стороны, обратившиеся к данному альтернативному способу урегулирования имеющегося юридического конфликта, должны осознавать, что акт третейского суда в части разрешения юридического конфликта по теме спора обжалованию не подлежит.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в системе способов альтернативного разрешения споров в Российской Федерации третейские суды и третейское разбирательство исторически занимают первое место. На протяжении последних тридцати лет федеральный законодатель уделяет внимание их правовому регулированию и дальнейшему продвижению их применения.

Исходя из практики, именно третейское разбирательство как альтернативный способ разрешения юридических споров востребован в большей мере именно в хозяйственной деятельности. Субъекты предпринимательской деятельности нацелены на быстрое, квалифицированное и эффективное рассмотрение конфликтов, с меньшими рисками для их бизнеса.

С 1 сентября 2016 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Он регулирует порядок образования и деятельности третейских судов и постоянно действующих арбитражных учреждений на территории Российской Федерации, а также арбитраж (третейское разбирательство).

В то же время проведенная реформа законодательства РФ о третейском разбирательстве в 2016 году, с одной стороны, была направлена на наведение порядка в этой сфере, но, с другой стороны, оттолкнула участников рынка от активного применения данного альтернативного способа. Это связано с тем, что в рассматриваемом законе появилось революционное положение о том, что постоянно действующие третейские суды создаваться могут только при некоммерческой организации, которая имеет право осуществлять функции постоянного арбитражного учреждения.

Не допускается создание одного постоянно действующего арбитражного учреждения одновременно при двух и более некоммерческих организаций.

На территории Российской Федерации субъекты малого и среднего бизнеса все больше доверяют разрешение своих юридических проблем государственному арбитражу.

Третейский суд, как орган, осуществляющий защиту гражданских прав, но, в то же время, действующий на основании частноправовой инициативы самих спорящих сторон, не может быть полностью выведен из сферы государственного контроля. Необходимость такого контроля вполне очевидна даже с учетом наличия принципа невмешательства государства в частные дела. И мировая практика свидетельствует, что третейское разбирательство подвергается такому контролю, хотя и с разной степенью его глубины.

Тем не менее, возникает вопрос о границах вмешательства государства в деятельность третейского суда и формах контроля.

Сложившаяся практика в Российской Федерации ограниченного государственного судебного контроля за деятельностью третейского арбитража положительно зарекомендовала себя, и ее принципы должны быть сохранены и при дальнейшем проведении реформы третейского разбирательства. В противном случае применение данного альтернативного разбирательства на практике при предоставлении государственному судебному органу права на отмену решения третейского суда не имела бы смысла.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (часть I). – Ст. 2; Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8457.
2. Закон РФ от 07.07.1993 г. № 5338-1 (ред. от 25.12.2018) «О международном коммерческом арбитраже» (вместе с «Положением о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации», «Положением о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации») // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 1240; Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8411.
3. Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О третейских судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3019; Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 49 (часть I). – Ст. 7523 (утратил силу).
4. Постановление ВС РФ от 24.06.1992 № 3115-1 (ред. от 16.11.1997) «Об утверждении Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1790 (утратил силу).
5. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 «Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию» // Российская газета. – 2013. – № 282. – 13.12.
6. Указ Президиума ВС СССР от 14.05.1962 № 67- VI «О ратификации Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже» // Ведомости ВС СССР. – 1962. – № 20. – Ст. 210.
7. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 31.12.2002) // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407; Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 1. – Ст. 2 (утратил силу).
8. *Алексеева, Т.В.* К вопросу об интеграции третейского разбирательства и переговоров как институтов альтернативного разрешения споров в правовую среду современной России / Т. В. Алексеева // Юридическая наука. – 2015. – № 4. – С. 180. – 186.
9. *Атласкирова, И.* Будет монополия / И. Атласкирова // ЭЖ- Юрист. – 2017. – № 46. – С. 5.
10. *Бойков А.Д.* Конституционные проблемы судебной власти // Вестник Верховного Суда СССР. – 1991. – № 7. – С. 27.
11. *Вороненков Д.Н.* Оптимизация судебного контроля в современной России // Современное право. – 2009. – № 8 // <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles /view/Оптимизация-судебного-контроля-в-современной-России>.
12. *Герасимов, А. В.* Проблемные аспекты третейского разбирательства в условиях реформирования гражданского и арбитражного процесса / Д. Б. Данилов // Общество и право. – 2017. – № 2 (60). – С. 256–259.
13. *Каса, И.* Арбитраж (третейский суд): история создания и правовая природа / И. Каса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 2. – Т. 22. – С. 269–288.
14. *Кирьянова, К. В.* Институт третейского разбирательства в Российской Федерации / К. В. Кирьянова // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). – Казань: Бук, 2016. – С. 130–132.
15. *Кравцов, А. В.* Третейские суды в России / А. В. Кравцов // Управленческие науки. – 2014. – № 4. – С. 26–29.
16. *Кушарова, М. П.* Реформирование третейского судопроизводства / М. П. Кушарова // Могущество Сибири будет прирастать!? // Сборник докладов международного научного форума «Образование и предпринимательство в Сибири: направления взаимодействия и развитие регионов»: в 4-х томах. – Новосибирск, Издательство: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», 2018. – С. 48–51.
17. *Плотников, И. Н.* Судебная система России / И. Н. Плотников, А. В. Лесников // Вопросы частного права. Вып.1: сб науч. ст. и тез. студентов, магистрантов и аспирантов. – Новосибирск: [Изд- во НГТУ], 2015. – С. 61–65.

18. Савченко, М. С. Проблемы института третейского разбирательства в условиях реформирования законодательства о третейских судах / М. С. Савченко, А. С. Грибанова // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 107 (03). – С. 50–59.

19. Старилов Ю.Н. Административные процедуры в системе административного права: содержание, юридическое значение, формирование законодательства // Административная реформа в Республике Узбекистан: опыт и проблемы правового регулирования / Материалы Междунар. симпозиума 29–30 сентября 2007 г. – Ташкент, 2008. – С. 30–31.

20. Степурина, С. Г. Третейская реформа / С. Г. Степурина // Правоприменение. – 2017. – № 1. – С. 227–231.

Для цитирования: Соколовский Н.Г. Оптимизация судебного контроля на примере третейских судов: статья // Теория государства и права. – 2024. – № . – С. 179–186.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_179

OPTIMIZATION OF JUDICIAL REVIEW ON THE EXAMPLE OF ARBITRATION COURTS

Nikolay G. Sokolovsky*

***Annotation.** The article analyzes the problems of optimization of judicial review on the example of arbitration courts. For a long time, attempts have been made to introduce alternative forms of dispute resolution (resolution) in general and arbitration proceedings in particular into the domestic legal reality. Despite the significant period of validity of legal norms in this area, complex problems remain that prevent subjects of legal relations from fully using arbitration proceedings to protect their rights.*

***Key words:** court, judicial power, judicial review, arbitration courts, procedural form of arbitration.*

In the system of separation of powers, the judiciary is distinguished as a relatively independent link in terms of its functional component. The implementation of judicial control by the judiciary is manifested both in the external impact on other links of the mechanism of separation of powers (external control), and within the framework of the judicial system itself (internal control) [11].

Yu. N. Starilov rightly notes that judicial power is exercised through legal proceedings, which can also be represented in the form of special legal procedures developed for this type of state activity. These procedures or orders are legislatively established in the procedural codes of the Russian Federation [19]. The court, along with its traditional types of activity (consideration of criminal cases at first instance, in appellate or cassation proceedings, in supervisory proceedings), is endowed with the competence of judicial control over the legality of investigative actions, as well as decisions of the prosecutor, investigator, inquiry body and inquiry officer.

For domestic practice, this is a completely new approach to understanding the essence of the investigation process, its subjects, and their interrelationships. At the same time, there is a need to understand the first steps, promptly identify emerging problems and, on this basis, optimize judicial review in the context of reforming Russia. As A.D. Boykov rightly noted, “it is necessary to clarify the principles of organization and activities of the courts, taking into account not only our experience, but also the achievements of human legal thought” [10].

* **Sokolovsky Nikolay Grigorievich** – postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education “Law Institute” (St. Petersburg).
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Scientific supervisor – **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of Theorists of State and Law, Scientific Supervisor of the Private Educational Institution of Higher Education “Law Institute” (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Honored Worker of Science and Education of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

As part of the reform of the Russian judicial system, reducing the burden on them to consider and resolve certain legal conflicts in the Russian Federation at the beginning of the 21st century, taking into account foreign experience, an urgent issue was raised about the development of alternative methods of resolving legal disputes that have arisen.

At the initial stage of the development of alternative forms of proceedings in courts, arbitration courts have currently gained the greatest popularity and demand. As a result of the global Russian reform carried out in the Russian Federation from 2015 to 2017 and aimed at establishing stricter requirements for the creation and functioning of arbitration courts, only four of them continued their activities as of November 1, 2017 [1]. In the current conditions, market participants began to talk about the "extinction of arbitration proceedings in Russia". Unlike other alternative forms of civil case resolution (primarily mediation and judicial reconciliation), the legal regulation of arbitration proceedings in the Russian Federation and its application in practice has been carried out since the pre-revolutionary period [15, p. 26].

For the Soviet period of development of Russian legislation, the institution of arbitration courts was alien due to the planned state economy that developed during that period, based on the dominance of state property and the state monopoly in the production of goods, performance of work and provision of services. To resolve the legal disputes that arose between economic entities during that period, the instrumentality of state arbitration was sufficient. The Soviet state, in essence, did not need alternative forms of resolving economic disputes.

At the same time, despite its neutral position and attitude towards arbitration courts, during the specified period (in 1961), the USSR ratified the European Convention on International Commercial Arbitration [6]. It is this date that is considered in scientific literature to be the starting point for the development of the arbitration court system in Russia [16, p. 49].

An effective mechanism for their legal regulation within the framework of Soviet legislation, which would define arbitration as an independent legal institution of civil procedure, was never formed. In the absence of a well-developed legal basis for the creation and functioning of arbitration courts in the USSR, they were nevertheless formed; the procedure for considering disputes was carried out on the basis of the Civil Procedure Code of the RSFSR of 1964 [7]. When resolving disputes, arbitrators were guided by civil legislation and many departmental regulations.

The transition to a market economy based on private property and freedom of entrepreneurial activity, active investment policy served as a prerequisite for the new state to reconsider its attitude to the development in modern Russia of an institution of effective alternative forms of resolving legal conflicts, primarily between business entities. "Foreign investors have repeatedly stated that they are not satisfied with the system of resolving commercial disputes that are considered in Russia by the State Arbitration. Therefore, knowing the advantages of arbitration courts, foreign partners set a mandatory condition – the consideration of disputes in arbitration courts of their countries" [8, p. 27].

In the late 80s – early 90s, arbitration courts became a popular form of consideration and resolution of legal disputes, an alternative to state arbitration. After the formation of a new socio-legal space in 1991, a need arose in Russian society for legislative regulation of the activities of arbitration courts, of which there were more than 4,002 in 1992–1993. This was approximately five times greater than the number of state arbitration courts [8, p. 180].

As a result, in the 1990s, the following legal acts were adopted within the framework of regulating the legal status of arbitration courts and the specifics of arbitration proceedings: "Temporary Regulations on the Arbitration Court for Resolving Economic Disputes" (1992) [4] and the Law of the Russian Federation of July 7, 1993 No. 5338-1 "On International Commercial Arbitration" [2].

In general, legal regulation of arbitration proceedings in the Russian Federation was carried out by the norms of the civil and arbitration procedural legislation in force at that time. To resolve civil disputes, the "Regulations on the Arbitration Court" were prepared, which were issued in the form of Appendix No. 3 to the Civil Procedure Code of the RSFSR.

The Russian legislator laid down the principles of discretion and freedom as the basis for legal regulation of the status of arbitration courts, determining the mechanism for their formation and

functioning, providing the participants in legal relations with the opportunity to independently create a model of arbitration proceedings. This trend corresponds to the private law principles of the civil block branches (civil, civil procedural and arbitration procedural law).

At the beginning of the 21st century (2002), Federal Law No. 102-FZ "On Arbitration Courts in the Russian Federation" was adopted and put into effect in Russia [3].

M. P. Kusharova emphasizes that "commercial arbitration has proven itself as a reliable and effective way of resolving disputes with minimal expenditure of time and money. "Arbitration courts not only perform their primary function as an alternative to state courts in resolving economic disputes, but also play an important role in shaping liability in the sphere of contractual relations" [16, p. 49]. According to A. V. Gerasimov and D. V. Danilov, "...in a relatively short period of time, arbitration has become one of the most popular and effective alternative methods of resolving civil disputes" [12, p. 256].

At the same time, some authors pointed out that the norms of the current federal legislation on arbitration courts do not meet the demands of reality, and the court itself is considered as an instrument for abuse of rights by large economic entities in resolving emerging legal conflicts [18, p. 52].

The interest of the Russian state in the development of arbitration was noted in the Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation in 2013 [5]. In this normative act of state and strategic importance, defining the main directions of legislative activity of the federal parliament, V.V. Putin raised the issue of the need to improve the arbitration system with the active participation in this process of representatives of the business community: the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs and the Chamber of Commerce and Industry.

In pursuance of the instructions of the President of the Russian Federation, work on improving the legislation on alternative methods of resolving business disputes was carried out over a period of three years. As a result, Federal Law No. 382-FZ of 29.12.2015 "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation" was adopted, which entered into force on 1 September 2016 [1] and is currently in force.

The purpose of improving Russian legislation on arbitration proceedings was to establish compliance of Russian arbitration courts with international standards, to reduce the burden of considering commercial disputes on state arbitration courts, and to eliminate the formation of so-called "pocket" arbitration courts – arbitration courts affiliated with one of the participants in the proceedings (a commercial organization) [17, p. 62].

As a result of such a radical reform, the arbitration court system was significantly modernized. In 2017, the number of arbitration courts in the country decreased more than a hundred times. The Ministry of Justice of the Russian Federation received more than 70 applications from approximately 40 non-profit organizations, about ten are under consideration, and only two courts were able to fully complete the paperwork.

The authors of the reform, primarily represented by the Ministry of Justice of the Russian Federation, emphasize that as a result of such a global improvement of the legislation of the Russian Federation on arbitration proceedings, the sector of Russian non-state arbitration will comply with international standards and become attractive to foreign investors. In her scientific research, S. G. Stepurina emphasized that the creation of a complex procedure for admitting arbitration tribunals to work will contribute to increasing the level of trust of business entities and government entities in alternative methods of resolving legal conflicts [20, p. 227].

One cannot but agree with the opinion of scientists that "the law has significantly changed the conceptual approaches to the creation and operation of arbitration courts and, in our opinion, not entirely successful, having reduced activity and limited the freedom of participants in economic entities in their formation" [20, p. 228].

According to K. V. Kiryanova, "the limitation of the organizational and legal forms under which arbitration courts can be created to non-profit organizations is a novelty that contradicts the essence of the institution of arbitration and does not contribute to the development of arbitration... Referring only to such organizational and legal forms as non-profit organizations under which arbitration courts can be created will significantly reduce the demand for this legal institution" [14,

p. 131]. "The inclusion of the state in the mechanism for creating arbitration courts" was described by I. Kas as a regressive step in the current Russian legislation [13, p. 270]. The tightening of requirements "... has put up colossal administrative barriers to "entering" the arbitration court system," according to I. Atlaskirova [9, p. 5].

Consequently, the initiative of business entities to create arbitration courts (notification procedure) was replaced by a permit system, which limits the freedom of business entities to use alternative forms when considering legal disputes in the sphere of business relations.

The Russian state, in essence, monopolized the sphere of legal regulation of arbitration courts and arbitration proceedings, giving this system a public character.

The acts of the Constitutional Court of the Russian Federation also define the relationship between arbitration and justice, confirm the legitimacy of individuals' appeals – on the basis of autonomy of will and the right to freedom of contract – to arbitration in the sphere of civil legal relations, where disputes can be resolved through public self-regulation, and public interests are ensured by legislative provisions establishing arbitration procedures, which presupposes the existence of guarantees of fairness and impartiality inherent in any judicial proceedings. "The practical significance of the considered doctrines is important for understanding the essence of arbitration, determining the place of individual institutions, and identifying the main trends in improving Russian legislation" [14, p. 132].

The legal regulation of the activities of arbitration courts in Russia by the norms of procedural codes has led to a protracted, unfounded discussion about classifying the activities of arbitration courts as state judicial bodies.

By its nature, arbitration as an alternative form to state courts cannot, by its nature, be a state court, thereby creating unhealthy competition between two state judicial systems in the consideration and resolution of civil disputes. The basis of modern legal regulation of these social relations in Russia is the consideration of the legal nature of arbitration courts as representatives of a non-state system of regulators of legal disputes, based on the principles of voluntariness and freedom of its application by participants in civil legal relations.

The application of the norms of civil, arbitration and criminal procedural legislation is carried out by the relevant state courts in the administration of justice in civil cases. Arbitration courts are not part of the state judicial system and, when resolving disputes, do not apply the norms of civil (arbitration) procedural law, but are guided by the rules established by the Regulation on the Arbitration Court, or by agreement of the parties or the court itself.

At the present stage of legal regulation of arbitration courts and arbitration proceedings, the federal legislator has abandoned private law principles (the principles of discretion and freedom of behavior of participants in legal relations), having provided for the dependence of arbitration (arbitration court) on the state.

On the one hand, this violates the nature of arbitration proceedings, its freedom and autonomy from the state, but, on the other hand, the lawlessness of those persons who used the mechanisms of the arbitration court for their own purposes, discrediting the law and depriving many people and organizations of the opportunity to protect their interests, was stopped.

European regulation of the legal status of arbitration courts is based on the widespread use of discretionary rules, which makes Western European countries attractive for arbitration between foreign companies. The European legislator has always sought to unify regulatory legal acts on arbitration, as well as to increase the independence of arbitration courts.

Thus, legal regulation of arbitration in Russia is carried out only at the federal level, by analogy with the establishment of the procedure for implementing state forms of legal proceedings: civil, administrative, criminal and constitutional.

The procedural features of their implementation are defined in federal constitutional and federal laws, including codified acts. Currently, the legal basis for the formation and functioning of arbitration courts in the Russian Federation, as well as the implementation of arbitration proceedings, are the provisions of the Federal Law of 29.12.2015 No. 382-FZ "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation". The features of this type of alternative consideration of the case

are also enshrined in the following procedural codes: the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation.

The specifics of applying arbitration only to disputes of a private nature have also affected the directions of legislative activity in this area. Arbitration proceedings are not subject to regulation by the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of the Russian Federation, since they cannot be applied to disputes of a public nature. Further changes in the legal regulation of the activities of arbitration courts should be aimed at increasing the authority and attractiveness of arbitration proceedings, including by abandoning the state-permit system of formation of arbitration courts, by revising the procedure for their formation and registration. One of the "eternal" objects of legal regulation is the issue of the competence of arbitration, which issues can be transferred for consideration to the said alternative state court subjects (arbitration court).

When determining the competence of arbitration courts, the Russian legislator uses, first of all, the criterion of objective arbitrability. In this case, the subject of arbitration proceedings may only be disputes arising from civil legal relations. Consequently, disputes on cases arising from administrative and other public-law relations cannot be transferred to the arbitration court for consideration.

Foreign practice of implementing arbitration proceedings as an alternative form covers issues of not only a private nature, but also public ones. A striking example is the experience of arbitration arbitrations in the USA, where the subject of consideration and resolution of arbitration courts include bankruptcy cases, disputes arising from antitrust legislation, securities and patent legislation.

Consequently, at present there is significant experience in implementing arbitration proceedings both in Russia and in foreign countries. The basic concept in determining the scope of competence of arbitration courts is the term "arbitrability". In the legislation of the Russian Federation, its legal interpretation is absent, but it is the subject of doctrine and judicial practice.

In reality, more and more states, including the Russian Federation, are leaning towards the "finality" of the arbitration court's decision, limiting the number of reviews (for example, paragraph 5 of Article 234, paragraph 5 of Article 240, paragraph 3 of Article 245 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation). As a rule, the legal regulation of relations on control over arbitration decisions is based on the balance of these concepts.

Legislative consolidation of the optimal level of judicial control as a guarantee of successful development of arbitration should be carried out on the basis of a balance of interests of the state (which partially delegated jurisdictional powers), arbitrations (arbitration courts) and participants in civil turnover; balance that has developed in a specific state at a given stage of its development (of course, taking into account the prospects and desire of the state to attract arbitration to its territory). We believe that when developing a unified procedural code (for civil and arbitration proceedings), a "limited" version of state judicial control over arbitration proceedings should be preserved. Parties that have turned to this alternative method of resolving an existing legal conflict must be aware that the act of the arbitration court in terms of resolving the legal conflict on the subject of the dispute is not subject to appeal.

Thus, based on all of the above, we can conclude that in the system of alternative dispute resolution methods in the Russian Federation, arbitration courts and arbitration proceedings have historically occupied the first place. Over the past thirty years, the federal legislator has paid attention to their legal regulation and further promotion of their application.

Based on practice, it is arbitration as an alternative method of resolving legal disputes that is in greater demand in business activities. Entrepreneurs aim to resolve conflicts quickly, professionally and effectively, with fewer risks for their business. On September 1, 2016, Federal Law No. 382-FZ of December 29, 2015 "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation" came into force. It regulates the procedure for the formation and activities of arbitration courts and permanent arbitration institutions in the territory of the Russian Federation, as well as arbitration (arbitration proceedings). At the same time, the reform of the Russian legislation on arbitration proceedings in 2016, on the one hand, was aimed at establishing order in this area, but, on the other hand, pushed market participants away from the active use of this alternative method. This is due to the fact that

the law under consideration contains a revolutionary provision that permanent arbitration courts can only be created by a non-profit organization that has the right to perform the functions of a permanent arbitration institution. The creation of one permanent arbitration institution simultaneously by two or more non-profit organizations is not permitted.

In the territory of the Russian Federation, small and medium-sized businesses increasingly trust the resolution of their legal problems to state arbitration.

The arbitration court, as a body that protects civil rights, but at the same time acts on the basis of the private law initiative of the disputing parties themselves, cannot be completely removed from the sphere of state control. The need for such control is quite obvious even taking into account the principle of non-interference of the state in private affairs. And world practice shows that arbitration proceedings are subject to such control, although with varying degrees of depth.

Nevertheless, the question arises about the boundaries of state intervention in the activities of the arbitration court and the forms of control. The established practice in the Russian Federation of limited state judicial control over the activities of arbitration arbitration has proven itself positively, and its principles should be preserved in the further implementation of the reform of arbitration proceedings. Otherwise, the practical application of this alternative procedure in granting the state judicial body the right to set aside the arbitral award would be meaningless.

Bibliographic list

1. Federal Law of 29.12.2015 No. 382-FZ (as amended on 27.12.2018) "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation" // www.consultant.ru
2. Law of the Russian Federation of 07.07.1993 No. 5338-I (as amended on 25.12.2018) "On International Commercial Arbitration" (together with the "Regulations on the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation", "Regulations on the Maritime Arbitration Commission at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation") // www.consultant.ru
3. Federal Law of 24.07.2002 No. 102-FZ (as amended on 28.11.2018) "On Arbitration Courts in Russian Federation" (no longer in effect) // www.consultant.ru
4. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.06.1992 No. 3115-1 (as amended on 16.11.1997) "On Approval of the Temporary Regulations on the Arbitration Court for Resolving Economic Disputes" (no longer in effect) www.consultant.ru
5. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 12.12.2013 "Message of the President of the Russian Federation Vladimir Putin to the Federal Assembly" // www.consultant.ru
6. Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR of 14.05.1962 No. 67-VI "On Ratification of the European Convention on Foreign Trade Arbitration" // www.consultant.ru
7. Civil Procedure Code of the RSFSR (approved Supreme Court of the RSFSR June 11, 1964) (as amended on December 31, 2002) // www.consultant.ru
8. Alekseeva, T.V. On the issue of integrating arbitration and negotiations as alternative dispute resolution institutions into the legal environment of modern Russia / T.V. Alekseeva // *Legal Science*. 2015. No. 4. P. 180–186.
9. Atlaskirova, I. There will be a monopoly / I. Atlaskirova // *EZ-Yurist*. 2017. No. 46. P. 5.
10. Boykov A.D. Constitutional problems of the judiciary // *Bulletin of the Supreme Court of the USSR*. 1991. No. 7. P. 27.
11. Voronenkov D.N. Optimization of judicial review in modern Russia // *Modern law* / 2009. No. 8.
12. Gerasimov, A.V. Problematic aspects of arbitration proceedings in the context of reforming the civil and arbitration process // *Society and law*. 2017. No. 2 (60). P. 256–259.
13. Kasa, I. Arbitration (arbitration court): history of creation and legal nature / I. Kasa // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*. 2018. No. 2. Vol. 22. P. 269–288.
14. Kiryanova, K.V. Institute of arbitration proceedings in the Russian Federation / K.V. Kiryanova // *Legal sciences: problems and prospects: materials of the IV Int. scientific conf. (Kazan, May 2016)*. Kazan: Buk, 2016. Pp. 130–132.
15. Kravtsov, A.V. Arbitration courts in Russia / A.V. Kravtsov // *Management sciences*. 2014. No. 4. Pp. 26–29.
16. Kusharova, M.P. Reforming arbitration proceedings / M.P. Kusharova // *Will the power of Siberia grow!? // Collection of reports of the international scientific forum "Education and entrepreneurship in Siberia: areas of interaction and development of regions": in 4 volumes*. Novosibirsk, Publisher: Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH", 2018. Pp. 48–51.

17. Plotnikov, I.N. The judicial system of Russia / I.N. Plotnikov, A.V. Lesnikov // Issues of private law. Issue 1: collection. scientific articles and theses of students, master's degree students and postgraduates. Novosibirsk: Publishing house of NSTU, 2015. Pp. 61–65.

18. Savchenko, M.S. Problems of the institute of arbitration proceedings in the context of reforming the legislation on arbitration courts / M.S. Savchenko, A.S. Gribanova // Scientific journal of KubSAU. 2015. No. 107 (03). Pp. 50–59.

19. Starilov Yu.N. Administrative procedures in the system of administrative law: content, legal significance, formation of legislation // Administrative reform in the Republic of Uzbekistan: experience and problems of legal regulation / Proceedings of the International. symposium on September 29–30, 2007. Tashkent, 2008. Pp. 30–31.

20. Stepurina, S. G. Arbitration reform / S. G. Stepurina // Law enforcement. 2017. No. 1. P. 227–231.

For citation: Sokolovsky N.G. Optimization of judicial review on the example of arbitration courts: article // Theory of State and Law. 2024. No. 4 (41). P. 186–192.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_179

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_193

А.В. Солодовникова*

МОРАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

***Аннотация.** Статья посвящена проблемным моментам внедрения технологий искусственного интеллекта в жизнедеятельность современного общества в интересах устойчивого развития. В работе отмечены базовые морально-этические принципы использования искусственного интеллекта, выявлены факторы морально-этических рисков его использования, уделено внимание проблеме определения места искусственного интеллекта в структуре правоотношения. Автором сделаны выводы о степени вмешательства государства в регулирование искусственного интеллекта.*

***Ключевые слова:** устойчивое развитие мораль, право, искусственный интеллект, цифровые технологии, правовое регулирование*

Устойчивое развитие в настоящее время рассматривается как приоритетное направление в функционировании общества, которое сочетает решение экономических и социальных задач, исключая причинение экологического ущерба окружающей природной среде. Целью такого развития является обеспечение экологической безопасности общества, когда удовлетворение потребностей современного общества не будет подрывать способность удовлетворять свои потребности будущим поколениям. Такое развитие современного общества невозможно представить без использования высоких технологий и, в частности, систем искусственного интеллекта [7].

Масштабная цифровизация поглотила самые разнообразные сферы нашей жизнедеятельности, что детерминировало активное применение технологий искусственного интеллекта в медицине, финансовом секторе, государственном управлении, правоохранительной деятельности, науке, военном деле и во многих других направлениях. То, что совсем недавно казалось фантастикой, в современном мире стало реальностью. В повседневной жизни обычные люди, даже не всегда это осознавая, ежедневно сталкиваются с работой систем искусственного интеллекта, использование которого порождает ряд моральных и правовых вопросов. Такие вопросы возникают не только перед разработчиками систем искусственного интеллекта, государством, но и пред всем человечеством, поскольку затрагивают интересы каждого.

Регулирование общественных отношений в сфере использования искусственного интеллекта сейчас находится на этапе становления и усложняется процессом активного совершенствования самих систем искусственного интеллекта, что будет требовать постоянного обновления регулятивной базы, а также выработки согласованных норм и правил на международном уровне. Первостепенное значение имеет закрепление общих принципов регулирования рассматриваемой сферы, как морально-этического характера, так и правового в целях обеспечения безопасного для человечества использования современных технологий. Искусственный интеллект можно оценивать как цивилизационный проект и крайне важно

* **Солодовникова Альбина Владимировна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева. E-mail: a.v.solodovnikova@mail.ru

обеспечить минимальные риски при его использовании. Регулирование сферы искусственного интеллекта должно включать в себя различные аспекты, связанные с обеспечением безопасности, проблемами ответственности и защиты прав и интересов участвующих субъектов.

На основе «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [2] Альянсом в сфере искусственного интеллекта Российской Федерации, Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации, Министерством экономического развития, представителями научного и бизнес-сообщества был разработан «Кодекс этики искусственного интеллекта». Его утверждение состоялось на I международном форуме «Этика искусственного интеллекта (ИИ): начало доверия», проведенном в г. Москва 26 октября 2021 г. [5].

Данный кодекс, не обладающий обязательной силой, рассматривается как элемент добровольного саморегулирования системы, когда заинтересованные игроки самостоятельно вырабатывают правила взаимодействия с новыми технологиями в целях обеспечения безопасности для человека. В нем четко определена сфера его применения – отношения по созданию, внедрению и использованию систем искусственного интеллекта на всех этапах жизненного цикла исключительно в гражданских невоенных целях, не урегулированные нормами законодательства либо актами технического регулирования. Закрепленный им перечень принципов достаточно обширен, первоочередное место среди них отведено человеку-ориентированному и гуманистическому подходу, рассматривающему человека, его права и свободы при развитии технологий искусственного интеллекта как наивысшую ценность.

Нашли отражение и такие принципы как законность, недопустимость дискриминации, оценка потенциальных рисков использования систем искусственного интеллекта, принцип ответственности, принцип ответственного отношения к вопросам влияния систем искусственного интеллекта на общество и граждан, недопустимость причинения вреда, принцип безопасности, в том числе информационной, конфиденциальность, использование систем искусственного интеллекта исключительно в соответствии с заявленным назначением, информационная прозрачность и правдивость.

Представленные в кодексе принципы имеют не только национальное, но и транснациональное значение, поскольку сфера информационных технологий обладает всеобъемлющим характером, а зарубежные компании проявляют себя не только в технологическом соперничестве, но и во взаимодействии. «Кодекс этики искусственного интеллекта» стал разумным ответом на те вызовы и риски, которые несет в себе использование технологий искусственного интеллекта.

Среди таких вызовов морально-этического содержания при использовании искусственного интеллекта следует обозначить проблему замещения им рабочих мест, ранее занимаемых человеком. Появляется все больше сфер, где трудовую функцию человека замещают роботизированной техникой, управляемой с помощью искусственного интеллекта, в результате чего человек утрачивает свою социально-трудовую значимость, вынужден менять квалификацию и даже может лишиться средств к существованию.

С другой стороны, во многих сферах профессиональной деятельности искусственный интеллект, наоборот, помогает работнику в выполнении трудовой функции, облегчает его труд и способствует росту производительности. Поэтому так важно установление справедливых начал в использовании искусственного интеллекта. Отдельный блок морально-этических проблем порождает использование данных технологий в военных целях, что не укладывается в уже установленные начала регулирования и требует отдельной детальной проработки.

В России, определяя искусственный интеллект, исходят из того, что это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности

человека или превосходящие их. Отмечается, что комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Аналогичная формулировка нашла закрепление в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [1].

Легальное закрепление определения термина искусственный интеллект необходимо для дальнейшего определения правового статуса данной системы, установления правовых оснований для его использования и формирования соответствующей системы контроля, а также для решения вопросов ответственности за действия совершенные в результате использования искусственным интеллектом.

Поскольку в настоящее время правовое регулирование искусственного интеллекта находится на этапе становления и разработки, комплексный подход еще не выработан. Это обусловлено тем, в том числе отсутствием четкого сформулированного в законодательстве статуса искусственного интеллекта в структуре правоотношения. В научных кругах продолжается оживленная дискуссия относительно вопроса является ли искусственный интеллект объектом правового регулирования, либо его стоит рассматривать в качестве субъекта права. Так, Д.С. Гришин выступил с предложением о внесении в часть первую Гражданского кодекса отдельной главы «Роботизированные агенты», закрепляющей правосубъектность роботов-агентов, работающих на основе технологий искусственного интеллекта [3].

Похожей позиции придерживаются В.В. Архипов и В.Б. Наумов. Существует мнение – рассматривать искусственный интеллект в качестве правовой фикции аналогично статусу юридического лица. Е.В. Пономарева и А.А. Головина и другие авторы предлагают относить искусственный интеллект к категории квазисубъектов, являющимися объектами права, но наделенными чертами субъекта права [4; 9]. В свою очередь председатель Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин выразил категоричное несогласие с наделением искусственного интеллекта правосубъектностью и приданием ему статуса субъекта права, выразив мнение что данное явление должно рассматриваться исключительно в качестве объекта права со всеми вытекающими из этого последствиями [6]. От того как впоследствии будет разрешена данная дискуссия во многом зависит регулирование ответственности за вред, причиненный при использовании искусственного интеллекта.

Сейчас искусственный интеллект применяется в самых разнообразных сферах жизнедеятельности общества, в рамках которых в той и ли иной степени оформляется правовое регулирование узконаправленного характера. Так системы искусственного интеллекта активно внедряются в осуществление правоохранительной деятельности, сопряженной с необходимостью обработки больших массивов информации и принятия информационно-тактических решений. В целях поддержания правопорядка в крупных городах внедряется и действует система распознавания лиц, связанная с системой уличного видеонаблюдения, реализуемая в рамках программы «Безопасный город», что позволило одновременно снизить уровень преступности и повысить степень раскрываемости преступлений. Для осуществления предварительного расследования преступлений на основе искусственного интеллекта разработаны специальные программы, способные по совокупности признаков совершенных насильственных действий, строить наиболее вероятный портрет серийного преступника, что помогает вырабатывать следственные версии и более эффективно осуществлять расследование.

С 2024 г. начал реализацию проект «Правосудие онлайн», в структуру работы которого как отметил председатель Совета судей России В. Мамонтов «будут встроены вспомогательные элементы, с помощью которых можно определить подсудность дела, рассчитать и оплатить госпошлину, а также стандартные формы и справочники исковых требований, что

позволит упростить и ускорить обращение в суд лицам, нуждающимся в судебной защите» [5]. Это свидетельствует об активном внедрении искусственного интеллекта в судебную практику, плюсы его использования несомненны, он поможет повысить качество и скорость судопроизводства, свести к минимуму возможные судебные ошибки, но проблемным моментом пока еще остается отсутствие законодательно очерченных границ его применения.

Таким образом, в мировой практике сложилось несколько подходов к проблеме вмешательства государства в вопросы регулирования отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта. Европейский союз и входящие в него страны придерживаются модели «твердого регулирования» и ведут активную нормотворческую работу в сфере использования искусственного интеллекта. Противоположной позиции придерживается Израиль, допускающий минимальное участие государства в использовании подобного рода технологий.

Представляется целесообразным сбалансированный подход к решению данной проблемы, государство должно участвовать в регулировании отношений с использованием искусственного интеллекта, но не мешать его развитию, грамотно сочетая дальнейшее совершенствование технологий с минимизацией возможных рисков от их использования. При этом важно отметить, что сами системы искусственного интеллекта на текущем уровне развития создаются человеком и не обладают собственным сознанием и результаты их использования зависят именно от создателя, что не допускает придания им самостоятельной правосубъектности.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // www.consultant.ru
2. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // www.consultant.ru
3. *Бойко А. Дмитрий Гришин* представил проект регулирования правового статуса роботов в России // URL.: <https://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov>
4. *Головина А.А.* Квасисубъекты права в современной теории правоотношений: понятие и перспективы развития в XXI в. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 4. – С. 149–157.
5. *Емельяненко В.* В России подписан "Кодекс этики искусственного интеллекта" // URL.: <https://rg.ru/2021/10/26/v-rossii-podpisan-kodeks-etiki-iskusstvennogo-intellekta.html>
6. *Зорькин В.Д.* Право и вызовы искусственного интеллекта // URL.: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovu-iskusstvennogo-intellekta.html>
7. *Комаров С.А. и др.* Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография / Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.
8. *Куликов В.* На госуслугах запустят сервис "Правосудие-онлайн" // URL.: <https://rg.ru/2023/03/20/posporim-na-gadzhetah.html>
9. *Пономарева Е.В.* Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук / Пономарева Елена Владимировна. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. – 208 с.

Для цитирования: *Солодовникова А.В.* Моральные и правовые аспекты использования искусственного интеллекта в интересах устойчивого развития: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 193–196.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_193

**MORAL AND LEGAL ASPECTS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE
IN THE INTERESTS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT**

Annotation. *The article is devoted to the problematic aspects of introducing artificial intelligence technologies into the life of modern society in the interests of sustainable development. The work notes the basic moral and ethical principles of using artificial intelligence, identifies the factors of moral and ethical risks of its use, and pays attention to the problem of determining the place of artificial intelligence in the structure of legal relations. The author draws conclusions about the degree of government intervention in the regulation of artificial intelligence.*

Key words: *sustainable development, morality, law, artificial intelligence, digital technologies, legal regulation*

Sustainable development is currently considered a priority area in the functioning of society, which combines the solution of economic and social problems, excluding environmental damage to the natural environment. The goal of such development is to ensure the environmental safety of society, when meeting the needs of modern society will not undermine the ability of future generations to meet their needs. Such development of modern society is impossible to imagine without the use of high technologies and, in particular, artificial intelligence systems [7].

Large-scale digitalization has absorbed the most diverse areas of our life, which has determined the active use of artificial intelligence technologies in medicine, the financial sector, public administration, law enforcement, science, military affairs and many other areas. What recently seemed like science fiction has become a reality in the modern world. In everyday life, ordinary people, even without always realizing it, are daily confronted with the work of artificial intelligence systems, the use of which gives rise to a number of moral and legal issues. Such issues arise not only for the developers of artificial intelligence systems, the state, but also for all of humanity, since they affect the interests of everyone.

The regulation of public relations in the field of artificial intelligence is currently at the stage of formation and is complicated by the process of active improvement of the artificial intelligence systems themselves, which will require constant updating of the regulatory framework, as well as the development of agreed norms and rules at the international level. Of primary importance is the consolidation of general principles of regulation of the area in question, both moral and ethical, and legal in order to ensure safe use of modern technologies for humanity. Artificial intelligence can be assessed as a civilizational project and it is extremely important to ensure minimal risks when using it. Regulation of the artificial intelligence sphere should include various aspects related to ensuring security, liability issues and protecting the rights and interests of the entities involved.

Based on the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030", approved by the Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" [2], the Alliance in the Sphere of Artificial Intelligence of the Russian Federation, the Analytical Center under the Government of the Russian Federation, the Ministry of Economic Development, representatives of the scientific and business community developed the "Code of Ethics of Artificial Intelligence". It was approved at the 1st International Forum "Ethics of Artificial Intelligence (AI): the Beginning of Trust", held in Moscow on October 26, 2021 [5].

This code, which does not have mandatory force, is considered as an element of voluntary self-regulation of the system, when interested players independently develop rules for interaction with new technologies in order to ensure safety for humans. It clearly defines the scope of its application – relations on the creation, implementation and use of artificial intelligence systems at all stages of the life cycle exclusively for civilian non-military purposes, not regulated by legislative norms or

* **Solodovnikova Albina Vladimirovna**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev. E-mail: a.v.solodovnikova@mail.ru

technical regulations. The list of principles it establishes is quite extensive, the first place among them is given to a human-oriented and humanistic approach, considering a person, his rights and freedoms in the development of artificial intelligence technologies as the highest value. The principles reflected include legality, non-discrimination, assessment of potential risks of using artificial intelligence systems, the principle of responsibility, the principle of responsible attitude to issues of the impact of artificial intelligence systems on society and citizens, non-infringement of harm, the principle of security, including information security, confidentiality, use of artificial intelligence systems exclusively in accordance with their stated purpose, information transparency and truthfulness.

The principles presented in the code have not only national but also transnational significance, since the information technology sector is comprehensive in nature, and foreign companies manifest themselves not only in technological rivalry, but also in interaction. The "Code of Ethics for Artificial Intelligence" has become a reasonable response to the challenges and risks that the use of artificial intelligence technologies entails.

Among such challenges of moral and ethical content when using artificial intelligence, the problem of its replacement of jobs previously occupied by humans should be identified. More and more areas are emerging where human labor functions are replaced by robotic technology controlled by artificial intelligence, as a result of which a person loses his social and labor significance, is forced to change his qualifications and may even lose his livelihood.

On the other hand, in many areas of professional activity, artificial intelligence, on the contrary, helps the employee in performing his work function, facilitates his work and promotes productivity growth. Therefore, it is so important to establish fair principles in the use of artificial intelligence. A separate block of moral and ethical problems is generated by the use of these technologies for military purposes, which does not fit into the already established principles of regulation and requires separate detailed development. In Russia, when defining artificial intelligence, they proceed from the fact that this is a set of technological solutions that allow simulating human cognitive functions (including finding solutions without a predetermined algorithm) and obtaining results when performing specific tasks comparable to the results of human intellectual activity or surpassing them. It is noted that the set of technological solutions includes information and communication infrastructure, software (including that using machine learning methods), processes and services for data processing and finding solutions. A similar wording was enshrined in the Federal Law of 24.04.2020 No. 123-FZ "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the constituent entity of the Russian Federation – the city of federal significance Moscow and amending Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data" [1].

Legal consolidation of the definition of the term artificial intelligence is necessary for further determination of the legal status of this system, establishment of legal grounds for its use and formation of an appropriate control system, as well as for resolving issues of liability for actions committed as a result of the use of artificial intelligence.

Since legal regulation of artificial intelligence is currently at the stage of formation and development, a comprehensive approach has not yet been developed. This is due, among other things, to the lack of a clearly formulated status of artificial intelligence in the structure of legal relations in the legislation. A lively debate continues in scientific circles regarding the question of whether artificial intelligence is an object of legal regulation or should it be considered a subject of law. Thus, D.S. Grishin proposed introducing a separate chapter "Robotized Agents" into Part One of the Civil Code, which would establish the legal personality of robotic agents operating on the basis of artificial intelligence technologies [3].

A similar position is held by V.V. Arkhipov and V.B. Naumov. There is an opinion to consider artificial intelligence as a legal fiction similar to the status of a legal entity. E.V. Ponomareva and A.A. Golovina and other authors propose to classify artificial intelligence as a category of quasi-subjects that are objects of law, but endowed with the characteristics of a subject of law [4; 9]. In turn, the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zorkin expressed categorical disagreement with the endowment of artificial intelligence with legal personality and the status of a

subject of law, expressing the opinion that this phenomenon should be considered exclusively as an object of law with all the ensuing consequences [6]. The regulation of liability for harm caused by the use of artificial intelligence largely depends on how this discussion is subsequently resolved.

Nowadays, artificial intelligence is used in a wide variety of areas of society, within the framework of which, to one degree or another, legal regulation of a narrow nature is formalized. Thus, artificial intelligence systems are actively introduced into law enforcement activities associated with the need to process large amounts of information and make information and tactical decisions. In order to maintain law and order in large cities, a facial recognition system is being introduced and is in operation, linked to a street video surveillance system, implemented within the framework of the Safe City program, which has allowed to simultaneously reduce the crime rate and increase the degree of crime detection. To carry out preliminary investigations of crimes based on artificial intelligence, special programs have been developed that are capable of constructing the most probable portrait of a serial criminal based on a set of signs of committed violent acts, which helps to develop investigative versions and more effectively carry out the investigation.

Since 2024, the project "Justice Online" has been implemented, in the structure of which, as noted by the Chairman of the Council of Judges of Russia V. Mamontov, "auxiliary elements will be built in, with the help of which it will be possible to determine the jurisdiction of the case, calculate and pay the state fee, as well as standard forms and reference books of claims, which will simplify and speed up the appeal to the court for persons in need of judicial protection" [5]. This indicates the active introduction of artificial intelligence into judicial practice, the advantages of its use are undeniable, it will help to improve the quality and speed of legal proceedings, minimize possible judicial errors, but the problematic point is still the lack of legislatively defined boundaries for its application. Thus, several approaches to the problem of state intervention in matters of regulating relations related to the use of artificial intelligence have developed in world practice. The European Union and its member countries adhere to the model of "firm regulation" and are actively working on normative work in the field of artificial intelligence. Israel adheres to the opposite position, allowing minimal state participation in the use of such technologies.

A balanced approach to solving this problem seems appropriate, the state should participate in regulating relations with the use of artificial intelligence, but not interfere with its development, competently combining further improvement of technologies with minimization of possible risks from their use. It is important to note that artificial intelligence systems themselves at the current level of development are created by humans and do not have their own consciousness, and the results of their use depend on the creator, which does not allow them to be given independent legal personality.

Bibliographic list

1. Federal Law of 24.04.2020 No. 123-FZ "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the constituent entity of the Russian Federation – the city of federal significance Moscow and amending Articles 6 and 10 of the Federal Law "On personal data" // www.consultant.ru
2. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" // www.consultant.ru
3. Boyko A. Dmitry Grishin presented a draft regulation of the legal status of robots in Russia // URL.: <https://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov>
4. Golovina A.A. Quasi-subjects of law in the modern theory of legal relations: concept and development prospects in the 21st century // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2023. No. 4. P. 149–157.
5. Emelyanenko V. The "Code of Ethics of Artificial Intelligence" has been signed in Russia // URL.: <https://rg.ru/2021/10/26/v-rossii-podpisan-kodeks-etiki-iskusstvennogo-intellekta.html>
6. Zorkin V.D. Law and Challenges of Artificial Intelligence // URL.: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html>
7. Komarov S.A. and others. Theoretical and legal paradigm of the existence of a cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house of MATGiP, 2022. 320 p.

8. Kulikov V. The "Justice-online" service will be launched on government services // URL.: <https://rg.ru/2023/03/20/posporim-na-gadzheta.html>

9. Ponomareva E.V. Subjects and quasi-subjects of law: theoretical and legal problems of delineation: dis. ... candidate of legal sciences / Ponomareva Elena Vladimirovna. Ekaterinburg: Ural State Law University, 2019. 208 p.

For citation: Solodovnikova A.V. Moral and legal aspects of using artificial intelligence in the interests of sustainable development: article // Theory of State and Law. 2024. No. 4 (41). P. 197–200.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_193

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_201

Р.П. Трухан*

Е.Ю. Цуканова**

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ АКЦЕССОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

***Аннотация.** Статья посвящена проблемам применения историко-правового подхода к исследованию акцессорных связей в гражданском праве. Вопрос рассматривается на примере генезиса законодательства, судебной практики и правовой доктрины в отношении акцессорных обязательств. Сделан вывод о необходимости новой периодизации данного процесса, а также о взаимосвязи современного понимания акцессорных обязательств и особенностей развития данного института. Установление исторической преемственности понимания акцессорного характера обеспечительных обязательств позволяет глубже понять сущность акцессорной связи как самостоятельного типа правовой связи.*

***Ключевые слова:** система, акцессорная связь, субсидиарность, дополненность, акцессорное обязательство, обеспечение исполнения обязательств.*

Введение. Акцессорная связь (или акцессорность) как правовая категория рассматривается чаще всего в сфере обеспечения исполнения обязательств [15, с. 5], что не случайно, так как сегодня в юридической науке именно обязательства признаются одним из наиболее древних правовых институтов, для генезиса которого характерно, как изначально достаточно развитое законодательство, так и интерес доктрины, что сегодня увязывается даже с историей юридической технологии [11, с. 76]. По этим причинам для исследования вопросов современного отражения акцессорной связи в праве будет полезным применение историко-правового подхода, благодаря чему могут оказаться значимыми те особенности правового регулирования данного вида акцессорной связи, которые имели место ранее. Соответственно, такое исследование может быть полезным и с точки зрения уточнения функций тех или иных разновидностей юридической практики [18, с. 40], процессуальных форм реализации прав [16, с. 20], совершенствования законодательства [5, с. 39] и практики его применения судами [10, с. 89].

Периодизация развития института акцессорных обязательств. В своей основе развитие института акцессорных обязательств обычно рассматривается с точки зрения таких периодов как 1) древний период, 2) средневековый период, 3) период Нового времени и 4) период XX – XXI веков.

Между тем, представляется, что предлагаемая периодизация нуждается в уточнении. В частности, древний период может быть условно разделен на «доримский» и «римский», средневековый период и период Нового времени, напротив, следует объединить в период

* **Трухан Роман Петрович**, Заместитель начальника судебно-договорного отдела Правового управления ООО «НОВАТЭК-ТАРКОСАЛЕНЕФТЕГАЗ», соискатель ученой степени кандидата юридических наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»). E-mail: roman-trukhan@yandex.ru

** **Цуканова Елена Юрьевна**, профессор кафедры гражданского права и процесса, и.о. проректора по воспитательной и молодежной политике Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), доктор юридических наук, доцент. E-mail: tsukanova@bsu.edu.ru

рецепции положений римского права об исполнении акцессорных обязательств, затянувшейся вплоть до конца XIX века, тогда как для российского права целесообразным будет разделить период XX – XXI веков на «советский» и «постсоветский» (современный) этапы, получив, таким образом, пять отдельных периодов.

Ранний (до римский) период понимания акцессорных обязательств. Учет свойств акцессорности, ее применение в качестве правового средства и юридического инструмента, имеет глубокие корни, хотя самые древние («первоначальные») акцессорные права или обязательства чаще всего и не имели основных структурных и содержательных характеристик современного субъективного гражданского права, являясь, в лучшем случае, неким подобием современной конструкции охраняемого законом имущественного интереса или частным проявлением правового обычая, а то и не имея даже таких «усеченных» признаков вовсе.

Отдельные исследователи приводят характеристики древних правовых феноменов, позволяющие считать, что прообразы акцессорных правоотношений существовали уже в Древнем Египте [19, с. 323] и Индии [9, с. 176], однако, анализ данной литературы показывает, что, скорее всего, речь идет лишь о неких дополнительных социальных привилегиях для представителей конкретных страт или каст при наличии у них первоначальных гражданских прав имущественного характера. То же самое можно сказать и о праве Древней Греции, где социальные правовые последствия возможной акцессорной связи между обязательствами увязывались с полом или гражданством (точнее, постоянством проживания в конкретном полисе) их обладателя, иными аналогичными критериями, причем сами акцессорные связи имели более вещно-правовой (в части взаимосвязи вещи и ее принадлежности), а не обязательственно-правовой характер [7, с. 171]. Таким образом, на данном этапе акцессорность обычно подразумевает лишь вещно-правовые связи, до конструирования акцессорных обязательств доктрина пока не дошла.

Римский этап генезиса акцессорности как правового явления. Начало правовому регулированию акцессорных обязательств в их современном понимании было положено римским частным правом. С самого начала акцессорность предполагала наличие, наряду с основным, также и дополнительного обязательства по гражданско-правовому договору. Основным свойством акцессорного обязательства, с точки зрения Ульпиана, было его прекращение непосредственно с прекращением основного гражданско-правового обязательства.

В римском частном праве было распространено два основных средства обеспечения исполнения обязательств: исполнение должником обязательства могло гарантироваться, либо другим лицом (личное поручительство), либо вещью (обычно – в виде залога) [22, с. 457]. В обоих случаях речь шла об акцессорных обязательствах, законодательное установление которых и практика применения данных норм были, тем не менее, различны. Так, гарантийные обязательства поручителя в Институциях Гая подчинялись принципу функциональной дополнительной, то есть, с прекращением основного обязательства обычно прекращалась ответственность поручителя [6, с. 518].

Исследователи отмечают следующие черты акцессорности в римском частном праве: в случае прекращения обязательств прекращались и дополнительные обязательства [14, с. 56], действительность акцессорного правоотношения предопределена действительностью основного правоотношения [20, с. 10], нет основного обязательства – нет и обязательства дополнительного. Одновременно, акцессорные обязательства обрели и некоторые процедурно-процессуальные свойства [12, с. 88], как согласованный механизм их взаимосвязи с обязательствами основными [17, с. 44].

Таким образом, в римском частном праве наблюдается формирование концепции акцессорных и принципиальных обязательств, которая в будущем именно в таком виде была унаследована, как англо-саксонской правовой системой, так и романо-германской правовой системой. Акцессорные обязательства первоначально выражались в поручительстве, впоследствии трансформировавшемся в институт добавочного должника, а затем уже в институтах римского права, аналогичных современному залогоу – вначале в виде залога движимых вещей,

предполагавших передачу предмета залога во владение залогодержателю-кредитору, а затем уже и в качестве залога недвижимости (ипотеки), не предусматривающего переход владения.

Период рецепции норм римского права в европейские правовые системы. В аспекте настоящего исследования значимым будет выделение двух типов рецепции римского права: восточноевропейского (византийского) и западноевропейского типа. Для первого типа свойственны единство и четкость идеологической основы, отсутствие глубокой научно-теоретической базы, не во всех случаях обязательная обусловленность потребностями, ограниченность несколькими видами рецепции, тогда как для второго характерны плюрализм политических и правовых мнений, наличие достаточных методологических оснований, представление результатов рецепции в виде компромисса различных общественных сил, обусловленность нуждами населения [13, с. 189].

Сама рецепция римского частного права происходила поэтапно. Обычно выделяют три таких этапа в следующей хронологии: XII-XIII века (первый этап, заключающийся, главным образом, в изучении, комментировании и преподавании римского права в университетах), XIV-XVII века (второй этап, активное применение римского права на практике) и XVIII – XIX века (третий этап, реформирование гражданского законодательства и появление кодификаций гражданского права). В данном случае речь идет о первичной рецепции римского права [2, с. 308].

В научной литературе отмечается, что акцессорные обязательства как разновидность обязательств подверглись несущественным изменениям сравнительно с их пониманием в римском праве, а сами эти изменения были вызваны требованием жизни, а именно, адаптацией данных норм к сложившимся правовым обычаям [8, с. 43].

В России в XVII – XIX веках осуществлялась уже вторичная рецепция римского права, основанная на результатах частичной имплементации норм римского права в западноевропейскую правовую модель и, прежде всего, в гражданское законодательство Германии и Франции. Вместе с тем, на тот момент кодификации гражданского законодательства стран романо-германской правовой семьи еще не были завершены, что отразилось и на особом понимании соответствующих норм об акцессорных обязательствах в праве Российской Империи.

Свойство дополнительности права залога нашло отражение и в последующем российском законодательстве времен Империи: залог понимался как дополнительное обязательство, обеспечивающее требование кредитора и в Своде законов гражданских нормы о нем были помещены в раздел об обязательствах как способе обеспечения их исполнения, в связи с чем, например, Г.Ф. Шершеневич не только делал вывод об «акцессорности» залога, но и указывал на ближайшие следствия такого вывода, в частности, на невозможность обеспечения залогом будущих обязательств [21, с. 224]. Одновременно с этим в законодательстве и доктрине выделялся в качестве самостоятельной совокупности правовых норм институт обеспечения исполнения обязательства, в рамках которого в целях обеспечения надлежащего исполнения предполагалось, либо возложение на должника дополнительных обременений на случай неисполнения им основного обязательства либо привлечение к исполнению обязательства наряду с должником и третьих лиц – поручителей.

Понимание дореволюционным законодателем акцессорных обязательств было недостаточно глубоким и последовательным, хотя, в целом, и соответствовало ожидаемым результатам вторичной рецепции римского права, однако в дореволюционной доктрине гражданского права отсутствовал и консенсус относительно сути акцессорной взаимосвязи между основным и дополнительным обязательством и по поводу самого содержания понятия «акцессорность», что, во многом, было вызвано недостаточным вниманием со стороны законодателя того времени к сфере регулирования акцессорных обязательств. Основные свойства акцессорности обязательства – его дополнительность как зависимость от основного обязательства, придаточность, вторичность (вспомогательность) – выделялись большинством авторов, хотя исследователи порой и вкладывали в эти термины различное содержание, примеры чему указаны выше. Налицо также стремление повысить оборотоспособность

акцессорных обязательств, что соответствовало развитию экономических отношений того времени, принципиально, вполне возможно и сегодня.

Советский период истории России (для европейских стран – период окончания кодификаций и установление доктринального консенсуса). Советское гражданское право первоначально следовало отдельным дореволюционным традициям, основанным на только что состоявшихся европейских кодификациях гражданского права (главным образом, это справедливо в отношении Германского Гражданского Уложения) и на достижениях правовой доктрины конца XIX века.

В рамках указанной логики происходило отождествление акцессорных обязательств с обеспечительными обязательствами («обеспечением исполнения обязательств»), а последних – с обеспечительными мерами [4, с. 776]. Основным свойством акцессорных обязательств признавалась их дополнительность, из чего, собственно, делался и вывод о зависимости их действительности от действительности основного обязательства. Не случайно, например, М.М. Агарков, характеризуя способы обеспечения исполнения обязательств, сформулированные в ГК РСФСР 1922 г., писал, что «все они являются дополнительными в том смысле, что их существование предполагает действительность того основного требования, которое они обеспечивают. Но в остальном они могут обладать значительной самостоятельностью по отношению к основному обязательственному отношению» [1, с. 58].

По указанной причине акцессорность в советский период рассматривалась только в контексте обеспечительных обязательств. По сути, акцессорные обязательства выступали в доктрине способами обеспечения основных обязательств и только – этим сфера их применения ограничивалась не только апостериори, исходя из законодательных установлений того времени, но и априори – вследствие самой сути таких обязательств.

Такое понимание акцессорности логически выразилось в том, что любой способ обеспечения исполнения обязательств можно назвать акцессорным, так как он не возникает самостоятельно, а в своем возникновении зависит исключительно от основного обязательства, то есть, акцессорность понималась как проявление функционального назначения обеспечения.

Современный период. Для данного этапа характерно следующее: во-первых, термин «акцессорный» по-прежнему игнорируется российским законодателем, во-вторых, акцессорные обязательства понимаются законодателем в контексте ранее описанных дореволюционных правовых традиций и традиций правопонимания советского периода, на основе которых происходило частичное или полное отождествление акцессорных и обеспечительных обязательств, в-третьих, в доктрине имеет место значительный «разнобой» мнений относительно понятия «акцессорное обязательство» и по поводу акцессорности как правового явления.

Прежде всего, в юридической литературе выделяются различные признаки акцессорности, хотя некоторое сходство авторских позиций по данному вопросу имеется: большинство из представленных точек зрения все-таки предполагает указание на те или иные свойства и характерные черты акцессорных обязательств, которые тому или иному исследователю представляются более значимыми, без однозначного отрицания справедливости иных мнений.

Вместе с тем, от указанных факторов, например, зависит то, следует ли считать акцессорные обязательства единственным проявлением акцессорности в праве (в гражданском праве) или же нет.

Большинство авторов придерживается первой точки зрения, относя, в соответствии с отечественной правовой традицией, акцессорные обязательства к способам обеспечения обязательств [3, с. 222]. Сторонники узкого подхода к пониманию акцессорности особо подчеркивают то обстоятельство, что акцессорное обязательство не может возникнуть или существовать, если основное обязательство не возникло или не существует, а также то, что прекращение основного обязательства всегда влечет прекращение акцессорного [20, с. 10]. Сегодня пока еще понятие «акцессорные обязательства» обозначено только лишь доктринально.

Заключение. Подводя некоторые итоги научным изысканиям в области акцессорных обязательств на современном этапе, можно указать на существующую преимуществом в

понимании акцессорных обязательств в праве, которая в России была несколько прервана в советский период нашей истории.

Также следует предложить отразить понятие «акцессорные обязательства» в гражданском законодательстве Российской Федерации в следующем виде: акцессорное обязательство – предусмотренное законом или соглашением сторон, либо вытекающее из сущности определенного вида договорных обязательств, тесно связанное с основным обязательством дополнительное обязательство имущественного или личного неимущественного характера, исполнение которого находится в зависимости от исполнения обязательства, которое закон или договор определяет в качестве основного.

Библиографический список

1. *Азарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 188 с.
2. *Головина А.А.* Развитие воззрений на систему права и критерии деления права на самостоятельные отрасли в правоведении стран романо-германской правовой семьи // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – № 3 (20). – С. 306–317.
3. *Гонгало Б.М.* Учение об обеспечении обязательств. – М.: Статут, 2002. – 644 с.
4. Гражданское право. Учебник // Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2022. – Т.1. – 892 с.
5. Гражданское исполнительное право: Учебник // Под ред. А.А. Власова. – М.: Экзамен XXI, 2004. – 324 с.
6. *Дождев Д.В.* Римское частное право // Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: НОРМА-М, 2020. – 688 с.
7. История политических и правовых учений. Учебник для вузов / Под редакцией д.ю.н., проф. Лейста О.Э. – М.: Изд-во «Зерцало», 2006. – 592 с.
8. *Келлер О.* Нюрнбергское городское право как источник городского права на землях Центральной и Восточной Европы // Журнал международного права и международных отношений. – 2013. – № 1. – С. 42–47.
9. *Крашенинникова Н.А.* История права Востока. – М., 1994. – 322 с.
10. *Максуров А.А.* Актуальные проблемы судебного права. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 386 с.
11. *Максуров А.А.* Практические проблемы теологии при реализации координационной юридической технологии // Евразийское Научное Объединение. – 2015. – Т. 1. – № 5 (5). – С. 75–77.
12. *Максуров А.А.* Процедурность как основное свойство правовых отношений в сфере реализации координационной юридической технологии // Гражданин и право. – 2015. – № 12. – С. 87–89.
13. *Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. – М.: Юрист, 2019. – 318 с.
14. *Покровский И.А.* История римского права. – СПб.: Лань, 2013. – 322 с.
15. Словарь-справочник по теории государства и теории права: Учебно-методическое пособие / В.Н. Карташов, А.А. Максуров, А.Р. Барахоева. – Ярославль: ЯрГУ, 2012. – 89 с.
16. *Таланова М.В.* Виды процессуальных форм медиативной юридической деятельности // Российская юстиция. – 2012. – № 1. – С. 18–26.
17. *Таланова М.В.* Основная стадия медиативного процесса // Советник юриста. – 2012. – № 10. – С. 43–49.
18. *Таланова М.В.* Экономическая функция медиативной юридической практики // Законодательство и экономика. – 2011. – № 11. – С. 38–43.
19. *Томсинов В.А.* Государство и право Древнего Египта: Монография. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2011. – 412 с.
20. *Фролов А.И.* Акцессорность как эффект функциональной производности гражданского правоотношения // Вестник Томского государственного университета. – Право. – 2018. – № 29. – С. 1–12.
21. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права / По изданию 1907 г. – М.: Спарк, 1995. – 612 с.
22. *Kaser M.* Das Privatrecht. Erster Abschnitt: Das, das vorklassische und das klassische Recht. 2. Aufl. С.Н. Beck, 1971. 560 s.

Для цитирования: Трухан Р.П., Цуканова Е.Ю. Историко-правовой подход к исследованию акцессорных обязательств: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 201–205.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_201

HISTORICAL AND LEGAL APPROACH TO THE STUDY OF ACCESSORY OBLIGATIONS

Roman Petrovich Trukhan*
Elena Yuryevna Tsukanova**

Annotation. *The article is devoted to the problems of applying the historical and legal approach to the study of accessory ties in civil law. The issue is considered using the example of the genesis of legislation, judicial practice and legal doctrine in relation to accessory obligations. A conclusion is made about the need for a new periodization of this process, as well as about the relationship between the modern understanding of accessory obligations and the specifics of the development of this institution. Establishing the historical continuity of understanding the accessory nature of security obligations allows us to better understand the essence of the accessory tie as an independent type of legal tie.*

Keywords: *system, accessory tie, subsidiarity, complementarity, accessory obligation, security of performance of obligations.*

Introduction. Accessory connection (or accessoryity) as a legal category is still considered most often in the sphere of ensuring the performance of obligations [15, p. 5], which is not accidental, since today in legal science it is obligations that are recognized as one of the most ancient legal institutions, the genesis of which is characterized by both initially sufficiently developed legislation and the interest of the doctrine, which today is even linked with the history of legal technology [11, p. 76]. For these reasons, in order to study the issues of modern reflection of accessory connection in law, it will be useful to apply the historical and legal approach, due to which those features of legal regulation of this type of accessory connection that took place earlier may prove to be significant. Accordingly, such a study can be useful from the point of view of clarifying the functions of certain types of legal practice [18, p. 40], procedural forms of realization of rights [16, p. 20], improving legislation [5, p. 39] and the practice of its application by the courts [10, p. 89].

Periodization of the development of the institution of accessory obligations. In its essence, the development of the institution of accessory obligations is usually considered from the point of view of such periods as 1) the ancient period, 2) the medieval period, 3) the period of the New Age and 4) the period of the 20th – 21st centuries.

Meanwhile, it seems that the proposed periodization needs to be clarified. In particular, the ancient period can be conditionally divided into “pre-Roman” and “Roman”, the medieval period and the period of the New Age, on the contrary, should be combined into the period of reception of the provisions of Roman law on the performance of accessory obligations, which lasted until the end of the 19th century, while for Russian law it would be appropriate to divide the period of the 20th – 21st centuries into the “Soviet” and “post-Soviet” (modern) stages, thus obtaining five separate periods.

Early (pre-Roman) period of understanding of accessory obligations. Taking into account the properties of accessory, its application as a legal means and legal instrument, has deep roots, although the most ancient (“original”) accessory rights or obligations most often did not have the basic structural and substantive characteristics of modern subjective civil law, being, at best, a kind of semblance of the modern structure of a property interest protected by law or a private manifestation of a legal custom, or even not having such “truncated” features at all.

* **Roman Petrovich Trukhan**, Deputy Head of the Judicial and Contractual Department of the Legal Department of NOVATEK-TARKOSALENEFTEGAZ LLC, applicant for the academic degree of candidate of legal sciences of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Belgorod State National Research University” (NRU “BelSU”). E-mail: roman-trukhan@yandex.ru

** **Elena Yuryevna Tsukanova**, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Acting Vice-Rector for Educational and Youth Policy of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Belgorod State National Research University” (NRU “BelSU”), Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: tsukanova@bsu.edu.ru

Some researchers cite characteristics of ancient legal phenomena that allow us to believe that prototypes of accessory legal relations already existed in Ancient Egypt [19, p. 323] and India [9, p. 176], however, an analysis of this literature shows that, most likely, we are talking only about some additional social privileges for representatives of specific strata or castes in the presence of original civil rights of a property nature. The same can be said about the law of Ancient Greece, where the social legal consequences of a possible accessory connection between obligations were linked to the gender or citizenship (more precisely, the permanence of residence in a specific polis) of their owner, and other similar criteria, and the accessory connections themselves had a more property-legal (in terms of the relationship between a thing and its ownership) rather than an obligatory-legal character [7, p. 171]. Thus, at this stage, accessory usually implies only property-legal connections; the doctrine has not yet reached the point of constructing accessory obligations.

The Roman stage of the genesis of accessory as a legal phenomenon. The legal regulation of accessory obligations in their modern understanding was initiated by Roman private law. From the very beginning, accessory nature implied the presence, along with the main one, of an additional obligation under a civil law contract. The main property of an accessory obligation, from Ulpian's point of view, was its termination directly with the termination of the main civil law obligation.

In Roman private law, two main means of ensuring the fulfillment of obligations were widespread: the debtor's fulfillment of the obligation could be guaranteed either by another person (personal surety) or by a thing (usually in the form of a pledge) [22, p. 457]. In both cases, we were talking about accessory obligations, the legislative establishment of which and the practice of applying these rules were, nevertheless, different. Thus, the surety's guarantee obligations in the Institutes of Gaius were subject to the principle of functional additionality, that is, with the termination of the main obligation, the surety's liability usually ceased [6, p. 518].

Researchers note the following features of accessory in Roman private law: in the event of termination of obligations, additional obligations also ceased [14, p. 56], the validity of an accessory legal relationship is predetermined by the validity of the main legal relationship [20, p. 10], there is no main obligation – there is no additional obligation. At the same time, accessory obligations also acquired some procedural properties [12, p. 88], as an agreed mechanism for their relationship with main obligations [17, p. 44].

Thus, in Roman private law, the formation of the concept of accessory and fundamental obligations is observed, which in the future was inherited in this form by both the Anglo-Saxon legal system and the Romano-Germanic legal system. Accessory obligations were initially expressed in surety, which was later transformed into the institution of an additional debtor, and then in the institutions of Roman law, similar to a modern pledge – first in the form of a pledge of movable things, which implied the transfer of the subject of the pledge into the possession of the pledgee-creditor, and then as a pledge of real estate (mortgage), which did not provide for the transfer of ownership.

The period of reception of the norms of Roman law into European legal systems. In the context of this study, it will be significant to distinguish two types of reception of Roman law: the Eastern European (Byzantine) and Western European types. The first type is characterized by the unity and clarity of the ideological basis, the absence of a deep scientific and theoretical basis, not in all cases the obligatory conditioning by needs, the limitation of several types of reception, while the second is characterized by the pluralism of political and legal opinions, the presence of sufficient methodological grounds, the presentation of the results of reception in the form of a compromise of various social forces, conditioning by the needs of the population [13, p. 189].

The reception of Roman private law itself occurred in stages. Usually, three such stages are distinguished in the following chronology: the 12th–13th centuries (the first stage, which consisted mainly of studying, commenting on and teaching Roman law in universities), the 14th–17th centuries (the second stage, the active application of Roman law in practice) and the 18th–19th centuries (the third stage, the reform of civil legislation and the emergence of codifications of civil law). In this case, we are talking about the primary reception of Roman law [2, p. 308].

The scientific literature notes that accessory obligations as a type of obligation have undergone insignificant changes compared to their understanding in Roman law, and these changes themselves

were caused by the demands of life, namely, the adaptation of these norms to established legal customs [8, p. 43].

In Russia in the 17th – 19th centuries, secondary reception of Roman law was already carried out, based on the results of partial implementation of the norms of Roman law in the Western European legal model and, above all, in the civil legislation of Germany and France. At the same time, at that time, the codification of the civil legislation of the countries of the Romano-Germanic legal family had not yet been completed, which was reflected in the special understanding of the corresponding rules on accessory obligations in the law of the Russian Empire.

The property of the complementarity of the right of pledge was reflected in the subsequent Russian legislation of the Empire: pledge was understood as an additional obligation securing the creditor's claim and in the Code of Civil Laws the rules on it were placed in the section on obligations as a way of ensuring their fulfillment, in connection with which, for example, G.F. Shershenevich not only concluded that pledge was "accessory", but also pointed out the immediate consequences of such a conclusion, in particular, the impossibility of securing future obligations with a pledge [21, p. 224]. At the same time, the legislation and doctrine singled out the institution of ensuring the performance of an obligation as an independent set of legal norms, within the framework of which, in order to ensure proper performance, it was assumed that either additional encumbrances would be imposed on the debtor in the event of his failure to perform the main obligation, or that third parties – guarantors – would be involved in the performance of the obligation along with the debtor.

The understanding of accessory obligations by the pre-revolutionary legislator was not deep and consistent enough, although, in general, it corresponded to the expected results of the secondary reception of Roman law, however, in the pre-revolutionary doctrine of civil law there was also no consensus regarding the essence of the accessory relationship between the main and additional obligations and regarding the very content of the concept of "accessoryity", which, in many ways, was caused by insufficient attention on the part of the legislator of that time to the sphere of regulation of accessory obligations. The main properties of accessory obligations – its complementarity as dependence on the main obligation, adjunctiveness, secondary nature (auxiliary nature) – were highlighted by most authors, although researchers sometimes put different meanings into these terms, examples of which are given above. There is also a desire to increase the turnover of accessory obligations, which corresponded to the development of economic relations of that time, in principle, and is quite possible today.

The Soviet period of Russian history (for European countries – the period of the end of codifications and the establishment of doctrinal consensus). Soviet civil law initially followed certain pre-revolutionary traditions based on the newly completed European codifications of civil law (this is mainly true for the German Civil Code) and on the achievements of the legal doctrine of the late 19th century.

Within the framework of this logic, accessory obligations were identified with security obligations ("security for the performance of obligations"), and the latter with security measures [4, p. 776]. The main property of accessory obligations was recognized as their complementarity, from which, in fact, a conclusion was made about the dependence of their validity on the validity of the main obligation. It is no coincidence, for example, that M.M. Agarkov, characterizing the methods of ensuring the performance of obligations formulated in the Civil Code of the RSFSR of 1922, wrote that "all of them are additional in the sense that their existence presupposes the validity of the main requirement that they secure. But in other respects they may possess considerable independence in relation to the main obligatory relation" [1, p. 58].

For the stated reason, accessory nature in the Soviet period was considered only in the context of security obligations. In essence, accessory obligations acted in the doctrine as methods of securing the main obligations and nothing more – their scope of application was limited to this not only a posteriori, based on the legislative provisions of that time, but also a priori – due to the very essence of such obligations.

This understanding of accessory nature was logically expressed in the fact that any method of ensuring the fulfillment of obligations can be called accessory, since it does not arise independently,

but in its emergence depends exclusively on the main obligation, that is, accessory nature was understood as a manifestation of the functional purpose of the security.

Modern period. The following is characteristic of this stage: firstly, the term "accessory" is still ignored by the Russian legislator; secondly, accessory obligations are understood by the legislator in the context of the previously described pre-revolutionary legal traditions and traditions of legal understanding of the Soviet period, on the basis of which there was a partial or complete identification of accessory and security obligations; thirdly, in the doctrine there is a significant "discrepancy" of opinions regarding the concept of "accessory obligation" and regarding accessoryity as a legal phenomenon.

First of all, in the legal literature, various signs of accessoryity are distinguished, although there is some similarity in the authors' positions on this issue: the majority of the presented points of view still suggest an indication of certain properties and characteristics of accessory obligations, which seem more significant to one or another researcher, without an unambiguous denial of the validity of other opinions. At the same time, the factors mentioned above, for example, determine whether accessory obligations should be considered the only manifestation of accessory in law (in civil law) or not.

Most authors adhere to the first point of view, referring, in accordance with the domestic legal tradition, accessory obligations to the methods of securing obligations [3, p. 222]. Supporters of a narrow approach to understanding accessory particularly emphasize the fact that an accessory obligation cannot arise or exist if the main obligation has not arisen or does not exist, and also that the termination of the main obligation always entails the termination of the accessory [20, p. 10]. Today, the concept of "accessory obligations" is still designated only doctrinally.

Conclusion. Summarizing some results of scientific research in the field of accessory obligations at the present stage, it is possible to point out the existing continuity in the understanding of accessory obligations in law, which in Russia was somewhat interrupted during the Soviet period of our history.

It is also necessary to propose to reflect the concept of "accessory obligations" in the civil legislation of the Russian Federation in the following form: accessory obligation – provided for by law or agreement of the parties, or arising from the essence of a certain type of contractual obligations, closely related to the main obligation, an additional obligation of a property or personal non-property nature, the fulfillment of which depends on the fulfillment of the obligation, which the law or agreement defines as the main one.

Bibliographic list

1. Agarkov M.M. Obligation under Soviet civil law. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1940. 188 p.
2. Golovina A.A. Development of views on the legal system and criteria for dividing the law into independent branches in the jurisprudence of the countries of the Romano-Germanic legal family // Actual problems of Russian law. 2011. No. 3 (20). P. 306–317.
3. Gongalo B.M. The doctrine of securing obligations. Moscow: Statut, 2002. 644 p.
4. Civil law. Textbook // Ed. by A.P. Sergeev, Yu.K. Moscow: Prospect, 2022. Vol. 1. 892 p.
5. Civil executive law. Textbook // Ed. by A.A. Vlasov. Moscow: Exam XXI. 2004. 324 p.
6. Dozhdev D. V. Roman private law // Under the editorship of prof. V. S. Nersesyants. Moscow: NORMA-M, 2020. 688 p.
7. History of political and legal doctrines. Textbook for universities / Under the editorship of Doctor of Law, prof. Leist O. E. Moscow: Publishing house "Zertsalo", 2006. 592 p.
8. Keller O. Nuremberg city law as a source of city law in the lands of Central and Eastern Europe // Journal of international law and international relations. 2013. No. 1. P. 42–47.
9. Krashennnikova N. A. History of the law of the East. Moscow, 1994. 322 p.
10. Maksurov A. A. Actual problems of judicial law. Moscow: INFRA-M, 2024. 386 p.
11. Maksurov A. A. Practical problems of theology in the implementation of coordination legal technology // Eurasian Scientific Association. 2015. Vol. 1. No. 5 (5). Pp. 75–77.
12. Maksurov A. A. Procedurality as the main property of legal relations in the sphere of implementation of coordination legal technology // Citizen and Law. 2015. No. 12. Pp. 87–89.

13. Medvedev I. P. Legal culture of the Byzantine Empire Moscow: Jurist, 2019. 318 p.
14. Pokrovsky I. A. History of Roman law. Saint Petersburg: Lan, 2013. 322 p.
15. Dictionary and reference book on the theory of state and the theory of law: Textbook-method manual / V.N. Kartashov, A.A. Maksurov, A.R. Barakhoeva. Yaroslavl: YarSU, 2012. 89 p.
16. Talanova M.V. Types of procedural forms of mediation legal activity // Russian Justice. 2012. No. 1. Pp. 18–26.
17. Talanova M.V. The main stage of the mediation process // Lawyer's Advisor. 2012. No. 10. Pp. 43–49.
18. Talanova M.V. Economic function of mediation legal practice // Legislation and Economics. 2011. No. 11. Pp. 38–43.
19. Tomsinov V.A. State and Law of Ancient Egypt: Monograph. Moscow: IKD "Zertsalo-M", 2011. 412 p.
20. Frolov A.I. Accessoryity as an effect of functional derivativeness of civil legal relations // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2018. No. 29. Pp. 1–12.
21. Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law / According to the 1907 edition. Moscow: Spark, 1995. 612 p.
22. Kaser M. Das Privatrecht. Erster Abschnitt: Das, das vorklassische und das klassische Recht. 2. Aufl. C.H. Beck, 1971. 560 s.

For citation: Trukhan R.P., Tsukanova E.Yu. Historical and legal approach to the study of accessory obligations: article // Theory of State and Law. 2024. No. 4 (41). P. 206–210.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_201

Научная статья

УДК 342.5

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_211

Е.А. Карев*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОСТУПЛЕНИЯ И ПРЕБЫВАНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, касающиеся государственной службы в Российской Федерации на примере государственной гражданской службы и службы в уголовно-исполнительной системе. Объектом исследования выступили общественные отношения, возникающие при реализации гражданином права на доступ к государственной службе, а также правовое положение государственного служащего. Предметом исследования выступили требования, предъявляемые к претенденту на замещение вакантной должности государственной службы и к государственному служащему при осуществлении им профессиональной деятельности. Целью исследования является обоснование необходимости разработки и внедрения в практическую деятельность новых требований к гражданам, поступающим на государственную службу. Методологическую основу работы составили метод анализа, синтеза и сравнения. В результате проведенной работы сделаны обоснованные выводы о необходимости тестирования претендентов на замещение должности государственного служащего и государственных служащих на знание правил русского языка.*

***Ключевые слова:** государственная служба, уголовно-исполнительная система, гражданская служба, государственный служащий, квалификационные требования, претендент, государственный язык.*

На современном и будущем этапе развития нашего государства, включая 2024–2030 годы, одним из наиболее перспективных видов деятельности, по нашему мнению, является государственная служба, так как она предоставляет гражданам ряд преимуществ в виде дополнительных прав и социальных гарантий, что в свою очередь является основой для стабильности. Любой здравомыслящий гражданин сделает выбор в пользу постоянства, определенности и уверенности в завтрашнем дне, которые ему может обеспечить только сильное и независимое государство. В свою очередь государство нуждается в профессиональном аппарате управления, что делает государство и государственных служащих взаимозависимыми. В процессе постоянного развития органов государственной власти закономерно возникает необходимость в повышении профессиональных навыков государственных служащих, осуществляющих свою деятельность на должностях государственной гражданской службы (далее – гражданская служба) и службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее – служба в УИС).

Современная государственная служба подразумевает под собой правовой механизм, который постоянно движется, развивается и дополняется: разрабатываются новые правовые акты, регламентирующие деятельность государственных служащих, заполняются пробелы

* Карев Евгений Анатольевич, преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России). E-mail: karev_ea@mail.ru

в обеспечении деятельности государственных служб и органов, повышаются требования, предъявляемые к знаниям, умениям и навыкам государственных служащих.

Согласно сведениям Министерства финансов Российской Федерации в стране по состоянию на 01 июля 2019 г. числилось порядка 855000 государственных гражданских служащих, из них 603000 человек – федеральные гражданские служащие, 252000 – гражданские служащие регионов [9]. Указом Президента РФ от 11.04.2022 № 201 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» [6] штатная численность сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) увеличена и составила 224,9 тыс. единиц.

Таким образом, общая численность государственных служащих, находящихся на гражданской службе и службе в УИС, превысила 1 млн., что, по нашему мнению, требует стандартизации требований к их знаниям, умениям и навыкам. Внедрение единых требований для государственных служащих позволит облегчить процесс перехода граждан с одного вида государственной службы на другой.

Процедура поступления на службу, когда претендент, преодолев все трудности, становится частью государственного механизма, однозначно является одним из самых запоминающихся моментов в жизни государственного служащего. Несмотря на закрепленное в ст. 32 Конституции РФ право граждан на равный доступ к государственной службе [1; 13], не все кандидаты соответствуют требованиям, предъявляемым государством к претенденту на замещение должности служащего.

Общие условия поступления на государственную службу установлены ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [2] (далее – Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ), согласно которой на государственную службу по контракту вправе поступать граждане, владеющие государственным языком Российской Федерации и достигшие определенного возраста. В соответствии со ст. 68 Конституции РФ государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык [1; 13].

Главой 4 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ) [3] определен порядок поступления на гражданскую службу и конкретизированы основные требования для претендентов на замещение должности гражданской службы, а именно: гражданство Российской Федерации; достижение 18-летнего возраста; соответствие квалификационным требованиям.

По общему правилу поступление гражданина на гражданскую службу осуществляется по результатам конкурса, который заключается в оценке профессионального уровня претендентов, их соответствия квалификационным требованиям для замещения конкретной должности, а именно: уровень профессионального образования; стаж гражданской службы или работы по специальности, направлению подготовки; знания и умения, необходимые для исполнения должностных обязанностей. Претенденту может быть отказано в допуске к участию в конкурсе из-за несоответствия квалификационным требованиям к вакантной должности.

Указом Президента РФ от 01.02.2005 № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации» [7] (далее – Указ Президента РФ от 01.02.2005 № 112) регламентированы вопросы проведения конкурса для претендентов, проводимого в два этапа. Первый этап заключается в размещении на официальных сайтах государственных органов в сети «Интернет» объявления о проведении конкурса и информации о самом конкурсе, в том числе информации о требованиях к гражданам, допущенным для участия в конкурсе (далее – кандидатам). После предоставления кандидатом предусмотренных документов проводится второй этап конкурса, который заключается в оценке конкурсной комиссией профессионального уровня кандидата и его соответствия квалификационным требованиям в виде индивидуального собеседования, анкетирования, групповой дискуссии, написания реферата или тестирования. В целях

соблюдения принципа состязательности и недопущения возникновения конфликта интересов в состав конкурсной комиссии включаются независимые эксперты в количестве не менее одной четверти от общего количества членов конкурсной комиссии.

Как справедливо указывает В.В. Колесникова, в последние годы объективно наметилась тенденция к повышению качества отбора претендентов на государственную гражданскую службу. Это связано, в первую очередь, с тем, что гражданская служба должна в полной мере соответствовать вызовам времени в части решения задач, стоящих перед органами государственной власти, по развитию государства и обеспечения качественного уровня жизнедеятельности общества [12, с. 195].

Схожие по своему смыслу требования установлены и для гражданина (далее – претендент), желающего поступить на службу в УИС. В статье 17 Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [4] (далее – Федеральный закон № 197-ФЗ) перечислены общие и дополнительные требования к претенденту. Так на службу в УИС вправе поступить граждане не моложе 18 лет, владеющие государственным языком Российской Федерации и соответствующие квалификационным требованиям, а также способные по своим личным и деловым качествам, физической подготовке и состоянию здоровья исполнять служебные обязанности сотрудника. В качестве дополнительных требований к претенденту определены психофизиологические исследования и тестирование, направленные на изучение морально-этических и психологических качеств.

По нашему мнению, при проведении тестирования лица, желающего поступить на гражданскую службу или на службу в УИС необходимо особое внимание уделить именно проверке знаний русского языка и навыков риторики. В обоснование такого дополнительного тестирования можно привести следующие доводы:

- государственный служащий является представителем власти, в связи с чем на нем лежит ответственность за принятые решения;
- государственный служащий, являясь примером для других граждан, должен быть образцом и в знаниях правил русского языка;
- тексты официальных документов составляются на государственном языке – на русском языке. Наиболее ярким примером является предложение «казнить нельзя помиловать», где правильно поставленная запятая решает судьбу человека;
- речевое мастерство, формируемое с помощью риторики, является одним из важнейших элементов в профессиональной деятельности служащего. По мнению О.Н. Кузнецовой, речевая ответственность сегодня осознается всеми крупными российскими политиками и бизнесменами, повсеместное осознание силы воздействия устного текста проникло во все сферы и уровни коммуникации [14, с. 182];
- повышение доверия государству возможно лишь при улучшении качества оказываемых гражданам государственных услуг.

Особенности использования русского языка как государственного языка указаны в части 6 статьи 1 Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [5] (далее – Федеральный закон № 53-ФЗ) и заключаются в том, что не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке. Анализируя результаты Единого государственного экзамена (далее – ЕГЭ) по русскому языку за 2021–2022 гг., можно сделать выводы о том, что результаты ЕГЭ по русскому языку за 2022 г. оказались хуже, чем в 2021 г., так как средний балл в 2022 г. составил 68, а в 2021 г. – 71 [16].

Общий уровень качества знаний по русскому языку у граждан снижается, что в дальнейшем, по нашему мнению, может привести к снижению качества знаний и у лиц, поступающих на государственную службу, то есть к снижению их уровня профессионализма и

компетентности, которые согласно ст. 3 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ указаны в качестве общих принципов государственной службы [2].

Вместе с тем к поведению государственного служащего предъявляются требования об исполнении должностных обязанностей добросовестно и на высоком профессиональном уровне, что в свою очередь, по нашему мнению, подразумевает владение служащим русским языком на таком уровне, который позволяет строить и поддерживать диалог на профессиональные темы, разъяснять сложные процессы доступными словами, составлять тексты служебных документов и понимать ответственность за слово, произнесенное публично или написанное в официальных документах. Владение навыками риторики и знание правил русского языка являются одними из важнейших элементов будущей профессиональной деятельности претендента, связанной с государственным управлением.

В качестве практического руководства для лиц, поступающих на государственную службу, и для государственных служащих, которые интересуются вопросами русского языка, могут выступать Правила русской орфографии и пунктуации 1956 г.) [15]. По нашему мнению, их изучение должно стать обязательным элементом профессионального развития государственного служащего, с последующим периодическим тестированием на их знание, то есть на знание правил русского языка.

Наряду с проблемой грамотности гражданских служащих необходимо уделить внимание и проблеме поведения служащих во время общения с гражданами. В своем интервью 11 февраля 2020 г. председатель Комитета по информационной политике, информационным технологиям и связи Александр Хинштейн рассказал о примерах хамства со стороны представителей власти и необходимой реакции на такое поведение чиновников [11]. Введение административной ответственности для государственных служащих за оскорбление граждан, по нашему мнению, не искоренит случаи оскорбительных и унижительных высказываний в отношении граждан, необходимо еще и саморазвитие гражданских служащих, а также профилактическая работа со стороны руководителей.

Таким образом, в качестве одного из элементов профессионального развития государственных служащих, по нашему мнению, необходимо включить обязательное изучение служащими курсов прикладной этики и риторики. Как справедливо отмечает М.В. Зубова, в период научно-технического прогресса прикладная этика должна особенно тщательно контролировать соблюдение принципов морали и нравственности, необходимо лишь дать ей возможность действовать и предоставить для этого необходимые инструменты [10, с. 36]. Научкой, организующей подготовку убедительной, эффективной речи политиков и государственных служащих, является политическая риторика. По определению В.И. Аннушкина: «Политическая риторика – наука о специфике, правилах и законах речевой деятельности в области политики как сферы управления обществом. Политическая риторика изучает способы эффективного и целесообразного построения политической речи» [8, с. 45].

В отношении личностного развития государственного служащего несомненной особенностью является наличие у него сознательной дисциплинированности, ведь для того, чтобы качественно выполнять свои должностные обязанности, государство требует от служащего разумной инициативности, высокого уровня компетенции и непрерывного профессионального развития, в том числе в навыках делового общения с другими гражданами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для повышения эффективности профессиональной деятельности государственных служащих необходимо:

- во время тестирования претендента на замещение должности государственного служащего уделить внимание проверке его знаний правил русского языка и навыков риторики;
- в системе профессионального развития (например, повышение квалификации) государственному служащему необходимо в обязательном порядке пройти дополнительные курсы прикладной этики и риторики, а также знать правила орфографии и пунктуации по русскому языку.

– с целью контроля приобретенных знаний кадровым подразделениям необходимо периодически проводить тестирования государственных служащих на знание правил русского языка, а также организовывать мероприятия (круглые столы, встречи, консультации), направленные на получение практического опыта общения с гражданами.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 14.2.2024) «О системе государственной службы Российской Федерации» // www.consultant.ru
3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // www.consultant.ru
4. Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // www.consultant.ru
5. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «О государственном языке Российской Федерации» // www.consultant.ru
6. Указ Президента РФ от 11.04.2022 № 201 (ред. от 13.2.223) «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // www.consultant.ru
7. Указ Президента РФ от 01.02.2005 № 112 (ред. от 10.10.2024) «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации» // www.consultant.ru
8. *Аннушкин В.И.* Политическая риторика современной России: наука – искусство – практика. – М.: Логос, 2011 // <https://pandia.org/text/78/252/14452.php>.
9. В Минфине России назвали число чиновников в 2019 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20190923/1558989134.html?ysclid=lajon0hh0654461110> (дата обращения: 01.10.2024).
10. *Зубова, М. В.* Перспективы развития прикладной этики: философский анализ / М. В. Зубова // *Abyss* (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). – 2020. – № 4 (14). – С. 29–36.
11. Интервью Александра Хинштейна об этичности поведения чиновников от 11 февраля 2020 г. // URL: <https://dumatv.ru/news/intervyu-aleksandra-hinshteina-ob-etichnosti-povedeniya-chinovnikov?ysclid=lathd0wrsc133963810> (дата обращения: 01.10.2024).
12. *Колесникова, В. В.* О некоторых аспектах поступления на государственную гражданскую службу субъекта Российской Федерации (на примере Воронежской области) / В. В. Колесникова // *Вестник Воронежского института высоких технологий*. – 2017. – № 2(21). – С. 195–198.
13. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд, испр. и доп. // Под ред. проф. С.А.Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2024. – 333 с.
14. *Кузнецова, О. Н.* Развитие политической риторики в России / О. Н. Кузнецова // *Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ*. – 2014. – № 3–4(63–64). – С. 181–184.
15. Правила русской орфографии и пунктуации: утвержденные Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР 1956 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 01.10.2024).
16. Рособрназор подвел общие итоги экзаменационной кампании 2022 г. [Электронный ресурс] // URL: https://obrmos.ru/news/_news_081.html (дата обращения: 01.10.2024).

Для цитирования: *Карев Е.А.* О некоторых аспектах поступления и пребывания на государственной службе в уголовно-исполнительной системе: статья // *Теория государства и права*. – 2024. – № 4 (41). – С. 211–215.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_211

**ON SOME ASPECTS OF ADMISSION TO AND TENURE
IN THE CIVIL SERVICE IN THE PENAL SYSTEM**

Annotation. *The article examines issues related to the civil service in the Russian Federation using the example of the state civil service and service in the penal system. The object of the study was the social relations arising when a citizen exercises his right to access the civil service, as well as the legal status of a civil servant. The subject of the study was the requirements imposed on an applicant for a vacant position in the civil service and on a civil servant in the course of his professional activities. The purpose of the study is to substantiate the need to develop and implement new requirements for citizens entering the civil service in practice. The methodological basis of the work was the method of analysis, synthesis and comparison. As a result of the work carried out, reasonable conclusions were made about the need to test applicants for the position of civil servant and civil servants for knowledge of the rules of the Russian language.*

Key words: *civil service, penal system, civil service, civil servant, qualification requirements, applicant, state language.*

At the present and future stage of development of our state, including 2024–2030, one of the most promising types of activity, in our opinion, is the civil service, as it provides citizens with a number of advantages in the form of additional rights and social guarantees, which in turn is the basis for stability. Any sensible citizen will make a choice in favor of constancy, certainty and confidence in the future, which only a strong and independent state can provide him. In turn, the state needs a professional management apparatus, which makes the state and civil servants interdependent. In the process of constant development of government bodies, there is a natural need to improve the professional skills of civil servants who carry out their activities in the positions of the state civil service (hereinafter referred to as the civil service) and service in the penal system of the Russian Federation (hereinafter referred to as service in the UIS).

Modern civil service implies a legal mechanism that is constantly moving, developing and supplemented: new legal acts regulating the activities of civil servants are being developed, gaps in ensuring the activities of state services and bodies are being filled, and the requirements for the knowledge, skills and abilities of civil servants are increasing.

According to the Ministry of Finance of the Russian Federation, as of July 1, 2019, there were about 855,000 state civil servants in the country, of which 603,000 people are federal civil servants, 252,000 are regional civil servants [9]. By Decree of the President of the Russian Federation dated April 11, 2022 No. 201 "On Amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation" [6], the staffing level of employees of the penal system of the Russian Federation (hereinafter referred to as the PEC) was increased and amounted to 224.9 thousand units.

Thus, the total number of civil servants in the civil service and in the UIS service has exceeded 1 million, which, in our opinion, requires standardization of requirements for their knowledge, skills and abilities. The introduction of uniform requirements for civil servants will facilitate the process of citizens' transition from one type of civil service to another.

The procedure for entering the service, when the applicant, having overcome all difficulties, becomes part of the state mechanism, is definitely one of the most memorable moments in the life of a civil servant. Despite the right of citizens to equal access to civil service enshrined in Art. 32 of the Constitution of the Russian Federation [1; 13], not all candidates meet the requirements imposed by the state on an applicant for an employee position.

The general conditions for entering the civil service are established by Part 1 of Art. 12 of the Federal Law of 27.05.2003 No. 58-FZ "On the Civil Service System of the Russian Federation" [2] (hereinafter referred to as the Federal Law of 27.05.2003 No. 58-FZ), according to which citizens who speak the state language of the Russian Federation and have reached a certain age have the right to

* **Karev Evgeniy Anatolievich**, Lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Faculty of Law of the Military Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. E-mail: karev_ea@mail.ru

enter civil service under a contract. In accordance with Art. 68 of the Constitution of the Russian Federation, the state language of the Russian Federation throughout its territory is Russian [1; 13].

Chapter 4 of the Federal Law of 27.07.2004 No. 79-FZ "On the Civil Service of the Russian Federation" (hereinafter referred to as the Federal Law of 27.07.2004 No. 79-FZ) [3] defines the procedure for entering the civil service and specifies the main requirements for applicants for a civil service position, namely: citizenship of the Russian Federation; reaching the age of 18; compliance with qualification requirements.

As a general rule, a citizen is admitted to civil service based on the results of a competition, which consists of assessing the professional level of applicants, their compliance with the qualification requirements for filling a specific position, namely: level of professional education; length of civil service or work in a specialty, field of training; knowledge and skills necessary to perform official duties. An applicant may be denied admission to participate in the competition due to non-compliance with the qualification requirements for the vacant position.

The Decree of the President of the Russian Federation of 01.02.2005 No. 112 "On the competition for filling a vacant position of the state civil service of the Russian Federation" [7] (hereinafter – Decree of the President of the Russian Federation of 01.02.2005 No. 112) regulates the issues of holding a competition for applicants, held in two stages. The first stage consists of posting an announcement of the competition and information about the competition itself, including information on the requirements for citizens admitted to participate in the competition (hereinafter referred to as candidates), on the official websites of government agencies on the Internet. After the candidate has submitted the required documents, the second stage of the competition is held, which consists of an assessment by the competition committee of the candidate's professional level and his/her compliance with the qualification requirements in the form of an individual interview, questionnaire, group discussion, writing of an essay or testing. In order to comply with the principle of competition and prevent the emergence of a conflict of interest, independent experts are included in the competition committee in an amount of at least one quarter of the total number of members of the competition committee. As V.V. Kolesnikova rightly points out, in recent years there has been an objective tendency to improve the quality of selection of candidates for the state civil service. This is due, first of all, to the fact that the civil service must fully meet the challenges of the time in terms of solving the problems facing government bodies, developing the state and ensuring a high quality of life for society [12, p. 195].

Similar requirements are established for a citizen (hereinafter referred to as the applicant) wishing to join the Penal System. Article 17 of the Federal Law of 19.07.2018 No. 197-FZ "On Service in the Criminal-Executive System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Punishments in the Form of Imprisonment" [4] (hereinafter referred to as Federal Law No. 197-FZ) lists general and additional requirements for the applicant. Thus, citizens who are at least 18 years old, speak the state language of the Russian Federation and meet the qualification requirements, and are capable of performing the official duties of an employee due to their personal and business qualities, physical fitness and health status, have the right to join the Penal System. Psychophysiological studies and testing aimed at studying moral, ethical and psychological qualities are defined as additional requirements for the applicant.

In our opinion, when testing a person wishing to enter the civil service or the UIS, special attention should be paid to checking their knowledge of the Russian language and rhetoric skills. The following arguments can be given to justify such additional testing:

- a civil servant is a representative of the authorities, and therefore he is responsible for the decisions made;
- a civil servant, being an example for other citizens, must also be a model in knowledge of the rules of the Russian language;
- the texts of official documents are written in the state language – in Russian. The most striking example is the sentence "to execute cannot pardon", where a correctly placed comma decides the fate of a person;

– speech skills, formed with the help of rhetoric, are one of the most important elements in the professional activity of an employee. According to O.N. Kuznetsova, speech responsibility is today recognized by all major Russian politicians and businessmen, the widespread awareness of the power of the impact of oral text has penetrated into all spheres and levels of communication [14, p. 182];

– increasing trust in the state is only possible by improving the quality of government services provided to citizens.

The specifics of using the Russian language as the state language are specified in Part 6 of Article 1 of the Federal Law of 01.06.2005 No. 53-FZ “On the State Language of the Russian Federation” [5] (hereinafter referred to as Federal Law No. 53-FZ) and consist of the fact that the use of words and expressions that do not comply with the norms of the modern Russian literary language (including obscene language) is not permitted, with the exception of foreign words that do not have commonly used analogues in the Russian language.

Analyzing the results of the Unified State Exam (hereinafter referred to as the USE) in Russian for 2021–2022, we can conclude that the results of the USE in Russian for 2022 turned out to be worse than in 2021, since the average score in 2022 was 68, and in 2021 – 71 [16].

The general level of knowledge of the Russian language among citizens is declining, which in the future, in our opinion, may lead to a decrease in the quality of knowledge of persons entering the civil service, that is, to a decrease in their level of professionalism and competence, which, according to Art. 3 of the Federal Law of 27.05.2003 No. 58-FZ, are specified as general principles of the civil service [2].

At the same time, the behavior of a civil servant is subject to requirements for the performance of official duties in good faith and at a high professional level, which in turn, in our opinion, implies the employee's proficiency in the Russian language at a level that allows him to build and maintain a dialogue on professional topics, explain complex processes in accessible words, compose texts of official documents and understand responsibility for a word spoken publicly or written in official documents. Possession of rhetorical skills and knowledge of the rules of the Russian language are among the most important elements of the future professional activity of an applicant related to public administration.

The Rules of Russian Spelling and Punctuation of 1956 can serve as a practical guide for those entering the civil service and for civil servants who are interested in Russian language issues [15]. In our opinion, their study should become a mandatory element of the professional development of a civil servant, with subsequent periodic testing of their knowledge, that is, knowledge of the rules of the Russian language.

Along with the problem of literacy of civil servants, attention must also be paid to the problem of the behavior of employees when communicating with citizens. In his interview on February 11, 2020, the Chairman of the Committee on Information Policy, Information Technology and Communications Alexander Khinshtein spoke about examples of rudeness on the part of government officials and the necessary response to such behavior by officials [11]. The introduction of administrative liability for civil servants for insulting citizens, in our opinion, will not eradicate cases of offensive and humiliating statements towards citizens; self-development of civil servants is also necessary, as well as preventive work on the part of managers. Thus, in our opinion, it is necessary to include mandatory study of courses in applied ethics and rhetoric by civil servants as one of the elements of professional development of civil servants.

As M.V. Zubova rightly notes, in the period of scientific and technological progress, applied ethics should especially carefully monitor compliance with the principles of morality and ethics; it is only necessary to give it the opportunity to act and provide the necessary tools for this [10, p. 36].

Political rhetoric is the science that organizes the preparation of convincing, effective speeches of politicians and civil servants. According to the definition of V.I. Annushkin: “Political rhetoric is the science of the specifics, rules and laws of speech activity in the field of politics as a sphere of social management. Political rhetoric studies the methods of effective and expedient construction of political speech” [8, p. 45].

In relation to the personal development of a civil servant, an undoubted feature is the presence of conscious discipline, because in order to perform their official duties efficiently, the state requires from the employee reasonable initiative, a high level of competence and continuous professional development, including in the skills of business communication with other citizens.

Thus, it can be concluded that in order to improve the efficiency of professional activities of civil servants, it is necessary:

- during testing of a candidate for a civil servant position, pay attention to checking his knowledge of the rules of the Russian language and rhetoric skills;

- in the system of professional development (for example, advanced training), a civil servant must necessarily take additional courses in applied ethics and rhetoric, as well as know the rules of spelling and punctuation in the Russian language.

- in order to monitor the acquired knowledge, personnel departments must periodically test civil servants on knowledge of the rules of the Russian language, as well as organize events (round tables, meetings, consultations) aimed at gaining practical experience in communicating with citizens.

Bibliographic list

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. Federal Law of 27.05.2003 No. 58-FZ (as amended on 14.02.2024) "On the Civil Service System of the Russian Federation" // www.consultant.ru
3. Federal Law of 27.07.2004 No. 79-FZ (as amended on 08.08.2024) "On the State Civil Service of the Russian Federation" // www.consultant.ru
4. Federal Law of 19.07.2018 No. 197-FZ (as amended on 26.02.2024) "On Service in penal system of the Russian Federation and on amendments to the Law of the Russian Federation "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment" // www.consultant.ru
5. Federal Law of 01.06.2005 No. 53-FZ (as amended on 28.02.2023) "On the state language of the Russian Federation" // www.consultant.ru
6. Decree of the President of the Russian Federation of 11.04.2022 No. 201 (as amended on 13.02.2023) "On amendments to certain acts of the President of the Russian Federation" // www.consultant.ru
7. Decree of the President of the Russian Federation of 01.02.2005 No. 112 (as amended on from 10.10.2024) "On the competition for filling a vacant position in the state civil service of the Russian Federation" // www.consultant.ru
8. Annushkin V.I. Political rhetoric of modern Russia: science – art – practice. Moscow: Logos, 2011 // // <https://pandia.org/text/78/252/14452.php>.
9. The Ministry of Finance of Russia named the number of officials in 2019 [Electronic resource] // URL: <https://ria.ru/20190923/1558989134.html?ysclid=lajon0hh0654461110> (date accessed: 01.10.2024).
10. Zubova, M.V. Prospects for the development of applied ethics: philosophical analysis / M.V. Zubova // *Abyss* (Questions of philosophy, political science and social anthropology). 2020. No. 4 (14). P. 29–36.
11. Interview with Alexander Khinshtein on the ethical behavior of officials from February 11, 2020 // URL: <https://dumatv.ru/news/intervyu-aleksandra-hinshteina-ob-etichnosti-povedeniya-chinovnikov?ysclid=lathd0wrsc133963810> (date of access: 01.10.2024).
12. Kolesnikova, V. V. On some aspects of entering the state civil service of a constituent entity of the Russian Federation (on the example of the Voronezh Region) / V. V. Kolesnikova // *Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies*. 2017. No. 2 (21). P. 195–198.
13. *Commentary on the Constitution of the Russian Federation*. 5th ed., corr. and add. // Ed. by prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Yurait", 2024. 333 p.
14. Kuznetsova, O. N. Development of political rhetoric in Russia / O. N. Kuznetsova // *Economy. Law. Printing. Bulletin of the KSEI*. 2014. No. 3–4 (63–64). P. 181–184.
15. Rules of Russian spelling and punctuation: approved by the USSR Academy of Sciences, the USSR Ministry of Higher Education and the Ministry of Education of the RSFSR in 1956 [Electronic resource] // SPS "Consultant Plus" (date of access: 01.10.2024).
16. Rosobrnadzor summed up the general results of the 2022 examination campaign. [Electronic resource] // URL: https://obrmos.ru/news/_news_081.html (date accessed: 01.10.2024).

For citation: Karev E.A. On some aspects of admission to and tenure in the civil service in the penal system: article // Theory of State and Law. 2024. No. 4 (41). P. 216–220.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_211

Научная статья

УДК 35.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_221

И.И. Корякин*

ПРОБЛЕМЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматривается основное содержание правового регулирования полномочий аппарата органов государственного управления, обеспечивающих их деятельность, вносятся предложения, направленные на обеспечение правового регулирования общественных отношений, связанных с использованием новых технологий в сфере государственного управления.*

***Ключевые слова:** институт государственного управления, обеспечение деятельности, информационно-правовое обеспечение, принцип обеспечения.*

На развитие институтов государства и права влияют политические и социально-экономические процессы, меняются объемы и методы правового регулирования. Основное содержание правового регулирования деятельности аппарата органов государственного управления в первую очередь направлено на регламентацию и координацию работы, обеспечение выполнения основных направлений их деятельности и в полном объеме осуществление ими своих полномочий.

Правоспособность и дееспособность являются элементами правосубъектности аппарата органов государственного управления. Как отмечал Ю.М. Козлов, субъекты права наделены правоспособностью и дееспособностью, имеют статический и динамический признаки правосубъектности. Эти указанные два элемента неразделимы. Так, в органах государственной власти, для должностных лиц, которые являются государственными служащими, одновременно наступают правоспособность и дееспособность, т. е. с момента определения и осуществления полномочий органа государственной власти или принятия на работу должностного лица [5, с. 78].

С позиции теории государства и права основной целью полномочий аппарата органов государственного управления, обладающих правоспособностью, является создание необходимых условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Орган государства – субъект права, который является одним из типичных органов государственной власти и управления. Это учреждение, выполняющее определенные задачи в той или иной области общественной жизни, а исполнительные и распорядительные органы государства – это учреждения, наделенные полномочиями властного характера для выполнения задач по управлению государственными делами. Содержание их деятельности можно раскрыть на основе определений, разработанных в юридической науке. По мнению С.А. Комарова, «в литературе учреждения государственного аппарата принято называть вспомогательными учреждениями, материальным придатком. Это органы государства, но не государственные органы, так как от них не исходит обязательных, властных решений в адрес других субъектов. Однако надо иметь в виду, что государственные органы без учреждений не могут существовать» [6, с. 115].

По его мнению, «органы исполнительной власти (органы государственного управления) – исполнительно-распорядительные органы, ведущие повседневную оперативную

* **Корякин Иван Иннокентьевич**, доцент кафедры конституционного и муниципального права Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, кандидат юридических наук, доцент, Почетный работник сферы образования Российской Федерации. E-mail: ivaninnok@mail.ru

работу по государственному управлению общественными процессами в интересах общества или его части (политических сил, стоящих у власти); они располагают вспомогательными государственными учреждениями (аппаратом управления, т.е. организационным и материальным аппаратом подготовки, принятия и реализации актов управления)» [6, с. 112–113];

Особенностью исполнительного органа государственной власти является его организующая деятельность по осуществлению задач управления посредством применения правовых норм к конкретным обстоятельствам, организации исполнения и проверки исполнения, а также путем установления правовых норм для развития положений, содержащихся в законе [2, с. 38–44].

Деятельность исполнительного органа основывается на предписаниях закона и других нормативных правовых актов органов государственной власти и осуществляется строго в пределах полномочий, компетенции, установленной для этого органа Конституцией Российской Федерации и другими законодательными актами. Исполнительный орган государственной власти призван обеспечивать не только политическое, но и хозяйственное руководство, организующее всю систему общественных отношений. Его аппарат выполняет повседневное управление.

В современной России цифровизация нормотворческой деятельности в государственном управлении является одним из факторов, влияющих на информационно-цифровое обеспечение. Внедрение информационно-цифровой технологии влияет на параметры системы права, определяет ход развития механизма правового регулирования в системе обеспечения деятельности органов власти вообще, органов исполнительной власти – в особенности.

Сутью информационно-цифрового обеспечения в нормотворческой деятельности являются: обсуждение субъектами права проектов ведомственных правовых актов в сети Интернет; электронное опубликование ведомственных правовых актов; осуществление в аппарате государственного управления электронного документооборота.

Реализация информационно-цифровых технологий связана с решением следующих проблем: обновляется понятийный аппарат ведомственного нормотворчества (электронный нормативный правовой акт; систематизация электронной работы); исключается при подготовке проектов нормативных правовых актов дублирование электронной и бумажной форм; приводится в соответствие использование технологии при планировании мониторинга и нормотворчества; совершенствуется правило юридической техники; обеспечивается субъект права свободным доступом к правовой информации.

В системе органов государственного управления проявляется не только в форме правоприменительной, но и правотолковательной, а отчасти – и правотворческой деятельности [4, с. 14]. Констатируем, что на этом этапе обновилась и последовательно совершенствовалась в целом законодательная и нормативная база, принятые нормативные правовые акты направлены на реализацию управленческих задач и функций на федеральном уровне, и в субъектах Федерации.

Главным способом осуществления законодательно установленных полномочий институтов государственного управления является принятие нормативных, организационно-распорядительных и ведомственных правовых актов. Следует отметить, что их акты и утверждаемые ими инструкции, положения являются подзаконными ведомственными актами. Тем не менее, важность названных актов для регулирования обеспечения деятельности существенна, поскольку в практической плоскости уточняют основные положения федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации. Можно утверждать, что создана устойчивая теоретическая база для формирования на ее основе законодательства об обеспечении деятельности институтов государственного управления.

Существуют проблемы, ставшие предметом рассмотрения, они важны и актуальны, хотя при их рассмотрении трудно разделить вопросы теории и практики. Как известно, любое толкование проблемы предполагает, как наличие или отсутствие нормативных правовых актов, так и практические подходы к этому с позиций необходимости [7, с. 32].

Во-первых, необходимо обратить внимание на нормативный правовой акт, который является основополагающим в регулировании деятельности государственного управления. Появится возможность устранить основные проблемы обеспечения, в таком случае реальная возможность предельно полно сформулировать предмет правового регулирования по данному вопросу. Только при положительном решении проблем регулирования деятельности будет положительный результат.

Во-вторых, при принятии нового законодательства требуется вполне сознательный подход в целях устранения проблем при создании нормативно-правовых норм.

В-третьих, проблемы данного вопроса могут зависеть от разных причин: это непродуманность нормативных правовых актов, сознательное не включение в акт норм, недосмотр и неоправданность нормы при ее применении на практике.

В-четвертых, как устранять проблемы? Ясно, что их стоит устранять путем внесения изменений и дополнений в данный закон, а не путем принятия нового закона, регулирующего отношения в сфере обеспечения деятельности.

В любом государстве существование и действие институтов связаны с правом и законом, особое значение имеет круг их полномочий и компетенций.

В понятие компетенции чаще всего включаются властные полномочия или обязанности и права [1, с. 177–178]. Толкование понятия предложено и другим ученым по административному праву. И.Л. Бачило рассматривает основные функции управленческих органов как виды воздействия на объекты управления. Эти функции делятся на подфункции, действия и операции с разной степенью властности [3, с. 27]. Несмотря на разноречивость подходов, исходным звеном служит анализ отдельного органа, учреждения, института и основ его деятельности.

Анализируя российское законодательство, предлагаем основное содержание принципов обеспечения деятельности институтов государственного управления, которые направлены на создание необходимых условий для полного и независимого обеспечения достойной жизни и свободного развития человека; удовлетворение потребностей в кадровых, материально-технических, организационно-правовых, финансовых, электронных, информационных ресурсах; реализацию положения о том, что полномочия обеспечения деятельности органов государственного управления реализуются согласно федеральному законодательству.

Из приведенной классификации основного содержания обеспечения деятельности органов государственного управления предлагаем перечень следующих принципов:

- принцип законности обеспечения их деятельности;
- гласность в деятельности аппарата органов государственного управления Российской Федерации;
- принцип достижения баланса интересов субъектов обеспечения деятельности;
- принцип предварительного, текущего и итогового контроля в целях искоренения фактов коррупции;
- принцип повышения ответственности руководителей в реализации российского законодательства».

Законодательно закрепленные принципы обеспечения будут конкретно ориентировать участников правовых отношений, образованных в целях функционирования обеспечения, на определение целей и задач при их реализации. Одним из существенных элементов правового обеспечения деятельности можно считать определение границ применения норм данного обеспечения посредством определения понятий.

Таким образом, *основным содержанием обеспечения деятельности институтов государственного управления является*: назначение обеспечения; установление действия обеспечения на основании содержания системы существующих понятий, области обеспечения, области осуществления законодательства с участием субъектов обеспечения; установление системы субъектов – органов государственного управления, их функций и полномочий в обеспечении деятельности; определение методов воздействия при правовом регулировании поведения участников управленческих отношений; принятие мер ответственности в случае нарушения положений

нормативных правовых актов в сфере обеспечения и порядок действий их применения; определение правовых и неправовых форм реализации обеспечения деятельности.

Основные направления обеспечения можно обозначить как сочетание следующих компонентов: наличие цели, назначение и содержание обеспечения; регулирование предметов ведения и полномочий между субъектами обеспечения; система органов руководства в сфере осуществления обеспечения, порядок их управления; система исполнителей организационно-правового обеспечения, принятие необходимых нормативных правовых актов для определения их статуса; порядок комплектования кадров аппарата органов, ресурсного и информационно-цифрового обеспечения, финансирования на осуществление обеспечения; принятие и осуществление форм реализации методов правового регулирования деятельности субъектов управленческих отношений в сфере обеспечения.

Содержание и направление обеспечения деятельности органов отражают его свойство как института государственного управления. Отсюда управленческими элементами являются: система органов управления в обеспечении деятельности; определение функций и полномочий аппаратов органов управления; правовое положение управляющих субъектов; порядок кадрового комплектования, организационно-правового, финансового, материально-технического, электронного и информационно-цифрового обеспечения и финансирования их деятельности в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Бахрах Д.Н. Административное право России: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / Д. Н. Бахрах. – М.: Норма, Инфра-М, 2000. – 623 с.
2. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: Учебник для вузов. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2005. – 800 с.
3. Бачило, И.Л. Функции органов управления (Правовые проблемы оформления и реализации) / И.Л. Бачило. – М.: Юрид. лит., 1976. – 198 с.
4. Марченко, М.Н. Судебное правотворчество и судейское право : учеб. пособие / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 448 с.
5. Козлов Ю.М. Административное право: Учебник. – М., 1999. – 320 с.
6. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. С. 112–113. – 504 с.
7. Корякин И.И. Правовые акты управления в судебной системе Российской Федерации // Административное право и процесс. – 2015. – №12. – С. 32–36.

Для цитирования: Корякин И.И. Проблемы в обеспечении деятельности институтов государственного управления: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 221–224.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_221

PROBLEMS IN ENSURING THE ACTIVITIES OF PUBLIC ADMINISTRATION INSTITUTIONS

Ivan I. Koryakin*

Annotation. *The article examines the main content of legal regulation of the powers of the apparatus of state administration bodies that ensure their activities, and makes proposals aimed at ensuring legal regulation of public relations associated with the use of new technologies in the sphere of public administration.*

Keywords: *institute of public administration, ensuring activities, information and legal support, principle of support.*

* **Koryakin Ivan Innokentievich**, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation. E-mail: ivaninnok@mail.ru

Theory of State and Law

The development of state and legal institutions is influenced by political and socio-economic processes, the volumes and methods of legal regulation change. The main content of legal regulation of the activities of the apparatus of state administration bodies is primarily aimed at regulating and coordinating work, ensuring the implementation of the main areas of their activities and the full exercise of their powers.

Legal capacity and legal capacity are elements of the legal personality of the apparatus of state administration bodies. As noted by Yu. M. Kozlov, legal entities are endowed with legal capacity and legal capacity, have static and dynamic attributes of legal capacity. These two elements are inseparable. Thus, in state authorities, for officials who are civil servants, legal capacity and legal capacity occur simultaneously, i.e. from the moment of determining and exercising the powers of a state authority or hiring an official [5, p. 78].

From the standpoint of the theory of state and law, the main purpose of the powers of the apparatus of state administration bodies with legal capacity is to create the necessary conditions that ensure a decent life and free development of a person.

A state body is a subject of law, which is one of the typical bodies of state power and administration. This is an institution that performs certain tasks in a particular area of public life, and the executive and administrative bodies of the state are institutions endowed with powers of an authoritative nature to perform tasks in managing state affairs. The content of their activities can be revealed on the basis of definitions developed in legal science. According to S.A. Komarov, "in literature, institutions of the state apparatus are usually called auxiliary institutions, a material appendage. These are state bodies, but not state bodies, since they do not issue mandatory, authoritative decisions to other subjects. However, it must be borne in mind that state bodies cannot exist without institutions" [6, p. 115].

In his opinion, "executive authorities (government bodies) are executive and administrative bodies that carry out day-to-day operational work on state management of social processes in the interests of society or its part (political forces in power); they have auxiliary state institutions (management apparatus, i.e. organizational and material apparatus for the preparation, adoption and implementation of management acts)" [6, pp. 112–113].

A distinctive feature of the executive body of state power is its organizing activity in the implementation of management tasks through the application of legal norms to specific circumstances, organizing the execution and verification of execution, as well as through the establishment of legal norms for the development of provisions contained in the law [2, pp. 38–44].

The activities of the executive body are based on the provisions of the law and other regulatory legal acts of government bodies and are carried out strictly within the powers and competence established for this body by the Constitution of the Russian Federation and other legislative acts. The executive body of state power is called upon to provide not only political, but also economic management, organizing the entire system of social relations. Its apparatus carries out day-to-day management.

In modern Russia, digitalization of rule-making activities in public administration is one of the factors influencing information and digital support. The introduction of information and digital technology affects the parameters of the legal system, determines the course of development of the mechanism of legal regulation in the system of ensuring the activities of government bodies in general, and executive bodies in particular.

The essence of information and digital support in rule-making activities is: discussion by legal entities of draft departmental legal acts on the Internet; electronic publication of departmental legal acts; implementation of electronic document management in the apparatus of public administration.

The implementation of information and digital technologies is associated with the solution of the following problems: the conceptual apparatus of departmental rule-making is updated (electronic regulatory legal act; systematization of electronic work); duplication of electronic and paper forms is excluded when preparing draft regulatory legal acts; the use of technology in monitoring and rule-making planning is brought into line; the rule of legal technique is improved; the subject of law is provided with free access to legal information.

In the system of public administration bodies, it manifests itself not only in the form of law enforcement, but also law-interpretation, and partly – law-making activity [4, p. 14]. We note that at this stage, the legislative and regulatory framework as a whole was updated and consistently improved, the adopted regulatory legal acts are aimed at implementing management tasks and functions at the federal level and in the constituent entities of the Federation.

The main way to exercise the legislatively established powers of public administration institutions is the adoption of regulatory, organizational and administrative and departmental legal acts. It should be noted that their acts and the instructions and provisions approved by them are by-laws of the department. Nevertheless, the importance of the said acts for regulating the provision of activities is significant, since in the practical plane they clarify the main provisions of federal laws, decrees of the President of the Russian Federation, and decrees of the Government of the Russian Federation. It can be argued that a stable theoretical basis has been created for the formation of legislation on ensuring the activities of public administration institutions on its basis.

There are problems that have become the subject of consideration, they are important and relevant, although when considering them it is difficult to separate the issues of theory and practice. As is known, any interpretation of the problem presupposes both the presence or absence of regulatory legal acts, and practical approaches to this from the standpoint of necessity [7, p. 32].

Firstly, it is necessary to pay attention to the normative legal act, which is fundamental in regulating the activities of public administration. It will be possible to eliminate the main problems of provision, in which case there is a real opportunity to formulate the subject of legal regulation on this issue as fully as possible. Only with a positive solution to the problems of regulation of activity will there be a positive result.

Secondly, when adopting new legislation, a completely conscious approach is required in order to eliminate problems when creating regulatory and legal norms.

Thirdly, the problems of this issue may depend on various reasons: this is the lack of thoughtfulness of regulatory legal acts, the deliberate failure to include norms in the act, oversight and unjustification of the norm when applied in practice.

Fourthly, how to eliminate the problems? It is clear that they should be eliminated by making changes and additions to this law, and not by adopting a new law regulating relations in the sphere of provision of activity.

In any state, the existence and operation of institutions are associated with law and the law, the range of their powers and competencies is of particular importance.

The concept of competence most often includes powers of authority or duties and rights [1, p. 177–178]. The interpretation of the concept was also proposed by another scholar in administrative law. I.L. Bachilo considers the main functions of management bodies as types of influence on management objects. These functions are divided into subfunctions, actions and operations with varying degrees of authority [3, p. 27]. Despite the contradictory approaches, the starting point is the analysis of a separate body, institution, institute and the principles of its activities.

Analyzing Russian legislation, we propose the main content of the principles of ensuring the activities of public administration institutions, which are aimed at creating the necessary conditions for the full and independent provision of a decent life and free development of a person; meeting the needs for personnel, material and technical, organizational and legal, financial, electronic, information resources; implementing the provision that the powers to ensure the activities of public administration bodies are implemented in accordance with federal legislation.

From the given classification of the main content of ensuring the activities of government bodies, we propose a list of the following principles:

- the principle of legality of ensuring their activities;
- transparency in the activities of the apparatus of government bodies of the Russian Federation;
- the principle of achieving a balance of interests of the subjects of ensuring the activity;
- the principle of preliminary, current and final control in order to eradicate corruption;
- the principle of increasing the responsibility of managers in the implementation of Russian legislation.

The legislatively enshrined principles of ensuring will specifically guide the participants in legal relations formed for the purpose of functioning of ensuring, in determining the goals and objectives in their implementation. One of the essential elements of legal ensuring the activity can be considered the definition of the boundaries of the application of the norms of this ensuring by defining concepts.

Thus, the main content of ensuring the activities of public administration institutions is: the purpose of the provision; establishing the effect of the provision based on the content of the system of existing concepts, the area of provision, the area of implementation of legislation with the participation of the subjects of provision; establishing a system of subjects – government bodies, their functions and powers in ensuring the activity; determining the methods of influence in the legal regulation of the behavior of participants in management relations; taking measures of responsibility in case of violation of the provisions of regulatory legal acts in the field of provision and the procedure for their application; determining the legal and non-legal forms of implementing the provision of activities.

The main areas of provision can be designated as a combination of the following components: the presence of a goal, purpose and content of the provision; regulation of the subjects of jurisdiction and powers between the subjects of provision; the system of management bodies in the field of provision, the procedure for their management; the system of executors of organizational and legal support, the adoption of the necessary regulatory legal acts to determine their status; the procedure for staffing the apparatus of bodies, resource and information-digital support, financing for the implementation of provision; adoption and implementation of forms of implementation of methods of legal regulation of the activities of subjects of management relations in the field of provision.

The content and direction of ensuring the activities of bodies reflects its properties as an institution of public administration. Hence, the management elements are: the system of management bodies in ensuring activities; determination of the functions and powers of the apparatus of management bodies; the legal status of management entities; the procedure for staffing, organizational and legal, financial, logistical, electronic and information-digital support and financing of their activities in the Russian Federation.

Bibliographic list

1. Bakhrakh, D.N. Administrative Law of Russia: Textbook for students of higher education institutions studying in the specialty "Jurisprudence" / D.N. Bakhrakh. Moscow: Norma, Infra-M, 2000. 623 p.
2. Bakhrakh D.N., Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. Administrative Law: Textbook for higher education institutions. 2nd ed., amended. Moscow: Norma, 2005. 800 p.
3. Bachilo, I.L. Functions of governing bodies (Legal issues of registration and implementation) / I.L. Bachilo. Moscow: Legal Literature, 1976. 198 p.
4. Marchenko, M.N. Judicial law-making and judicial law: textbook / Moscow state University named after M.V. Lomonosov; M.N. Marchenko. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2017. 448 p.
5. Kozlov Yu.M. Administrative Law: Textbook. Moscow, 1999. 320 p.
6. Komarov, S.A. General Theory of State and Law: textbook for undergraduate and graduate students / S.A. Komarov. 9th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2018. Pp. 112–113. 504 p.
7. Koryakin I.I. Legal acts of management in the judicial system of the Russian Federation // Administrative Law and Process. 2015. No. 12. Pp. 32–36.

For citation: Koryakin I.I. Problems in ensuring the activities of public administration institutions: article // Theory of State and Law. 2024. No. 4 (41). P. 224–227.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_221

Научная статья

УДК 342.9

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_228

С.С. Михеев*

В.В. Щукин**

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ В РОССИИ

***Аннотация.** В статье анализируются особенности подходов к необходимости правового регулирования административно-правового статуса частных военных компаний в России. Проведено сравнение нормативных положений международного законодательства и актов зарубежных стран с нормами правовых актов России, обобщен положительный опыт. Выявлены пробелы и коллизии в действующем законодательстве. Изложены предложения по формированию механизма контроля за деятельностью ЧВК.*

***Ключевые слова:** частная военная компания, административно-правовой статус, законодательство, государственный контроль, безопасность.*

Актуальность темы обусловлена тем, что регламентация административно-правового статуса частных военных компаний (далее – ЧВК) представляет собой одну из наиболее острых и актуальных проблем в сфере современного правового регулирования и безопасности. В последние десятилетия наблюдается значительное возрастание востребованности ЧВК в глобальной системе безопасности, что обусловлено рядом факторов, включая трансформацию характера вооруженных конфликтов, рост числа локальных войн и конфликтов низкой интенсивности, а также усиление угроз международного терроризма и организованной преступности. В этих условиях, роль ЧВК как субъектов, оказывающих широкий спектр формально «не государственных» услуг в сфере безопасности, становится все более заметной и значимой.

Стремительное развитие рынка услуг частных военных компаний и увеличение числа таких организаций, действующих как на национальном, так и на международном уровне, требует адекватного правового реагирования со стороны государства, направленного на создание четкой и эффективной системы регулирования их деятельности. В условиях отсутствия качественной правовой базы для регулирования деятельности ЧВК возникают многочисленные «недопонимания», связанные с правоприменительной практикой, включая вопросы правового статуса сотрудников ЧВК, их ответственности за совершаемые действия, а также механизмы контроля и подотчетности данных организаций перед государственными органами. Деятельность ЧВК, зачастую связана с выполнением задач, отнесенных к компетенции государственных военных и правоохранительных органов, в случаях, когда официальное вмешательство государства не желательно (по дипломатическим или иным причинам). Однако без должной регламентации деятельность ЧВК фактически находится в «серой» или даже в «почти темной» зоне правоотношений в области безопасности, что создает предпосылки для нарушения законности и правопорядка.

* **Михеев Святослав Сергеевич**, аспирант 2 курса Образовательного частного учреждения высшего образования «Московский инновационный университет». E-mail: svtoslav@bk.ru

** **Щукин Владимир Викторович**, доцент кафедры правовых дисциплин Образовательного частного учреждения высшего образования «Московский инновационный университет», доцент кафедры юриспруденции Автономной некоммерческой организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации» (г. Мытищи), кандидат юридических наук. E-mail: vl-95006@mail.ru

В последние годы значимость ЧВК в обеспечении национальной безопасности страны и защиты национальных интересов в мире значительно возросла, что привело к активным обсуждениям и дебатам в научных и политических кругах о необходимости правового регулирования их деятельности. Однако, несмотря на эти обсуждения, российское законодательство в данной области является пробельным, а смежные междисциплинарные институты содержат множество неопределенностей.

Интерес к теме ЧВК привлекает представителей различных наук, однако данные исследования носят преимущественно сегментарный отраслевой характер. Особого внимания заслуживает комплексное исследование Веселова Ю.А., которое имеет междисциплинарный характер (анализ политологических, исторических, экономических и правовых аспектов) [6]. В основе данной работы обобщенные выводы большого количества экспертов. Другой, заслуживающей внимание работой, является исследование Косова Г.В. и Гарас Л.Н. На основе междисциплинарных подходов ими изучены особенности трансформации социально-политического института ЧВК, а также вопросы элитарности и эффективности использования ЧВК в современной политике [10].

Исследования правоведов-международников Овчарова А.В., Кузнецова А.А., Сайфуллина Э.К., Мартыненко Е.В., Сырхаева А.А., Корольковой Е.Е. и др. оценке роли ООН в регулировании деятельности ЧВК, особенностей понятий «наемник», «иностранный доброволец», «сотрудник ЧВК» и «сотрудник охранной компании», особенностей ответственности сотрудников [9, 11, 14, 15, 16]. Кулаковым А.В., Галактионовым С.А., Николаевым К.Д., Тихоновым И.Н., Zubовой М.В. предприняты попытки анализа отечественного законодательства в части регламентации вопросов, связанных с ЧВК. Авторами сделаны заслуживающие внимание выводы о состоянии правового регулирования в России, которые должны стать основой научных дискуссий [12, 13].

Основная часть. Рассмотрение заявленной темы целесообразно начать со сравнительного анализа закрепления правового статуса частных военных компаний в зарубежных странах.

В Соединенных Штатах Америки (США) ЧВК не имеют единого правового статуса, а их деятельность регулируется разнообразными федеральными и штатными законами. Федеральные нормативные акты, такие как Закон о контроле над экспортом оружия (Arms Export Control Act), Закон о защите информации (Classified Information Protection Act) и Закон о борьбе с терроризмом (Anti-Terrorism Act), оказывают значительное влияние на деятельность ЧВК. Кроме того, штатные законы, в большинстве случаев, содержат положения, регулирующие лицензирование и регистрацию ЧВК, а также устанавливающие требования к их персоналу, обучению и вооружению.

В Великобритании ЧВК регулируются Законом о частной военной и охранной деятельности 2004 года (Private Security Industry Act 2004), который определяет ЧВК как организации, предоставляющие вооруженные услуги для защиты людей или имущества. Этот закон требует, чтобы ЧВК имели лицензию от Совета по частной безопасности (Security Industry Authority) и соблюдали определенные стандарты в области персонала, обучения и вооружения.

Закон о военной безопасности 2013 года во Франции строго регулирует деятельность ЧВК в стране. Он запрещает деятельность ЧВК на территории Франции, за исключением случаев, когда они получают специальное разрешение от правительства. Кроме того, закон разрешает деятельность ЧВК за пределами Франции только при условии соблюдения международного права и безопасности Франции.

В Германии деятельность ЧВК запрещена, что объясняется как конституционными ограничениями на использование вооруженной силы, так и историческим опытом, связанным с деятельностью нацистских военизированных формирований.

В ЮАР ЧВК регулируются Законом о частной военной и охранной деятельности 2008 года, который также устанавливает стандарты для ЧВК в области лицензирования, персонала, обучения и вооружения.

Нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность частных военных компаний (ЧВК) в России, являются предметом внимания на сегодняшний день в связи с отсутствием единого законодательного акта, охватывающего комплексно их деятельность. Это создает правовую неопределенность и затрудняет ясное определение статуса ЧВК, их прав и обязанностей, а также вопросов ответственности за нарушения законодательства. Анализ существующего законодательства выявляет его фрагментарный характер, в основном базирующийся на нескольких ключевых нормативно-правовых актах.

С одной стороны, законодатели после ситуации с ЧВК «Вагнер» пошли по наиболее легкому пути, заморозив проблему. Согласно п.9 ст. 1 Федерального закона «Об обороне» исключает существование военных формирований, находящихся вне правового поля [4]. Конституционная норма ч. 5 ст. 13 так же запрещает создание вооруженных формирований [1; 8].

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд норм, направленных на привлечение к ответственности за: планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивной войны (ст. 353 УК РФ); вербовку, обучение, финансирование, использование в вооруженном конфликте наемника (ст. 359 УК РФ); участие наемника в вооруженном конфликте (ст. 359 УК РФ); создание, финансирование и руководство вооруженным формированием (ст. 208 УК РФ); участие в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством (ст. 208 УК РФ). Кроме того, в примечании к ст. 359 УК РФ содержится легальное определение «наемник». В примечании к ст. 208 УК РФ изложено условие освобождения от уголовной ответственности [2].

С другой стороны, п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации указывает, что общепризнанные нормы международного права, регулирующие деятельность и статус ЧВК (Документ Монтрё; Международный кодекс поведения ЧОК, Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и др.), являются составной частью правовой системы Российской Федерации [1; 8]. В данной коллизии полагаем возможным согласиться с выводом Кулакова А.В. и Галактионова С.А. о том, что единственным условием легализации создание и функционирование ЧВК является подконтрольность, а возможно и аффилированность с государством [12].

По определению, ЧВК являются коммерческими организациями, которые на договорной основе предоставляют вооруженные услуги и услуги по обеспечению безопасности. Они не входят в состав официальных вооруженных сил государства, однако могут выполнять определенные задачи, которые традиционно осуществляются государственными военными структурами. Характеристики ЧВК включают в себя ряд признаков, которые отличают их от других субъектов, осуществляющих вооруженную деятельность. Ключевыми признаками являются: коммерческая основа деятельности, предоставление вооруженных услуг на основе договоров, отсутствие государственной принадлежности, многонациональный состав, частный характер финансирования и широкий спектр предоставляемых услуг.

Отличия ЧВК от других субъектов, осуществляющих вооруженную деятельность, включают их негосударственную принадлежность и коммерческую направленность. Так, в отличие от государственных вооруженных сил, ЧВК прямо не подчиняются военному руководству государства. Они также отличаются от партизанских отрядов тем, что их деятельность не имеет политических целей. Наемники, в свою очередь, действуют незаконно и не подчиняются никаким правовым нормам, в то время как ЧВК осуществляют свою деятельность соблюдая договорные обязательства перед заказчиками. Частные охранные предприятия, хотя и могут предоставлять услуги по охране объектов, специализируются главным образом на этой сфере деятельности, в то время как ЧВК могут оказывать широкий спектр услуг, включая участие в боевых действиях, логистическое обеспечение, разведку и обучение персонала.

Классификация ЧВК может осуществляться по различным признакам. Например, по сфере деятельности они могут быть специализированы на боевых действиях, охране

объектов, логистическом обеспечении и других направлениях. По численности их можно разделить на крупные, средние и малые. В международном ракурсе ЧВК можно классифицировать по стране происхождения, например, американские, британские, российские и т.д.

Авторы полагают возможным согласиться с выводами Корольковой Е.Е., обобщившей актуальные подходы ученых разных направлений к определению частных военных и охранных компаний. Основу такого определения составляют три характерные особенности ЧВК: статус коммерческой организации; возмездность военизированной (охранной) деятельности (услуг); вооруженный конфликт является средой осуществления их деятельности [9].

В ходе проведения научных исследований и решения практических проблем противоречивости правового положения ЧВК сформировался ряд подходов, которые можно взять за основу при определении административно-правового статуса ЧВК в России.

Первый подход базируется на признании ЧВК юридическими лицами, что предполагает их регистрацию и подчинение законам, регулирующим деятельность юридических субъектов в виде частных охранных организаций (ЧОПов) с особыми уставными задачами и компетенциями [7]. Приверженцы этого взгляда подчеркивают важность установления специализированных нормативно-правовых актов, которые определили бы статус, права и обязанности ЧВК, а также механизмы государственного контроля и надзора.

Второй подход предполагает признание ЧВК субъектами предпринимательской деятельности и их включение в сферу действия существующего законодательства о предпринимательстве. Сторонники данного подхода выдвигают идею о внесении изменений в ГК РФ, чтобы ЧВК могли осуществлять свою деятельность в соответствии с законодательством о бизнесе. Основное преимущество такого подхода видится в обеспечении легитимности деятельности ЧВК и создании условий для конкурентной среды на рынке услуг безопасности.

Третий подход представляет собой признание ЧВК военизированными формированиями и их подчинение контролю со стороны военного ведомства. Предлагается внести изменения в Федеральный закон «О безопасности» [3], чтобы обеспечить возможность Министерству обороны Российской Федерации контролировать деятельность ЧВК. Преимущества данного подхода включают в себя гарантирование государственного контроля над ЧВК и возможность использования их в интересах национальной безопасности.

Четвертый подход заключается в признании ЧВК ассоциациями и регулировании их деятельности в рамках законодательства об общественных объединениях. Этот подход предполагает изменения норм Федерального закона «Об общественных объединениях» [5] с целью обеспечения легальности и защиты интересов ЧВК. Преимущества данного подхода включают в себя возможность развития саморегулирования и защиты прав и интересов ЧВК.

Пятый подход представляет собой комбинированный подход, включающий элементы предыдущих. Это предполагает создание комплексной системы правового регулирования, которая учитывает все аспекты деятельности ЧВК и обеспечивает гибкий механизм адаптации к изменяющимся условиям.

Пробелы и противоречия в действующем законодательстве о частных военных компаниях (ЧВК) являются значительной проблемой, требующей внимания и коррекции. Отсутствие четкого определения ЧВК в законодательстве ведет к разночтениям и разногласиям в их юридическом статусе. Неопределенность правового статуса сотрудников ЧВК, вопросы разграничения полномочий органов государственной власти в сфере их регулирования и отсутствие эффективных механизмов контроля и надзора являются критическими аспектами. Вопрос о том, являются ли они наемниками, военнослужащими, частными охранниками или другими лицами, остается нерешенным. Это приводит к неопределенности их прав, обязанностей и ответственности перед законом.

Нечеткое разграничение полномочий различных органов государственной власти в сфере регулирования деятельности ЧВК также создает проблемы, а это приводит к дублированию функций, неэффективности контроля и надзора, а также к возможности злоупотреблений со стороны должностных лиц. Отсутствие эффективных механизмов контроля и надзора за деятельностью ЧВК создает риски для безопасности государства и общества. Деятельность ЧВК может быть использована в противоправных целях, таких как терроризм, контрабанда, незаконный оборот оружия и другие преступные действия.

Противоречия между нормами различных нормативно-правовых актов, регулируемыми отдельные аспекты деятельности ЧВК, также создают проблемы в практическом применении законодательства. Это приводит к правовой неопределенности и правовой коллизии, когда разные нормы закона предписывают различные действия.

Для решения указанных выше проблем необходимо разработать комплексный закон, который охватывал бы все аспекты деятельности ЧВК. Такой закон должен включать в себя определение понятия ЧВК, установление их правового статуса, требования к учредителям и членам ЧВК, четкое разграничение полномочий органов государственной власти, а также эффективные механизмы контроля и надзора. Только такой комплексный подход позволит обеспечить эффективное и справедливое правовое регулирование деятельности частных военных компаний в России.

Заключение. Для совершенствования административно-правового статуса частных военных компаний (ЧВК) в России можно реализовать комплекс мер, направленных на определение их места в системе государственного управления, установление требований к учредителям и членам ЧВК, определение полномочий органов государственной власти, разработку механизмов контроля и надзора, а также введение ответственности за нарушение законодательства.

Необходимо включить ЧВК в реестр субъектов, осуществляющих деятельность в сфере безопасности. Это позволит обеспечить государственный контроль за их деятельностью и повысить прозрачность. Также можно создать специальный орган государственного управления, который будет осуществлять функции контроля и надзора за деятельностью ЧВК. Кроме того, следует включить представителей ЧВК в состав совещательных органов при органах государственной власти, что обеспечит более эффективное взаимодействие и учет интересов всех сторон [17].

Целесообразно установить строгие требования к учредителям и членам ЧВК. Они должны быть гражданами Российской Федерации и не иметь судимостей за тяжкие и особо тяжкие преступления. Все учредители и члены ЧВК должны пройти специальную подготовку, которая включает изучение законодательства Российской Федерации, правил ведения боевых действий, оказания первой помощи и другие необходимые навыки. Кроме того, они должны иметь опыт работы в сфере безопасности, например, в вооруженных силах, органах внутренних дел или частных охранных предприятиях.

Требуется четко определить полномочия органов государственной власти в сфере регулирования деятельности ЧВК. Это касается как федерального органа исполнительной власти, так и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Такое разграничение полномочий позволит более эффективно контролировать и регулировать деятельность ЧВК на всех уровнях.

В качестве эффективного механизма контроля и надзора за деятельностью ЧВК можно рассмотреть обязательное лицензирование деятельности, проведение регулярных проверок их деятельности, установление требований к отчетности и создание системы государственного мониторинга их деятельности.

Дополнительно можно создать систему страхования профессиональной ответственности ЧВК, что обеспечит защиту интересов клиентов и сотрудников. Проведение научно-исследовательских работ в сфере деятельности ЧВК позволит постоянно совершенствовать правовое регулирование и адаптироваться к меняющимся условиям.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // www.consultant.ru
3. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности» // www.consultant.ru
4. Федеральный закон «Об обороне» от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // URL: <https://www.consultant.ru>
5. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693
6. *Веселов Ю.А.* История и роль ЧВК в современной мировой политике / Ю. А. Веселов // *Мировая политика.* – 2021. – № 3. – С. 19–40.
7. *Зубова М.В.* О проблемах и перспективах создания в России частных военных компаний / М. В. Зубова // *Вестник Московского университета МВД России.* – 2022. – № 4. – С. 99–104.
8. *Комаров С.А. и др.* Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 411 с. (Серия: Профессиональный комментарий).
9. *Королькова Е.Е.* К вопросу о понятии «частные военные и охранные компании» и видах оказываемых ими услуг в вооруженных конфликтах / Е.Е. Королькова // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* – 2018. – № 2. – С. 141–145.
10. *Косов Г.В., Гарас Л.Н.* Частные военные компании: элитологический анализ // ВЭ. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastnye-voennye-kompanii-ELITOLOGICHESKIY-ANALIZ>
11. *Кузнецов А.А.* Правовой статус частных военных компаний в условиях современных прокси-конфликтов / А.А. Кузнецов // *Вопросы российской юстиции.* – 2023. – № 26. – С. 451–459.
12. *Кулаков, А.В.* Правовой статус частных военных компаний в Российской Федерации / А.В. Кулаков, С.А. Галактионов // *Вестник Самарского юридического института.* – 2023. – № 1(52). – С. 63–66.
13. *Николаев, К.Д.* Необходимо принять федеральный закон о частных военных компаниях / К.Д. Николаев, И.Н. Тихонов // *Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина.* – 2023. – № 3. – С. 13–19.
14. *Овчаров А.В.* Частные военные компании и ответственность за наемничество / А.В. Овчаров // *Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Сб. материалов XXIII международной научно-практической конференции. В 2-х тт. Иркутск, 24–25 мая 2018 года. Том II.* – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 218–220.
15. *Сайфуллин, Э.К.* Дифференциация международно-правовых статусов наемника, иностранного добровольца и сотрудника частной военной и охранной компании / Э.К. Сайфуллин // *Журнал российского права.* – 2022. – Т. 26, № 10. – С. 127–142.
16. *Сайфуллин, Э.К.* Роль ООН в регулировании деятельности частных военных и охранных компаний / Э.К. Сайфуллин // *Глобальный диалог о целях устойчивого развития: правовое измерение: материалы Международной научно-практической конференции (к 75-летию образования ООН), Москва, 22–24 октября 2020 года.* – Москва: Московский гуманитарный университет, 2020. – С. 297–301.
17. *Сухоруков, А.А.* Роль правового регулирования частных военных компаний современной России в достижении эффективности укрепления обороноспособности нашей страны / А.А. Сухоруков // *Социально-политические науки.* – 2018. – № 1. – С. 61–64.

Для цитирования: *Михеев С.С., Шукин В.В.* Регламентация административно-правового статуса частных военных компаний в России: статья // *Теория государства и права.* – 2024. – № 4 (41). – С. 228–233.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_228

REGULATION OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF PRIVATE MILITARY COMPANIES IN RUSSIA

Svyatoslav S. Mikheev*
Vladimir V. Shchukin**

Annotation. *The article analyzes the specifics of approaches to the need for legal regulation of the administrative and legal status of private military companies in Russia. A comparison of the normative provisions of international legislation and acts of foreign countries with the norms of legal acts of Russia is carried out, positive experience is summarized. Gaps and conflicts in the current legislation are identified. Proposals for the formation of a mechanism for monitoring the activities of PMCs are presented.*

Key words: *private military company, administrative and legal status, legislation, state control, security.*

Introduction. The relevance of the topic is due to the fact that the regulation of the administrative and legal status of private military companies (hereinafter referred to as PMCs) is one of the most acute and pressing problems in the field of modern legal regulation and security. In recent decades, there has been a significant increase in the demand for PMCs in the global security system, which is due to a number of factors, including the transformation of the nature of armed conflicts, the growth in the number of local wars and low-intensity conflicts, as well as the increasing threats of international terrorism and organized crime. In these conditions, the role of PMCs as entities providing a wide range of formally "non-governmental" services in the field of security is becoming increasingly visible and significant.

The rapid development of the market for the services of private military companies and the increase in the number of such organizations operating both at the national and international levels requires an adequate legal response from the state aimed at creating a clear and effective system for regulating their activities. In the absence of a high-quality legal framework for regulating the activities of PMCs, numerous "misunderstandings" arise related to law enforcement practice, including issues of the legal status of PMC employees, their responsibility for their actions, as well as mechanisms for monitoring and accountability of these organizations to government agencies. The activities of PMCs are often associated with the implementation of tasks attributed to the competence of state military and law enforcement agencies, in cases where official intervention by the state is undesirable (for diplomatic or other reasons). However, without proper regulation, the activities of PMCs are actually in the "gray" or even "almost dark" zone of legal relations in the field of security, which creates the preconditions for the violation of law and order. In recent years, the importance of PMCs in ensuring national security of the country and protecting national interests in the world has increased significantly, which has led to active discussions and debates in scientific and political circles about the need for legal regulation of their activities. However, despite these discussions, Russian legislation in this area is a gap, and related interdisciplinary institutions contain many uncertainties.

Interest in the topic of PMCs attracts representatives of various sciences, but these studies are mainly of a segmental industry nature. Particular attention should be paid to the comprehensive study by Yu. A. Veselov, which has an interdisciplinary nature (analysis of political science, historical, economic and legal aspects) [6]. This work is based on the generalized conclusions of a large number of experts. Another work that deserves attention is the study by G. V. Kosov and L. N. Garas. Based on

* **Mikheev Svyatoslav Sergeevich**, 2nd year graduate student at the Moscow Innovative University. E-mail: svtoslav@bk.ru

** **Shchukin Vladimir Viktorovich**, Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Educational Private Institution of Higher Education "Moscow Innovative University", Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education of the Central Union of the Russian Federation "Russian University of Cooperation" (Mytishchi), Candidate of Legal Sciences. E-mail: vl-95006@mail.ru

interdisciplinary approaches, they studied the features of the transformation of the socio-political institution of PMCs, as well as issues of elitism and the effectiveness of using PMCs in modern politics [10].

Research by international legal experts Ovcharov A.V., Kuznetsov A.A., Saifullin E.K., Martynenko E.V., Syrkhayev A.A., Korolkova E.E. and others assess the role of the UN in regulating the activities of PMCs, the specifics of the concepts of "mercenary", "foreign volunteer", "PMC employee" and "security company employee", and the specifics of employee liability [9, 11, 14, 15, 16]. Kulakov A.V., Galaktionov S.A., Nikolaev K.D., Tikhonov I.N., Zubova M.V. attempted to analyze domestic legislation in terms of regulating issues related to PMCs. The authors made noteworthy conclusions about the state of legal regulation in Russia, which should form the basis for scientific discussions [12, 13].

Main part. It is advisable to begin the consideration of the stated topic with a comparative analysis of the consolidation of the legal status of private military companies in foreign countries.

In the United States of America (USA), PMCs do not have a single legal status, and their activities are regulated by various federal and state laws. Federal regulations, such as the Arms Export Control Act, the Classified Information Protection Act, and the Anti-Terrorism Act, have a significant impact on the activities of PMCs. In addition, state laws, in most cases, contain provisions governing the licensing and registration of PMCs, as well as establishing requirements for their personnel, training, and weapons.

In the UK, PMCs are regulated by the Private Security Industry Act 2004, which defines PMCs as organisations that provide armed services for the protection of people or property. The act requires PMCs to be licensed by the Security Industry Authority and to meet certain standards in terms of personnel, training and armament.

The Military Security Act 2013 in France strictly regulates PMCs in the country. It prohibits PMCs from operating in France unless they receive special permission from the government. In addition, the law allows PMCs to operate outside France only if they comply with international law and French security.

In Germany, PMCs are prohibited, due to both constitutional restrictions on the use of armed force and historical experience related to the activities of Nazi paramilitary groups.

In South Africa, PMCs are regulated by the Private Military and Security Activities Act 2008, which also sets standards for PMCs in the areas of licensing, personnel, training and armament.

The regulations governing the activities of private military companies (PMCs) in Russia are currently the subject of attention due to the lack of a single legislative act that comprehensively covers their activities. This creates legal uncertainty and makes it difficult to clearly define the status of PMCs, their rights and obligations, as well as issues of liability for violations of the law. An analysis of the existing legislation reveals its fragmentary nature, mainly based on several key regulations.

On the one hand, after the situation with the Wagner PMC, legislators took the easiest path by freezing the problem. According to paragraph 9 of Article 1 of the Federal Law "On Defense", it excludes the existence of military formations that are outside the legal field [4]. The constitutional norm of Part 5 of Article 13 also prohibits the creation of armed formations [1; 8].

The Criminal Code of the Russian Federation contains a number of provisions aimed at bringing to justice for: planning, preparing, unleashing and waging an aggressive war (Article 353 of the Criminal Code); recruitment, training, financing, and use of a mercenary in an armed conflict (Article 359 of the Criminal Code); participation of a mercenary in an armed conflict (Article 359 of the Criminal Code); creation, financing and leadership of an armed formation (Article 208 of the Criminal Code); participation in an armed formation not provided for by law (Article 208 of the Criminal Code). In addition, the note to Article 359 of the Criminal Code contains the legal definition of "mercenary". The note to Article 208 of the Criminal Code sets out the condition for exemption from criminal liability [2].

On the other hand, paragraph 4 of Article 15 of the Constitution of the Russian Federation indicates that the generally recognized norms of international law governing the activities and status of PMCs (the Montreux Document; the International Code of Conduct for PMCs, the Geneva Conventions of August 12, 1949, etc.) are an integral part of the legal system of the Russian Federation [1;

8]. In this conflict, we believe it is possible to agree with the conclusion of Kulakov A.V. and Galaktionov S.A. that the only condition for the legalization of the creation and functioning of PMCs is control, and possibly affiliation with the state [12]. By definition, PMCs are commercial organizations that provide armed services and security services on a contractual basis. They are not part of the official armed forces of the state, but they can perform certain tasks that are traditionally carried out by state military structures. The characteristics of PMCs include a number of features that distinguish them from other entities carrying out armed activities. Key features are: commercial basis of activity, provision of military services on the basis of contracts, absence of state affiliation, multinational composition, private nature of financing and a wide range of services provided.

Distinctions between PMCs and other entities engaged in armed activity include their non-state affiliation and commercial focus. Thus, unlike state armed forces, PMCs are not directly subordinate to the military leadership of the state. They also differ from guerrilla units in that their activities do not have political goals. Mercenaries, in turn, act illegally and are not subject to any legal norms, while PMCs carry out their activities in compliance with contractual obligations to customers. Private security companies, although they can provide services for the protection of facilities, specialize mainly in this area of activity, while PMCs can provide a wide range of services, including participation in combat operations, logistics support, intelligence and personnel training.

PMCs can be classified according to various criteria. For example, according to the area of activity, they can specialize in combat operations, protection of facilities, logistics support and other areas. In terms of numbers, they can be divided into large, medium and small. In the international context, PMCs can be classified by country of origin, for example, American, British, Russian, etc.

The authors believe it is possible to agree with the conclusions of Korolkova E.E., who summarized the current approaches of scientists from different fields to the definition of private military and security companies. The basis of such a definition is three characteristic features of PMCs: the status of a commercial organization; compensation for paramilitary (security) activities (services); an armed conflict is the environment for the implementation of their activities [9].

In the course of scientific research and solving practical problems of the inconsistency of the legal status of PMCs, a number of approaches have been formed that can be taken as a basis for determining the administrative and legal status of PMCs in Russia.

The *first* approach is based on recognizing PMCs as legal entities, which implies their registration and subordination to laws regulating the activities of legal entities in the form of private security organizations (PSCs) with special statutory tasks and competencies [7]. Proponents of this view emphasize the importance of establishing specialized regulatory legal acts that would define the status, rights and obligations of PMCs, as well as mechanisms for state control and supervision.

The *second* approach assumes recognizing PMCs as subjects of entrepreneurial activity and their inclusion in the scope of existing legislation on entrepreneurship. Supporters of this approach put forward the idea of amending the Civil Code of the Russian Federation so that PMCs can carry out their activities in accordance with business legislation. The main advantage of this approach is seen in ensuring the legitimacy of PMCs' activities and creating conditions for a competitive environment in the security services market.

The *third* approach is the recognition of PMCs as paramilitary formations and their subordination to the control of the military department. It is proposed to amend the Federal Law "On Security" [3] to enable the Ministry of Defense of the Russian Federation to control the activities of PMCs. The advantages of this approach include guaranteeing state control over PMCs and the possibility of using them in the interests of national security.

The *fourth* approach is to recognize PMCs as associations and regulate their activities within the framework of the legislation on public associations. This approach involves amending the provisions of the Federal Law "On Public Associations" [5] in order to ensure the legality and protection of the interests of PMCs. The advantages of this approach include the possibility of developing self-regulation and protecting the rights and interests of PMCs.

The *fifth* approach is a combined approach that includes elements of the previous ones. This involves the creation of a comprehensive system of legal regulation that takes into account all aspects of the activities of PMCs and provides a flexible mechanism for adaptation to changing conditions.

Gaps and contradictions in the current legislation on private military companies (PMCs) are a significant problem that requires attention and correction. The lack of a clear definition of PMCs in the legislation leads to discrepancies and disagreements in their legal status. The uncertainty of the legal status of PMC employees, the issues of delineating the powers of government bodies in the sphere of their regulation, and the lack of effective control and supervision mechanisms are critical aspects. The question of whether they are mercenaries, military personnel, private security guards, or other persons remains unresolved. This leads to uncertainty about their rights, obligations, and responsibility before the law.

The unclear delineation of powers of various government bodies in the sphere of regulation of PMC activities also creates problems, and this leads to duplication of functions, ineffective control and supervision, as well as the possibility of abuse by officials. The lack of effective control and supervision mechanisms over the activities of PMCs creates risks for the security of the state and society. The activities of PMCs can be used for illegal purposes, such as terrorism, smuggling, illegal arms trafficking and other criminal activities.

Contradictions between the norms of various legal acts regulating individual aspects of PMC activities also create problems in the practical application of legislation. This leads to legal uncertainty and legal conflicts, when different legal norms prescribe different actions.

To solve the above problems, it is necessary to develop a comprehensive law that would cover all aspects of PMC activities. Such a law should include a definition of the concept of PMCs, the establishment of their legal status, requirements for founders and members of PMCs, a clear delineation of the powers of government bodies, as well as effective control and supervision mechanisms. Only such a comprehensive approach will ensure effective and fair legal regulation of the activities of private military companies in Russia.

Conclusion. In order to improve the administrative and legal status of private military companies (PMCs) in Russia, it is possible to implement a set of measures aimed at defining their place in the public administration system, establishing requirements for founders and members of PMCs, defining the powers of government bodies, developing control and supervision mechanisms, and introducing liability for violating the law.

It is necessary to include PMCs in the register of entities operating in the security sphere. This will ensure state control over their activities and increase transparency. It is also possible to create a special government body that will exercise control and supervision functions over the activities of PMCs. In addition, it is necessary to include PMC representatives in the advisory bodies of government bodies, which will ensure more effective interaction and consideration of the interests of all parties [17].

It is advisable to establish strict requirements for founders and members of PMCs. They must be citizens of the Russian Federation and have no convictions for serious and especially serious crimes. All founders and members of PMCs must undergo special training, which includes studying the legislation of the Russian Federation, rules of engagement, first aid and other necessary skills. In addition, they must have experience in the security sector, for example, in the armed forces, internal affairs agencies or private security companies.

It is necessary to clearly define the powers of government bodies in the sphere of regulating the activities of PMCs. This applies to both the federal executive body and government bodies of the constituent entities of the Russian Federation. Such a delineation of powers will allow for more effective control and regulation of PMCs at all levels. Mandatory licensing of activities, regular inspections of their activities, establishment of reporting requirements and the creation of a system of state monitoring of their activities can be considered as an effective mechanism for control and supervision of PMCs.

Additionally, a system of professional liability insurance for PMCs can be created, which will ensure the protection of the interests of clients and employees. Conducting research in the field of PMCs will allow for constant improvement of legal regulation and adaptation to changing conditions.

Bibliographic list

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. "The Criminal Code of the Russian Federation" dated 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 02.10.2024) // www.consultant.ru
3. Federal Law dated 28.12.2010 N 390-FZ (as amended on 10.07.2023) "On Security" // www.consultant.ru
4. Federal Law "On Defense" dated 31.05.1996 N 61-FZ (as amended on 26.02.2024) // URL: <https://www.consultant.ru>
5. Federal Law "On Public Associations" of 19.05.1995 No. 82-FZ (as amended on 08.08.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693
6. Veselov Yu. A. History and role of PMCs in modern world politics / Yu. A. Veselov // World politics. 2021. No. 3. Pp. 19–40.
7. Zubova M.V. On the problems and prospects of creating private military companies in Russia / M.V. Zubova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4. Pp. 99–104.
8. Komarov S.A. et al. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., corr. and add. // Ed. by prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Yurait", 2023. 411 p.
9. Korolkova E.E. On the concept of "private military and security companies" and the types of services they provide in armed conflicts / E.E. Korolkova // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2018. No. 2. P. 141–145.
10. Kosov G.V., Garas L.N. Private military companies: elitological analysis // VE. 2023. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastnye-voennye-kompanii-ELITOLOGICHESKIY-ANALIZ>
11. Kuznetsov A.A. Legal status of private military companies in the context of modern proxy conflicts / A.A. Kuznetsov // Issues of Russian justice. 2023. No. 26. Pp. 451–459.
12. Kulakov, A.V. Legal status of private military companies in the Russian Federation / A.V. Kulakov, S.A. Galaktionov // Bulletin of the Samara Law Institute. 2023. No. 1 (52). Pp. 63–66.
13. Nikolaev, K.D. It is necessary to adopt a federal law on private military companies / K.D. Nikolaev, I.N. Tikhonov // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2023. No. 3. Pp. 13–19.
14. Ovcharov A.V. Private military companies and responsibility for mercenarism / A.V. Ovcharov // Activities of law enforcement agencies in modern conditions: Collection of materials of the XXIII international scientific and practical conference. In 2 volumes. Irkutsk, May 24–25, 2018. Volume II. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. Pp. 218–220.
15. Saifullin, E.K. Differentiation of international legal statuses of a mercenary, a foreign volunteer and an employee of a private military and security company / E.K. Saifullin // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 10. Pp. 127–142.
16. Saifullin, E.K. The role of the UN in regulating the activities of private military and security companies / E.K. Saifullin // Global Dialogue on Sustainable Development Goals: Legal Dimension: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (for the 75th Anniversary of the Formation of the UN), Moscow, October 22–24, 2020. Moscow: Moscow University for the Humanities, 2020. Pp. 297–301.
17. Sukhorukov, A.A. The Role of Legal Regulation of Private Military Companies in Modern Russia in Achieving the Effectiveness of Strengthening the Defense Capability of Our Country / A.A. Sukhorukov // Social and Political Sciences. 2018. No. 1. Pp. 61–64.

For citation: Mikheev S.S., Shchukin V.V. Regulation of the administrative and legal status of private military companies in Russia: article // Theory of State and Law. 2024. No. 4 (41). P. 234–238.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_228

Научная статья

УДК 342.5

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_239

К.В. Шафигулин*

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОКАЗАНИЯ ПЛАТНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Аннотация. Цель статьи – проанализировать положение дел с конституционным правом на охрану здоровья и медицинскую помощь населению и сформулировать предложения по ее улучшению. Авторами рассмотрена правовая проблематика, связанная с двумя основными способами оказания медицинской помощи в Российской Федерации: в рамках обязательного медицинского страхования и в виде платных медицинских услуг. Осуществлен анализ понятия «услуга» во взаимосвязи с медицинской деятельностью. Выявлены нестыковки при восстановлении нарушенных прав человека в указанной сфере, в том числе при разрешении судебных споров. В основу исследования положены нормы Конституции Российской Федерации, Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей». В части методологии использованы общенаучные методы (диалектический, логический, системный), а также специальные – частнонаучные методы (формально-юридический и сравнительно-правовой).

В результате проведенного анализа нормативных правовых актов, регламентирующих сферу деятельности при оказании медицинских услуг, авторами подвергнут критике ряд положений указанных актов, а также сформулированы предложения о необходимости изменения действующего законодательства в сфере здравоохранения, из смысла которых следует, что все правоотношения, относящиеся к медицинской помощи, оказываемой как за счет государства, так и за счет собственных средств пациента, необходимо регулировать только в соответствии с нормами Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Практическая значимость работы заключается в назревшей необходимости исправления существующей ситуации в государстве, где понятие медицинской помощи законодательно приравнено к понятию оказания обычной (условно бытовой) услуги, что влияет как на статус социально значимой деятельности по охране здоровья населения, так и на разрешение споров между медицинскими организациями и пациентами.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, права человека и гражданина, охрана здоровья, медицинская помощь, медицинская услуга, пациент, услуга, потребитель, законопроект, судебные споры.

Введение. Основой любого государства является его народ, который формирует общество, которое, как известно, состоит из граждан государства и тех, кто гражданами не является, но проживает в данной стране. Нормальное существование государства возможно при условии установления и дальнейшего законодательного закрепления прав и обязанностей как человека и гражданина по отношению к государству, так и государства по отношению к его жителям. Выполнение множества задач, поставленных человеком и гражданином при

* Шафигулин Кирилл Витальевич, юрисконсульт ФГБУ ВЦЭРМ им. А.М. Никифорова МЧС России; аспирант ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: lawinst-spb@mail.ru, kusha1@bk.ru

Научный руководитель – Винокуров Владимир Анатольевич, профессор кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

формировании государства, невозможно без потенциала, основой которого является здоровье индивида, то есть состояние его физического, психического и социального благополучия, выраженное в отсутствии заболеваний.

Логика развития человечества подсказывает, что любому государству выгодно иметь здоровых (с медицинской точки зрения) членов общества, что позволяет в конечном итоге поступательно развивать государство во всех необходимых сферах.

С целью защиты и поддержания здоровья человека и гражданина в Российской Федерации предусмотрена осуществляемая органами публичной власти Российской Федерации система правовых, экономических, социальных, а также научных и медицинских мер, которая направлена на укрепление физического и психического здоровья человека, поддержание его активной долголетней жизни, включая лечение и профилактику заболеваний, объединяемых понятием «предоставление медицинской помощи».

В Российской Федерации существует два способа предоставления человеку и гражданину медицинской помощи. К первому относится предоставление медицинской помощи в рамках обязательного медицинского страхования, то есть оказания застрахованному лицу при наступлении страхового случая медицинской помощи за счет средств обязательного медицинского страхования, иными словами – за счет государства. Ко второму относится право на получение платных медицинских услуг, которые оказываются гражданам по их желанию за счет собственных средств, средств работодателей и других средств на основании заключенных между медицинской организацией и пациентом договоров.

Практика получения платных медицинских услуг, то есть медицинских услуг, оказываемых за счет негосударственных средств, обнаружила множество проблем, связанных с несовершенством законодательства в этой области и их реализацией, что требует детального правового анализа.

Конституцией Российской Федерации в ч. 1 ст. 41 предусмотрено, что каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Данная норма включена в число основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации при одновременном указании на то, что «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина» (часть 1 статьи 55) [1].

Поскольку в отношении товаров, работ или услуг Основной Закон государства каких-либо упоминаний не содержит, за исключением возможности свободного их перемещения по стране (часть 1 статьи 8) [1; 13], то следует согласиться, что права потребителей товаров, работ и услуг являются общепризнанными правами человека и гражданина, несмотря на то, что они не поименованы в Конституцией Российской Федерации.

Отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), регулируются Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей» [4]. Следует обратить внимание, что в нём не разъясняется понятие «услуга». Зато в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», регулирующем практически все отношения, возникающие в указанной в наименовании сфере, имеется определение медицинской услуги, в соответствии с которым медицинская услуга – это «медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение» (статья 2) [5].

Общее определение услуги и их виды установлено в части второй Гражданского кодекса Российской Федерации в ст. 779, где рассматривается договор возмездного оказания услуг [2]. Исходя из указанных норм гражданского законодательства, под услугой понимается совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности. В числе видов услуг – услуги связи, медицинские, ветеринарные, аудиторские, консультационные, информационные услуги, услуг по обучению, туристическому обслуживанию и иные услуги.

Более точное определение термину «услуга» содержится в Национальном стандарте Российской Федерации ГОСТ Р 50646-2012 «Услуги населению. Термины и определения», который был введен в действие с 1 января 2014 года для добровольного применения приказом Росстандарта от 29 ноября 2012 года № 1612-ст [7]. В соответствии с данным Национальным стандартом услуга – это «результат непосредственного взаимодействия исполнителя и потребителя, а также собственной деятельности исполнителя услуг по удовлетворению потребности потребителя услуг», при этом услуги, оказываемые населению, по данному документу подразделяются на материальные, нематериальные – (социально-культурные) и смешанные (п. 3.1.1). В число социально-культурных (нематериальных) услуг, наряду с другими, включена услуга по поддержанию нормальной жизнедеятельности потребителя, «в том числе поддержание и восстановление здоровья» (пункт 3.1.3), то есть медицинские услуги перечислены в ряду обычных услуг, которые должны удовлетворять потребности потребителя этих услуг [7].

Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации» в ч. 3 ст. 1 установлено правило, по которому при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации в определенных сферах должны соблюдаться нормы современного русского литературного языка. К таким сферам названный Федеральный закон отнес, в том числе информацию, предназначенную для потребителей товаров, работ, услуг (пункт 9⁴ ч. 1 ст. 3 [6]).

Услуга – в интересующем нас значении – в толковых словарях русского языка разъясняется как «действие, приносящее пользу другому» [14].

Таким образом, с точки зрения общего, принятого в русском языке толкования услуги, могут быть весьма разнообразные, включая медицинские.

Основная часть. Анализа представленных актов достаточно для понимания сущности услуги, которая может быть и медицинской. На наш взгляд, следует отделить медицинскую услугу от иных видов услуг, учитывая возросшее число споров, касающихся предоставления медицинских услуг, многочисленные решения судебных органов, обосновываемые несопоставимыми нормами законодательства, неясность в понимании сути оказываемой сегодня медицинской услуги. Медицинская услуга как медицинское вмешательство – это не обычная услуга (например, по ремонту водопроводной сети или доставке товара), а в сущности – медицинская помощь, которую весьма сложно, а в большинстве случаев невозможно переделать или вернуть в исходное состояние.

Обратимся к установленной законами ответственности исполнителя, то есть того, кто предоставил или должен был представить услугу, если рассматривать медицинскую услугу наравне с иными видами услуг.

Как установлено в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», «вред, причиненный жизни и (или) здоровью граждан при оказании им медицинской помощи, возмещается медицинскими организациями в объеме и порядке, установленных законодательством Российской Федерации» (ст. 98) [5], что адресует нас к изложенным в статьях 13–15 нормам Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», которыми предусмотрена следующая ответственность исполнителя за нарушение прав потребителя: 1) та, что предусмотрена законом или договором; 2) возмещение причиненных убытков в полной сумме и неустойки или (пени); 3) необходимость исполнения возложенных обязательств в натуре, несмотря на уплату неустойки (пени) и возмещение убытков; 4) штраф в размере пятидесяти процентов от суммы, который присуждается судом в пользу потребителя в случае несоблюдения в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя; 5) возмещение в полном объеме вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие любых недостатков услуги, но в течение установленного срока службы или срока годности работы; 6) компенсация потребителю морального вреда, при наличии вины того, кто причинил вред [4].

Если попытаемся представить возможность применения указанных Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей» мер ответственности за некачественное

оказание медицинской услуги, как медицинского вмешательства, например, при осуществлении операции по удалению аппендицита, то заметим, что возмещение причиненных убытков в полной сумме и неустойки или (пени) возможно, если это предусмотрено договором, то есть осуществлена оплата услуги за счет собственных средств. В случае же проведения операции в рамках оказания бесплатной медицинской помощи такое возмещение не предусмотрено [9]. Компенсировать моральный вред также возможно. Но как, несмотря на выплаченные суммы, еще раз вырезать аппендицит, то есть, как требует названный Закон Российской Федерации, «исполнить обязательство в натуре»? Очевидно, что никто не сможет определить «срок службы или срок годности работы», в течение которого предусмотрено «возмещение в полном объеме вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие любых недостатков услуги».

Подобные практические нестыковки не помешали Верховному Суду Российской Федерации дать судам разъяснение, из которого следует, что «к отношениям по предоставлению гражданам медицинских услуг, оказываемых медицинскими организациями в рамках добровольного и обязательного медицинского страхования, применяется законодательство о защите прав потребителей» [10, п. 9]. Данное разъяснение логично, поскольку основано на законодательных нормах, но его практическое применение невозможно из-за существенного отличия между оказанием платной медицинской услуги и медицинской услуги, оказанной в рамках обязательного медицинского страхования, что приводит лишь к спорам в том числе судебным.

Несмотря на изложенное выше решение, практика рассмотрения судебных споров стала склоняться к тому, что требования, предъявляемые к предоставлению медицинских услуг, плохо корреспондируются с требованиями и ответственностью, которые установлены для иных видов услуг. Так, в 2019 году определением Верховного Суда Российской Федерации были отменены решения Березниковского городского суда Пермского края от 16 марта 2018 года и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Пермского краевого суда от 6 июня 2018 года в части взыскания штрафа с государственного бюджетного учреждения здравоохранения Пермского края «Городская больница имени академика Вегнера Евгения Антоновича» г. Березники. В обоснования данного решения была положена норма части 8 статьи 84 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», устанавливающая, что к отношениям, связанным с оказанием платных медицинских услуг, применяются положения Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» [11]. Подобный подход, хоть и создает прецедент, по которому оказание бесплатных медицинских услуг не может рассматриваться через призму Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», но не решает эту проблему, особенно, если понимать, что оказание «бесплатной медицинской помощи» осуществляется отнюдь не бесплатно: эта помощь была оплачена за счет регулярно перечисляемых страховых взносов на обязательное медицинское страхование [2, ст. 425]. О возможных проблемах принятого Верховным Судом России решения предупреждает в своей статье М.И. Сироткина, полагая, что такой подход «может быть истолкован как фактически лишение пациентов, получающих медицинские услуги по договору обязательного медицинского страхования, тех гарантий, которые предоставляет им Закон о защите прав потребителей» [17, с. 40].

Многие ученые и специалисты неоднократно отмечали и анализировали проблемы, связанные с оказанием медицинских услуг, показывая в своих исследованиях специфичность этих услуг по сравнению с иными возмездными услугами. Про особую ответственность за некачественное предоставление медицинских услуг пишет Л.В. Высоцкая, указывая на существенный недостаток в правовом регулировании, касающийся отсутствия «специальных правил об ответственности по договору об оказании платных медицинских услуг» [12, с. 153]. С ней соглашаются Е.Л. Поцелуев и А.Е. Горбунов, предлагающие «чтобы законодатель конкретизировал нормы, касающиеся гражданско-правовой ответственности в сфере здравоохранения, для уменьшения разногласий при применении их на практике, приняв закон, защищающий права потребителей услуг в сфере здравоохранения» [16].

Рассматривая юридическое значение исследуемых терминов, Н.С. Пономарев приходит к выводу, что «и медицинская помощь, и медицинские услуги представляют собой совокупность благ медицинского назначения, которые предоставляются исключительно и только по договорам» [15, с. 44]. При этом И.В. Тимофеев выявляет значительную проблему, которая «стоит в том, что федеральный законодатель, объединив в правовую конструкцию эти два исследуемых понятия из публично-правового (“медицинская помощь” как социальное благо и обязанность его обеспечения государством) и частноправового (“медицинская услуга” как единица финансово-экономической оценки медицинского вмешательства в оконченном случае оказания медицинской помощи) секторов, скомбинировал сложное для правоприменения социально-правовое понятие медицинской помощи, чем внес трудности в понимание его содержания, выраженного через дефиницию “медицинская услуга”» [18, с. 13].

О том, что Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» «так и не смог в полной мере заменить ранее действовавшие Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, которые координировали, направляли и подчиняли себе нормы, касавшиеся того же предмета регулирования, но содержащиеся в других нормативных правовых актах», отмечала Т.Я. Хабриева [20, с. 9]. Указанный Федеральный закон «создал новую правовую конфигурацию в сфере охраны здоровья в отрыве от социальной реальности, складывающейся в соответствии с действующей правовой доктриной и общим законодательством», констатировал А.В. Тихомиров, поскольку считал, что этот акт «в силу многочисленных отсылок к полномочиям отраслевого ведомства, по существу, оформил приоритет бюрократического усмотрения не только над нормами права, и не только этого Закона, а и конституирующих гражданский оборот актов общего законодательства, но и над гражданскими правами и свободами участников этого оборота в отрасли» [19, с. 40].

Комплекс связанных с предоставлением медицинских услуг проблем, возникающих на практике, несовершенством законодательного урегулирования, подтвержденным исследованиями ученых, привели ряд парламентариев к идее внести необходимые изменения в российское законодательство. Рассмотрим размещенный на сайте Государственной Думы законопроект, получивший № 580179-8, предполагающий внесение изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и статью 1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» (в части уточнения понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга») [8].

В пояснительной записке к данному законопроекту совершенно справедливо указывается на то, что «право на медицинскую помощь не может быть приравнено к понятию “услуга”, а «медицинская помощь, гарантированная Конституцией Российской Федерации, не может определяться понятием “услуга”». Поэтому предлагается уточнить определения, во-первых, медицинской помощи, которая из медицинской услуги становится медицинским вмешательством или комплексом медицинских вмешательств, «направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение» и, во-вторых, медицинской услуги, превращающейся в «наименование медицинского вмешательства или комплекса медицинских вмешательств», которое должно использоваться исключительно для целей финансового обеспечения, лицензирования, статистического наблюдения, формирования клинических рекомендаций и стандартов медицинской помощи.

Законопроектом предлагается внести в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» одинаковые нормы, по которым отношения, возникающие при оказании гражданам медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, должны регулироваться положениями, но «за исключением правоотношений, регулируемых иными законодательными актами».

При этом требование Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в соответствии с которой к отношениям, связанным с оказанием

платных медицинских услуг, применяются положения Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» сохраняется, что сводит на нет все попытки определить медицинскую услугу как формализованное понятие для учета, отделив ее от медицинской помощи.

Такой подход парламентариев, представивших указанный законопроект, по сути, предлагает считать медицинской помощью то, что оказывается пациентам бесплатно, то есть за счет бюджета специализированного фонда, а медицинской услугой – со всеми требованиями законодательства по оказанию услуг – то, за что платит пациент из собственных средств. Данный подход не решает, а лишь запутывают и тех, кто оказывает медицинскую помощь (сегодня – медицинскую услугу), и тех, кто является пациентом (сегодня – потребителем услуги), и тех, кто вынужден разбирать споры между первыми и вторыми.

Безусловно, описанная выше попытка изменить действующее законодательство в сфере здравоохранения заслуживает одобрения, но сформулированные предложения, на наш взгляд, не смогут исправить возникшие разногласия между нормами права и социально значимой медицинской деятельностью, осуществляемой на платной основе.

Принятие законопроекта, предполагающего внесение изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» в части уточнения понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» мера весьма своевременная. Но поскольку интерпретация названных терминов, заложенная в законопроекте, нарушает принцип равноправия при получении медицинской помощи, в том числе в части защиты своих прав, которые должны быть одинаковыми, были сформулированы предложения, позволяющие сохранить дух конституционной нормы ч. 1 ст. 41, в соответствии с которой каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь [1; 13].

Выводы. Для решения обозначенной в статье проблемы сформулируем следующие предложения по изменению законодательства Российской Федерации.

1. Все правоотношения, относящиеся к медицинской помощи, оказываемой пациенту как бесплатно, так и за плату, необходимо регулировать только в соответствии с нормами Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Для этого следует дополнить статью 3 указанного Федерального закона новой частью 12 в следующей редакции:

«12. Отношения, возникающие при оказании гражданам медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, а также при оказании платной медицинской помощи, регулируются положениями настоящего Федерального закона.»

Одновременно в статье 84 названного Федерального закона словосочетания «медицинских услуг», «платные медицинские услуги» должно быть соответственно заменены словами «медицинской помощи», «платная медицинская помощь» в соответствующем падеже.

2. Дополнить статью 1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» новым пунктом 3, изложив его в следующей редакции:

«3. Положения настоящего Закона не применяются к отношениям, возникающим при оказании гражданам медицинской помощи.»

3. В случае принятия перечисленных выше изменений, Правительству Российской Федерации следует разработать проект постановления, который будет содержать в себе порядок оспаривания действий (бездействия) соответствующих лиц при оказании платных медицинских услуг, прописать ответственность за их некачественное оказание, а также подробно и поэтапно изложить порядок поведения как со стороны медицинской организации, так и со стороны пациента, прежде чем доводить подобные разбирательства до судебного процесса.

Подобные изменения помогут выделить медицинскую помощь человеку и гражданину из понимания предоставления обычных (условно бытовых) услуг. Помимо решения возникающих споров по поводу оказания платного медицинского вмешательства, медицинская помощь приобретет особый статус, который, к сожалению, сегодня у нее отсутствует.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // www.consultant.ru
3. "Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2024) // www.consultant.ru
4. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» (принят Верховным Советом и подписан Президентом Российской Федерации 7 февраля 1992 года № 2300-1) // www.consultant.ru
5. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (принят Государственной Думой 1 ноября 2011 года, одобрен Советом Федерации 9 ноября 2011 года, подписан Президентом Российской Федерации 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ) // www.consultant.ru
6. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (принят Государственной Думой 20 мая 2005 года, одобрен Советом Федерации 25 мая 2005 года, подписан Президентом Российской Федерации 1 июня 2005 года № 53-ФЗ) // www.consultant.ru
7. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 50646-2012 «Услуги населению. Термины и определения», утвержденный приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 ноября 2012 года № 1612-ст. – М.: Стандартинформ. 2020. – 12 с. // www.consultant.ru
8. Законопроект № 580179-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” и статью 1 Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей”» (в части уточнения понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга») // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/580179-8?ysclid=lvnhh520i2882033095>
9. Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2023 года № 2352 // www.consultant.ru
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // www.consultant.ru
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 июля 2019 года по делу № 44-КГ19-7 // www.consultant.ru
12. *Высоцкая Л.В.* Основание и условия гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере оказания платных медицинских услуг // *Территория науки.* – 2014. – № 2. – С. 149–156.
13. *Комаров С.А. и др.* Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 411 с.
14. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений. – М.: Азъ Ltd., 1992. – С. 870.
15. *Пономарев Н.С.* К вопросу о соотношении понятий «медицинская помощь» и «медицинские услуги», их юридическое значение для защиты прав и законных интересов граждан // *Медицинское право.* – 2019. – № 3. – С. 39–44.
16. *Поцелуев Е.Л., Горбунов А.Е.* Гражданско-правовая ответственность за ненадлежащее врачевание // *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство».* 2016. Т. 4. № 4 [Электронный ресурс] // URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 30 апреля 2024 года).
17. *Сироткина М.И.* Некоторые вопросы применения закона о защите прав потребителей при оказании медицинских услуг (обзор законодательства и актуальной судебной практики) // *Практика педиатра.* – 2021. – № 4. – С. 36–40.
18. *Тимофеев И.В.* О понятиях «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Медицинское знание и медицинская практика как предпосылка для нормативного регулирования отношений медицинской помощи // *Медицинское право.* – 2021. – № 1. – С. 3–14.
19. *Тихомиров А.В.* Законодательная реформа здравоохранения: обсуждение и выводы // *Главный врач: хозяйство и право.* – 2012. – № 2. – С. 40–48.
20. *Хабриева Т.Я.* Основные векторы и проблемы развития социального законодательства // *Журнал российского права.* – 2014. – № 8. – С. 5–15.

Для цитирования: *Шафигуллин К.В.* Проблемы законодательного регулирования оказания платной медицинской помощи: статья // *Теория государства и права.* – 2024. – № 4 (41). – С. 239–245.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_239

PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE PROVISION

Annotation. *The purpose of the article is to analyze the situation with the constitutional right to health protection and medical care for the population and formulate proposals for its improvement. The authors consider the legal issues related to two main ways of providing medical care in the Russian Federation: within the framework of compulsory medical insurance and in the form of paid medical services. The analysis of the concept of "service" in relation to medical activity is carried out. Inconsistencies have been identified in the restoration of violated human rights in this area, including in the resolution of legal disputes. The study is based on the norms of the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law "On the Basics of Public Health Protection in the Russian Federation" and the Law of the Russian Federation "On Consumer Protection".*

In terms of methodology, general scientific methods (dialectical, logical, systemic), as well as special – private scientific methods (formal legal and comparative legal) are used.

As a result of the analysis of normative legal acts regulating the sphere of activity in the provision of medical services, the authors criticized a number of provisions of these acts, as well as formulated proposals on the need to change current legislation in the field of healthcare, from the meaning of which it follows that all legal relations related to medical care provided both at the expense of the state and abroad the patient's own funds account, It is necessary to regulate only in accordance with the norms of the Federal Law "On the Basics of public Health protection in the Russian Federation".

The practical significance of the work lies in the urgent need to correct the existing situation in a state where the concept of medical care is legally equated with the concept of providing ordinary (conditionally household) services, which affects both the status of socially significant public health activities and the resolution of disputes between medical organizations and patients.

Keywords: *The Constitution of the Russian Federation, human and civil rights, health protection, medical care, medical service, patient, service, consumer, bill, litigation.*

Introduction. The basis of any state is its people, who form a society, which, as is known, consists of citizens of the state and those who are not citizens, but live in this country. The normal existence of the state is possible under the condition of establishing and further legislative consolidation of the rights and obligations of both a person and a citizen in relation to the state, and the state in relation to its residents. The fulfillment of many tasks set by a person and a citizen when forming a state is impossible without potential, the basis of which is the health of the individual, that is, the state of his physical, mental and social well-being, expressed in the absence of diseases.

The logic of human development suggests that it is beneficial for any state to have healthy (from a medical point of view) members of society, which ultimately allows for the progressive development of the state in all necessary areas. In order to protect and maintain the health of a person and citizen in the Russian Federation, a system of legal, economic, social, as well as scientific and medical measures is implemented by the public authorities of the Russian Federation, which is aimed at strengthening the physical and mental health of a person, maintaining his active long-term life, including the treatment and prevention of diseases united by the concept of "provision of medical care".

* **Kirill Vitalievich Shafigullin** – Legal Adviser to the Federal State Budgetary institution "All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine named after A.M. Nikiforov of the Ministry of Emergency Situations of Russia"; postgraduate student of the public educational institution of Higher Education "Law Institute". E-mail: lawinst-spb@mail.ru; kusha1@bk.ru

Supervisor – **Vladimir Anatolyevich Vinokurov**, professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute" (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

In the Russian Federation, there are two ways of providing a person and citizen with medical care. The first is the provision of medical care within the framework of compulsory medical insurance, that is, the provision of medical care to the insured person upon the occurrence of an insured event at the expense of compulsory medical insurance, in other words, at the expense of the state. The second includes the right to receive paid medical services, which are provided to citizens at their request at their own expense, at the expense of employers and other means on the basis of contracts concluded between a medical organization and a patient.

The practice of receiving paid medical services, that is, medical services provided at the expense of non-state funds, has revealed many problems associated with the imperfection of legislation in this area and their implementation, which requires a detailed legal analysis.

Part 1 of Article 41 of the Constitution of the Russian Federation provides that everyone has the right to health protection and medical care. This norm is included in the list of fundamental rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation, while simultaneously indicating that "the listing of fundamental rights and freedoms in the Constitution of the Russian Federation should not be interpreted as a denial or belittlement of other generally recognized rights and freedoms of man and citizen" (Part 1 of Article 55) [1].

Since the Basic Law of the state does not contain any references to goods, works or services, with the exception of the possibility of their free movement around the country (Part 1 of Article 8) [1; 13], it should be agreed that the rights of consumers of goods, works and services are generally recognized human and civil rights, despite the fact that they are not named in the Constitution of the Russian Federation.

Relationships arising between consumers and manufacturers, performers, importers, sellers when selling goods (performing works, rendering services) are regulated by the Law of the Russian Federation "On the Protection of Consumer Rights" [4]. It should be noted that it does not explain the concept of "service". However, in the Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation", which regulates almost all relations arising in the sphere indicated in the title, there is a definition of a medical service, according to which a medical service is "a medical intervention or a complex of medical interventions aimed at the prevention, diagnosis and treatment of diseases, medical rehabilitation and having an independent, complete meaning" (Article 2) [5].

The general definition of a service and its types is established in Part Two of the Civil Code of the Russian Federation in Article 779, which deals with a contract for the provision of services for a fee [2]. Based on the specified norms of civil legislation, a service is understood to mean the performance of certain actions or the implementation of certain activities. The types of services include communication services, medical, veterinary, auditing, consulting, information services, training services, tourist services and other services. A more precise definition of the term "service" is contained in the National Standard of the Russian Federation GOST R 50646-2012 "Services to the Population. Terms and Definitions", which was put into effect on January 1, 2014 for voluntary use by the order of Rosstandart dated November 29, 2012 No. 1612 Art. [7]. In accordance with this National Standard, a service is "the result of direct interaction between the provider and the consumer, as well as the provider's own activities to meet the needs of the consumer of services", while services provided to the population, according to this document, are divided into tangible, intangible – (socio-cultural) and mixed (clause 3.1.1). The number of socio-cultural (intangible) services, along with others, includes a service for maintaining the normal life of the consumer, "including maintaining and restoring health" (clause 3.1.3), that is, medical services are listed among the usual services that must satisfy the needs of the consumer of these services [7].

The Federal Law "On the State Language of the Russian Federation" in Part 3 of Article 1 establishes a rule according to which, when using the Russian language as the state language of the Russian Federation in certain areas, the norms of the modern Russian literary language must be observed. The Federal Law referred to such areas as, among other things, information intended for consumers of goods, works, services (clause 94, part 1, article 3 [6].

A service – in the meaning that interests us – is explained in explanatory dictionaries of the Russian language as "an action that benefits another" [14].

Thus, from the point of view of the general interpretation of services accepted in the Russian language, they can be very diverse, including medical ones.

Main part. The analysis of the presented acts is sufficient to understand the essence of the service, which may also be medical. In our opinion, it is necessary to separate the medical service from other types of services, given the increased number of disputes regarding the provision of medical services, numerous decisions of judicial bodies based on incomparable legal norms, and the lack of clarity in understanding the essence of the medical service provided today. A medical service as a medical intervention is not an ordinary service (for example, repairing a water supply network or delivering goods), but in essence, medical care that is very difficult, and in most cases impossible, to redo or return to its original state.

Let us turn to the liability of the performer established by law, that is, the one who provided or should have provided the service, if we consider the medical service on a par with other types of services. As established in the Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation", "harm caused to the life and (or) health of citizens when providing them with medical care, shall be compensated by medical organizations in the amount and manner established by the legislation of the Russian Federation" (Article 98) [5], which refers us to the provisions of Articles 13–15 of the Law of the Russian Federation "On Protection of Consumer Rights", which provide for the following liability of the contractor for violation of consumer rights: 1) that provided for by law or contract; 2) compensation for damages in full and a penalty or (fines); 3) the need to fulfill the assigned obligations in kind, despite the payment of a penalty (fines) and compensation for damages; 4) a fine in the amount of fifty percent of the amount, which is awarded by the court in favor of the consumer in the event of failure to voluntarily satisfy the consumer's demands; 5) full compensation for damage caused to the life, health or property of the consumer due to any defects in the service, but within the established service life or shelf life of the work; 6) compensation to the consumer for moral damage, if there is fault on the part of the person who caused the damage [4].

If we try to imagine the possibility of applying the measures of responsibility specified in the Law of the Russian Federation "On Protection of Consumer Rights" for poor-quality provision of a medical service, such as a medical intervention, for example, during an appendectomy, we note that compensation for damages in full and penalties or (penalties) is possible if this is provided for by the contract, that is, payment for the service was made from one's own funds. In the case of an operation as part of the provision of free medical care, such compensation is not provided [9]. Compensation for moral damage is also possible. But how, despite the amounts paid, to remove the appendix again, that is, as required by the aforementioned Law of the Russian Federation, "to fulfill the obligation in kind"? Obviously, no one will be able to determine the "service life or shelf life of the work" during which "full compensation for damage caused to the life, health or property of the consumer due to any deficiencies in the service" is provided.

Such practical inconsistencies did not prevent the Supreme Court of the Russian Federation from giving the courts an explanation, from which it follows that "the legislation on the protection of consumer rights applies to relations on the provision of medical services to citizens rendered by medical organizations within the framework of voluntary and compulsory medical insurance" [10, p. 9]. This explanation is logical, since it is based on legislative norms, but its practical application is impossible due to the significant difference between the provision of a paid medical service and a medical service rendered within the framework of compulsory medical insurance, which only leads to disputes, including judicial ones.

Despite the above decision, the practice of considering litigation has begun to lean towards the fact that the requirements for the provision of medical services do not correspond well with the requirements and responsibilities established for other types of services. Thus, in 2019, by a ruling of the Supreme Court of the Russian Federation, the decisions of the Berezniki City Court of the Perm Territory of March 16, 2018 and the appellate ruling of the judicial panel for civil cases of the Perm Territory Court of June 6, 2018 were overturned in terms of collecting a fine from the state budgetary healthcare institution of the Perm Territory "City Hospital named after Academician Evgeny Antonovich Wagner" in Berezniki. The basis for this decision was the provision of Part 8 of Article 84 of the

Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation", which establishes that the provisions of the Law of the Russian Federation "On the Protection of Consumer Rights" apply to relations related to the provision of paid medical services [11].

This approach, although it creates a precedent according to which the provision of free medical services cannot be considered through the prism of the Law of the Russian Federation "On the Protection of Consumer Rights", does not solve this problem, especially if we understand that the provision of "free medical care" is not free at all: this care was paid for by regularly transferred insurance premiums for compulsory medical insurance [2, Art. 425]. M.I. Sirotkina warns about the possible problems of the decision adopted by the Supreme Court of Russia in her article, believing that such an approach "can be interpreted as actually depriving patients receiving medical services under a compulsory medical insurance contract of the guarantees that the Law on the Protection of Consumer Rights provides them" [17, p. 40].

Many scientists and specialists have repeatedly noted and analyzed the problems associated with the provision of medical services, showing in their studies the specificity of these services compared to other paid services. L.V. Vysotskaya writes about special responsibility for poor quality medical services, pointing out a significant shortcoming in legal regulation concerning the absence of "special rules on responsibility under a contract for the provision of paid medical services" [12, p. 153]. E.L. Potseluev and A.E. Gorbunov agree with her, proposing "that the legislator specify the rules concerning civil liability in the healthcare sector in order to reduce disagreements when applying them in practice, for example, by adopting a law protecting the rights of consumers of healthcare services" [16].

Considering the legal meaning of the terms under study, N.S. Ponomarev comes to the conclusion that "both medical care and medical services represent a set of medical benefits that are provided exclusively and only under contracts" [15, p. 44]. At the same time, I.V. Timofeev identifies a significant problem, which "consists in the fact that the federal legislator, having combined these two concepts under study from the public-law ("medical care" as a social benefit and the obligation of its provision by the state) and private-law ("medical service" as a unit of financial and economic assessment of medical intervention in the completed case of rendering medical care) sectors into a legal construct, combined a social-legal concept of medical care that is difficult to apply, thereby introducing difficulties in understanding its content, expressed through the definition of "medical service"" [18, p. 13].

T. Ya. Khabrieva [20, p. 9] noted that the Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" "was never able to fully replace the previously existing Fundamentals of Legislation of the Russian Federation on Health Protection of Citizens, which coordinated, directed and subordinated the norms concerning the same subject of regulation, but contained in other regulatory legal acts." The said Federal Law "created a new legal configuration in the sphere of health protection in isolation from the social reality that is developing in accordance with the current legal doctrine and general legislation," A.V. Tikhomirov, since he believed that this act "due to numerous references to the powers of the industry department, in essence, formalized the priority of bureaucratic discretion not only over the norms of law, and not only this Law, but also the acts of general legislation constituting civil turnover, but also over the civil rights and freedoms of participants in this turnover in the industry" [19, p. 40].

A set of problems associated with the provision of medical services that arise in practice, the imperfection of legislative regulation, confirmed by research by scientists, led a number of parliamentarians to the idea of making the necessary changes to Russian legislation. Let us consider the bill posted on the website of the State Duma, received No. 580179-8, proposing amendments to the Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" and Article 1 of the Law of the Russian Federation "On the Protection of Consumer Rights" (in terms of clarifying the concepts of "medical care" and "medical service") [8].

The explanatory note to this draft law quite rightly points out that "the right to medical care cannot be equated with the concept of "service"", and "medical care guaranteed by the Constitution of the Russian Federation cannot be defined by the concept of "service". Therefore, it is proposed to

clarify the definitions of, firstly, medical care, which from a medical service becomes a medical intervention or a complex of medical interventions, "aimed at the prevention, diagnosis and treatment of diseases, medical rehabilitation and having an independent complete meaning" and, secondly, a medical service, which turns into "the name of a medical intervention or a complex of medical interventions", which should be used exclusively for the purposes of financial support, licensing, statistical monitoring, the formation of clinical recommendations and standards of medical care.

The draft law proposes to introduce identical provisions into the Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" and the Law of the Russian Federation "On the Protection of Consumer Rights", according to which relations arising in the provision of medical care to citizens within the framework of the state guarantees program for the free provision of medical care to citizens should be regulated by provisions, but "with the exception of legal relations regulated by other legislative acts". At the same time, the requirement of the Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation", according to which the provisions of the Law of the Russian Federation "On the Protection of Consumer Rights" are applied to relations related to the provision of paid medical services, is retained, which negates all attempts to define a medical service as a formalized concept for accounting, separating it from medical care.

This approach of the parliamentarians who presented the said bill essentially proposes to consider medical care as something that is provided to patients free of charge, that is, at the expense of the budget of a specialized fund, and a medical service – with all the requirements of the legislation on the provision of services – as something that the patient pays for from his own funds. This approach does not solve, but only confuses both those who provide medical care (today – a medical service), and those who are patients (today – consumers of services), and those who are forced to resolve disputes between the first and the second.

Of course, the above-described attempt to change the current legislation in the field of health care deserves approval, but the proposals formulated, in our opinion, will not be able to correct the disagreements that have arisen between the rules of law and socially significant medical activities carried out on a paid basis. The adoption of a bill that proposes amendments to the Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" and the Law of the Russian Federation "On Protection of Consumer Rights" in terms of clarifying the concepts of "medical care" and "medical service" is a very timely measure. But since the interpretation of these terms laid down in the bill violates the principle of equality in receiving medical care, including in terms of protecting one's rights, which should be uniform, proposals were formulated that allow preserving the spirit of the constitutional norm, Part 1 of Article 41, according to which everyone has the right to health protection and medical care [1; 13].

Conclusions. In order to solve the problem outlined in the article, we formulate the following proposals for amending the legislation of the Russian Federation.

1. All legal relations related to medical care provided to a patient both free of charge and for a fee must be regulated only in accordance with the provisions of the Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation". To this end, Article 3 of the said Federal Law should be supplemented with a new Part 12 as follows:

"12. Relations arising in the provision of medical care to citizens within the framework of the state guarantee program for the free provision of medical care to citizens, as well as in the provision of paid medical care, are regulated by the provisions of this Federal Law."

At the same time, in Article 84 of the said Federal Law, the phrases "medical services", "paid medical services" should be accordingly replaced by the words "medical care", "paid medical care" in the appropriate case.

2. Supplement Article 1 of the Law of the Russian Federation "On Protection of Consumer Rights" with a new paragraph 3, setting it out as follows:

"3. The provisions of this Law shall not apply to relations arising in the provision of medical care to citizens." 3. If the above amendments are adopted, the Government of the Russian Federation should develop a draft resolution that will contain a procedure for challenging the actions (inactions)

of the relevant persons in the provision of paid medical services, prescribe liability for their poor quality, and also set out in detail and step by step the procedure for behavior on the part of both the medical organization and the patient before bringing such proceedings to court.

Such amendments will help to distinguish medical care for a person and a citizen from the understanding of the provision of ordinary (conditionally household) services. In addition to resolving disputes arising over the provision of paid medical intervention, medical care will acquire a special status, which, unfortunately, it does not have today.

Bibliographic list

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. "The Civil Code of the Russian Federation (Part Two)" dated 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended on 24.07.2023) // www.consultant.ru
3. "The Tax Code of the Russian Federation (Part Two)" dated 05.08.2000 No. 117-FZ (as amended on 08.08.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.10.2024) // www.consultant.ru
4. The Law of the Russian Federation "On Protection of Consumer Rights" (adopted by the Supreme Council and signed by the President of the Russian Federation on February 7, 1992, No. 2300-I) // www.consultant.ru
5. Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" (adopted by the State Duma on November 1, 2011, approved by the Federation Council on November 9, 2011, signed by the President of the Russian Federation on November 21, 2011, No. 323-FZ) // www.consultant.ru
6. Federal Law "On the State Language of the Russian Federation" (adopted by the State Duma on May 20, 2005, approved by the Federation Council on May 25, 2005, signed by the President of the Russian Federation on June 1, 2005, No. 53-FZ) // www.consultant.ru
7. National Standard of the Russian Federation GOST R 50646-2012 "Services to the Population. Terms and Definitions", approved by order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated November 29, 2012 No. 1612-st. – M.: Standartinform. 2020. – 12 p. // www.consultant.ru
8. Bill No. 580179-8 "On Amendments to the Federal Law "On the Fundamentals of Protecting Citizens' Health in the Russian Federation" and Article 1 of the Law of the Russian Federation "On Protection of Consumer Rights" (in terms of clarifying the concepts of "medical care" and "medical service") // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/580179-8?ysclid=lvnhh520i2882033095>
9. The program of state guarantees for the free provision of medical care to citizens for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of December 28, 2023 No. 2352 // www.consultant.ru
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2012 No. 17 "On the consideration by the courts of civil cases on disputes over the protection of consumer rights" // www.consultant.ru
11. Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 15, 2019 in case No. 44-KG19-7 // www.consultant.ru
12. Vysotskaya L.V. Grounds and conditions of civil liability for violations in the field of provision of paid medical services // Territory of Science. 2014. No. 2. P. 149–156.
13. Komarov S.A. et al. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., corr. and add. // Ed. by prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Yurait", 2023. 411 p.
14. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 72,500 Words and 7,500 Phraseological Expressions. Moscow: Az Ltd., 1992. P. 870.
15. Ponomarev N.S. On the Relationship between the Concepts of "Medical Care" and "Medical Services", Their Legal Significance for Protecting the Rights and Legitimate Interests of Citizens // Medical Law. 2019. No. 3. P. 39–44.
16. Potseluev E.L., Gorbunov A.E. Civil Liability for Improper Medical Treatment // Electronic Scientific Journal "Science. Society. State". 2016. Vol. 4. No. 4 [Electronic Resource] // URL: <http://esj.pnzgu.ru> (accessed: April 30, 2024).
17. Sirotkina M.I. Some issues of application of the law on protection of consumer rights in the provision of medical services (review of legislation and current judicial practice) // Pediatrician practice. 2021. No. 4. P. 36–40.

18. Timofeev I.V. On the concepts of "medical care" and "medical service". Medical knowledge and medical practice as a prerequisite for normative regulation of medical care relations // Medical law. 2021. No. 1. P. 3–14.

19. Tikhomirov A.V. Legislative reform of healthcare: discussion and conclusions // Chief physician: economy and law. 2012. No. 2. P. 40–48.

20. Khabrieva T.Ya. Main vectors and problems of development of social legislation // Journal of Russian Law. 2014. No. 8. P. 5–15.

For citation: Shafigullin K.V. Problems of legislative regulation of the provision of paid medical care: article // Theory of State and Law. 2024. No. 4 (41). P. 246–252.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_239

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_253

Р.Ф. Исмагилов*

С.А. Комаров**

Д.В. Масленников***

М.В. Сальников****

А.И. Числов*****

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ У БУДУЩИХ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА.

**Рецензия на коллективную монографию «Патриотическое
воспитание обучающихся в кадетских корпусах,
суворовских училищах и военных институтах
Российской Федерации как предмет
комплексного анализа» /**

**Под ред. А.Ю. Кийко. – СПб.: Санкт-Петербургский
военный ордена Жукова института войск
национальной гвардии Российской Федерации,
2023. – 368 с.**

***Аннотация.** Дается развернутый анализ представленной на рецензирование монографии подготовленной сотрудниками Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации с учетом изменений, произошедших во внутренней и внешней политике России после 24 февраля 2022 года, что обуславливает ее актуальность и высокую практическую значимость. Делается вывод о том, что, несмотря на отдельные замечания (которые носят дискуссионный характер), идеи, заложенные в монографии, могут стать хорошим подспорьем в плане формирования правовой культуры, организации и осуществления военно-патриотической работы с российской молодежью, с воспитанниками образовательных заведений МВД РФ и Министерства обороны РФ, а также дальнейшей законотворческой работы по оптимизации военного образования.*

***Ключевые слова:** любовь к Родине, Отечество, нравственность, мораль, этические чувства, политика, учебно-воспитательный процесс, историческая память, специальная военная операция.*

* **Исмагилов Рашид Фаатович**, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. E-mail: filipova@lotpp.ru

** **Комаров Сергей Александрович**, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор. E-mail: svkomarov2008@ya.ru

*** **Масленников Дмитрий Владимирович**, советник ректората Русской христианской гуманитарной академии, доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dwm61@inbox.ru

**** **Сальников Михаил Викторович**, главный научный сотрудник Юридического института (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

***** **Числов Александр Иванович**, профессор кафедры кадрового и морально-психологического обеспечения деятельности ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД, доктор юридических наук, профессор, генерал-майор милиции. E-mail: 944343@gmail.com

Великие патриотические обязанности
наше железное время налагает
на нынешнее поколение.

*Генерал от инфантерии М. Д. Скобелев
(1882 г.)*

Рождение каждой новой, серьёзной и вдумчивой работы по патриотическому воспитанию подрастающего поколения – всегда явление резонансное, независимо от того, какие позиции в науке занимают его авторы, представителями каких специальностей они являются. В данном случае, рецензируемую монографию следует рассматривать как плод коллективных усилий ведущих специалистов Росгвардии, которые на протяжении многих лет занимаются военной психологией и педагогикой, вопросами формирования патриотического мировоззрения, нравственного и правового сознания у лиц, обучающихся в образовательных учреждениях МВД и МО.

Авторы монографии (А.Ю. Кийко, В.П. Сальников, А.А. Утюганов, И.А. Федосеева, Г.Н. Крижановская, А.А. Бакин, Д.Е. Кузнецов) сконцентрировали свое внимание преимущественно на работах отечественных ученых (которые успешно развивали и продолжают развивать лучшие традиции мыслителей прошлого). Стержневым положением работы являлся тезис о том, что патриотизм в военной педагогике рассматривается в качестве основного направления и главной составной части нравственного воспитания молодежи (в том числе лиц, обучающихся в кадетских корпусах, суворовских училищах и военных институтах Российской Федерации). Исследователи абсолютно правильно указывают, что теория военного воспитания – часть педагогической науки, которая рассматривает вопросы содержания, методики и организации воспитательного процесса. Теория патриотического воспитания использует для обоснования своих положений данные философии, правоведения, этики, социологии, этики и эстетики, психологии, а также политологии. Сущность воспитательного процесса в военных вузах отражает те внутренние связи и отношения, которые характерны для данного вопроса и проявляются в строго определенных закономерностях.

По мнению В.П. Сальникова, который явился идейным вдохновителем и основным консультантом этой монографии, патриотическое воспитание – не просто воздействие педагогов на личность каждого конкретного молодого человека, а целеустремленное взаимодействие воспитателей и воспитуемых, которое способствует организации позитивных отношений между участниками педагогического процесса, что вполне естественно, так как оно направлено на развитие познавательных способностей, любознательности, творческой активности учащихся (а также на обеспечение процесса усвоения ими общественно значимого социального опыта) [4, с. 49; 12; 13; 14; 15].

Проблема патриотизма стара как мир, а вопросы формирования патриотического мировоззрения на протяжении многих веков являлись предметом изучения философов, государственных деятелей и полководцев. Патриотические воззрения демонстрируют преданность своей Родине, своему народу, уважение обычаев и национальных традиций, они не совместимы с национализмом и шовинизмом. Рассматриваемые качества находят отражение в духовной жизни, нравственном сознании, этических и морально-политических чувствах людей с «устоявшимся мировоззрением», они воплощаются в его повседневной деятельности, в поступках. В конечном счете, они выражаются в готовности защищать свою Родину, укреплять ее обороноспособность и т.д. Эта готовность гарантируется и соответствующими «идеологическими качествами», а также уровнем развития интеллекта, критичности, воли, когнитивных способностей. Здесь задачи нравственно-политического воспитания тесно переплетаются с задачами учебной деятельности и сугубо профессиональной подготовки.

Рецензируемое исследование состоит из предисловия, введения, пяти глав (объединивших 12 параграфов), заключения, глоссария, списка литературы.

В первой главе монографии патриотизм рассматривается как интегративный (нравственный, правовой, политический и социокультурный) феномен, обеспечивающий единство человека, общества и государства. Делается вывод о том, что ценность имеющихся знаний о природе патриотизма всегда определялась и продолжает определяться мерой их объективности и адекватности, а также добросовестностью самих ученых, политиков, педагогов и т.д., целенаправленно занимающихся вопросами воспитания подрастающего поколения. Комплексное осмысление патриотизма (как философского и социально-психологического феномена) невозможно без глубокого анализа этических и этнокультурных знаний, без исследования многовекового опыта сосуществования многочисленных народов, населяющих Российскую Федерацию, без учета реалий постиндустриальной эпохи и без решения насущных задач, стоящих перед Россией как сверхдержавы, стремящейся реализовать идею многополярного мира.

Вторая глава посвящена вопросам становления и развития системы патриотического воспитания в кадетских корпусах, суворовских училищах и военных институтах в России. Так, кандидат исторических наук Г.Н. Крижановская подробно анализирует систему патриотического воспитания в военных и специализированных учебных заведениях в Российской империи и советскую модель идеологической работы с учащимися суворовских и нахимовских училищ. Автор делает обоснованный вывод о том, что современное военное образование базируется на исторических традициях воспитания патриотизма, обеспечивая историческую преемственность и связь поколений.

Третья глава («Патриотизм и патриотическое воспитание в контексте запросов российского общества и государства») подготовлена доктором педагогических наук, профессором И.А. Федосеевой. Автор щедро делится своими творческими изысканиями и практическими наработками. Так, достаточно подробно рассмотрены: сущностные подходы к определению понятия «патриотизм»; структурные элементы патриотизма, патриотического сознания, патриотического мировоззрения и патриотического воспитания. Особый интерес представляет социально-психологическое исследование, связанное с выявлением особенности патриотического воспитания лиц, обучающихся в специализированных учебных заведениях МВД. В частности, в ходе проведенного исследования, профессор И.А. Федосеева делает вывод о том, что патриотизм не только может, но и должен стать платформой для уверенного продвижения вперед, на благо процветания и устойчивого развития государства, воспитания истинных патриотов России.

Доктор психологических наук А.А. Утюганов подготовил главу, посвященную анализу ценностных координат патриотического сознания преподавателей и курсантов военных вузов Российской Федерации. В ходе проведенного исследования автором был сделан ряд существенных выводов. В частности, вывод о том, что высокие показатели осмысленности, внутреннего принятия и реализованности в учебно-профессиональной деятельности курсантов таких ценностей, как патриотизм, безопасность государства и общества, права и свободы граждан, законность, воинский долг, войсковое товарищество, ответственность за жизнь подчиненных, толерантность выступают итоговыми критериями сформированности системы профессионально-важных для будущего офицера национальной гвардии ценностей.

Пятая глава, посвященная психолого-педагогической и этико-патриотической работе с «проблемными» курсантами военных институтов, подготовлена кандидатом юридических наук А.А. Бакиным и кандидатом исторических наук Д.Е. Кузнецовым. Авторы сконцентрировались на вопросах, связанных с особенностями выявления лиц, склонных к антиобщественной деятельности или недостаточно восприимчивых к патриотическому воспитанию в условиях обучения в военных вузах, работе с ними. Отдельный параграф посвящен актуальным проблемам обеспечения духовной и информационной безопасности лиц, обучающихся в кадетских корпусах, суворовских училищах и военных институтах. А.А. Бакин и Д.Е. Кузнецов абсолютно правильно указывают, что потребность в безопасности является фундаментальным свойством личности, важнейшим побудителем её активности (социальной,

психофизиологической, когнитивной, творческой и т.д.). Обеспечение безопасности, в широком смысле, следует рассматривать как условие, необходимое для существования каждого отдельно взятого человека, его родного языка (выступающего в виде основного средства общения и передачи опыта), этнокультурных традиций, государственных и общественных структур, мировой цивилизации.

По мнению авторов, необходимо создать такую систему условий, которая будет способствовать «духовному самовоспроизводству», которая позволит сохранить все жизненно-важные для населения страны параметры в пределах исторически сложившейся нормы, так как любой выход за рамки «дозволенного», под воздействием различного рода деструктивных факторов (прежде всего, идеологических, культурных ценностно-нормативных и т.д.) ведет к национальной катастрофе, к распаду общества как целостности в связи с разрушением структурирующих его духовных оснований.

Заслуживают внимания рассуждения о характере влияния средовых воздействий на формирующееся мировоззрение. Указывается, что в социальном плане, внешняя среда представляет собой самые разные общности людей, которые (в свою очередь) характеризуются особой системой ценностных отношений и правил, распространяющихся на всех членов данной группы. Поэтому, человек вносит в реальную жизнь что-то своё, в определённой степени влияя на неё, изменяя её. Но в то же время, и среда «ограничивает» человека, предъявляя ему свои требования. Она может принимать человека, какие-то его поступки, высказывания, а может и отвергать (т.е. может относиться к нему недоброжелательно, неприязненно). Отношение внешней среды к человеку определяется тем, насколько его поведение отвечает ожиданиям окружающих. Поведение же самого человека во многом продиктовано уровнем его социализации, степенью сформированности внутренней и правовой культуры, той позицией, которую он занимает (или стремится занять) в обществе.

Справедливости ради напомним, что момента начала образования первых государств в общественном сознании в виде норм стали закрепляться наиболее значимые аспекты жизнедеятельности, иерархических связей, совместного функционирования, взаимодействия и т.п. Есть все основания полагать, что философско-правовое обозначение патриотизма произошло в период возникновения и укрепления позитивного права. Изначально данное понятие ассоциировалось с духовностью. При этом, в общественном сознании оно также отражало соотношение религии, морали и права, а позднее (с появлением христианства) – меру гуманности. Интерес к вопросам патриотизма никогда не угасал, так как данная проблематика постоянно находилась в эпицентре непрерывного противоборства различных воззрений, теорий, идеологий [1, с. 276, 288; 3; 17].

Актуальность темы данного исследования обусловлена теоретической и практической значимостью проблемных вопросов, связанных с необходимостью формирования эффективной системы государственно-правового, общественного и семейного воспитания патриотических чувств у молодого поколения с целью противодействия внешним и внутренним угрозам, с которыми Россия постоянно сталкивается на протяжении всего своего развития, а также с теми противоречиями и негативными факторами, которые достигли своего апогея в начале третьего тысячелетия [11, с. 17; 16, стр. 7].

Сегодня, в условиях глобального противостояния «коллективному Западу», тема патриотизма воспринимается гражданами Российской Федерации особенно остро и злободневно, поэтому выход в свет данной монографии станет заметным событием не только в сфере военного образования, но и политики, правоведения, социальной психологии. Несомненным достоинством монографии является то, что сформулированные авторами оригинальные идеи (смысловые конструкции), программы, предложения и рекомендации основываются на собственном профессиональном опыте, новейших разработках молодых российских и белорусских ученых (в первую очередь, это касается информационной безопасности и нейропсихологии), а также на богатейшем наследии мыслителей прошлого. Так, например, отчетливо прослеживается влияние идей Ф.И. Тютчева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, И.А. Ильина, В.С. Нерсесянца на общий

эмоционально-интеллектуальный настрой авторов монографии. Впечатляет и теоретическая база работы, в основу которой легли фундаментальные исследования российских педагогов, таких как Б.Г. Ананьев, А.С. Макаренко, К.Д. Ушинский, В.Н. Сорока-Росинский, В.А. Сухомлинский, В.П. Зинченко, В.А. Петровский, В.А. Сластенин, Г.Н. Волков, А.В. Мудрик.

Согласно наиболее устоявшейся парадигме, патриотизм выражается в глубоко осмысленном, конструктивном, а главное – в позитивном отношении личности, какой-либо социальной страты или группы, населения страны и т.д. к традиционным ценностям, нормам, взглядам, идеалам, к истории и культуре своего этноса, народа, государства. Но патриотический настрой не может возникнуть спонтанно, «на пустом месте». Необходимо иметь патриотическое сознание (особое мировоззрение), которое, наряду с правосознанием, начинает формироваться еще в детстве, в результате целенаправленных педагогических воздействий. Процесс патриотического воспитания длителен, сложен, «многогранен» и складывается из усвоения индивидом теоретических основ морали, формирования нравственно-этических представлений и понятий, из организации изучения исторических традиций, опыта прошлых поколений (отвечающего нормам общественной морали, требованиям гражданской и воинской дисциплины) [2; 5; 6, с. 333; 7; 8; 9]. Именно в этом направлении стремились работать авторы монографии. Причем, ими была предпринята довольно удачная попытка осмысления патриотизма и как особого социокультурного явления, и как педагогического феномена (исследование которого требует комплексного подхода).

Во введении к данной монографии профессор В.П. Сальников пишет: отрадно видеть, что в последнее время многие руководители силовых структур, министерств и ведомств, общественных институтов, образовательных учреждений, представители творческих союзов и ассоциаций все чаще заявляют о своей готовности непосредственно участвовать в возрождении патриотизма. Однако, по его мнению, на этом пути существуют серьезные препятствия. Например, не может не вызывать озабоченности тот факт, что на сегодняшний день, по-прежнему, не сформулированы базисные ориентиры патриотического (а также военно-патриотического) воспитания, причем не голословные и популистские, а научно-обоснованные, четкие и грамотные, имеющие выраженную практическую направленность, учитывающие богатейший советский опыт.

В.П. Сальников с удовлетворением констатирует (и мы с ним полностью согласны), что, обращаясь непосредственно к вопросам социально-психологического сопровождения кадетов, суворовцев и курсантов военных институтов, авторы коллективной монографии убедительно демонстрируют, как успешное продвижение педагогов в этико-правовом направлении зависит от ряда специфических факторов (причем эти факторы детально анализируются). Например, прослеживается «зависимость» от профессионализма и идейной убежденности самого воспитателя, от качества проводимых мероприятий, от уровня педагогического мастерства руководства учебного учреждения, от того, насколько естественно и органично патриотическое воспитание «встроено» в общий учебно-воспитательный процесс. При этом, как абсолютно правильно считают авторы монографии, наиболее существенной и характерной чертой патриотического воспитания является его неразрывная связь с гармоничным развитием личности. А развитие это обеспечивается за счет осознанного стремления воспитанников к самосовершенствованию, а также за счет педагогического взаимодействия (ученик-педагог). К сожалению, вслед за авторами вынужден констатировать уважаемый профессор, столкнувшись с несправедливостью, с противоречивыми фактами, с различными родами «фейками» и т.д., не имея достаточного жизненного опыта, некоторые молодые люди начинают демонстрировать отторжение тех «идеальных» образцов мышления и поведения, которым нужно следовать. В подобных обстоятельствах именно от педагога требуются дополнительные усилия, настойчивость, терпение, деликатность, чтобы подойти к оценке конкретных событий и явлений объективно, аргументировано, без навешивания «ярлыков». В.П. Сальников выражает надежду, что в слаженных коллективах (где преобладает позитивный морально-

психологический климат) преодоление указанных противоречий проходит быстро и безболезненно. К тому же есть традиции военных образовательных учреждений МВД РФ и МО РФ, которые основываются на памяти о своих лучших выпускниках и преподавателях, на высокой духовности, религиозно-нравственных идеалах верности своему Отечеству, отваге и мужестве.

Рассмотрение данного вопроса в современной дидактике показала, что совершенствование методологии и методики патриотического воспитания является насущной задачей дидактических исследований. Основные направления поиска связаны с интенсификацией учебно-воспитательного процесса и повышением его качества, что определяется быстрым ростом информации, устареванием некоторых знаний, появлением новых технологий, а также усложнением требований к будущим специалистам. Ведущей методологической концепцией эффективности профессиональной подготовки в образовательных учреждениях всех уровней является компетентностная парадигма, переориентирующая используемую педагогами дидактику на формирование ключевых компетенций [10, с. 11; 18].

Методологической основой коллективной монографии послужили принципы познания социальных явлений, рассматриваемых с точки зрения динамики исторического развития, связи теории и практики, взаимодействия с однородными политическими и социально-психологическими феноменами. Заслуживает внимания и еще одна сторона методологии исследования, основанная на положениях о единстве сознания и деятельности, о системном анализе педагогических явлений, о личностно-деятельностном подходе к процессу профессиональной подготовке военнослужащих, социально-психологической обусловленности процесса нравственного становления и патриотического становления учащихся кадетских корпусов, суворовских училищ и военных институтов.

Таким образом, несомненной заслугой авторов является комплексное освещение вопросов патриотического воспитания суворовцев, кадетов и курсантов. Следует признать, что именно в сложившейся сейчас ситуации возрастает значение исследований, носящий глубокий систематизированный характер, а также содержащих концептуальные положения применительно к новым внешнеполитическим и внутривнутриполитическим явлениям. Монография, выполненная коллективом авторов Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, выдержана логически и методологически. Ее ценность выражается не только в теоретико-познавательном и дидактическом аспектах, но и в обосновании (а также в развитии) понятийно-категориального аппарата современной философии, политологии, юриспруденции и педагогики.

Общетеоретические вопросы военно-патриотического воспитания рассматриваются достаточно традиционно, однако, некоторые аспекты рассмотрены впервые (например, проблемы выявления лиц, представляющих общественную опасность и обладающих стойким антипатриотическим мировоззрением, а также методы работы с проблемными курсантами, которые склонны к девиантной активности, внушаемы и подвержены отрицательному влиянию). Анализируемые нормативные правовые акты значительно обогащают теоретический материал и делают коллективную монографию особенно полезной как для педагогов, курсантов, адъюнктов, так и для военных психологов, юристов и т.д.

Библиографический список

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. – Л.: ЛГУ, 1968. – 340 с.
2. *Бакин А.А.* Об использовании деловых игр (с элементами IT-технологий) в военном образовании // Коммуникативные стратегии информационного общества («Медиа-технологии в цифровом мире: философия, история, политика»): Труды XIV Международной научно-теоретической конференции, 17–18 ноября 2022 г. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. – С. 134–138.

3. Бакин А.А., Гусева В.Ю. Воззрения отечественных ученых-юристов начала XX века на социально-правовую природу эмоций (на примере работ А.Ф. Кони и Л.И. Петражицкого) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 3. – С. 41–48.
4. Давыдов В.П., Сальников В.П., Слепов В.Я. Основы педагогической психологии высшей школы МВД России: Учебник. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 256 с.
5. Захарцев С.И., Литвинов Н.Д., Сальников В.П., Чернявский В.С. Искусственный интеллект в механизме развития человеческой цивилизации // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 4. – С. 47–73.
6. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 1(17). – С. 62–70.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11–19.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Современное подконтрольно-запрограммированное общество и право // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 4. – С. 182–194.
10. Николаев В.В. Интенсификация первоначальной профессиональной подготовки сотрудников ОВД в учебных центрах МВД России: Автореф. дис. ... канд. пед. Наук. – СПб., 2006. – 21 с.
11. Орлов Б. Очистительный огонь СВО // Литературная газета, 2022, 1–7 июня.
12. Сальников В.П. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 183–199.
13. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского гос. ун-та. – 2014. – № 3. – Т. 19. – С. 1096–1099.
14. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3 (37). – С. 13–19.
15. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4 (84). – С. 70–86.
16. Степашин С.В. Честная защита // Российская газета, 2022, 1 июля.
17. Утюганов А.А., Бакин А.А. Социально-психологическая составляющая патриотического воспитания курсантов военных институтов Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 6. – С. 103–108.
18. Утюганов А.А., Кузнецов Д.Е., Казимирович А.М. Основные направления научно-исследовательской деятельности сотрудников военных образовательных организаций высшего образования в условиях трансформации мирового порядка, противодействия внешним угрозам и оптимизации военного образования // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2023. – № 1 (22). – С. 63–72.

Для цитирования: Исмагилов Р.Ф., Комаров С.А., Масленников Д.В., Сальников М.В., Числов А.И. Актуальные вопросы становления патриотического сознания у будущих защитников отечества. Рецензия на коллективную монографию «Патриотическое воспитание обучающихся в кадетских корпусах, суворовских училищах и военных институтах Российской Федерации как предмет комплексного анализа» / Под ред. А.Ю. Кийко. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. – 368 с. // Теория государства и права. – 2024. № 4 (41). – С. 573–259.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_253

ACTUAL ISSUES OF FORMATION OF PATRIOTIC CONSCIOUSNESS OF FUTURE DEFENDERS OF THE FATHERLAND. Review of the collective monograph "Patriotic education of students in cadet corps, Suvorov schools and military institutes of the Russian Federation as a subject of comprehensive analysis" / Ed. A.Yu. Kiiiko. – St. Petersburg: St. Petersburg military order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2023. – 368 p.

Rashid F. Ismagilov*
Sergey A. Komarov**
Dmitry V. Maslennikov***
Mikhail V. Salnikov****
Aleksandr I. Chislov*****

***Annotation.** The article provides a detailed analysis of the monograph submitted for review, prepared by the staff of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, taking into account the changes that have occurred in Russia's domestic and foreign policy since February 24, 2022, which determines its relevance and high practical significance. It is concluded that, despite certain comments (which are debatable in nature), the ideas contained in the monograph can be of great help in terms of developing a legal culture, organizing and implementing military-patriotic work with Russian youth, with students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Ministry of Defense of the Russian Federation, as well as further legislative work to optimize military education.*

***Keywords:** love for the Motherland, Fatherland, morality, ethics, ethical feelings, politics, educational process, historical memory, special military operation.*

Our iron times impose great patriotic duties
on the present generation.

*General of Infantry M.D. Skobelev
(1882)*

The birth of each new, serious and thoughtful work on patriotic education of the younger generation is always a resonant phenomenon, regardless of the positions in science occupied by its authors, the representatives of which specialties they are. In this case, the monograph under review should be considered as the fruit of the collective efforts of leading specialists of the Russian Guard, who for many years have been engaged in military psychology and pedagogy, issues of forming

* **Ismagilov Rashid Faatovich**, professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, professor, academician of the Russian Academy of Natural Sciences. E-mail: filippova@lotpp.ru

** **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of Theorists of State and Law, Scientific Director of the Law Institute (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law, Professor. E-mail: svkomarov2008@ya.ru

*** **Maslennikov Dmitry Vladimirovich**, Rector's Advisor of the Russian Christian Humanitarian Academy, Doctor of Philosophy, professor (St. Petersburg, Russia). E-mail: dwm61@inbox.ru

**** **Salnikov Mikhail Viktorovich**, chief researcher of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, professor, academician of the Russian Academy of Natural Sciences. E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

***** **Chislov Aleksandr Ivanovich**, professor of the department of personnel and moral-psychological support for the activities of the Internal Affairs Directorate of the Tyumen Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs employees, doctor of law, professor, major general of police. E-mail: 944343@gmail.com

a patriotic worldview, moral and legal consciousness in individuals studying in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Ministry of Defense of the Russian Federation.

The authors of the monograph (A. Yu. Kiyko, V. P. Salnikov, A. A. Utyuganov, I. A. Fedoseeva, G. N. Krizhanovskaya, A. A. Bakin, D. E. Kuznetsov) concentrated their attention mainly on the works of domestic scientists (who successfully developed and continue to develop the best traditions of thinkers of the past). The core position of the work was the thesis that patriotism in military pedagogy is considered as the main direction and the main component of the moral education of young people (including those studying in cadet corps, Suvorov schools and military institutes of the Russian Federation). Researchers absolutely correctly point out that the theory of military education is a part of pedagogical science, which considers issues of the content, methodology and organization of the educational process. The theory of patriotic education uses data from philosophy, jurisprudence, ethics, sociology, ethics and aesthetics, psychology, and political science to substantiate its provisions. The essence of the educational process in military universities reflects those internal connections and relationships that are characteristic of this issue and are manifested in strictly defined patterns.

According to V.P. Salnikov, who was the ideological inspirer and main consultant of this monograph, patriotic education is not just the influence of teachers on the personality of each specific young person, but a purposeful interaction between educators and students, which contributes to the organization of positive relationships between participants in the pedagogical process, which is quite natural, since it is aimed at developing cognitive abilities, curiosity, creative activity of students (as well as ensuring the process of assimilation of socially significant social experience) [4, p. 49; 12; 13; 14; 15].

The problem of patriotism is as old as the world, and the issues of forming a patriotic worldview have been the subject of study for many centuries by philosophers, statesmen and military leaders. Patriotic views demonstrate devotion to one's homeland, one's people, respect for customs and national traditions, they are incompatible with nationalism and chauvinism. The qualities under consideration are reflected in the spiritual life, moral consciousness, ethical and moral-political feelings of people with an "established worldview", they are embodied in their daily activities, in their actions. Ultimately, they are expressed in the readiness to defend their homeland, strengthen its defense capability, etc. This readiness is guaranteed by the corresponding "ideological qualities", as well as the level of development of intelligence, criticality, will, cognitive abilities. Here, the tasks of moral and political education are closely intertwined with the tasks of educational activities and purely professional training.

The reviewed study consists of a preface, introduction, five chapters (combining 12 paragraphs), conclusion, glossary, and bibliography.

In the first chapter of the monograph, patriotism is considered as an integrative (moral, legal, political and socio-cultural) phenomenon that ensures the unity of man, society and the state. It is concluded that the value of existing knowledge about the nature of patriotism has always been and continues to be determined by the degree of its objectivity and adequacy, as well as the integrity of scientists, politicians, teachers, etc., who are purposefully engaged in the issues of educating the younger generation. A comprehensive understanding of patriotism (as a philosophical and socio-psychological phenomenon) is impossible without a deep analysis of ethical and ethno-cultural knowledge, without studying the centuries-old experience of coexistence of numerous peoples inhabiting the Russian Federation, without taking into account the realities of the post-industrial era and without solving the pressing problems facing Russia as a superpower striving to implement the idea of a multipolar world.

The second chapter is devoted to the issues of formation and development of the system of patriotic education in cadet corps, Suvorov schools and military institutes in Russia. Thus, candidate of historical sciences G.N. Krizhanovskaya analyzes in detail the system of patriotic education in military and specialized educational institutions in the Russian Empire and the Soviet model of ideological work with students of Suvorov and Nakhimov schools. The author makes a reasonable conclusion

that modern military education is based on the historical traditions of patriotic education, ensuring historical continuity and connection between generations.

The third chapter ("Patriotism and patriotic education in the context of the demands of Russian society and the state") was prepared by doctor of pedagogical sciences, professor I.A. Fedoseeva. The author generously shares her creative research and practical experience. Thus, the following are considered in sufficient detail: essential approaches to defining the concept of "patriotism"; structural elements of patriotism, patriotic consciousness, patriotic worldview and patriotic education. Of particular interest is the socio-psychological study related to the identification of the peculiarities of patriotic education of individuals studying in specialized educational institutions of the Ministry of Internal Affairs. In particular, in the course of the study, Professor I.A. Fedoseeva concludes that patriotism not only can, but should become a platform for confident advancement, for the benefit of prosperity and sustainable development of the state, education of true patriots of Russia.

Doctor of Psychology A.A. Utyuganov prepared a chapter devoted to the analysis of the value coordinates of patriotic consciousness of teachers and cadets of military universities of the Russian Federation. In the course of the study, the author made a number of significant conclusions. In particular, the conclusion that high indicators of meaningfulness, internal acceptance and implementation in the educational and professional activities of cadets of such values as patriotism, state and society security, rights and freedoms of citizens, legality, military duty, military camaraderie, responsibility for the lives of subordinates, tolerance act as the final criteria for the formation of a system of professionally important values for a future officer of the national guard.

The fifth chapter, devoted to psychological, pedagogical and ethical-patriotic work with "problem" cadets of military institutes, was prepared by Candidate of Legal Sciences A.A. Bakin and Candidate of Historical Sciences D.E. Kuznetsov. The authors focused on issues related to the specifics of identifying individuals prone to antisocial activity or insufficiently receptive to patriotic education in the context of training in military universities, working with them. A separate paragraph is devoted to the current problems of ensuring the spiritual and information security of persons studying in cadet corps, Suvorov schools and military institutes. A.A. Bakin and D.E. Kuznetsov absolutely correctly point out that the need for security is a fundamental property of the individual, the most important motivator of his activity (social, psychophysiological, cognitive, creative, etc.). Ensuring security, in a broad sense, should be considered as a condition necessary for the existence of each individual person, his native language (acting as the main means of communication and transfer of experience), ethnocultural traditions, state and public structures, world civilization.

According to the authors, it is necessary to create a system of conditions that will promote "spiritual self-reproduction", which will allow preserving all the vital parameters for the country's population within the historically established norm, since any exit beyond the "permissible", under the influence of various kinds of destructive factors (primarily ideological, cultural, value-normative, etc.) leads to a national catastrophe, to the disintegration of society as an entity due to the destruction of the spiritual foundations that structure it.

The discussions about the nature of the influence of environmental impacts on the emerging worldview deserve attention. It is indicated that in social terms, the external environment represents a variety of communities of people who (in turn) are characterized by a special system of value relations and rules that apply to all members of this group. Therefore, a person brings something of his own into real life, to a certain extent influencing it, changing it. But at the same time, the environment "limits" a person, making demands on him. It can accept a person, some of his actions, statements, or it can reject him (i.e. it can treat him unkindly, with hostility). The attitude of the external environment to a person is determined by the extent to which his behavior meets the expectations of others. The behavior of the person himself is largely dictated by the level of his socialization, the degree of formation of internal and legal culture, the position that he occupies (or seeks to occupy) in society.

In fairness, we recall that from the moment of the beginning of the formation of the first states, the most significant aspects of life, hierarchical connections, joint functioning, interaction, etc. began to be consolidated in the public consciousness in the form of norms. There is every reason to believe that the philosophical and legal designation of patriotism occurred during the period of the

emergence and strengthening of positive law. Initially, this concept was associated with spirituality. At the same time, in the public consciousness it also reflected the relationship between religion, morality and law, and later (with the advent of Christianity) – the measure of humanity. Interest in the issues of patriotism never faded, since this issue was constantly at the epicenter of the continuous confrontation of various views, theories, ideologies [1, p. 276, 288; 3; 17].

The relevance of the topic of this study is due to the theoretical and practical significance of problematic issues related to the need to form an effective system of state-legal, social and family education of patriotic feelings in the younger generation in order to counteract the external and internal threats that Russia constantly faces throughout its development, as well as those contradictions and negative factors that reached their apogee at the beginning of the third millennium [11, p. 17; 16, p. 7].

Today, in the context of global confrontation with the "collective West", the topic of patriotism is perceived by citizens of the Russian Federation as particularly acute and topical, so the publication of this monograph will be a notable event not only in the field of military education, but also in politics, law, and social psychology. The undoubted advantage of the monograph is that the original ideas (semantic constructions), programs, proposals, and recommendations formulated by the authors are based on their own professional experience, the latest developments of young Russian and Belarusian scientists (primarily in information security and neuropsychology), as well as on the rich heritage of thinkers of the past. For example, the influence of the ideas of F.I. Tyutchev, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky, N.A. Berdyaev, V.S. Solovyov, I.A. Ilyin, V.S. Nersesyants on the general emotional and intellectual mood of the authors of the monograph is clearly visible. The theoretical basis of the work is also impressive, based on fundamental research by Russian educators such as B.G. Ananyev, A.S. Makarenko, K.D. Ushinsky, V.N. Soroka-Rosinsky, V.A. Sukhomlinsky, V.P. Zinchenko, V.A. Petrovsky, V.A. Slastenin, G.N. Volkov, A.V. Mudrik.

According to the most established paradigm, patriotism is expressed in a deeply meaningful, constructive, and most importantly – in a positive attitude of an individual, any social stratum or group, the population of the country, etc. to traditional values, norms, views, ideals, to the history and culture of their ethnic group, people, state. But a patriotic mood cannot arise spontaneously, "out of nowhere." It is necessary to have a patriotic consciousness (a special worldview), which, along with legal consciousness, begins to form in childhood, as a result of targeted pedagogical influences. The process of patriotic education is long, complex, "multifaceted" and consists of the assimilation by the individual of the theoretical foundations of morality, the formation of moral and ethical ideas and concepts, the organization of the study of historical traditions, the experience of past generations (meeting the norms of public morality, the requirements of civil and military discipline) [2; 5; 6, p. 333; 7; 8; 9]. It was in this direction that the authors of the monograph sought to work. Moreover, they made a rather successful attempt to understand patriotism both as a special socio-cultural phenomenon and as a pedagogical phenomenon (the study of which requires an integrated approach).

In the introduction to this monograph, Professor V.P. Salnikov writes: it is gratifying to see that recently many heads of law enforcement agencies, ministries and departments, public institutions, educational institutions, representatives of creative unions and associations have increasingly declared their readiness to directly participate in the revival of patriotism. However, in his opinion, there are serious obstacles on this path. For example, it cannot but cause concern that today, basic guidelines for patriotic (as well as military-patriotic) education have not been formulated, and not unfounded and populist ones, but scientifically substantiated, clear and competent, with a pronounced practical focus, taking into account the richest Soviet experience.

V.P. Salnikov notes with satisfaction (and we fully agree with him) that, addressing directly the issues of social and psychological support for cadets, Suvorov cadets and students of military institutes, the authors of the collective monograph convincingly demonstrate how the successful advancement of teachers in the ethical and legal direction depends on a number of specific factors (and these factors are analyzed in detail). For example, there is a "dependence" on the professionalism and ideological conviction of the educator himself, on the quality of the events held, on the level of pedagogical skill of the leadership of the educational institution, on how naturally and organically

patriotic education is "integrated" into the general educational process. At the same time, as the authors of the monograph absolutely correctly believe, the most essential and characteristic feature of patriotic education is its inextricable connection with the harmonious development of the individual. And this development is ensured by the conscious desire of students to improve themselves, as well as by pedagogical interaction (student-teacher).

Unfortunately, following the authors, the respected professor is forced to state that, when faced with injustice, contradictory facts, various kinds of "fakes", etc., without sufficient life experience, some young people begin to demonstrate rejection of those "ideal" patterns of thinking and behavior that should be followed. In such circumstances, it is the teacher who is required to make additional efforts, persistence, patience, and tact in order to approach the assessment of specific events and phenomena objectively, reasonably, without hanging "labels". V.P. Salnikov expresses the hope that in well-coordinated teams (where a positive moral and psychological climate prevails), overcoming these contradictions occurs quickly and painlessly. In addition, there are traditions of military educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Ministry of Defense of the Russian Federation, which are based on the memory of their best graduates and teachers, on high spirituality, religious and moral ideals of loyalty to their Fatherland, courage and bravery.

Consideration of this issue in modern didactics has shown that improving the methodology and methods of patriotic education is an urgent task of didactic research. The main areas of search are related to the intensification of the educational process and improving its quality, which is determined by the rapid growth of information, the obsolescence of some knowledge, the emergence of new technologies, as well as the complication of requirements for future specialists. The leading methodological concept of the effectiveness of professional training in educational institutions of all levels is the competence paradigm, reorienting the didactics used by teachers to the formation of key competencies [10, p. 11; 18].

The methodological basis of the collective monograph was the principles of cognition of social phenomena, considered from the point of view of the dynamics of historical development, the connection between theory and practice, interaction with homogeneous political and socio-psychological phenomena. Another aspect of the research methodology, based on the provisions on the unity of consciousness and activity, on the system analysis of pedagogical phenomena, on the personal-activity approach to the process of professional training of military personnel, the socio-psychological determination of the process of moral development and patriotic development of students of cadet corps, Suvorov schools and military institutes, deserves attention.

Thus, the authors' undoubted merit is the comprehensive coverage of the issues of patriotic education of Suvorov cadets, cadets and students. It should be recognized that it is precisely in the current situation that the importance of research that has a deep systematized nature, as well as containing conceptual provisions applicable to new foreign and domestic political phenomena, increases. The monograph, written by a team of authors from the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, is logically and methodologically consistent. Its value is expressed not only in the theoretical-cognitive and didactic aspects, but also in the substantiation (as well as in the development) of the conceptual-categorical apparatus of modern philosophy, political science, jurisprudence and pedagogy.

General theoretical issues of military-patriotic education are considered in a rather traditional way, however, some aspects are considered for the first time (for example, the problems of identifying individuals who pose a public danger and possess a persistent anti-patriotic worldview, as well as methods of working with problem cadets who are prone to deviant activity, suggestible and susceptible to negative influence). The analyzed regulatory legal acts significantly enrich the theoretical material and make the collective monograph especially useful for both teachers, cadets, adjuncts, and military psychologists, lawyers, etc.

Bibliographic list

1. Ananyev B.G. Man as an object of knowledge. Leningrad: Leningrad State University, 1968. 340 p.

2. Bakin A.A. On the use of business games (with elements of IT technologies) in military education // Communicative strategies of the information society ("Media technologies in the digital world: philosophy, history, politics"): Proceedings of the XIV International scientific and theoretical conference, November 17–18, 2022. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. St. Petersburg: POLYTECH-PRESS, 2022. Pp. 134–138.
3. Bakin A.A., Guseva V.Yu. Views of domestic legal scholars of the early twentieth century on the social and legal nature of emotions (based on the works of A.F. Koni and L.I. Petrazhitsky) // Legal science: history and modernity. 2019. No. 3. P. 41–48.
4. Davydov V.P., Salnikov V.P., Slepov V.Ya. Fundamentals of Pedagogical Psychology of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Textbook. St. Petersburg: University Foundation, 2000. 256 p.
5. Zakhartsev S.I., Litvinov N.D., Salnikov V.P., Chernyavsky V.S. Artificial Intelligence in the Mechanism of Development of Human Civilization // Legal Science: History and Modernity. 2021. No. 4. P. 47–73.
6. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Issue of the Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law: Monograph. Moscow: Yurlitin-firm, 2019. 376 p.
7. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Protection of human rights in the information space // Strategic priorities. 2018. No. 1 (17). P. 62–70.
8. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Information space as a new global threat to humanity and its rights: philosophical and legal approaches // Legal field of the modern economy. 2015. No. 8. P. 11–19.
9. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Modern controlled-programmed society and law // Legal science: history and modernity. 2021. No. 4. P. 182–194.
10. Nikolaev V.V. Intensification of the initial professional training of employees of the Internal Affairs Bodies in the training centers of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Abstract of Cand. Pedagogical Sciences Dissertation. St. Petersburg, 2006. 21 p.
11. Orlov B. The Cleansing Fire of the SVO // Literary Gazette, 2022, June 1–7.
12. Salnikov V.P. Political and Legal Integration: National Legal Traditions // The World of Politics and Sociology. 2013. No. 11. Pp. 183–199.
13. Salnikov V.P., Salnikov M.V. National and Ethical Values in Legal Culture and Political and Legal Traditions // Bulletin of the Bashkir State University. 2014. No. 3. Vol. 19. Pp. 1096–1099.
14. Salnikov V.P., Salnikov M.V. Legal culture and legal tradition in their categorical relationship and understanding // The rule of law: theory and practice. 2014. No. 3 (37). P. 13–19.
15. Salnikov V.P., Salnikov M.V. Legal culture and political and legal traditions in the context of absolute values // Legal thought. 2014. No. 4 (84). P. 70–86.
16. Stepashin S.V. Honest defense // Rossiyskaya Gazeta, 2022, July 1.
17. Utyuganov A.A., Bakin A.A. Social and psychological component of patriotic education of cadets of military institutes of the Russian Federation // Legal science: history and modernity. 2022. No. 6. P. 103–108.
18. Utyuganov A.A., Kuznetsov D.E., Kazimirovich A.M. Main directions of research activities of employees of military educational organizations of higher education in the context of the transformation of the world order, counteracting external threats and optimization of military education // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2023. No. 1 (22). P. 63–72.

For citation: Ismagilov R.F., Komarov S.A., Maslennikov D.V., Salnikov M.V., Chislov A.I. Actual issues of formation of patriotic consciousness of future defenders of the fatherland. Review of the collective monograph "Patriotic education of students in cadet corps, Suvorov schools and military institutes of the Russian Federation as a subject of comprehensive analysis" / Ed. A.Yu. Kiiko. St. Petersburg: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2023. 368 p. // Theory of State and Law. 2024. No. 4 (41). P. 260–265.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_253

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_266

С.И. Захарцев*

С.А. Комаров**

В.П. Сальников***

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ДИСКУССИИ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ПОНИМАНИЯ ПРАВА. Рецензия на сборник научных трудов А.И. Экимова

***Аннотация.** Рецензируется сборник научных статей А.И. Экимова, посвященных методологическим проблемам понимания права, написанных в течение последних пятидесяти лет. Рецензенты приходят к выводу о том, что сформулированные в статьях выводы не потеряли актуальности и значимости для познания права. Приведенные в издании работы будут полезны профессорско-преподавательскому составу, студентам, а также всем людям, интересующимся правом и юридической наукой.*

***Ключевые слова:** право, закон, философия, познание, диалектика, методология, юридическая наука.*

В 2022 году в российской юридической науке произошло знаковое событие – вышел в свет сборник научных трудов Анисима Ивановича Экимова под названием «Методологические проблемы понимания права. Работы разных лет» [63]. Сама книга представляет собой избранные работы указанного ученого за полувековой период его научно-педагогической деятельности, а говоря точнее: с 1970 по 2021 годы, что, конечно, впечатляет!

Разумеется, как утверждал один из мыслителей, жить в обществе и не быть независимым от него невозможно. Приведенные в книге статьи достаточно ярко отражают время их написания, но сразу видно и другое: А.И. Экимов всегда относился к познанию права объективно, не допускал огульной критики оппонентов, вел научную дискуссию отменно корректно, не менял своих взглядов в зависимости от того, кто у власти.

Не всем из ученых это удалось. Так, с уважением относясь к В.С. Нерсесянцу и его творчеству, российской юридической науке он запомнился и тем, что в учебнике по философии права (!), вышедшем после смены политической власти, в адрес некоторых предыдущих авторитетных специалистов (кстати, тоже академиков) употребил выражения: «спесивый философ», «дежурный философ режима», «вороватый страж полезной для властей истины», «ловкий, изощренный и бесстыжий холуй вождя и тоталитарной системы» и т.д. [51, с. 355, 363–364].

А.И. Экимову хватило мудрости такого поведения в науке избежать, что хорошо заметно в изданной книге и что, несомненно, приятно. Кроме того, вызывает уважение объективное и честное отношение автора к отечественной истории. Сейчас можно часто встретить умиление перед русским дворянством. Вместе с тем, А.И. Экимов напоминает в общем-то известную, но многими позабытую истину, что многие выдающиеся русские деятели XVIII-

* **Захарцев Сергей Иванович**, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук. E-mail: Zakhartsev2306@mail.ru

** **Комаров Сергей Александрович**, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор. E-mail: svkomarov2008@ya.ru

*** **Сальников Виктор Петрович**, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: Fonduniver@bk.ru

XIX веков (историк и философ М.М. Щербатов, философ-моралист А.Д. Болотов, поэт Г.Р. Державин и др.) идеализировали крепостной строй. А полководец генералиссимус А.В. Суворов прислал своего новгородского управителя прислать ему крестьянских девок и везти их на крестьянских подводах «как возят кур, не очень сохранно.» Сознание того, что крепостной такой же человек было чуждо даже самой образованной части дворянства [63, с. 24]. То же касается и большинства российских правителей, о которых почему-то сейчас тоже стало принято говорить «возвышенно-хорошо». А крепостное право (по сути, рабовладельческое), формально отмененное в 1861 году, фактически просуществовало до революционных событий XX века. И это было в России чуть более века назад! Стоит ли удивляться проходящим в России процессам и перманентному недоверию к праву и закону?

Как пишет А.И. Экимов, история Киевской Руси начинается с формирования института холопства. Здесь все равны в своем неравенстве перед князем, и все холопы по отношению к любому лицу, занимающему более высокую степень в социальной иерархии. Население к тому же было бесправно перед властью завоевателей. Лишь после Февральской революции в России в безусловной форме была закреплена идея формального равенства прав всех граждан, независимо от их сословной принадлежности. «Холопство по форме» претерпело крах, но «холопство по содержанию» все равно осталось [63, с. 82].

Вместе с тем, национальный компонент имеет важнейшее значение для права. Например, в течение более чем двух тысячелетий главными источниками китайского права считаются обычаи и традиции. И лишь в том случае, если обнаруживается их неспособность отвечать актуальным требованиям развития страны, могут устанавливаться законы [63, с. 73]. С таким выводом мы полностью согласны.

Читая книгу, мы в очередной раз убедились, насколько Анисим Иванович хорошо владеет русским юридическим языком. Работа несмотря на то, что посвящена сложным научным проблемам, читается, что называется «на одном дыхании». Так умеет писать очень небольшое количество философов и теоретиков права.

Надо сказать, что А.И. Экимов всегда внимательно следил за нашим творчеством, неоднократно выступал рецензентом наших монографий [19; 23; 54]. На некоторые из исследований написал объемные положительные рецензии [1; 46].

Нас сблизило и другое. Десять лет назад была обоснована компрехендная теория права [19; 20; 21; 22; 24; 26; 27; 28; 29; 39; 64; 65]. Актуальность ее обоснования была вызвана необходимостью с философских позиций обратиться к понятию права, оценить его комплексно и честно, отказываясь от часто применяемого одностороннего метода идеализации права. Право сложно и противоречиво, имеет как разумные, так и откровенно бессмысленные черты, проявляет как позитивные, так и негативные грани. Предметом теории компрехендного изучения права является само право, как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции.

Предмет теории компрехендного изучения права включает также закономерности диалектических сущностных противоречий в праве и правовом бытии; закономерности влияния на адекватную и объективную оценку права и правовой реальности сторонних факторов (к таким факторам относятся экономика, политика, идеология, роль руководителя государства и др.); перспективы развития права в контексте правовой реальности.

Нам приятно, что компрехендная теория права, как и другие наши идеи, вызвали заметный интерес и положительные оценки у многих российских и иностранных специалистов [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 18; 37; 38; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 47; 48; 49; 50; 52; 53; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 62]. Но Анисим Иванович Экимов, всегда стремившийся к объективному познанию права, поддержал нас одним из первых. Ему, как и другим авторитетным специалистам, пришлось по душе наше сравнение права с бриллиантом. Это сравнение можно часто встретить в наших работах, а теперь и в работах других ученых.

Нам, кстати, представляется, что в рецензируемой книге А.И. Экимов умышленно расположил статьи так, чтобы была отчетливо видна многогранность права, изучаемая нашей

компрехендной теорией. Правда, обсуждая поднятую проблему, необходимо вновь обратить внимание на то, что компрехендная теория – это, в первую очередь, диалектическая философская теория, в её основе принцип развития. Этот принцип проявляется в ней во всем. Развивается общество, развивается право, которое находится в постоянном движении. Вопросы о том, в лучшую или в худшую сторону в конкретный момент идет движение, являются философскими.

Компрехендная теория сочетает различные идеи и взгляды, изучает их, но отнюдь не смешивает. Мы настороженно относимся к эклектике, равно как и к релятивизму. Компрехендная теория вовсе не абсолютизирует относительность и не ставит знак равенства между всеми измышлениями о праве. Синкретизм компрехендной теории права дает возможность глубже и объективнее познать право. При этом компрехендная теория антидогматична. Она призывает изучать, развивать право, не останавливаясь в рамках какой-либо одной концепции и допуская стагнации знаний [25].

В рецензируемой книге А.И. Экимова много и других созвучных нам мыслей. Например, он пишет о проблемах стабильности закона. В свою очередь мы обосновали теорию правовой вибрации, вызвавшую интерес [36, с. 145–167]. Он в приведенных статьях рассматривал различные, в том числе ошибочные проявления закона. Мы тоже обращали внимание, что некоторые из норм права содержат откровенную бессмысленность. Увы, надо признать, что глупость и бессмысленность тоже являются самостоятельными гранями права [33, с. 17–22; 34, с. 24–25; 35, с. 179–183]. Автор в опубликованных статьях указывал о необходимости стремления права к справедливости. Об обязательном достижении объективности истины и справедливости не раз писали, и мы [17; 30, с. 35–43; 31, с. 96–100; 32, с. 191–196; 61].

А.И. Экимов в книге не единожды поднимал проблему коррупциогенности правовых норм. И – надо вновь отдать должное автору – попытался подойти к обозначенной проблеме объективно. Неужели, – пишет он, – нас кто-то может убедить в том, что коррупциогенные нормы, появившиеся в законодательстве, были изначально «нечистыми» для всех депутатов, которые принимали участие в голосовании. По-видимому, так называемые ошибочные правовые нормы для одних законодателей – действительно правовая ошибка, а для других – такими они никогда не были. Последние шли сознательно на принятие правовой нормы, которая через некоторое время правотворческим органом, принявшим данную норму, будет рассматриваться как ошибка.

В связи с этим, важно обозначить практическую задачу: как не допустить принятие ошибочной правовой нормы коллективным правотворческим органом под влиянием скрытого лоббирования частью правотворческого органа тех или иных интересов, ведущих вразрез с интересами общества. Ныне особую остроту эта задача принимает в связи с необходимостью предупреждения принятия коррупциогенных правовых норм. Поэтому разрабатываются разного рода методики по анализу коррупциогенности нормативных правовых актов, исследуются типичные коррупциогенные механизмы, которые «закладываются» в их тексты, в том числе путем создания разного рода недоговоренностей (пробелов).

Следует иметь в виду: рыночная экономика по своей природе такова, что подвергает разного рода искушениям моральные ценности законодателей, проверяя их на прочность. Юридической науке, правотворческим, правоохранительным органам, если они не хотят быть жертвами обмана или самообмана, необходимо научиться за любыми самыми красивыми фразами, лозунгами, оправдывающими принятие конкретных правовых актов, отыскивать реальные (подчас искусно замаскированные) интересы тех, кто печется об этих нормах [63, с. 134].

Нам понравились и размышления автора о взаимодействии права и политики. По мнению А.И. Экимова, юридическая наука включает набор оценок права, его норм и институтов с определенных политических позиций. И здесь особенно важно подчеркнуть, что как бы ни был вовлечен юрист в политические «разборки», если отстаивает значение правовых процедур, он вносит вклад в развитие демократии. У права есть собственные ценности и эти

ценности – прежде всего процедуры, ставшие формой жизни права. Примеры подлинного уважения ценностей права призваны показывать, прежде всего, сами юристы. Если и они ставят под сомнение необходимость соблюдения закона под предлогом его политической нецелесообразности, то как же должны относиться к законам их сограждане?!

Несомненно, что есть немало ценностей, которые представляются находящимися «выше права» (например, справедливость, свобода, истина), но закон – это средство борьбы за их достижение, форма, в которой они существуют. Те, кто игнорирует средства осуществления цели, тот ставит под сомнение и саму цель. Требуя строжайшего соблюдения норм действующего права и тогда, когда они представляются нецелесообразными. Юрист тем самым возводит право в ранг высших интересов и ценностей, благодаря которым становится возможным социальный прогресс.

Таким образом, невозможно отрицать роль политических интересов в развитии правовой науки. Они определяют в конечном счете содержание любых теоретических конструкций. Видимая сторона правовой науки – это теории, положения, выводы и т.п. А скрытая сторона – совокупность политических интересов и моральных ценностей, которые могут объяснить, почему правовые теории по своей сущности такие, а не другие. Интересы раскрывают идеологизированный характер юридической науки, выявляют ее «служебную роль». Они показывают, почему правовая наука не в состоянии освободиться от идеологии... [63, с. 15–16].

Рецензируемая работа изобилует и другими интересными мыслями.

Заметный интерес вызвали приведенные идеи автора, посвященные российской юридической науке XIX века, а именно ученым Н.М. Коркунову и П.И. Новгородцеву. В статье дается не только оценка творчества этих видных русских юристов, но и достаточно подробно рассматривается их биография [63, с. 146–165]. Вместе с тем, история русской юридической мысли к названным именам, разумеется, не сводится. На наш взгляд, просто напрашивается необходимость значительно расширить количество книг и статей об ученых, внесших вклад в формирование юридической науки. Сюда же следует добавить имена советских ученых, также внесших огромный вклад в развитие отечественной и мировой юриспруденции. Тем более, что Анисим Иванович со многими из советских классиков был знаком лично. Отнесем это замечание-пожелание к планам ученого.

Надо сказать, что мы поддерживаем повторное издание ранее написанных статей и иных трудов. В настоящее время люди, увывы и юристы, стали меньше читать. А повторные публикации ранее написанного приводят к большему распространению изложенных в трудах идей. Тем более, что данный сборник статей издан в популярном издательстве «Проспект».

В завершение повторим, что книга получилась интересной и содержательной. Работы разных лет, приведенные автором, подобраны с научным вкусом и глубиной и будут полезны профессорско-преподавательскому составу, студентам, а также всем людям, интересующимся правом и юриспруденцией. Пожелаем Анисиму Ивановичу Экимову новых научных исследований и дальнейших творческих успехов.

Библиографический список

1. Александров А.И., Исмагилов Р.Ф., Кузнецов Э.В., Хабибулин А.Г., Экимов А.И. Новое издание фундаментальной и знаковой для русской философии права книги: рецензия на монографию: Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2024. – 376 с. // Теория государства и права. – 2024. – № 2-1 (37). – С. 308–314.
2. Александров А.И., Богатырев Д.К. Истина философии и идея права: проблема единства // Государство и право. – 2022. – № 9. – С. 22–30.
3. Бабаджанов И.Х., Гаюров Ш.К., Тагайназаров Ш.Т. Русская философия права. Рецензия на монографию «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права) / под ред. С.И. Захарцева. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.» // Правовая жизнь. – 2020. – № 4 (32) – С. 247–258

4. Баранов В.М., Баранова М.В. Нравственно-правовые проблемы идеи свободы в фокусе классической и неклассической философии права. Рецензия на монографию «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права)» (под ред. С.И. Захарцева). М.: Юрлитинформ, 2020 288 с.) // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 4 (52). – С. 159–162.
5. Баранов В.М., Баранова М.В. Инновационная трактовка права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Право: новые идеи и прочтения» (М.: Юрлитинформ, 2021. 440 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 2 (54). – С. 248–251.
6. Богатырев Д.К., Иванов В.А., Хабибулин А.Г. Идея исторического в Логосе права // Новейшая история России. – 2022. – Т. 12. – № 3. – С. 785–792.
7. Богатырев Д.К. От логоса к праву. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – № 1. – С. 352–360.
8. Баранов В.М. Российская книга по философии права и юриспруденции на английском языке. Рецензия-презентация монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова (The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 1 (41). – С. 304–307.
9. Борзова Е.П., Покровский И.Ф. Замечательная публикация в Кембридже уникальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.) и ее перевод: (S.I.Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018) // Мир политики и социологии. – 2018. – № 2. – С. 188–192.
10. Виноградова Е.В. Terra Incognita российской правовой философии: рецензия на монографию Захарцева С.И. Право: новые идеи и прочтения (М.: Юрлитинформ, 2021. 440 с.) // Евразийская адвокатура. – 2022. – № 3 (58). – С. 116–118.
11. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Когда рецензию писать не только приятно, но и почетно. О книге С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука», переведенной на английский язык и изданной в Кембридже: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – Т. 2. – № 52. – С. 206–208.
12. Галиев Ф.Х., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Актуальные проблемы науки о праве. Рецензия-размышления на монографию С.И. Захарцева «Право: новые идеи и прочтения. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 440 с» // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 2 (64). – С. 217–232.
13. Гутман М.Ю., Исмагилов Р.Ф., Комаров С.А., Советов Д.И. Основы бытия и абсолютного в современной философии права: рецензия на монографию: Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2024. 376 с. // Теория государства и права. – 2024. – № 3 (38). – С. 298–307.
14. Гутман М.Ю., Масленников Д.В., Сальников М.В. Юридическая симфония профессора С.И. Захарцева. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Право: новые идеи и прочтения». М.: Юрлитинформ, 2021. 440 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 11. – С.187–195.
15. Дворецкая Е.В., Масленников Д.В., Гук А.И. Вышла интересная книга о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 184–189.
16. Дворецкая Е.В., Кузнецов Э.В. Сохраняя величие предмета. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 193–197.
17. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность. Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 463 с.
18. Загоруйко К.Ф., Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. Сальникова В.П. – М.: Норма, 2014. – 207 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. – 2015. – № 1. – С. 21–24.
19. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.

21. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с.
22. *Захарцев С.И.* Право: новые идеи и прочтения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 440 с.
23. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с.
24. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права: монография. – 2-изд., испр. и доп. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2024. 376 с.
25. *Захарцев С.И., Сальников В.П., Гасумянов В.И.* Право в XXII веке: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 256 с.
26. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17–30.
27. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14–22.
28. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Об обосновании компрехендного подхода для познания права // Теория государства и права. – 2016. – № 2. – С. 36–58.
29. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория права как путь познания его сущности // Научно-исследовательские публикации. – 2021. – № 1. – С. 5–45.
30. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Продолжая дискуссию об истине // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 35–43.
31. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Истина как проблема философии: классика или постмодернизм // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – Т. 3. – № 2 (7). – С. 96–100.
32. *Захарцев С.И., Сальников В.П., Сальников М.В.* Проблема истины в праве и юридических науках // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 191–196.
33. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Право: разумность и бессмысленность // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 17–22.
34. *Захарцев С., Сальников В.* Право без смысла // Защита и безопасность. – 2016. – № 3. – С. 24–25.
35. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* О разумности и бессмысленности права // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 3 (93). – С. 179–183.
36. *Захарцев С.И., Исмаилов Р.Ф., Сальников В.П.* Теория правовой вибрации и другие перспективные тезисы о праве // Теория государства и права. – 2023. – № 4-1 (34). – С. 145–167.
37. *Зоир Дж.М., Холикзода А.Г.* Выдающиеся российские юристы В.П. Сальников и С.И. Захарцев выпустили новый фундаментальный труд. Рецензия на монографию «Философия и юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с. // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. Научный журнал. – 2021. – № 2(50). – С. 77–84.
38. *Зоир Дж.М., Содики Н.Н.* Рецензия на монографию «Идея свободы. Право. Мораль (классическая философия права)» // Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Национальной Академии Наук Таджикистана. – Душанбе. – 2021. – № 2. – С. 195–200.
39. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): монография / Под ред. С.И. Захарцева. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
40. *Керимов А.Д., Масленников Д.В.* Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия и юридическая наука». М.: Юрлитинформ, 2019. 424 с. // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4 (33). – С. 14–18.
41. *Керимов Д.А.* В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 68–73.
42. *Керимова Т.В.* Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 168–172.
43. *Клименко А.И., Лебедев С.П.* Спекулятивная метафизика права и творческое наследие Ф.М. Достоевского. Рецензия на монографию С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права». – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 1 (38). – С. 61–64.

44. Колесников А.С., Масленников Д.В., Гук А.И. Размышления о философско-правовых работах С.И. Захарцева и своеобразии его философии // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 12. – С. 177–184.
45. Комаров С.А., Хабибулин А.Г. Новая работа петербургских ученых по философии права // Теория государства и права. – 2020. – № 1 (17). – С. 193–208.
46. Кузнецов Э.В., Масленников Д.В., Покровский И.Ф., Экимов А.И. Английская версия российского издания S.I.Zakharov, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018 // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 9. – С. 191–194.
47. Лазарев В.В., Хабибулин А.Г. Истина философии и идея права: проблема единства (рецензия на монографию С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права». – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с.) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17. – № 3. – С. 151–157.
48. Маджидзода Дж. З., (Зоиров Дж.М.), Шарофзода Р.Ш. Новая книга известного российского философа права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Право: новые идеи и прочтения». – М.: Юрлитинформ, 2021. – 440 с. // Правовая жизнь. – 2021. – № 1 (33). – С. 187–195.
49. Масленников Д.В., Степашин С.В. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 177–179.
50. Масленников Д.В., Гук А.И., Числов А.И. Философско-правовые работы С.И. Захарцева: от происхождения права до перспектив правового бытия // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 194–200.
51. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. – 848 с.
52. Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И. Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 196–200.
53. Покровский И.Ф., Гук А.И. Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 184–190.
54. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / Под общ. ред. д-ра юр. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2024. – 423 с.
55. Раянов Ф.М., Галиев Ф.Х. Поздравляем с выходом новой фундаментальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия и юридическая наука». М.: Юрлитинформ, 2019. 424 с. // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1 (55). – С. 181–188.
56. Раянов Ф.М., Галиев Ф.Х. Фундаментальная философская книга о праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М.: Юрлитинформ, 2019. 376 с.» // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2. – С. 177–182.
57. Раянов Ф.М., Галиев Ф.Х. Идея свободы в суверенной философии права. Рецензия на монографию: «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.» // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 1 (59). С. 168–178.
58. Редкоус В.М. Рецензия на монографию: Виноградова Е.В., Захарцев С.И. Актуальные мысли о праве // Актуальные проблемы административного права и процесса. – 2023. – № 1. – С. 81–85.
59. Романовская В.Б., Минеева Т.Г., Сальников С.П. Новое исследование в области философии права. Рецензия на монографию «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева. – М.: Юрлитинформ, 2020 – 288 с.» // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 1. – С. 185–193.
60. Степашин С.В. На пути к суверенной философии права России. А.И. Бастрыкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников. Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово А.И. Александрова. СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с. (серия «Наука и общество»); С.И. Захарцев, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. // Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 86–93.

61. Философско-правовое познание: актуальные проблемы. Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 417 с.
62. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 203–209.
63. Экимов А.И. Методологические проблемы понимания права. Работы разных лет: сборник научных трудов. – М.: Проспект, 2022. – 304 с.
64. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.
65. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London: Europe Books. 2021. 450 p.

Для цитирования: Захарцев С.И., Комаров С.А., Сальников В.П. Возвращаясь к дискуссии о методологических проблемах понимания права. Рецензия на сборник научных трудов А.И. Экимова // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 266–273.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_266

RETURNING TO THE DISCUSSION OF METHODOLOGICAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING LAW. Review of the collection of scientific works by A.I. Ekimov

Sergey I. Zakhartsev*
Sergey A. Komarov**
Viktor P. Salnikov***

***Annotation.** The article reviews a collection of scientific articles by A.I. Ekimov devoted to methodological problems of understanding law, written over the past fifty years. The reviewers come to the conclusion that the conclusions formulated in the articles have not lost their relevance and significance for the knowledge of law. The works presented in the publication will be useful for the teaching staff, students, and all people interested in law and legal science.*

***Key words:** law, law, philosophy, knowledge, dialectics, methodology, legal science.*

In 2022, a significant event took place in Russian legal science – a collection of scientific works by Anisim Ivanovich Ekimov was published under the title "Methodological Problems of Understanding Law. Works of Different Years" [63]. The book itself is a selection of the works of this scientist over a half-century of his scientific and pedagogical activity, or more precisely: from 1970 to 2021, which is certainly impressive!

Of course, as one of the thinkers claimed, it is impossible to live in a society and not be independent from it. The articles cited in the book quite clearly reflect the time of their writing, but something else is immediately clear: A.I. Ekimov always treated the knowledge of law objectively, did not

* **Zakhartsev Sergey Ivanovich**, professor of the St. Petersburg military order of Zhukov Institute of the troops of the national guard of the Russian Federation, doctor of legal sciences. E-mail: Zakhartsev2306@mail.ru

** **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of Theorists of State and Law, Scientific Director of the Law Institute (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law, Professor. E-mail: svkomarov2008@ya.ru

*** **Salnikov Viktor Petrovich**, professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. E-mail: Fonduniver@bk.ru

allow indiscriminate criticism of opponents, conducted scientific discussions extremely correctly, and did not change his views depending on who was in power.

Not all scientists succeeded in this. Thus, with respect for V.S. Nersesyants and his work, Russian legal science remembered him also for the fact that in a textbook on the philosophy of law (!), published after the change of political power, he used the following expressions in addressing some previous authoritative specialists (incidentally, also academicians): "arrogant philosopher", "duty philosopher of the regime", "thieving guardian of the truth useful to the authorities", "dexterous, sophisticated and shameless lackey of the leader and the totalitarian system", etc. [51, pp. 355, 363–364].

A.I. Ekimov had enough wisdom to avoid such behavior in science, which is clearly visible in the published book and which is undoubtedly pleasant. In addition, the author's objective and honest attitude to Russian history inspires respect. Nowadays, one can often encounter affection for the Russian nobility. At the same time, A.I. Ekimov recalls a generally known, but forgotten by many, truth that many outstanding Russian figures of the 18th–19th centuries (historian and philosopher M.M. Shcherbatov, moral philosopher A.D. Bolotov, poet G.R. Derzhavin, etc.) idealized the serf system. And the military leader Generalissimo A.V. Suvorov asked his Novgorod governor to send him peasant girls and transport them on peasant carts "like they transport chickens, not very safe." The awareness that a serf was the same person was alien even to the most educated part of the nobility [63, p. 24]. The same applies to the majority of Russian rulers, about whom for some reason it has now become customary to speak "sublimely well." And serfdom (essentially slavery), formally abolished in 1861, actually existed until the revolutionary events of the 20th century. And this was in Russia a little over a century ago! Is it any wonder that the trials taking place in Russia and the permanent distrust of law and order are taking place?

As A.I. Ekimov writes, the history of Kievan Rus begins with the formation of the institution of serfdom. Here, everyone is equal in their inequality before the prince, and all are serfs in relation to any person occupying a higher level in the social hierarchy. Moreover, the population had no rights before the power of the conquerors. Only after the February Revolution in Russia was the idea of formal equality of rights for all citizens, regardless of their class affiliation, unconditionally enshrined. "Serfdom in form" collapsed, but "serfdom in content" still remained [63, p. 82].

At the same time, the national component is of paramount importance for law. For example, for more than two millennia, customs and traditions have been considered the main sources of Chinese law. And only if their inability to meet the current requirements of the country's development is discovered, can laws be established [63, p. 73]. We fully agree with this conclusion.

Reading the book, we were once again convinced of Anisim Ivanovich's mastery of Russian legal language. Despite the fact that the work is devoted to complex scientific problems, it can be read, as they say, "in one breath". Very few philosophers and legal theorists can write like that.

It should be said that A.I. Ekimov always closely followed our work and repeatedly acted as a reviewer of our monographs [19; 23; 54]. He wrote lengthy positive reviews of some of the studies [1; 46].

We were also brought together by another thing. Ten years ago, the comprehend theory of law was substantiated [19; 20; 21; 22; 24; 26; 27; 28; 29; 39; 64; 65]. The relevance of its substantiation was caused by the need to address the concept of law from a philosophical standpoint, to evaluate it comprehensively and honestly, rejecting the often used one-sided method of idealizing law. Law is complex and contradictory, has both reasonable and frankly meaningless features, exhibits both positive and negative aspects. The subject of the theory of comprehend study of law is the law itself, as a complex, contradictory, multi-faceted, dynamically changing social phenomenon, evaluated without the dominance of any legal concept.

The subject of the theory of comprehend study of law also includes the patterns of dialectical essential contradictions in law and legal existence; patterns of influence on an adequate and objective assessment of law and legal reality of external factors (such factors include economics, politics, ideology, the role of the head of state, etc.); prospects for the development of law in the context of legal reality.

Theory of State and Law

We are pleased that the comprehend theory of law, like our other ideas, has aroused significant interest and positive assessments among many Russian and foreign experts [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 18; 37; 38; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 47; 48; 49; 50; 52; 53; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 62]. But Anisim Ivanovich Ekimov, who has always strived for an objective understanding of the law, was one of the first to support us. He, like other authoritative experts, liked our comparison of the law with a diamond. This comparison can often be found in our works, and now in the works of other scientists.

Incidentally, it seems to us that in the book under review, A.I. Ekimov deliberately arranged the articles so that the versatility of law, studied by our comprehend theory, is clearly visible. However, when discussing the problem raised, it is necessary to once again draw attention to the fact that comprehend theory is, first of all, a dialectical philosophical theory, based on the principle of development. This principle is manifested in everything. Society develops, law develops, which is in constant motion. Questions about whether the movement is for the better or for the worse at a particular moment are philosophical.

Comprehend theory combines various ideas and views, studies them, but does not mix them. We are wary of eclecticism, as well as relativism. Comprehend theory does not at all absolutize relativity and does not equate all fabrications about law. The syncretism of the comprehend theory of law makes it possible to understand law more deeply and objectively. At the same time, the comprehend theory is anti-dogmatic. It calls for studying and developing law without stopping within the framework of any one concept and allowing knowledge to stagnate [25].

The book by A.I. Ekimov under review contains many other thoughts that resonate with us. For example, he writes about the problems of the stability of the law. In turn, we substantiated the theory of legal vibration, which aroused interest [36, pp. 145–167]. In the articles cited, he considered various, including erroneous, manifestations of the law. We also drew attention to the fact that some of the legal norms contain obvious meaninglessness. Alas, we must admit that stupidity and meaninglessness are also independent facets of law [33, pp. 17–22; 34, pp. 24–25; 35, pp. 179–183]. The author in his published articles pointed out the necessity of law striving for justice. The obligatory achievement of the objectivity of truth and justice has been written about more than once, and we have done the same [17; 30, pp. 35–43; 31, pp. 96–100; 32, pp. 191–196; 61].

A.I. Ekimov in his book has repeatedly raised the problem of the corruption-generating nature of legal norms. And – we must again give credit to the author – he tried to approach the problem objectively. Can anyone really convince us, he writes, that the corruption-generating norms that appeared in legislation were initially “unclean” for all the deputies who took part in the voting? Apparently, the so-called erroneous legal norms are indeed a legal error for some legislators, but for others they have never been so. The latter consciously adopted a legal norm, which after some time will be considered as an error by the law-making body that adopted this norm.

In this regard, it is important to identify a practical task: how to prevent the adoption of an erroneous legal norm by a collective law-making body under the influence of hidden lobbying by a part of the law-making body of certain interests that run counter to the interests of society. Nowadays, this task is especially acute in connection with the need to prevent the adoption of corruptionogenic legal norms. Therefore, various methods are being developed to analyze the corruption potential of normative legal acts, typical corruptionogenic mechanisms are being studied that are “built into” their texts, including by creating various kinds of omissions (gaps).

It should be borne in mind: the market economy is such by its nature that it subjects the moral values of legislators to various kinds of temptations, testing their strength. Legal science, law-making and law enforcement agencies, if they do not want to be victims of deception or self-deception, must learn to find the real (sometimes skillfully disguised) interests of those who care about these norms behind any beautiful phrases or slogans justifying the adoption of specific legal acts [63, p. 134].

We also liked the author's thoughts on the interaction of law and politics. According to A.I. Ekimov, legal science includes a set of assessments of law, its norms and institutions from certain political positions. And here it is especially important to emphasize that no matter how involved a lawyer is in political “showdowns”, if he defends the importance of legal procedures, he contributes

to the development of democracy. Law has its own values and these values are, first of all, procedures that have become the form of life of law. Examples of genuine respect for the values of law are called upon to be shown, first of all, by lawyers themselves. If they also question the need to comply with the law under the pretext of its political inexpediency, then how should their fellow citizens treat laws?!

Undoubtedly, there are many values that seem to be "above the law" (for example, justice, freedom, truth), but the law is a means of struggling to achieve them, a form in which they exist. Those who ignore the means of achieving the goal, question the goal itself. Demanding the strictest observance of the norms of the current law even when they seem inappropriate. The lawyer thereby elevates the law to the rank of the highest interests and values, thanks to which social progress becomes possible.

Thus, it is impossible to deny the role of political interests in the development of legal science. They ultimately determine the content of any theoretical constructs. The visible side of legal science is theories, provisions, conclusions, etc. And the hidden side is a set of political interests and moral values that can explain why legal theories are essentially what they are and not others. Interests reveal the ideological nature of legal science, reveal its "service role". They show why legal science is unable to free itself from ideology... [63, pp. 15–16].

The work under review is replete with other interesting thoughts.

The author's ideas, devoted to Russian legal science of the 19th century, namely to scientists N.M. Korkunov and P.I. Novgorodtsev. The articles not only assess the work of these prominent Russian lawyers, but also examine their biographies in sufficient detail [63, pp. 146–165]. At the same time, the history of Russian legal thought is, of course, not limited to the names mentioned. In our opinion, the need to significantly expand the number of books and articles about scientists who contributed to the formation of legal science simply suggests itself. The names of Soviet scientists who also made a huge contribution to the development of domestic and world jurisprudence should also be added here. Moreover, Anisim Ivanovich was personally acquainted with many of the Soviet classics. Let us attribute this remark-wish to the plans of the scientist.

It must be said that we support the re-publication of previously written articles and other works. At present, people, alas, and lawyers, have begun to read less. And re-publications of what was previously written lead to a greater dissemination of the ideas set out in the works. Moreover, this collection of articles was published by the popular publishing house "Prospect".

In conclusion, we repeat that the book turned out to be interesting and informative. The works of different years cited by the author are selected with scientific taste and depth and will be useful to the teaching staff, students, as well as all people interested in law and jurisprudence. We wish Anisim Ivanovich Ekimov new scientific research and further creative success.

Bibliographic list

1. Aleksandrov A.I., Ismagilov R.F., Kuznetsov E.V., Khabibulin A.G., Ekimov A.I. New edition of a fundamental and significant book for Russian philosophy of law: review of the monograph: Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Issue of the Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: Norma; INFRA-M, 2024. 376 p. // Theory of State and Law. 2024. No. 2-1 (37). P. 308–314.
2. Aleksandrov A.I., Bogatyrev D.K. The Truth of Philosophy and the Idea of Law: The Problem of Unity // State and Law. 2022. No. 9. P. 22–30.
3. Babadzhanov I.Kh., Gayurov Sh.K., Tagaynazarov Sh.T. Russian Philosophy of Law. Review of the monograph "The Idea of Freedom. Law. Morality (classical and post-classical philosophy of law) / edited by S.I. Zakhartsev. Moscow: Yurlitinform, 2020. 288 p." // Legal Life. 2020. No. 4 (32). P. 247–258.
4. Baranov V.M., Baranova M.V. Moral and legal problems of the idea of freedom in the focus of classical and non-classical philosophy of law. Review of the monograph "The Idea of Freedom. Law. Morality (classical and postclassical philosophy of law)" (edited by S.I. Zakhartsev). Moscow: Yurlitinform, 2020. 288 p.) // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4 (52). P. 159–162.
5. Baranov V.M., Baranova M.V. Innovative interpretation of law. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev "Law: new ideas and readings" (Moscow: Yurlitinform, 2021. 440 p.) // Legal science and

practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (54). P. 248–251.

6. Bogatyrev D.K., Ivanov V.A., Khabibulin A.G. The Idea of the Historical in the Logos of Law // The Newest History of Russia. 2022. Vol. 12. No. 3. P. 785–792

7. Bogatyrev D.K. From Logos to Law. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Issue of the Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2019. 376 p. // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2020. No. 1. P. 352–360

8. Baranov V.M. Russian Book on the Philosophy of Law and Jurisprudence in English. Review and Presentation of the Monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikova (The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.) // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (41). P. 304–307.

9. Borzova E.P., Pokrovsky I.F. A remarkable publication in Cambridge of a unique book. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science" (Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p.) and its translation: (S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018) // The World of Politics and Sociology. 2018. No. 2. P. 188–192.

10. Vinogradova E.V. Terra Incognita of Russian Legal Philosophy: Review of the Monograph by Zakhartsev S.I. Law: New Ideas and Readings (Moscow: Yurlitinform, 2021. 440 p.) // Eurasian Advocacy. 2022. No. 3 (58). P. 116–118.

11. Galiev F.Kh., Rayanov F.M. When writing a review is not only pleasant, but also honorable. About the book by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science", translated into English and published in Cambridge: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. // Legal state: theory and practice. 2018. Vol. 2. No. 52. P. 206–208.

12. Galiev F.Kh., Ismagilov R.F., Salnikov M.V. Actual problems of legal science. Review-reflections on the monograph by S.I. Zakhartsev "Law: new ideas and readings. Moscow: Yurlitinform, 2021. 440 p.» // Legal state: theory and practice. 2021. No. 2 (64). P. 217–232.

13. Gutman M.Yu., Ismagilov R.F., Komarov S.A., Sovetov D.I. Foundations of Being and the Absolute in Modern Philosophy of Law: review of the monograph: Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Issue of Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law: monograph. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: Norma; INFRA-M, 2024. 376 p. // Theory of State and Law. 2024. No. 3 (38). P. 298–307.

14. Gutman M.Yu., Maslennikov D.V., Salnikov M.V. Legal Symphony of Professor S.I. Zakhartsev. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev "Law: New Ideas and Readings". Moscow: Yurlitinform, 2021. 440 p. // Legal Science: History and Modernity. 2022. No. 11. Pp. 187–195.

15. Dvoretzskaya E.V., Maslennikov D.V., Guk A.I. An interesting book about philosophy and law has been published. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science". Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p. // The World of Politics and Sociology. 2016. No. 3. Pp. 184–189.

16. Dvoretzskaya E.V., Kuznetsov E.V. Preserving the greatness of the subject. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science" // Legal Science: History and Modernity. 2016. No. 11. P. 193–197.

17. Goodness, Trust, Justice in Philosophical and Legal Thought: Antiquity and Modernity. Monograph / Under the general editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2022. 463 p.

18. Zagoruiko K.F., Zakhartsev S.I. Some Problems of the Theory and Philosophy of Law / Under the editorship of Sal'nikova V.P. Moscow: Norma, 2014. 207 p. // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and law. Abstract journal. 2015. No. 1. P. 21–24.

19. Zakhartsev S.I. Some problems of the theory and philosophy of law: Monograph / Ed. V.P. Sal'nikov. Moscow: Norma, 2014. 208 p.

20. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Philosophy. Philosophy of law. Legal science: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p.

21. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Philosophy and legal science: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2019. 424 p.

22. Zakhartsev S.I. Law: new ideas and readings: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2021. 440 p.

23. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the issue of speculative-logical foundations of the metaphysics of law: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2019. 376 p.
24. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the issue of speculative-logical foundations of the sovereign metaphysics of law: monograph. 2nd ed., corrected and add. Moscow: Norma; INFRA-M, 2024. 376 p.
25. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Gasumyanov V.I. Law in the XXII century: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2024. 256 p.
26. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. How to know the law? We offer a comprehend approach // Legal field of the modern economy. 2015. No. 9. P. 17–30;
27. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. What is law? Issues of ontology and epistemology // Legal state: theory and practice. 2015. No. 2(40). P. 14–22.
28. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. On the justification of the comprehend approach to understanding law // Theory of state and law. 2016. No. 2. P. 36–58.
29. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Comprehend theory of law as a way of knowing its essence // Research publications. 2021. No. 1. P. 5–45.
30. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Continuing the discussion about truth // The world of politics and sociology. 2016. No. 1. P. 35–43.
31. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Truth as a problem of philosophy: classics or postmodernism // Russian journal of legal studies. 2016. Vol. 3. No. 2 (7). P. 96–100.
32. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Salnikov M.V. The Problem of Truth in Law and Legal Sciences // Legal Science: History and Modernity. 2016. No. 3. P. 191–196.
33. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Law: Reasonableness and Meaninglessness // Legal Science: History and Modernity. 2015. No. 9. P. 17–22.
34. Zakhartsev S., Salnikov V. Law without Meaning // Protection and Security. 2016. No. 3. P. 24–25.
35. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. On the Reasonableness and Meaninglessness of Law // Bulletin of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences. 2016. No. 3 (93). P. 179–183.
36. Zakhartsev S.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Theory of Legal Vibration and Other Promising Theses on Law // Theory of State and Law. 2023. No. 4-1 (34). P. 145–167.
37. Zoir J.M., Kholikzoda A.G. Outstanding Russian lawyers V.P. Salnikov and S.I. Zakhartsev have published a new fundamental work. Review of the monograph "Philosophy and Legal Science". Moscow: Yurlitinform, 2019. 424 p. // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. Scientific journal. 2021. No. 2 (50). P. 77–84.
38. Zoir J.M., Sodiki N.N. Review of the monograph "The Idea of Freedom. Law. Morality (Classical Philosophy of Law)" // Bulletin of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bahovaddinov of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Dushanbe. 2021. No. 2. P. 195–200.
39. The Idea of Freedom. Law. Morality (Classical and Post-Classical Philosophy of Law): monograph / Ed. by S.I. Zakhartsev. Moscow: Yurlitinform, 2020. 288 p.
40. Kerimov A.D., Maslennikov D.V. Scientific work of St. Petersburg legal scholars in the perspective of sovereign philosophy of law. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy and Legal Science". Moscow: Yurlitinform, 2019. 424 p. // Monitoring of law enforcement. 2019. No. 4 (33). P. 14–18.
41. Kerimov D. A. In development of the discussion on philosophy and law. Review of the monograph by S. I. Zakhartsev and V. P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science". Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p. // Legal field of modern economy. 2015. No. 1. P. 68–73.
42. Kerimova T. V. Classic monograph on philosophy and law. Review of the monograph by S. I. Zakhartsev and V. P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science". Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p. // Legal Science: History and Modernity. 2016. No. 5. P. 168–172.
43. Klimenko A.I., Lebedev S.P. Speculative Metaphysics of Law and the Creative Heritage of F.M. Dostoevsky. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov "Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Issue of Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law." Moscow: Yurlitinform, 2019. 376 p. // Monitoring of Law Enforcement. 2021. No. 1 (38). P. 61–64.
44. Kolesnikov A.S., Maslennikov D.V., Guk A.I. Reflections on the philosophical and legal works of S.I. Zakhartsev and the originality of his philosophy // Legal science: history and modernity. 2015. No. 12. P. 177–184.
45. Komarov S.A., Khabibulin A.G. New work of St. Petersburg scientists on the philosophy of law // Theory of state and law. 2020. No. 1 (17). P. 193–208.

46. Kuznetsov E.V., Maslennikov D.V., Pokrovsky I.F., Ekimov A.I. English version of the Russian edition S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. *The Philosophy of Law and Legal Science*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018 // *Legal Science: History and Modernity*. 2018. No. 9. P. 191–194.
47. Lazarev V.V., Khabibulin A.G. *The Truth of Philosophy and the Idea of Law: The Problem of Unity* (review of the monograph by S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov "Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Issue of the Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law". Moscow: Yurlitinform, 2019. 376 p.) // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2021. Vol. 17. No. 3. P. 151–157.
48. Majidzoda J. Z., (Zoirov J. M.), Sharofzoda R. Sh. A new book by a famous Russian philosopher of law. Review of the monograph by S. I. Zakhartsev "Law: New Ideas and Readings". Moscow: Yurlitinform, 2021. 440 p. // *Legal Life*. 2021. No. 1 (33). P. 187–195.
49. Maslennikov D. V., Stepashin S. V. Review of the monograph by S. I. Zakhartsev and V. P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science" // *Legal Science*. 2016. No. 6. P. 177–179.
50. Maslennikov D.V., Guk A.I., Chislov A.I. Philosophical and legal works of S.I. Zakhartsev: from the origin of law to the prospects of legal existence // *Legal science: history and modernity*. 2016. No. 4. P. 194–200.
51. Nersesyants V.S. *Philosophy of law: textbook – 2nd ed., revised. and enlarged*. Moscow: Norma; IN-FRA-M, 2011. 848 p.
52. Pokrovsky I.F., Ismagilov R.F., Guk A.I. Indeed, philosophy and law are together again in the study of modern scientific thinkers. Some ideas regarding the review of D.A. Kerimov and the monograph of S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science. Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p. // *Legal Science: History and Modernity*. 2015. No. 9. P. 196–200.
53. Pokrovsky I.F., Guk A.I. When Philosophy and Law Are Together Again. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev "Some Problems of the Theory and Philosophy of Law" / Ed. by V.P. Salnikov. Moscow: Norma, 2014. 208 p. // *The World of Politics and Sociology*. 2015. No. 7. P. 184–190.
54. *Political and Legal Management and Threats to State Sovereignty: Monograph* / Ed. by Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: INFRA-M, 2024. 423 p.
55. Rayanov FM, Galiev FH Congratulations on the release of a new fundamental book. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy and Legal Science". Moscow: Yurlitinform, 2019. 424 p. // *Legal state: theory and practice*. 2019. No. 1 (55). P. 181–188.
56. Rayanov FM, Galiev FH Fundamental philosophical book on law. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikova "Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Issue of Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law. Moscow: Yurlitinform, 2019. 376 p. // *The rule of law: theory and practice*. 2019. No. 2. P. 177–182.
57. Rayanov FM, Galiev F.Kh. The idea of freedom in the sovereign philosophy of law. Review of the monograph: "The idea of freedom. Law. Morality (classical and post-classical philosophy of law): Monograph / Ed. by Dr. of Law S.I. Zakhartsev. Moscow: Yurlitinform, 2020. 288 p. // *The rule of law: theory and practice*. 2020. No. 1 (59). P. 168–178.
58. Redkous V.M. Review of the monograph: Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I. *Current thoughts on law // Current problems of administrative law and process*. 2023. No. 1. P. 81–85.
59. Romanovskaya V.B., Mineeva T.G., Salnikov S.P. New research in the field of philosophy of law. Review of the monograph "The Idea of Freedom. Law. Morality (classical and post-classical philosophy of law): Monograph / Ed. by Dr. of Law S.I. Zakhartsev. Moscow: Yurlitinform, 2020. 288 p." // *Legal Science: History and Modernity*. 2020. No. 1. P. 185–193.
60. Stepashin S.V. *Towards a Sovereign Philosophy of Law of Russia*. A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov. The Idea of Good in the Works of F.M. Dostoevsky and Its Influence on the Development of the Philosophy of Law (on the 200th Anniversary of F.M. Dostoevsky) / introduction by A.I. St. Petersburg: University Foundation, 2021. 380 p. (Science and Society Series); S.I. Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Issue of the Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law. Moscow: Yurlitinform, 2019. 376 p. // *State and Law*. 2024. No. 4. P. 86–93.
61. *Philosophical and legal knowledge: current issues*. Monograph / Under the general editorship of V.P. Salnikov. Saint Petersburg: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2022. 417 p.
62. Khabibulin A.G., Mursalimov K.R. Review of the book by S.I. Zakhartsev "Some Problems of the Theory and Philosophy of Law" / Under the editorship of V.P. Salnikov. Moscow: Norma, 2014. 208 p. // *The World of Politics and Sociology*. 2015. No. 9. P. 203–209.
63. Ekimov A.I. *Methodological Problems of Understanding Law. Works of Different Years: Collection of Scientific Papers*. Moscow: Prospekt, 2022. 304 p.

Теория государства и права

64. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.

65. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London: Europe Books. 2021. 450 p.

For citation: Zakhartsev S.I., Komarov S.A., Salnikov V.P. Returning to the discussion of methodological problems of understanding law. Review of the collection of scientific works by A.I. Ekimov // Theory of State and Law. 2024. No. 4 (41). P. 273–280.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_266

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_281

А.И. Александров*

Р.Ф. Исмагилов**

С.А. Комаров***

А.Г. Хабибулин****

А.И. Экимов*****

ПРАВО В XXII ВЕКЕ – ГРАНДИОЗНАЯ МОНОГРАФИЯ О БУДУЩЕМ ПРАВА

***Аннотация.** Рецензируется монография С.И. Захарцева, В.П. Сальникова и В.И. Гасумянова «Право в XXII веке». На основе проведенных исследований авторы пришли к выводу, каким будет право через столетие, что в нем добавится положительного, а от чего праву желательно отказаться. В книге значительное внимание уделено дальнейшему развитию разработанной авторами компрехендной теории познания права, а также актуальным философско-правовым проблемам права.*

Рецензенты пришли к выводу о фундаментальности данной работы для познания права и юридической науки в целом. Настоятельно рекомендуют книгу профессорско-преподавательскому составу в области философии, юриспруденции и политологии, аспирантам, студентам.

***Ключевые слова:** право, государство, наука, философия, философия права, будущее, юриспруденция.*

Осенью 2024 года произошло событие, заметно всколыхнувшее достаточно консервативный и незэмоциональный научный мир. В названное время вышла в свет монография известных российских ученых С.И. Захарцева, В.П. Сальникова и В.И. Гасумянова, посвященная тому, каким будет право в XXII веке [9]! Да-да! Не просто в будущем – близком или чуть отдаленном, – а в следующем веке! При этом указанная книга является не научной фантастикой, все сделанные в ней выводы хорошо обоснованы и логичны. Как написали авторы во введении, до XXII века еще вроде бы далеко, и в этом большое заблуждение тех, кто так думает. Первая четверть XXI века была насыщена различными глобальными событиями, но пролетела как миг. Кроме того, сейчас наблюдается убыстрение темпа человеческой жизни,

* **Александров Алексей Иванович**, член Президиума Ассоциации юристов России, руководитель сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: Aleksandrov@council.gov.ru

** **Исмагилов Рашид Фаатович**, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН. E-mail: filippova@lotpp.ru

*** **Комаров Сергей Александрович**, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор. E-mail: svkomarov2008@ya.ru

**** **Хабибулин Алик Галимзянович**, заведующий кафедрой экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Башкортостан. E-mail: 21alik@mail.ru

***** **Экимов Анисим Иванович**, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: rospravo@mail.ru

которое авторы во многом связывают с неконтролируемым распространением и доступностью информации, развитием биотехнологий и др. (9, с. 4).

В монографии показаны недостатки правового регулирования, от которых право, скорее всего, сможет избавиться, названы и те недостатки, которые будут с ним если не всегда, то еще долго.

Авторы монографии в XXII веке ожидают кардинальных изменений в международном праве. Человечество, как они считают, не выживет, если наиболее сильные и технически оснащенные страны (супердержавы) не научатся договариваться между собой. Их международные договоры будут касаться сфер интересов, порядка применения вооружения, договора о ненападении и др. На данной платформе пойдут соглашения о торговле, взаимодействии, к которым будут вынуждены присоединяться другие государства. Авторам понравился введенный Президентом Российской Федерации В.В. Путиным термин «истинный суверенитет» [1]. Действительно далеко не все формально суверенные государства являются независимыми на самом деле, кто-то будет зависеть от супердержав, в том числе России. Как подчеркнули авторы, Россия к XXII веку свой истинный суверенитет обязана сохранить, на что должны быть направлены усилия всех ее жителей (9, с. 223).

Действительно, рецензируемая книга написана в годы выпавших на Российскую Федерацию сложных испытаний. Как подчеркнули авторы, Россия как минимум два раза в век жестоко воюет, но вновь должна победить. Мы в свою очередь полностью поддерживаем ученых в том, что значительная часть исследований посвящена именно суверенитету как в философском, так и сугубо практическом значении применительно к России. Суверенитету авторы посвятили много своих фундаментальных исследований [2; 3; 14; 22; 23; 24]. Понравилось и то, что предложенный В.В. Путиным термин «истинный суверенитет» оперативно введен авторами в научный оборот. Это тоже является одной из частичек, поддерживающих в столь ответственный момент Президента Российской Федерации и его курс. При этом в XXII веке авторы видят два наиболее вероятных пути развития России и права.

Один из них, социалистический тип с вариациями СССР или Китая и обеспечивающее их соответствующее право.

Посткапиталистический тип государства, названный «запрограммируемым обществом». В нем люди будут получать сносный заработок, еду, проживание, иметь время на отдых и развлечения, но находиться под жестоким контролем и с жесточайшей ответственностью за несоблюдение порядка, критику власти. При этом само общество путем, например, недоступности образования или медицинской помощи, будет жестко поделено на классы (касты, ранги, сословия или как-нибудь еще). А жизнь большинства, включая потолок умственного и карьерного роста, будет строго определяться уже заложенной с рождения программой. То есть, условно говоря, будь счастлив: спокойно живи, работай, отдыхай, но вопросов не задавай и никуда не лезь. Своего рода: человек-функция. Роль права в таком запрограммированном обществе будет связана как минимум с двумя плоскостями.

Первая: конституционное декларирование всеобщего равенства, абсолютного равенства между высшим чиновником и рабочим, миллионером и бедным крестьянином, бизнесменом и школьным учителем. Другая плоскость права и закона связана с тем, чтобы с их помощью рабочий тем не менее всегда оставался рабочим, крестьянин – крестьянином, а миллионер – миллионером. Иными словами, роль права в программируемом обществе связана с обеспечением сносного существования людей-функций и запредельно-зажиточного существования тех, кто это общество программирует, то есть тех, кому принадлежит реальная власть. В зависимости от исторического этапа России власть в ней может принадлежать официальному главе государства, окружению главы государства, духовному лидеру, самому богатому человеку страны или группе таких людей. Их идеология и взгляды на жизнь обязательно и жестко отразятся в праве (9, с. 222).

Надо признать, что проблему запрограммированности современного общества так остро авторы монографии подняли одни из первых [18, с. 189–194; 19, с. 9–15; 20, с. 86–102].

Если от общих философско-государственных вопросов переходить к частностям, то, по мнению авторов, гражданское, семейное, уголовное право в XXII веке в целом изменятся не очень сильно. С таким выводом мы, видимо, согласимся. Разве что на их изменения будут влиять информационные технологии и совершенствование цифрового регулирования правом. Собственно, уже распространены электронные и при этом дистанционные оплаты штрафов, а также предоставления различных документов, которые считаются подлинными.

Применительно к «дистанционке» нам понравилась шутка авторов, которые предположили возможность в XXII веке в семейном праве заключение браков, во-первых, дистанционно, а, во-вторых, на удалении, как от ЗАГСов, так и жениха от невесты (9, с. 224). Такие юмористические вкладки, на наш взгляд, очень украшают и, если так можно выразиться «разбавляют» сложную, глубокую и серьезную монографию. Хотя может так и будет?...

Авторы монографии, несомненно, правы, полагая, что развитие технических средств и использование их в правосудии значительно поменяют право, подходы к достижению правоты и установлению объективной истины. Названные специалисты провели сложнейшее исследование и установили, что до сих пор (в первой половине XXI века!), судьи всего мира при вынесении приговора просят (требуют) со следователей и оперативников, чтобы обвиняемый полностью признавал свою вину и рассказал о произошедшем. Из 300 судей с опытом работы более десяти лет в этом неофициально признались 297 судей самых различных стран совершенно разной правовой системы. Официально отвечать на вопросы они, по понятным причинам, отказались. Но учитывая, что авторы являются авторитетнейшими учеными, известными во всем мире, судьи неофициально подробно и честно рассказали об этом, скажем так, «нюансе» судебного разбирательства. Раньше таких исследований никто не делал. Да и, конечно, мало с кем уважаемые судьи будут вести столь откровенный разговор. Важность получения признательных показаний и построения на их основе обвинительного приговора по-прежнему непроизвольно провоцирует органы дознания и следствия на получение таких показаний с помощью насилия. Это причем касается всех государств, в том числе тех, которые считаются правовыми!

По мнению авторов, развитие технических средств и фиксация ими поведения людей в будущем позволит документировать события произошедшего, главным образом, не путем показаний. Яркий пример – дорожно-транспортное происшествие с артистом М. Ефремовым. Уже сейчас немало случаев объективного представления о конфликтах и точной оценки произошедших правонарушений, споров, скандалов на основе записей офисных видеокамер, видеорегистраторов, спутниковых систем и др. То есть надо признать, что жесткий технический контроль в таком аспекте может и быть полезен. Нет сомнений в том, что информационно-технические средства контроля за людьми к XXII веку будут и дальше совершенствоваться. И определенные плюсы в этом есть. Главное, на чем настаивают ученые, найти и предусмотреть правовыми мерками разумный баланс между интересами общества и естественными правами человека (9, с. 227).

Вероятно, стоит согласиться с авторами, предположившими необходимость принятия в относительно скором будущем информационно-контрольного кодекса, а также реформировать набирающее обороты информационное право на информационно-контрольное, информационно-техническое и информационно-естественное право (9, с. 227). Возможно, речь даже может пойти и о международном информационном праве, о котором авторами тоже ранее писалось [5; 6; 7].

С развитием информационно-цифровых технологий, связана еще одна проблема, хорошо освещенная в монографии. Сейчас как российское, так и зарубежное общество явно перегружено законами и подзаконными нормативно-правовыми актами, за которыми уже невозможно уследить. Индивидуальное сознание людей не в состоянии даже познакомиться с тысячами принимаемых каждый год законов. Презумпция знания закона утратила всякий смысл. Что там говорить, если юристы-отраслевники не знают или крайне плохо знают непрофильные отрасли права. И их можно понять.

Очевидно, что право нуждается как в сокращении своих норм, так и в минимизации документооборота. Но как это сделать?

Авторы предположили (и одновременно предложили!) создание какой-то универсальной, полной, легкодоступной комментированной базы данных нормативно-правовых документов, чтобы при возникновении вопроса любой законопослушный гражданин мог с помощью своего технического мобильного устройства получить быстрый и правильный совет о том, как поступить. Эта база, как пишут они, должна быть обязательно государственной, чтобы в ней излагалось не частное мнение юристов, а именно комментарий государственных органов. Предполагается, что в кодексы внесут возможность человека сразу воспользоваться такой базой при задержании, доставлении в органы полиции, происшествии (своеобразный аналог о возможности помощи защитника). Кроме того, учеными предлагается к каждому должностному лицу приложить какое-нибудь устройство с усовершенствованным QR-кодом или его аналогом, где будут четко отражены его права и обязанности, законы, приказы и инструкции, определяющие его действия. Причем, конечно, они с помощью электроники должны быть сокращены, в них должны быть устранены противоречия и дублирование.

Там же должны содержаться типовые действия по обжалованию действий чиновника. Возможно, будет QR-код, со всеми нормами права к конкретному продукту, предмету и т.д. Например, покупаешь в магазине вещь, к ней имеется приложенный QR-код, после сканирования которого высвечивается полная информация о возможности возврата товара, на основании каких именно норм и типовых бланков. Там же содержится информация о порядке обслуживания продавцами покупателей со всеми типовыми нарушениями и порядком выхода из них и др. Направите, например, условный QR-код на знаки дорожного движения – и вам подробно разъяснят, на основе каких норм необходимо правильно пересечь проезжую часть, что имеет права требовать с вас работник дорожно-патрульной службы полиции или парковщик. При получении жилья в QR-коде с различными разделами и подразделами будет представлена полная нормативная информация о порядке его покупки, оформлении права собственности, правилах поведения с соседями и собственного поведения, эксплуатации жилья, оплаты и пр. (9, с. 227–229).

Как пишут С.И. Захарцев, В.П. Сальников и В.И. Гасумянов, одна из задач, стоящих к XXII веку перед человечеством, – сделать право понятным и доступным для всех, легким в осознании именно обывателя. Ученые убеждены, что такая задача, в том числе на основе их идей, будет решена.

В рецензируемой книге на высочайшем академическом уровне рассмотрены и другие проблемы права, которые уже стали актуальными или станут актуальными в относительно близком будущем. Например, создание международного космического права (9, с. 119–126). Или развитие медицинского права. Так, в медицине сейчас распространена трансплантация. Вполне возможно, что вскоре речь пойдет о пересадке мозга человека. Но тогда остро встанет и правовой вопрос идентификации человека, к которому юриспруденция пока не готова (9, с. 224).

Стала доброй традицией, что авторы монографии помещают в книгу две-три рецензии на наиболее запомнившиеся им недавно вышедшие исследования. В данное издание включены рецензии на книги М.И. Клеandroва «Правосудие и справедливость» [4, с. 194–199; 21] и Ю.Н. Жданова «Информационная безопасность и суверенитет России» [8; 15, с. 307–312]. Выбор именно этих книг, думается, связан с тем, что и М.И. Клеандров, и И.Н. Жданов в них тоже размышляли о будущем права. Каждый со своей стороны и не так глобально, но работы у них получились очень интересными. Например, М.И. Клеандров высказал интересную и перспективную мысль о доказательствах будущего. По его мнению, в обозримом будущем (по прогнозам – в течение ближайших двух десятилетий) наступит время третьей революции в рассматриваемом векторе формирования абсолютных доказательств на научной основе для обеспечения справедливости в осуществлении правосудия. Это будет метод ментоскопирования (от латинского *mens* – ум, образ мыслей) либо, как вариант, – метод вериметрии (от латинского *veritas* – истина). В основе этого метода лежит факт из области физики мозга: информация, получаемая всеми органами чувств каждого человека – через его зрение, слух, обоняние, осязание, вкус, ощущение и проч., – проникает в мозг человека и там сохраняется, не исключено, что навсегда и в полном объеме [21, с. 266–267]. Ю.Н. Жданов, будучи не только опытным

юристом, но и политологом, в своей книге предложил конкретные шаги по недопущению вооруженных конфликтов и разрешению их с помощью права [8, с. 129–163].

Значительное место в книге посвящено разработанной С.И. Захарцевым и В.П. Сальниковым компрехендной теории познания права [10; 11; 12; 13; 16; 17; 25; 26]. Эта теория, то, что называется «захватила умы» многих юристов и философов права в мире. В России и за рубежом стало очень популярным сравнение указанными авторами права с бриллиантом. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. И вот многие ученые, видя ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматривая ее, при этом упускают из виду, что есть еще 56 граней этого же камня. То же происходит и с правом.

Специалисты по одной грани этого феномена судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые у них таким образом теории со временем упираются в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые также иногда искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют внимание лишь на одном из проявлений предмета. Их теории также опровергаются другими концепциями, которые тоже далеки от совершенства. Исторически было разработано несколько концепций понимания права. Однако их не так много, как граней бриллианта.

В монографии четко подтверждается предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, его всеобщего понятия достичь не удастся. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, необходимое для соответствующего уровня теоретического синтеза, в результате чего мы получим понимание права уже на совершенно новом уровне. Авторы полагают, что в XXII веке это произойдет, а пока, в монографии, они продолжили разрабатывать компрехендную теорию познания права. При этом, помимо традиционных подходов, рассмотрели и редко оцениваемые грани права.

В монографии хорошо освещены и другие философские, правовые, политологические и другие аспекты человеческой жизнедеятельности.

В заключение хотим сказать, что в книге радует сочетание глубины сугубо профессиональных знаний с академизмом подачи материалов. Это, пожалуй, первая в мире монография о праве, где ученые смотрят так далеко в будущее. Не просто глубоко и фундаментально. Но и далеко! Рецензируемая книга, несомненно, удалась! Она объективно и предельно четко показывает статус ее авторов в науке.

В юридической литературе нам уже встречалось отнесение авторов монографии к числу выдающихся ученых. Ознакомление с книгой еще более подтвердило этот вывод.

От себя добавим, что во всех странах мира люди, как будто сговорившись, утверждают, что современному праву очень не хватает человечности и справедливости. Мы уверены, что монография С.И. Захарцева, В.П. Сальникова и В.И. Гасумянова является как раз той работой, которая учит справедливости и доброте.

Как сказано в известном философском афоризме, чтобы надеяться на светлое будущее человечества, в это человечество надо верить. И очень приятно, что авторы монографии в мудрость и чистоту человечества искренне верят! Равно как искренне верят в право, призванное обеспечивать человечеству нормальную жизнь.

Библиографический список

1. Путин В.В. Интервью Дмитрию Киселеву // <http://kremlin.ru/events/president/news/73648>
2. Александров А.И., Исмагилов Р.Ф., Кузнецов Э.В., Хабибулин А.Г., Экимов А.И. Новое издание фундаментальной и знаковой для русской философии права книги: рецензия на монографию: Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2024. – 376 с. // Теория государства и права. 2024. № 2-1 (37). С. 308–314.
3. Брылева Е.А., Захарцев С.И., Сальников В.П. Благотворительность как свойство российской суверенной государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. 2021. № 4. С. 23–32.

4. *Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П.* Справедливое правосудие М.И. Клеандров // Государство и право. 2023. № 7. С. 194–199.
5. *Гасумянов В.И., Григорьев Д.И.* Информационная безопасность: международный аспект. М.: МГИМО-Университет, 2024. – 224 с.
6. *Гасумянов В.И.* Основы обеспечения корпоративной безопасности. М.: МГИМО-Университет, 2019. – 344 с.
7. *Гасумянов В.И.* Корпоративная безопасность: угрозы, проблемы, пути решения. М.: МГИМО-Университет, 2021. – 374 с.
8. *Жданов Ю.Н.* Россия в информационной войне. Оценки современной ситуации в интервью Юрия Жданова. Книга первая. – М.: Норма, 2023. – 268 с.
9. *Захарцев С.И., Сальников В.П., Гасумянов В.И.* Право в XXII веке: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. – 264 с.
10. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия. Философия права. Юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
11. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с.
12. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с.
13. *Захарцев С.И.* Право: новые идеи и прочтения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 440 с.
14. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права: монография. – 2-изд., испр. и доп. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2024. – 376 с.
15. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Информационная безопасность и суверенитет России. Рецензия на книгу «Россия в информационной войне: Оценки современной ситуации в интервью Юрия Жданова / [сост. М.Е. Фалалеев]. – Кн. 1. – М.: Норма, 2023. – 368 с.» // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 10А. С. 307–312.
16. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрекендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11–26.
17. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Об обосновании компрекендного подхода для познания права // Теория государства и права. 2016. № 2. С. 36–58.
18. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Программирование жизни общества и отдельных людей как грань права в контексте компрекендной доктрины // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 189–194.
19. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Право в XXI веке в контексте запрограммированной жизни, информационных технологий и справедливого судья // Информационное право. 2020. № 3. С. 9–15.
20. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Роль права в программировании жизни людей и их подконтрольности // Теория государства и права. 2020. № 3 (19). С. 86–102.
21. *Клеандров М.И.* Правосудие и справедливость: монография. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: Норма, 2023. – 424 с.
22. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / Под общ. ред. д-ра юр. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2024. – 423 с.
23. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.* Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 149–162.
24. Философско-правовое познание: актуальные проблемы. Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 417 с.
25. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.
26. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London: Europe Books. 2021. 450 p.

Для цитирования: *Александров А.И., Исмаилов Р.Ф., Комаров С.А., Хабибулин А.Г., Экимов А.И.* право в XXII веке – грандиозная монография о будущем права // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 281–286.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_281

Aleksey I. Aleksandrov*
Rashid F. Ismagilov**
Sergey A. Komarov***
Alik G. Khabibulin****
Anisim I. Ekimov*****

Annotation. *The monograph by S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov and V.I. Gasumyanov “Law in the 22nd Century” is reviewed. Based on the research conducted, the authors came to the conclusion about what the law will be like in a century, what positive things will be added to it, and what it is desirable for the law to abandon. The book pays considerable attention to the further development of the comprehend theory of knowledge of law developed by the authors, as well as to current philosophical and legal problems of law.*

The reviewers came to the conclusion about the fundamental nature of this work for the knowledge of law and legal science in general. They strongly recommend the book to the teaching staff in the field of philosophy, jurisprudence and political science, graduate students, and students.

Key words: law, state, science, philosophy, philosophy of law, future, jurisprudence.

In the fall of 2024, an event occurred that noticeably stirred up the rather conservative and unemotional scientific world. At that time, a monograph by famous Russian scientists S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov and V.I. Gasumyanov was published, dedicated to what the law will be like in the 22nd century [9]! Yes, yes! Not just in the future – near or slightly distant – but in the next century! At the same time, this book is not science fiction, all the conclusions made in it are well-founded and logical. As the authors wrote in the introduction, the 22nd century is still a long way off, and this is a big mistake for those who think so. The first quarter of the 21st century was full of various global events, but it flew by in an instant. In addition, we are now seeing an acceleration in the pace of human life, which the authors largely associate with the uncontrolled dissemination and availability of information, the development of biotechnology, etc. (9, p. 4).

The monograph shows the shortcomings of legal regulation, from which the law will most likely be able to get rid, and names those shortcomings that will be with it, if not forever, then for a long time. The authors of the monograph expect radical changes in international law in the 22nd century. Humanity, as they believe, will not survive if the most powerful and technically equipped

* **Aleksandrov Aleksey Ivanovich**, member of the Presidium of the Association of Lawyers of Russia, head of the sector of constitutional law and constitutional justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: Aleksandrov@council.gov.ru

** **Ismagilov Rashid Faatovich**, professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the Troops of the National Guard of the Russian Federation, Doctor of Law, professor, academician of the Russian Academy of Natural Sciences. E-mail: filippova@lotpp.ru

*** **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of Theorists of State and Law, Scientific Director of the Law Institute (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law, Professor. E-mail: svkomarov2008@ya.ru

**** **Khabibulin Alik Galimzyanovich**, Head of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Law Faculty of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan. E-mail: 21alik@mail.ru

***** **Ekimov Anisim Ivanovich**, professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. E-mail: rospravo@mail.ru

countries (superpowers) do not learn to negotiate with each other. Their international treaties will concern spheres of interest, the procedure for the use of weapons, non-aggression pacts, etc. On this platform, agreements on trade and interaction will go, to which other states will be forced to join. The authors liked the term "true sovereignty" introduced by the President of the Russian Federation V.V. Putin [1]. Indeed, far from all formally sovereign states are independent in reality, some will depend on superpowers, including Russia. As the authors emphasized, Russia is obliged to preserve its true sovereignty by the 22nd century, and all its residents should focus their efforts on this (9, p. 223).

Indeed, the book under review was written during the years of difficult trials that befell the Russian Federation. As the authors emphasized, Russia fights a cruel war at least twice a century, but must win again. We, in turn, fully support the scientists in that a significant part of the research is devoted to sovereignty, both in the philosophical and purely practical sense as applied to Russia. The authors devoted many of their fundamental studies to sovereignty [2; 3; 14; 22; 23; 24]. I also liked the fact that the term "true sovereignty" proposed by V.V. Putin was promptly introduced into scientific circulation by the authors. This is also one of the particles that supports the President of the Russian Federation and his course at such a crucial moment. At the same time, the authors see two most probable paths for the development of Russia and law in the 22nd century.

One of them is a socialist type with variations of the USSR or China and the corresponding law that ensures them.

A post-capitalist type of state, called a "programmable society". In it, people will receive a decent salary, food, housing, have time for rest and entertainment, but will be under strict control and with the strictest responsibility for failure to comply with order, criticism of the authorities. At the same time, society itself, through, for example, the inaccessibility of education or medical care, will be strictly divided into classes (castes, ranks, estates or something else). And the life of the majority, including the ceiling of mental and career growth, will be strictly determined by the program already embedded from birth. That is, relatively speaking, be happy: live peacefully, work, rest, but do not ask questions and do not meddle anywhere. A kind of: a person-function. The role of law in such a programmed society will be associated with at least two planes.

The first is the constitutional declaration of universal equality, absolute equality between a high-ranking official and a worker, a millionaire and a poor peasant, a businessman and a school teacher. Another plane of law and order is connected with the fact that with their help a worker nevertheless always remains a worker, a peasant a peasant, and a millionaire a millionaire. In other words, the role of law in a programmed society is connected with ensuring a tolerable existence of people-functions and an extremely prosperous existence of those who program this society, that is, those who hold real power. Depending on the historical stage of Russia, power in it may belong to the official head of state, the entourage of the head of state, the spiritual leader, the richest man in the country, or a group of such people. Their ideology and views on life will necessarily and strictly be reflected in the law (9, p. 222).

It must be admitted that the authors of the monograph were among the first to raise the problem of the programmed nature of modern society so acutely [18, pp. 189–194; 19, pp. 9–15; 20, p. 86–102].

If we move from general philosophical and state issues to particulars, then, according to the authors, civil, family, and criminal law in the 22nd century will not change very much. We probably agree with this conclusion. Unless their changes will be influenced by information technology and the improvement of digital regulation of law. In fact, electronic and remote payments of fines, as well as the provision of various documents that are considered authentic, are already widespread.

With regard to "remote", we liked the joke of the authors, who suggested the possibility in the 22nd century in family law of concluding marriages, firstly, remotely, and, secondly, at a distance from both the registry office and the groom from the bride (9, p. 224). Such humorous inserts, in our opinion, are very decorative and, if one can say so, "dilute" a complex, deep and serious monograph. Although maybe it will be so?..

The authors of the monograph are undoubtedly right in believing that the development of technical means and their use in justice will significantly change the law, approaches to achieving justice and establishing objective truth. The named specialists conducted a complex study and found that

until now (in the first half of the 21st century!), judges all over the world, when passing a sentence, ask (demand) from investigators and operatives that the accused fully admit his guilt and tell about what happened. Out of 300 judges with more than ten years of experience, 297 judges from various countries with completely different legal systems unofficially admitted this. For obvious reasons, they refused to answer questions officially. But given that the authors are the most authoritative scientists, known throughout the world, the judges unofficially spoke in detail and honestly about this, let's say, "nuance" of the trial. No one had done such research before. And, of course, there are few with whom the respected judges will have such a frank conversation. The importance of obtaining confessions and constructing a guilty verdict on their basis still involuntarily provokes the bodies of inquiry and investigation to obtain such testimony by means of violence. This concerns all states, including those that are considered legal!

According to the authors, the development of technical means and their recording of people's behavior in the future will allow documenting events that have occurred, mainly, not by means of testimony. A striking example is the traffic accident with the artist M. Efremov. There are already many cases of objective representation of conflicts and accurate assessment of offenses, disputes, scandals that have occurred based on recordings from office video cameras, video recorders, satellite systems, etc. That is, it must be recognized that strict technical control in this aspect can be useful. There is no doubt that information and technical means of monitoring people will continue to improve by the 22nd century. And there are certain advantages to this. The main thing that scientists insist on is to find and provide for, by legal measures, a reasonable balance between the interests of society and the natural rights of man (9, p. 227).

Probably, it is worth agreeing with the authors who suggested the need to adopt an information control code in the relatively near future, as well as to reformat the information law, which is gaining momentum, into information control, information technology and information natural law (9, p. 227). Perhaps, we can even talk about international information law, which the authors also wrote about earlier [5; 6; 7].

Another problem, well covered in the monograph, is associated with the development of information and digital technologies. Now both Russian and foreign society is clearly overloaded with laws and by-laws, which are no longer possible to keep track of. Individual consciousness of people is not even able to get acquainted with the thousands of laws adopted every year. The presumption of knowledge of the law has lost all meaning. What can we say if lawyers in the industry do not know or know very poorly non-core branches of law. And they can be understood.

It is obvious that the law needs both a reduction in its norms and a minimization of paperwork. But how to do this?

The authors suggested (and at the same time offered!) the creation of some kind of universal, complete, easily accessible commented database of regulatory and legal documents, so that when a question arises, any law-abiding citizen could use his technical mobile device to get quick and correct advice on what to do. This database, as they write, must necessarily be state-owned, so that it sets out not the private opinion of lawyers, but the commentary of state bodies. It is assumed that the codes will include the ability of a person to immediately use such a database when detained, taken to the police, or in an incident (a kind of analogue of the possibility of assistance from a defense attorney). In addition, scientists suggest that each official be given a device with an improved QR code or its analogue, where his rights and responsibilities, laws, orders and instructions determining his actions will be clearly reflected. Moreover, of course, they should be shortened with the help of electronics, and contradictions and duplications should be eliminated.

They should also contain typical actions for appealing the actions of an official. Perhaps there will be a QR code with all the legal norms for a specific product, item, etc. For example, you buy an item in a store, there is a QR code attached to it, after scanning which full information about the possibility of returning the goods is displayed, on the basis of which specific norms and standard forms. It also contains information on the procedure for servicing customers with all typical violations by sellers and the procedure for exiting them, etc. For example, point a conditional QR code at road signs – and you will be explained in detail on the basis of which norms it is necessary to cross the roadway

correctly, what a traffic police patrol officer or a parking attendant has the right to demand from you. When receiving housing, a QR code with various sections and subsections will provide complete regulatory information on the procedure for purchasing it, registration of ownership, rules of conduct with neighbors and one's own behavior, operation of housing, payment, etc. (9, pp. 227–229).

As S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov and V.I. Gasumyanov write, one of the tasks facing humanity by the 22nd century is to make law understandable and accessible to everyone, easy to understand for the average person. Scientists are convinced that such a task, including on the basis of their ideas, will be solved.

The book under review also examines other legal issues at the highest academic level that have already become relevant or will become relevant in the relatively near future. For example, the creation of international space law (9, pp. 119–126). Or the development of medical law. Thus, transplantation is now widespread in medicine. It is quite possible that soon we will talk about human brain transplantation. But then the legal issue of human identification will also become acute, for which jurisprudence is not yet ready (9, p. 224).

It has become a good tradition for authors of a monograph to include two or three reviews of the most memorable recently published studies. This edition includes reviews of the books by M.I. Cleandrov "Justice and Fairness" [4, pp. 194–199; 21] and Yu.N. Zhdanov "Information Security and Sovereignty of Russia" [8; 15, pp. 307–312]. The choice of these books is probably due to the fact that both M.I. Cleandrov and I.N. Zhdanov also reflected on the future of law in them. Each in his own way and not so globally, but their works turned out to be very interesting. For example, M.I. Cleandrov expressed an interesting and promising idea about evidence of the future. In his opinion, in the foreseeable future (according to forecasts, within the next two decades), the time will come for the third revolution in the considered vector of forming absolute evidence on a scientific basis to ensure fairness in the administration of justice. This will be the method of mentoscopy (from the Latin *mens* – mind, way of thinking) or, alternatively, the method of verimetry (from the Latin *veritas* – truth). This method is based on a fact from the field of brain physics: information received by all the senses of each person – through his sight, hearing, smell, touch, taste, sensation, etc. – penetrates the human brain and is stored there, possibly forever and in full [21, pp. 266–267]. Yu.N. Zhdanov, being not only an experienced lawyer, but also a political scientist, proposed specific steps in his book to prevent armed conflicts and resolve them with the help of law [8, pp. 129–163]. A significant place in the book is devoted to the comprehend theory of knowledge of law developed by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov [10; 11; 12; 13; 16; 17; 25; 26]. This theory, what is called "captured the minds" of many lawyers and philosophers of law in the world. In Russia and abroad, the comparison of law with a diamond by the above-mentioned authors has become very popular. As is known, the most common cut of a diamond is 57 facets. And so many scientists, seeing this or that facet of the stone, sometimes even examining it in detail, lose sight of the fact that there are 56 more facets of the same stone. The same thing happens with law.

Specialists judge this phenomenon as a whole by one facet. Obviously, the theories they obtain in this way eventually run into insoluble contradictions. Then new thinkers appear, who also sometimes sincerely believe that they see the subject as a whole, but focus their attention on only one of the manifestations of the subject. Their theories are also refuted by other concepts, which are also far from perfect. Historically, several concepts of understanding law have been developed. However, there are not as many of them as there are facets of a diamond.

The monograph clearly confirms the assumption that until a significant number of independent concepts are created that objectively and fully reveal specific aspects of law, its universal concept will not be achieved. But as soon as the number of definitions of law reaches a critical mass, it will develop into the quality necessary for the corresponding level of theoretical synthesis, as a result of which we will receive an understanding of law at a completely new level. The authors believe that this will happen in the 22nd century, but for now, in the monograph, they continued to develop a comprehend theory of knowledge of law. At the same time, in addition to traditional approaches, they also considered rarely assessed aspects of law.

Theory of State and Law

The monograph also covers other philosophical, legal, political science and other aspects of human life.

In conclusion, we would like to say that the book pleases with the combination of the depth of purely professional knowledge with the academic presentation of materials. This is perhaps the world's first monograph on law, where scientists look so far into the future. Not just profoundly and fundamentally. But also far! The book under review is undoubtedly a success! It objectively and extremely clearly shows the status of its authors in science.

In legal literature, we have already encountered the inclusion of the authors of the monograph among the outstanding scientists. Familiarization with the book further confirmed this conclusion.

We will add on our own behalf that in all countries of the world people, as if by agreement, claim that modern law is sorely lacking in humanity and justice. We are confident that the monograph by S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov and V.I. Gasumyanov is precisely the work that teaches justice and kindness.

As it is said in the famous philosophical aphorism, in order to hope for a bright future for humanity, one must believe in this humanity. And it is very pleasant that the authors of the monograph sincerely believe in the wisdom and purity of humanity! Just as they sincerely believe in the law, which is called upon to provide humanity with a normal life.

Bibliographic list

1. Putin V.V. Interview with Dmitry Kiselev // <http://kremlin.ru/events/president/news/73648>
2. Aleksandrov A.I., Ismagilov R.F., Kuznetsov E.V., Khabibulin A.G., Ekimov A.I. New edition of a fundamental and significant book for Russian philosophy of law: review of the monograph: Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Issue of the Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: Norma; INFRA-M, 2024. 376 p. // Theory of State and Law. 2024. No. 2-1 (37). P. 308–314.
3. Bryleva E.A., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Charity as a Property of the Russian Sovereign State and Legal Ideology // Theory of State and Law. 2021. No. 4. P. 23–32.
4. Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Fair Justice M.I. Kleandrov // State and Law. 2023. No. 7. P. 194–199.
5. Gasumyanov V.I., Grigoriev D.I. Information Security: International Aspect. Moscow: MGIMO-University, 2024. 224 p.
6. Gasumyanov V.I. Fundamentals of Ensuring Corporate Security. Moscow: MGIMO-University, 2019. 344 p.
7. Gasumyanov V. I. Corporate security: threats, problems, solutions. Moscow: MGIMO-University, 2021. 374 p.
8. Zhdanov Yu. N. Russia in the information war. Assessments of the current situation in an interview with Yuri Zhdanov. Book one. Moscow: Norma, 2023. 268 p.
9. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P., Gasumyanov V. I. Law in the XXII century: monograph. M.: Yurlitinform, 2024. – 264 p.
10. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p.
11. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Philosophy and Legal Science: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2019. 424 p.
12. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2019. 376 p.
13. Zakhartsev S.I. Law: New Ideas and Readings: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2021. 440 p.
14. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Speculative-Logical Foundations of the Sovereign Metaphysics of Law: monograph. – 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Norma; INFRA-M, 2024. 376 p.
15. Zakhartsev S.I. Salnikov V.P. Information Security and Sovereignty of Russia. Review of the book "Russia in the Information War: Assessments of the Current Situation in an Interview with Yuri Zhdanov / [compiled by M.E. Falaleev]. Book 1. Moscow: Norma, 2023. 368 p." // Issues of Russian and International Law. 2023. Vol. 13. No. 10A. P. 307–312.

16. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Comprehend Theory of Cognition of Law // Legal Science: History and Modernity. 2015. No. 8. Pp. 11–26.
17. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. On the Justification of the Comprehend Approach to Cognition of Law // Theory of State and Law. 2016. No. 2. Pp. 36–58.
18. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Programming the Life of Society and Individuals as a Facet of Law in the Context of the Comprehend Doctrine // The World of Politics and Sociology. 2019. No. 7. Pp. 189–194.
19. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Law in the 21st Century in the Context of Programmed Life, Information Technology and Justice // Information Law. 2020. No. 3. P. 9–15.
20. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Role of Law in Programming People's Lives and Their Controllability // Theory of State and Law. 2020. No. 3 (19). P. 86–102.
21. Cleandrov M.I. Justice and fairness: monograph. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Norma, 2023. 424 p.
22. Political and legal management and threats to state sovereignty: monograph / Under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: IN-FRA-M, 2024. 423 p.
23. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. Value basis of sovereignty (on the issue of sovereign state-legal ideology) // Legal science: history and modernity. 2019. No. 11. P. 149–162.
24. Philosophical and legal knowledge: current problems. Monograph / Under the general editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2022. 417 p.
25. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.
26. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London: Europe Books. 2021. 450 p.

For citation: Aleksandrov A.I., Ismagilov R.F., Komarov S.A., Khabibulin A.G., Ekimov A.I. Law in the 22nd century – a grandiose monograph on the future of law // Theory of state and law. 2024.No. 4 (41). P. 287–292.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_281

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_293

С.В. Игнатьева*

С.А. Комаров**

М.В. Сальников***

С.П. Сальников****

Д.И. Советов*****

ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Размышления в связи с публикацией монографии

Анищенко В.Н., Выборный А.Г., Хабибулин А.Г.

**Искусственный интеллект в противодействии
криминальным угрозам финансовой безопасности**

России (теория, методология, практика):

Монография. – М.: ВШГА МГУ, 2024. – 376 с.

***Аннотация.** Предлагается авторское мнение о границах допустимого использования достижений в области информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ), включая искусственный интеллект (ИИ), в процессе реализации права в различных сферах юридической деятельности. Правовой статус искусственного интеллекта, последствия его применения и явное отсутствие всестороннего законодательного регулирования являются одними из актуальных проблем на современном этапе формирования и развития методов борьбы с угрозами финансовой безопасности Российской Федерации. В этой связи монография коллектива авторов В.Н. Анищенко, А.Н. Выборного, А.Г. Хабибулина представляется актуальной, современной научной работой, посвященной анализу искусственных интеллектуальных систем противодействия криминальным угрозам финансовой безопасности России, применяемых в деятельности правоохранительных органов. Представленная статья включает необходимые знания для формирования последующих выводов о пределах допустимого использования искусственного интеллекта как «во благо», так и «во вред», при осуществлении юридической деятельности различными субъектами в условиях формирования нового общественного устройства, обусловленного трансформацией монополярного мироустройства в многополярное.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект; информация; пределы права; финансовая безопасность и суверенитет; информационное право; информационная безопасность; цифровая экономика; правоприменительная деятельность; информационно-телекоммуникационные технологии.*

За последние годы в юридической доктрине можно обнаружить большое количество различных научных работ и исследований, посвященных проблематике правового

* **Игнатьева Светлана Викторовна**, профессор кафедры государственного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. E-mail: svetignateva60@mail.ru

** **Комаров Сергей Александрович**, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор. E-mail: svkomarov2008@ya.ru

*** **Сальников Михаил Викторович**, главный научный сотрудник Юридического института (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

**** **Сальников Сергей Павлович**, судья Починковского районного суда Нижегородской области, доктор юридических наук. E-mail: sp.salnikov@yandex.ru

***** **СОВЕТОВ Денис Игоревич**, старший преподаватель кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук. E-mail: sovetov-work@mail.ru

регулирования и выявления статуса, признаков и свойств искусственного интеллекта [9; 10; 11; 12; 17; 18; 20; 21; 22; 26; 27; 30; 31; 32; 33; 34; 36; 37]. При этом единая и общепризнанная доктринальная позиция, которая бы позволила всецело раскрыть юридическую сущность искусственного интеллекта в отечественной юриспруденции продолжает отсутствовать. Хотя и нашла отражение в ряде нормативных правовых актов [2; 3; 4; 5]. Приведенная ситуация представляется нормальной, логичной и объяснимой поскольку научная неопределённость свойственна новым феноменам.

В результате анализа различных исследований и по мере выхода в свет тех или иных научных работ, посвященных вопросам регулирования последних достижений в сфере функционирования информационно-телекоммуникационных технологий, формируется определенный научный подход или система устойчивых знаний относительно нового явления.

Процесс познания искусственного интеллекта как нового, научного феномена усложняется под воздействием его ключевых свойств, образующих необходимость применения комплексного, то есть междисциплинарного подхода. Видится, что сущность искусственного интеллекта рассматривается в доктрине с различных подходов, свойственных научным областями вызывает интерес среди правоведов, финансистов, ИТ-специалистов и в том числе философов права. Такое многообразие подходов и взглядов приводит к отсутствию единства в понятийном аппарате. В целях внесения некоторой систематизации среди огромного количества различных источников интерес вызывает рецензируемое научное произведение коллектива российских авторов, которое вышло в свет в 2024 году [8].

Рецензируемая работа посвящена таким актуальным вопросам регулирования искусственных интеллектуальных систем противодействия криминальным угрозам финансовой безопасности России как:

- значение систем искусственного интеллекта как искусственных интеллектуальных систем в противодействии криминальным угрозам финансовой безопасности России;
- основные понятия и определения в области систем искусственного интеллекта как искусственных интеллектуальных систем в противодействии криминальным угрозам финансовой безопасности России;
- теоретико-методологические основы информационно-аналитической работы в органах финансовых расследований при использовании искусственного интеллекта;
- анализ эволюции, условий и предпосылок развития искусственных интеллектуальных систем финансовых расследований;
- основные подходы к анализу эффективности функционирования искусственных интеллектуальных систем финансовых расследований;
- и многие другие вопросы в рассматриваемой предметной области.

В результате повествования авторами формулируются выводы, определяющие допустимые пределы использования достижений в сфере ИКТ при осуществлении финансовых расследований, что образует научную новизну в рассматриваемой области.

Действительно, можно согласиться с позицией коллектива авторов о правовой и научной неопределенности искусственного интеллекта в юридическом или экономическом отношении. Если обратиться к анализу позитивного права, можно прийти к выводу, что основным профильным нормативно-правовым актом, содержание которого посвящено вопросам правового регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации является Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [6]. В рамках данного акта определяется базовый понятийный аппарат применимый к правовому регулированию отношений, обусловленных искусственным интеллектом в национальном правовом порядке.

Так, под искусственным интеллектом понимается – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач

результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их [6].

Интересным выступает и тот факт, что рассматриваемый подзаконный акт определяет и виды (или формы) искусственного интеллекта, которые позволяют классифицировать ту или иную информационную систему для соотнесения с соответствующим подвидом формы искусственного интеллекта: технологии компьютерного зрения; технологии обработки естественного языка; технологии распознавания и синтеза речи; технологии интеллектуальной поддержки принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта; иные технологии. Отсюда можно сделать вывод, что перечень технологий, поддерживаемых искусственным интеллектом, является открытым и не представлен нормативно в исчерпывающем виде.

Наиболее важным вопросом, возникающим при использовании достижений в сфере ИКТ является проблема квалификации степени значимости тех последствий, которые возникают в результате использования искусственного интеллекта, а также определения круга лиц (субъектов), которые будут испытывать юридическую ответственность в том случае, если искусственный интеллект причинит кому-либо вред, причем выраженный, как в материальной, так и в нематериальной форме.

Необходимым представляется рассмотреть категорию «пределов» в праве, чтобы в последующем их сопоставить со спецификой «границ» применения искусственного интеллекта в различных сферах юридической деятельности. Как правило, пределы в праве – это концепция, обозначающая границы, в рамках которых действуют правовые нормы, а также ограничения, касающиеся права и его применения, включая информационные риски [11]. Пределы в праве могут быть классифицированы как на внутренние, так и на внешние [8; 28; 29].

Внутренние пределы связаны с самой природой права. Например, юридические нормы должны соответствовать принципам справедливости, морали и общественным интересам. Они влияют на поведение человека и функционирование государства и общества совместно с иными социальными регуляторами: моралью, обычаями, традициями, этическими и корпоративными нормами, религиозными таинствами и др. В философии права данная ситуация получила название «синкретизм современной правовой культуры» [13; 14; 15; 16; 17, с. 187–207; 35]. При этом право не может оправдывать действия, которые противоречат основным конституционным правам человека или общепринятым моральным нормам.

Внешние пределы касаются взаимодействия права с другими социальными институтами, такими как экономика, политика и культура. Данная группа пределов определяют, как право может быть использовано или применено в различных контекстах. Общество и его ценности могут влиять на правоприменение, устанавливая границы для действия тех или иных юридических норм.

Также важно учитывать пределы правоприменительной практики. Судебная система, правоохранительные органы и другие институты должны действовать в рамках установленных законом полномочий, что исключает произвольное применение права.

Понимание пределов в праве помогает избежать злоупотреблений и гарантирует, что правовая система остается эффективной и справедливой, обеспечивает информационную безопасность и защиту персональных данных [25]. Роль пределов в праве, также подчеркивает значение баланса между свободами индивидов и интересами общества в целом.

В качестве дополнительной, может быть названа классификация, в соответствии с которой пределы в праве классифицированы на объективные и субъективные. Первая из рассматриваемых групп пределов существует вне зависимости от сознания субъектов общественных отношений. Например, объективным пределом права «на свободу передвижения», выступает непроходимый ландшафт местности.

Тогда как субъективные пределы предполагают ограничения, установленные искусственным образом, то есть неформально. Например, субъективным пределом права «на свободу передвижения», выступает пропускной режим в коммерческой организации, при

котором лицо (человек) не может физически пройти, но не обладая специальным разрешением на проход – лишается такой возможности.

Когда речь идет о применении в юридической деятельности искусственного интеллекта, учитывая всю многозадачность данного феномена, которая распространяется и на иные области общественных отношений (медицину, экономику, науку и др.), пределы искусственного интеллекта могут быть как объективными, так и субъективными.

Объективные пределы искусственного интеллекта выражаются в его ограниченности техническими возможностями программного обеспечения. Например, на сегодняшний день искусственный интеллект технически не способен составить и самостоятельно подать в суд общей юрисдикции гражданский иск, но вполне может справиться с конструированием типового договора аренды. Однако развития приведенной в качестве примера способности, нельзя исключать в обозримом будущем по мере развития информационных технологий.

Субъективные пределы искусственного интеллекта связаны с его существованием и выражением в мире нематериальных благ и как правило отсутствием явно выраженной материальной оболочки [19]. Для определения пределов применимости искусственного интеллекта следует рассмотреть некоторые примеры положительного использования достижений в сфере ИКТ в юридической деятельности. Так, безусловно, искусственный интеллект находит все большее применение в юридической деятельности, способствуя повышению эффективности работы юристов и улучшению качества предоставляемых услуг.

Пример № 1. Искусственный интеллект способен быстро и точно анализировать контракты, соглашения и другие юридические документы, выявляя ключевые условия, риски и несоответствия.

Пример № 2. ИИ-системы могут обрабатывать большие объемы юридической информации, включая судебные решения и законодательные акты, помогая юристам находить прецеденты и выстраивать обоснованные аргументы в рамках осуществления процедуры доказывания.

Пример № 3. Некоторые ИИ-модели способны анализировать данные о предыдущих делах (спорах) и предсказывать вероятные исходы текущих судебных споров.

Пример № 4. С другой стороны «чат-боты», использующие искусственный интеллект, способны предоставлять юридические консультации по общим вопросам права, обеспечивать помощь субъектам юридической деятельности в поиске информации.

Таким образом, представленные примеры демонстрируют, как достижения в сфере ИКТ могут трансформировать юридическую практику, повышая эффективность и улучшая качество предоставляемых услуг. Причем нужно учитывать, что вышеперечисленные примеры являются лишь некоторой частью из возможных задач, которые способен решить искусственный интеллект.

Однако, несмотря на многочисленные преимущества, искусственный интеллект в делах применимости образует и ряд негативных последствий, выраженных в неправомерном использовании рассматриваемых достижений в сфере ИКТ.

Рассмотрим по аналогии несколько из таких примеров.

Пример № 1. Искусственный интеллект может предоставить неверные или неполные результаты при анализе юридических данных, что может привести к ошибочным выводам и решениям, а также формировать негативную правоприменительную практику.

Пример № 2. Искусственный интеллект способен преобразовывать ряд нематериальных объектов и таким образом, может быть использован для создания поддельных юридических документов или доказательств, что является уголовно наказуемым деянием. В этом случае искусственный интеллект будет выступать в качестве средства совершения преступления. Например, искусственный интеллект вполне способен по запросу пользователя создать фальшивые видеозаписи или аудиозаписи.

Пример № 3. Общественно опасным является использование искусственного интеллекта для взлома систем, кражи персональных данных других лиц.

Пример № 4. Использование искусственного интеллекта правоохранительными органами для целей профилактики преступности может привести к дискриминации и предвзятости в отношении подозреваемых лиц, включая нарушение базовых конституционных гарантий, например «презумпцию невиновности» [1; 24].

Таким образом, рассмотрев положительные и отрицательные последствия, можно сформулировать вывод об их равном соотношении при использовании искусственного интеллекта. Иными словами, внедрение достижений в сфере ИКТ, включая искусственный интеллект, в юридическую деятельность может значительно повысить эффективность и доступность юридических услуг, но также требует дополнительного и тщательного контроля, а также должного правового регулирования для минимизации потенциальных рисков.

Несомненно, важно также развивать этические стандарты и определять законодательные рамки, чтобы обеспечить ответственное использование технологий и защиту прав клиентов и общества. Как отмечает коллектив авторов рецензируемой монографии В.Н. Анищенко, А.Н. Выборный, А.Г. Хабибулин, искусственный интеллект, а также иные информационные системы могут выполнять роль вспомогательного механизма при осуществлении финансового расследования, с чем можно безусловно согласиться. Однако необходимо учитывать, что достижения в сфере ИКТ, являются средством, которое способствует совершению многих экономических и иных преступлений в условиях развития современного российского цифрового общества.

Несмотря на ряд недостатков, нельзя отказаться или отрицать влияния искусственного интеллекта на юридическую деятельность, правоприменительную практику, поскольку рассматриваемые в монографии вызовы и тенденции в сфере информатизации являются объективным этапом существования российского государства, правоприменительной практики, деятельности направленной на расследование экономических и финансовых преступлений.

Второй по степени значимости проблемой, которая возникает при изучении пределов применимости искусственного интеллекта, является вопрос определения и квалификации должной меры применимой ответственности в отношении круга субъектов, к которым юридическая ответственность может быть применима, в случае умышленного недобросовестного использования достижений ИКТ таким лицом.

Можно выделить четыре возможных подхода:

во-первых, юридическая ответственность за негативное использование искусственного интеллекта возлагается на производителя или разработчика такого программного обеспечения. Однако данный подход, как видится, является не обоснованным, поскольку в случае его легитимации нарушаются основы новаторской деятельности и технический прогресс приостановится;

во-вторых, юридическая ответственность за негативное использование искусственного интеллекта возлагается на посредника или дистрибьютера искусственного интеллекта. Данный подход, как видится, может признаваться справедливым в том случае, если вышеописанный посредник внес модификацию в работу искусственного интеллекта, без согласования с разработчиком;

в-третьих, юридическая ответственность за негативное использование искусственного интеллекта возлагается на вредоносное программное обеспечение. Мера санкции может выражаться в его ликвидации. Такой подход не соответствует целям юридической ответственности, поскольку не позволяет восстановить социальную справедливость и не обеспечивает воспитательной функции;

в-четвертых, юридическая ответственность за негативное использование искусственного интеллекта возлагается на конечного пользователя искусственным интеллектом. Данный подход представляется вполне состоятельным, но в случае применения достижений в сфере ИКТ лицом, вопреки прямому назначению такого программного обеспечения.

Рассматриваемый вопрос о применимости юридической ответственности продолжает оставаться дискуссионным и открытым в современной доктрине. Однако целесообразно сформулировать авторский взгляд, который заключается в том, что наиболее справедливой и целесообразной в рассматриваемой ситуации будет выступать субсидиарная ответственность, распространяемая на всех задействованных участников подобного правоотношения, обусловленного применением искусственного интеллекта во вред.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сформулировать вывод относительно полезности рассматриваемой монографии коллектива российских ученых. Несмотря на всю сложность и многогранность института применимости искусственного интеллекта при расследовании финансовых преступлений, монография позволяет неподготовленному читателю проникнуть и познать различные подходы к пониманию ее различных способов такого применения, особенностей правового регулирования [7], а также сформулировать вывод о допустимости распространения таких пределов [23].

Приведенные аргументы, тезисы и выводы будут безусловно полезны не только для правоведов, но и для многих специалистов смежных и иных специальностей. Данный труд позволяет неподготовленному читателю повысить уровень правосознания и погрузиться в основы информационного обеспечения юридической деятельности.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г., с изм. от 31.10.2024) // www.consultant.ru.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.10.2024) / www.consultant.ru.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // www.consultant.ru.
5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 08.08.2024) // www.consultant.ru.
6. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // www.consultant.ru.
7. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М.: Юрид. лит., 1966. – 187 с.
8. *Анищенко В.Н., Выборный А.Г., Хабибулин А.Г.* Искусственный интеллект в противодействии криминальным угрозам финансовой безопасности России (теория, методология, практика): Монография. – М.: ВШГА МГУ, 2024. – 376 с.
9. *Бессонов А.А.* Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений: Монография. – М.: Проспект, 2021. – 816 с.
10. *Войниканис Е.А., Семенова Е.В., Тюляев Г.С.* Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов // Вестник ВГУ. – Серия: Право. – 2018. – С. 137–148.
11. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20–36.
12. *Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А.* Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 24–48.
13. *Галиев Ф.Х.* Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352–1356.
14. *Галиев Ф.Х.* О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С. 36–73.
15. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
16. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.

17. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 12. – С. 7–18.
18. Гутман М.Ю., Исмагилов Р.Ф., Комаров С.А., Советов Д.И. Основы бытия и абсолютного в современной философии права // Теория государства и права. – 2024. – № 3. – С. 298–308.
19. Залоило М.В. Искусственный интеллект в праве: Научно-практическое пособие / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. – М.: Инфотропик-Медиа, 2021. – 132 с.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Судья-робот в уголовном процессе: хорошо или плохо? // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 7. – С. 176–180.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Человек и клон. Есть ли пределы биомедицинских экспериментов над человеческим существом? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 163–170.
22. Захарцев С.И., Литвинов Н.Д., Сальников В.П., Чернявский В.С. Искусственный интеллект в механизме развития человеческой цивилизации // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 4. – С. 47–73.
23. Интеллектуальные ресурсы нации: возможности и пределы правового регулирования: Научный доклад / Витюшкин В.А., Волкова Н.С., Гутников О.В., Лафитский В.И., Трахтенгерц Л.А., Хабриева Т.Я., Юртаева Е.А. – М., 2009.
24. Комаров С.А. и др. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 411 с.
25. Комаров С.А., Мицкая Е.В. Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных: монография [Текст] / Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2018. – 168 с.
26. Кондрат И.Н. Допустимость и пределы ограничения прав личности в сфере уголовного судопроизводства (социально-экономический аспект) // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 38–44.
27. Костенков В.А. Искусственный интеллект и права человека: риски взаимодействия: статья // Теория государства и права. – 2023. – № 4 (33). – С. 224–229.
28. Лазарев В.В. Сфера и пределы правового регулирования // Сов. государство и право. – 1970. – № 11. – С. 38–44.
29. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. – М.: Буки-Веди, 2017. – 257 с.
30. Морхат П.М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта и ответственность за их действия // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 11(155). – С. 30–36.
31. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Право. – 2009. – № 3. – С. 461–476.
32. Правовые и этические аспекты, связанные с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники: история, современное состояние и перспективы развития: Монография / Под общ. ред. В.Б. Наумова. – СПб.: НП-Принт, 2020. – 260 с.
33. Сальников В.П., Бабаджанов И.Х. Клонирование человека: есть ли сегодня такое право на земле? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 192–204.
34. Сальников М.В., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Доктринальные подходы к международному сотрудничеству в борьбе с преступностью: понимание права и синкретизм современной правовой культуры // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 125–131.
35. Самойлов И.Н. Правовые и этические вопросы развития искусственного интеллекта // Ис. Авторское право и смежные права. 2022. №12. С. 42–48.
36. Старовойтова О.Э. Искусственный интеллект и его влияние на формирование развития права // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 52–56.
37. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография / Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.

Для цитирования: *Игнатъева С.В., Комаров С.А., Сальников М.В., Сальников С.П., Советов Д.И.* Пределы допустимого использования искусственного интеллекта в юридической деятельности. Размышления в связи с публикацией монографии Анищенко В.Н., Выборный А.Г., Хабибулин А.Г. Искусственный интеллект в противодействии криминальным угрозам финансовой безопасности России (теория, методология, практика): Монография. – М.: ВШГА МГУ, 2024. – 376 с. // Теория государства и права. – 2024. – № 4 (41). – С. 293–299.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_293

**LIMITS OF ACCEPTABLE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE
IN LEGAL ACTIVITY. Reflections on the publication
of the monograph by Anishchenko V.N., Vyborny A.G.,
Khabibulin A.G. Artificial Intelligence in Counteracting
Criminal Threats to Russia's Financial Security
(Theory, Methodology, Practice):
Monograph. Moscow: HSGA MSU, 2024. 376 p.**

Svetlana V. Ignatyeva*

Sergey A. Komarov**

Mikhail V. Salnikov***

Sergey P. Salnikov****

Denis I. Sovetov*****

***Annotation.** The article offers the author's opinion on the limits of permissible use of achievements in the field of information and telecommunication technologies (ICT), including artificial intelligence (AI), in the process of implementing the law in various areas of legal activity. The legal status of artificial intelligence, the consequences of its use and the obvious lack of comprehensive legislative regulation are some of the pressing issues at the present stage of formation and development of methods for combating threats to the financial security of the Russian Federation. In this regard, the monograph by the team of authors V.N. Anishchenko, A.N. Vyborny, A.G. Khabibulin seems to be a relevant, modern scientific work devoted to the analysis of artificial intelligence systems for counteracting criminal threats to the financial security of Russia, used in the activities of law enforcement agencies. The presented article includes the necessary knowledge for the formation of subsequent conclusions about the limits of the permissible use of artificial intelligence both "for good" and "for harm" in the implementation of legal activities by various entities in the context of the formation of a new social order, caused by the transformation of the unipolar world order into a multipolar one.*

***Keywords:** artificial intelligence; information; limits of law; financial security and sovereignty; information law; information security; digital economy; law enforcement; information and telecommunication technologies.*

In recent years, a large number of various scientific works and studies can be found in the legal doctrine devoted to the problems of legal regulation and identification of the status, characteristics and properties of artificial intelligence [9; 10; 11; 12; 17; 18; 20; 21; 22; 26; 27; 30; 31; 32; 33; 34; 36; 37]. At the same time, a single and generally recognized doctrinal position that would allow for a full disclosure of the legal essence of artificial intelligence in domestic jurisprudence continues to be absent. Although it is reflected in a number of regulatory legal acts [2; 3; 4; 5]. The given situation seems normal, logical and explainable since scientific uncertainty is inherent in new phenomena. As

* **Ignatyeva Svetlana Viktorovna**, professor of the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation. E-mail: svetignateva60@mail.ru

** **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of Theorists of State and Law, Scientific Director of the Law Institute (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law, Professor. E-mail: svkomarov2008@ya.ru

*** **Salnikov Mikhail Viktorovich**, Chief Researcher of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor. E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

**** **Salnikov Sergey Pavlovich**, judge of the Pochinkovsky District Court of the Nizhny Novgorod Region, Doctor of Law. E-mail: sp.salnikov@yandex.ru

***** **Sovetov Denis Igorevich**, Senior Lecturer, Department of Economic and Financial Investigations, Higher School of Public Audit (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Candidate of Legal Sciences. E-mail: sovetov-work@mail.ru

a result of the analysis of various studies and as various scientific papers are published on the issues of regulating the latest achievements in the field of information and telecommunication technologies, a certain scientific approach or system of stable knowledge regarding the new phenomenon is formed.

The process of understanding artificial intelligence as a new, scientific phenomenon is complicated by the influence of its key properties, which create the need to apply a comprehensive, that is, interdisciplinary approach. It seems that the essence of artificial intelligence is considered in the doctrine from various approaches inherent in scientific fields, which is of interest among lawyers, financiers, IT specialists, and including philosophers of law. Such a diversity of approaches and views leads to a lack of unity in the conceptual apparatus. In order to introduce some systematization among the huge number of different sources, a peer-reviewed scientific work by a team of Russian authors, which was published in 2024, is of interest [8].

The reviewed work is devoted to such topical issues of regulation of artificial intelligent systems of counteraction to criminal threats to financial security of Russia as:

- the importance of artificial intelligence systems as artificial intelligent systems in counteraction to criminal threats to financial security of Russia;
- basic concepts and definitions in the field of artificial intelligence systems as artificial intelligent systems in counteraction to criminal threats to financial security of Russia;
- theoretical and methodological foundations of information and analytical work in financial investigation bodies when using artificial intelligence;
- analysis of evolution, conditions and prerequisites for development of artificial intelligent systems of financial investigations;
- basic approaches to analysis of efficiency of functioning of artificial intelligent systems of financial investigations;
- and many other issues in the considered subject area.

As a result of the narrative, the authors formulate conclusions that determine the permissible limits of the use of achievements in the field of ICT in the implementation of financial investigations, which constitutes scientific novelty in the area under consideration.

Indeed, one can agree with the position of the authors' team on the legal and scientific uncertainty of artificial intelligence in legal or economic terms. If we turn to the analysis of positive law, we can come to the conclusion that the main specialized regulatory legal act, the content of which is devoted to the issues of legal regulation of artificial intelligence in the Russian Federation is the Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 (as amended on 15.02.2024) "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030") [6]. Within the framework of this act, the basic conceptual apparatus applicable to the legal regulation of relations caused by artificial intelligence in the national legal order is defined.

Thus, artificial intelligence is understood as a set of technological solutions that allow simulating human cognitive functions (including searching for solutions without a predetermined algorithm) and obtaining results comparable to or superior to the results of human intellectual activity when performing specific tasks [6].

An interesting fact is that the by-law under consideration also defines the types (or forms) of artificial intelligence, which allow classifying a particular information system for correlation with the corresponding subtype of artificial intelligence: computer vision technologies; natural language processing technologies; speech recognition and synthesis technologies; technologies for intelligent decision support and advanced methods of artificial intelligence; other technologies. From this, we can conclude that the list of technologies supported by artificial intelligence is open and is not presented in an exhaustive form.

The most important issue that arises when using advances in the field of ICT is the problem of qualifying the degree of significance of the consequences that arise as a result of using artificial intelligence, as well as determining the circle of persons (subjects) who will be legally liable if artificial intelligence causes harm to someone, both in material and intangible form.

It seems necessary to consider the category of "limits" in law in order to subsequently compare them with the specifics of the "borders" of the use of artificial intelligence in various areas of legal activity. As a rule, limits in law are a concept that designates the boundaries within which legal norms operate, as well as restrictions concerning the law and its application, including information risks [11]. Limits in law can be classified as both internal and external [8; 28; 29].

Internal limits are associated with the very nature of law. For example, legal norms must comply with the principles of justice, morality and public interests. They influence human behavior and the functioning of the state and society together with other social regulators: morality, customs, traditions, ethical and corporate norms, religious sacraments, etc. In the philosophy of law, this situation is called "syncretism of modern legal culture" [13; 14; 15; 16; 17, pp. 187–207; 35]. At the same time, the law cannot justify actions that contradict the basic constitutional rights of a person or generally accepted moral standards.

External limits concern the interaction of law with other social institutions, such as economics, politics and culture. This group of limits determines how the law can be used or applied in different contexts. Society and its values can influence law enforcement by setting boundaries for the effect of certain legal norms. It is also important to consider the limits of law enforcement practice. The judicial system, law enforcement agencies and other institutions must act within the framework of the powers established by law, which excludes arbitrary application of the law.

Understanding the limits of the law helps to avoid abuses and ensures that the legal system remains effective and fair, ensures information security and protection of personal data [25]. The role of limits in the law also emphasizes the importance of the balance between the freedoms of individuals and the interests of society as a whole.

As an additional one, a classification can be named, according to which the limits in law are classified into objective and subjective. The first of the considered groups of limits exists regardless of the consciousness of the subjects of social relations. For example, the objective limit of the right "to freedom of movement" is the impassable landscape of the area.

Whereas subjective limits imply restrictions established artificially, that is, informally. For example, the subjective limit of the right "to freedom of movement" is the access control in a commercial organization, under which a person (a person) cannot physically pass, but without a special permit to pass – is deprived of such an opportunity.

When it comes to the use of artificial intelligence in legal activities, given the multitasking nature of this phenomenon, which also extends to other areas of social relations (medicine, economics, science, etc.), the limits of artificial intelligence can be both objective and subjective.

The objective limits of artificial intelligence are expressed in its limitations by the technical capabilities of the software. For example, today artificial intelligence is technically incapable of drafting and independently filing a civil claim in a court of general jurisdiction, but it can cope with constructing a standard lease agreement. However, the development of the ability given as an example cannot be ruled out in the foreseeable future as information technology develops.

The subjective limits of artificial intelligence are associated with its existence and expression in the world of intangible goods and, as a rule, the absence of a clearly expressed material shell [19]. To determine the limits of applicability of artificial intelligence, we should consider some examples of the positive use of achievements in the field of ICT in legal activities. Thus, artificial intelligence is certainly finding increasing application in legal activities, contributing to increasing the efficiency of lawyers and improving the quality of services provided.

Example No. 1. Artificial intelligence is capable of quickly and accurately analyzing contracts, agreements and other legal documents, identifying key conditions, risks and inconsistencies.

Example No. 2. AI systems can process large volumes of legal information, including court decisions and legislation, helping lawyers find precedents and build well-founded arguments as part of the evidence procedure.

Example No. 3. Some AI models are able to analyze data on previous cases (disputes) and predict the likely outcomes of current litigations.

Example No. 4. On the other hand, "chatbots" using artificial intelligence are able to provide legal advice on general legal issues and assist legal entities in finding information.

Thus, the presented examples demonstrate how advances in ICT can transform legal practice, increasing efficiency and improving the quality of services provided. It should be noted that the above examples are only a small part of the possible tasks that artificial intelligence can solve.

However, despite its numerous advantages, artificial intelligence, within its applicability, also creates a number of negative consequences expressed in the illegal use of the achievements in the field of ICT.

Let us consider several of these examples by analogy.

Example No. 1. Artificial intelligence can provide incorrect or incomplete results when analyzing legal data, which can lead to erroneous conclusions and decisions, as well as form negative law enforcement practices.

Example No. 2. Artificial intelligence is capable of transforming a number of intangible objects and thus can be used to create counterfeit legal documents or evidence, which is a criminal offense. In this case, artificial intelligence will act as a means of committing a crime. For example, artificial intelligence is quite capable of creating fake video or audio recordings at the request of the user.

Example No. 3. The use of artificial intelligence to hack systems, steal personal data of others is socially dangerous. Example No. 4. The use of artificial intelligence by law enforcement agencies for crime prevention purposes may lead to discrimination and bias against suspects, including the violation of basic constitutional guarantees, such as the "presumption of innocence" [1; 24].

Thus, having considered the positive and negative consequences, we can formulate a conclusion about their equal ratio when using artificial intelligence. In other words, the introduction of ICT advances, including artificial intelligence, into legal activities can significantly improve the efficiency and accessibility of legal services, but also requires additional and careful control, as well as proper legal regulation to minimize potential risks.

Undoubtedly, it is also important to develop ethical standards and define a legislative framework to ensure the responsible use of technology and the protection of the rights of clients and society. As noted by the team of authors of the peer-reviewed monograph V.N. Anishchenko, A.N. Vyborny, A.G. Khabibulin, artificial intelligence, as well as other information systems can act as an auxiliary mechanism in the implementation of a financial investigation, which can certainly be agreed with. However, it is necessary to take into account that achievements in the field of ICT are a means that contributes to the commission of many economic and other crimes in the context of the development of a modern Russian digital society.

Despite a number of shortcomings, it is impossible to refuse or deny the influence of artificial intelligence on legal activity, law enforcement practice, since the challenges and trends in the field of informatization considered in the monograph are an objective stage in the existence of the Russian state, law enforcement practice, activities aimed at investigating economic and financial crimes.

The second most important problem that arises when studying the limits of applicability of artificial intelligence is the issue of determining and qualifying the proper measure of applicable liability in relation to the circle of subjects to whom legal liability may be applicable in the case of deliberate unfair use of ICT achievements by such a person.

Four possible approaches can be distinguished:

firstly, legal liability for the negative use of artificial intelligence is assigned to the manufacturer or developer of such software. However, this approach, as it seems, is unfounded, since in the case of its legitimization the foundations of innovative activity are violated and technical progress will be suspended;

secondly, legal liability for the negative use of artificial intelligence is assigned to the intermediary or distributor of artificial intelligence. This approach, as it seems, can be recognized as fair in the case where the above-described intermediary made a modification to the operation of artificial intelligence without the consent of the developer;

thirdly, legal liability for the negative use of artificial intelligence is assigned to malicious software. The sanction may be expressed in its elimination. This approach does not correspond to the

goals of legal liability, since it does not allow for the restoration of social justice and does not provide an educational function;

fourthly, legal liability for the negative use of artificial intelligence is imposed on the end user of artificial intelligence. This approach seems quite valid, but in the case of the use of achievements in the field of ICT by a person, contrary to the direct purpose of such software.

The issue of the applicability of legal liability continues to be controversial and open in modern doctrine. However, it is advisable to formulate the author's view, which is that the most fair and appropriate in the situation under consideration will be subsidiary liability, extended to all involved participants in such a legal relationship, caused by the use of artificial intelligence to harm.

Summarizing all of the above, we can formulate a conclusion regarding the usefulness of the monograph of the team of Russian scientists. Despite all the complexity and versatility of the institute of applicability of artificial intelligence in the investigation of financial crimes, the monograph allows an unprepared reader to penetrate and learn various approaches to understanding its various methods of such application, the features of legal regulation [7], and also to formulate a conclusion on the admissibility of extending such limits [23].

The arguments, theses and conclusions presented will certainly be useful not only for legal scholars, but also for many specialists in related and other specialties. This work allows an unprepared reader to increase the level of legal awareness and immerse themselves in the basics of information support for legal activity.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 08.08.2024, as amended on 31.10.2024) // www.consultant.ru.
3. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 25.10.2024) / www.consultant.ru.
4. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 25.10.2024) // www.consultant.ru.
5. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" (as amended on 08.08.2024) // www.consultant.ru.
6. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 (as amended on 15.02.2024) "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030") // www.consultant.ru.
7. Alekseev S.S. The mechanism of legal regulation in a socialist state. Moscow: Legal literature, 1966. 187 p.
8. Anishchenko V.N., Vyborny A.G., Khabibulin A.G. Artificial Intelligence in Counteracting Criminal Threats to Russia's Financial Security (Theory, Methodology, Practice): Monograph. Moscow: VShGA MSU, 2024. 376 p.
9. Bessonov A.A. Artificial Intelligence and Mathematical Statistics in the Forensic Study of Crimes: Monograph. Moscow: Prospect, 2021. 816 p.
10. Voynikanis E.A., Semenova E.V., Tyulyaev G.S. Artificial Intelligence and Law: Challenges and Opportunities of Self-Learning Algorithms // VSU Bulletin. Series: Law. 2018. P. 137–148.
11. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Risks in the Information Civilization: Theoretical and Legal Understanding: Article // Theory of State and Law. 2019. No. 3. P. 20–36.
12. Gadzhiev G.A., Voynikanis E.A. Can a robot be a subject of law? (search for legal forms for regulating the digital economy) // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 4. P. 24–48.
13. Galiev F.Kh. The impact of law on public relations and syncretism of legal culture // Bulletin of the Bashkir University. 2013. Vol. 18. No. 4. P. 1352–1356.
14. Galiev F.Kh. On the syncretism of legal culture // The rule of law: theory and practice. 2013. No. 4 (34). P. 36–73.
15. Galiev F.Kh. Syncretism of the legal culture of modern Russia: theoretical, methodological, historical and applied research: Author's abstract. dis. ... Doctor of Law. Moscow: RANHiGS under the President of the Russian Federation, 2014. 55 p.

16. Galiev F.Kh. Syncretism of Modern Legal Culture: Monograph. Ufa: BashSU, 2011. 354 p.
17. Gurko A. Artificial Intelligence and Copyright: A Look into the Future // Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2017. No. 12. P. 7–18.
18. Gutman M.Yu., Ismagilov R.F., Komarov S.A., Sovetov D.I. Foundations of Being and the Absolute in Modern Philosophy of Law // Theory of State and Law. 2024. No. 3. P. 298–308.
19. Zaloilo M.V. Artificial Intelligence in Law: Scientific and Practical Guide / Ed. by Doctor of Law, Professor D.A. Pashentsev. Moscow: Infotropic-Media, 2021. 132 p.
20. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Robot judge in criminal proceedings: good or bad? // Legal science: history and modernity. 2018. No. 7. P. 176–180.
21. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Man and clone. Are there limits to biomedical experiments on a human being? // The world of politics and sociology. 2013. No. 11. P. 163–170.
22. Zakhartsev S.I., Litvinov N.D., Salnikov V.P., Chernyavsky V.S. Artificial intelligence in the mechanism of development of human civilization // Legal science: history and modernity. 2021. No. 4. P. 47–73.
23. Intellectual resources of the nation: possibilities and limits of legal regulation: Scientific report / Vityushkin V.A., Volkova N.S., Gutnikov O.V., Lafitsky V.I., Trakhtengerts L.A., Khabrieva T.Ya., Yurtaeva E.A. Moscow, 2009.
24. Komarov S.A. et al. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., corr. and add. // Ed. by prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Yurait", 2023. 411 p.
25. Komarov S.A., Mitskaya E.V. Legal regulation of information security and personal data protection: monograph [Text] / Ed. S.A. Komarov. St. Petersburg: Publishing House of the Law Institute (St. Petersburg), 2018. 168 p.
26. Kondrat I.N. Admissibility and limits of restricting individual rights in the sphere of criminal proceedings (socio-economic aspect) // Legal field of the modern economy. 2011. No. 3. P. 38–44.
27. Kostenkov V.A. Artificial intelligence and human rights: risks of interaction: article // Theory of state and law. 2023. No. 4 (33). P. 224–229.
28. Lazarev V.V. The scope and limits of legal regulation // Sov. state and law. 1970. No. 11. P. 38–44.
29. Morhat P. M. Artificial intelligence: legal view: monograph. Moscow: Buki-Vedi, 2017. 257 p.
30. Morhat P. M. Legal personality of artificial intelligence units and responsibility for their actions // Law and state: theory and practice. 2017. No. 11 (155). P. 30–36.
31. Mosechkin I. N. Artificial intelligence and criminal liability: problems of formation of a new type of subject of a crime // Bulletin of the St. Petersburg University. Law. 2009. No. 3. P. 461–476.
32. Legal and ethical aspects related to the development and application of artificial intelligence and robotics systems: history, current state and development prospects: Monograph / Under the general editorship of VB Naumov; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. SPb.: NP-Print, 2020. 260 p.
33. Salnikov V.P., Babadzhanov I.Kh. Human cloning: is there such a right on earth today? // The world of politics and sociology. 2013. No. 10. P. 192–204.
34. Salnikov M.V., Salnikov S.P., Tretyakov I.L. Doctrinal approaches to international cooperation in the fight against crime: understanding of law and syncretism of modern legal culture // The world of politics and sociology. 2016. No. 3. P. 125–131.
35. Samoilov I.N. Legal and ethical issues of the development of artificial intelligence // IS. Copyright and related rights. 2022. No. 12. P. 42–48.
36. Starovoitova O.E. Artificial intelligence and its influence on the formation of the development of law // Legal science: history and modernity. 2018. No. 1. P. 52–56.
37. Theoretical and legal paradigm of the existence of a cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house MATGiP, 2022. 320 p.

For citation: Ignatyeva S.V., Komarov S.A., Salnikov M.V., Salnikov S.P., Sovetov D.I. Limits of Acceptable Use of Artificial Intelligence in Legal Activity. Reflections on the Publication of the Monograph by Anishchenko V.N., Vyborny A.G., Khabibulin A.G. Artificial Intelligence in Counteracting Criminal Threats to Russia's Financial Security (Theory, Methodology, Practice): Monograph. Moscow: HSGA MSU, 2024. 376 p. // Theory of State and Law. 2024. No. 4 (41). P. 300–305.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_4_41_293

Теория государства и права

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту, текст рукописи, справку системы «Антиплагиат», рецензию научного руководителя (для студентов и аспирантов).

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: <http://matgip.ru/trebuem>

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

Студенты и аспиранты, как правило, публикуются в соавторстве со своими научными руководителями.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 6–10 страниц (большее количество страниц – в порядке исключения).

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

RULES FOR PUBLICATION OF ARTICLES IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"

To publish a manuscript (article, review, review or review) in the journal "Theory of State and Law", it is necessary to send the Offer, the text of the manuscript, a certificate of the Antiplagiat system, a review of the scientific advisor (for students and graduate students).

The offer to make offers, as well as the text of the Offer, are posted in the public domain on the journal's page at: <http://matgip.ru/trebuem>

All manuscripts are reviewed in accordance with the established procedure.

Undergraduate and graduate students typically publish in collaboration with their supervisors.

RULES FOR REGISTRATION OF THE MATERIAL

Article (review, review, review) is provided in electronic form, file in Microsoft Office Word format, font Times New Roman, size 14, spacing 1.5, automatic paragraph 1.25 mm, footnotes in square brackets to the source from the bibliographic list.

The allowed volume of one publication is 6–10 pages (more pages are an exception).

Attached to the article:

- a) abstract of the article (4–5 lines) and keywords;
- b) information about the author, including: full name (full name), academic degree, academic ber, E-mail.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи.

В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

PROCEDURE FOR REVIEWING MANUSCRIPTS, SUBMITTED FOR PUBLICATION IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"

1. This Procedure for reviewing manuscripts submitted for publication in the journal Theory of State and Law (hereinafter referred to as the Procedure) determines the procedure for reviewing manuscripts of scientific articles, reviews, reviews and reviews provided by authors for publication in the journal Theory of State and right-va "(hereinafter – the Journal).

2. Each manuscript submitted to the editorial office of the Journal must undergo a review procedure.

3. The manuscript received by the editorial office of the Journal is reviewed by the chief editor for its compliance with the profile of the Journal, the requirements for formatting and is sent for review to a specialist.

4. As a general rule, reviewing is carried out by one of the members of the editorial board – a specialist on the subject of the reviewed materials, who has scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years.

For a more effective expert assessment of manuscripts, the editorial board has the right to involve external reviewers – specialists on the subject of the reviewed materials (doctors or candidates of science, including practitioners who have had scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years).

5. Reviewers are advised that the review procedure is confidential. Reviewers are not allowed to make copies of articles and transfer them to third parties.

6. Reviewing is carried out confidentially for the authors of articles. The review is provided to the author of the manuscript upon his written request without a signature and without specifying the name, position, place of work of the reviewer.

7. Terms of reviewing manuscripts:

7.1. The editor-in-chief of the Journal considers the manuscript submitted for publication in accordance with clause 3 of the Procedure within seven days from the date of its submission to the editorial office.

7.2. The reviewing of the manuscript by a specialist is carried out within four to eleven days from the moment the manuscript was submitted to him by the editor-in-chief.

7.3. Within the terms specified in sub. 7.1 and 7.2 Order, excluding weekends

and holidays established by the current legislation of the Russian Federation.

7.4. By agreement of the editorial board and the reviewer, the review of the manuscript can be carried out in a shorter time frame in order to rationally form the editorial portfolio.

8. Content of the review:

8.1. The review should contain an expert assessment of the manuscript according to the following parameters:

8.1.1. correspondence of the content of the manuscript to its title;

8.1.2. Relevance of the research topic;

8.1.3. scientific novelty of the results obtained;

8.1.4. the expediency of publishing the manuscript, taking into account the literature previously released on this issue;

8.1.5. presentation of material (language, style, completeness and logic of presentation);

8.1.7. the legality and validity of borrowing.

8.2. The reviewer has the right to give recommendations to the author on how to improve the manuscript. The comments and wishes of the reviewer should be objective and principled, aimed at improving the scientific level of the manuscript.

8.3. The final part of the review must contain one of the following solutions:

8.3.1. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal;

8.3.2. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal with technical revisions;

8.3.3. to recommend to accept the manuscript for publication in the Journal after the author has eliminated the reviewer's comments (with subsequent referral to the same reviewer for re-review);

8.3.4. recommend to refuse publication of the manuscript in the Journal due to the discrepancy between its scientific level or other criteria to the requirements for the corresponding manuscripts.

9. If the reviewer makes the decision specified in sub. 8.3.3 Procedure, revised (revised) by the author, the manuscript is re-sent for review. If the reviewer makes a similar decision during re-reviewing, the manuscript is considered rejected and is no longer subject to review by the editors of the Journal.

10. In cases where the reviewer makes the decisions specified in sub. 8.3.2–8.3.4 Order, the text of the review is sent to the author of the manuscript.

11. The final decision on the acceptance of the manuscript for publication in the Journal is made by the Editorial Board based on the review.

12. The originals of the reviews are kept in the editorial office of the Journal for five years from the moment they are signed by the reviewer.

13. Within the period established by clause 12 of the Procedure, a copy of the review is submitted to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in case of a corresponding request received by the editorial office of the Journal.

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
Верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д. 19, корп. 1, офис 12
E-mail: matgip2017@yandex.ru; komarova_tl@mail.ru
Сайт: <http://matgip.ru/magazine>
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков
государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 25.12.2024. Формат 61x86 ¹/₈.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 30,55. Усл. п.л. 37,57. Тираж 100 экз. Заказ № ____

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
www.onebook.ru

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»